
АВРААМ СЕРГЕЕВИЧ НОРОВ

ПУТЕШЕСТВИЕ
ПО СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ
В 1835 ГОДУ

ВОСТОЧНОХРИСТИАНСКИЙ МИР

«ИНДРИК» 2008

Annotation

«Путешествие по Святой Земле в 1835 году» Авраама Сергеевича Норова одно из самых популярных произведений XIX века в России. Оно и в наши дни, почти 170 лет спустя после появления первого издания (1838), сохраняет и литературную привлекательность, и свое научное значение. «Путешествие» это всесторонний источник изучения паломничества и православного Востока, но, так же и собственно глубокое авторское научное исследование библейской и христианской истории, археологии, этнографии, памятников искусства и архитектуры Святой Земли.

В основу настоящей книги положено первое издание 1838 г. Текст приводится в соответствии с нормами современной орфографии и пунктуации, однако в нем сохранены лексические и орфографические особенности языка автора, топографических и географических названий, унифицированы ссылки на Священное Писание, раскрыта библиография. Книга иллюстрирована подлинными страницами рукописи А. С. Норова с его рисунками. Гравюры и планы из издания 1838 г. собраны в два самостоятельных раздела и публикуются вместе с пояснениями автора.

-
- [Авраам Норov](#)
    -
    - [Часть первая](#)
      -
      - [Предисловие](#)
      - [Глава I](#)
      - [Глава II](#)
      - [Глава III](#)
      - [Глава IV](#)
      - [Глава V](#)
      - [Глава VI](#)
      - [Глава VII](#)
      - [Глава VIII](#)
      - [Глава IX](#)
      - [Глава X](#)

- [Глава XI](#)
- [Глава XII](#)
- [Глава XIII](#)
- [Глава XIV](#)
- [Глава XV](#)
- [Глава XVI](#)
- [Глава XVII](#)
- [Глава XVIII](#)
- [Глава XIX](#)
- [Глава XX](#)
- [Глава XXI](#)
- [Глава XXII](#)
- [Глава XXIII](#)
- [Глава XXIV](#)
- [Глава XXV](#)
- [Глава XXVI](#)
- [Часть вторая](#)
  - [Глава I](#)
  - [Глава II](#)
  - [Глава III](#)
  - [Глава IV](#)
  - [Глава V](#)
  - [Глава VI](#)
  - [Глава VII](#)
  - [Глава VIII](#)
  - [Глава IX](#)
  - [Глава X](#)
  - [Глава XI](#)
  - [Глава XII](#)
  - [Глава XIII](#)
  - [Глава XIV](#)
  - [Глава XV](#)
  - [Глава XVI](#)
  - [Глава XVII](#)
  - [Глава XVIII](#)
  - [Глава XIX](#)

- [Глава XX](#)
- [Глава XXI](#)
- [Глава XXII](#)
- [Гравированные виды Святой Земли, помещенные в первом издании А. С. Норова](#)
  - [Пояснение видов](#)
  - [Карты и планы](#)
- [Норов на Святой Земле](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)

- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)

- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)

- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)

- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)

- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)

- [214](#)
  - [215](#)
  - [216](#)
  - [217](#)
  - [218](#)
  - [219](#)
  - [220](#)
  - [221](#)
  - [222](#)
  - [223](#)
  - [224](#)
  - [225](#)
  - [226](#)
-

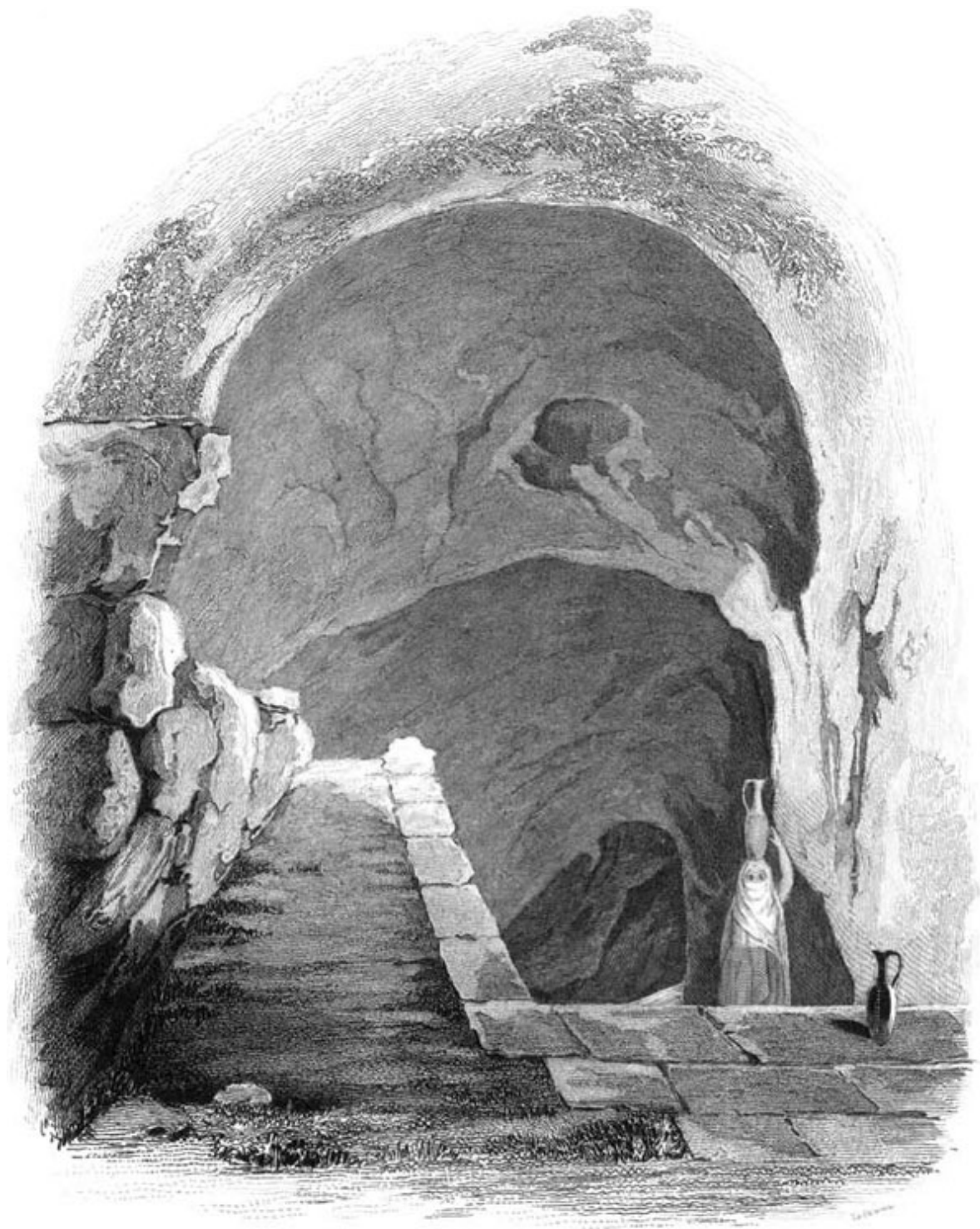
Авраам Норов
Путешествие по Святой Земле в 1835
году

© Издательство «Индрик», 2007

Часть первая

«Грядим помолитися лицу Господню и взыскати лице Господа Вседержителя: иду и аз. И приидут людие мнози и языцы мнози, взыскати лица Господа Вседержителя во Иерусалиме и умолиши лице Господне».

(Зах 8:21–22)

de nomme
Palastina vich
Schelers Lexic

Путешествіе

въ

~~Палестину и Святую Землю~~

Святую ~~и~~ Землю.

~~Святую Землю и Палестину.~~

въ 1835го году.

Часть 1^я.

La Judée est le seul pays de la terre, qui retient au voyageur le souvenir des affaires humaines et des choses du ciel, et qui fait naître au fond de l'âme, par ce mélange un sentiment et des pensées, qu'aucun autre lieu ne peut inspirer.

Число = 87 1/2 л.

Предисловие

*«Nel mezzo del cammin di nostra vita Mi ritrovai
per una selva oscura, Che la diritta via era smarrita».*

(Dante Inf. I. 1–3)

Пройдя половину пути жизни, я узнал, что значит быть больным душою. Волнуемый каким-то внутренним беспокойством, я искал душевного приюта, жаждал утешений, нигде их не находил и был в положении человека, потерявшего путь и бродящего ощупью в темноте леса. Да не укорит меня читатель за парафраз Тосканского Омира; слова его врезались в мое сердце и выражают в точности состояние, в котором я себя чувствовал. Мысль о путешествии в Святую Землю давно таилась во мне; я не чужд был любопытства видеть блестящий Восток; но *Иерусалим* утвердил мою решимость: утешение лобызать следы Спасителя мира на самых тех местах, где Он совершил тайну искупления человечества, заставило меня превозмочь многие препятствия.

Я направился чрез Вену в Триест, откуда сообщения с Египтом чаще, чем из других портов. В ожидании нагружения корабля, на котором я должен был отплыть, я посетил знакомую мне Венецию и всеми забытую Аквилею. Я отплыл из Триеста в последних числах ноября 1834 года и после бурного плаванья ступил на землю Африки декабря 7 числа, в Александрии. Имев поручения по службе, я пробыл более месяца в Каире. Оттуда я направился в Верхний Египет. Нил – и мечты завлекли меня в Нубию, до самых порогов Уади-Гальфа. На обратном пути я посетил Фаиум и Меридово озеро. Возвратясь в столицу Востока, я нашел ее в ужасном положении. Чума поглощала в Каире ежедневно до тысячи человек. Я предначертал свой путь в Палестину через Суэйс и Синайскую гору, но свирепствующая язва мне воспрепятствовала. Я должен был спуститься по Нилу в Дамьят – единственный город Египта, бывший тогда свободным от чумы. Отсюда начинается мое путешествие по Святой Земле, которое я издаю особенно потому, что оно было моею целью и что это утешает мое сердце.

Я найду теперь читателей, более уже знакомых с Палестиною: прекрасные страницы книги г-на Муравьева сблизили их со Святою Землею и, конечно, подвигнули сердца многих к страждущей под игом Церкви Иерусалимской.

Сказав читателю о пути, предпринятом мною из России, скажу также и о моем возвратном пути в отечество. Отплыв из Байрута с тем, чтобы прямо идти в Смирну, я по особенному случаю должен был, зайдя прежде в Кипр, выйти на берег Малой Азии в Саталии. Оттуда я достиг Смирны сухим путем чрез Бурдур и Сардис, видев одну из живописнейших стран в мире. Из Смирны прибыл я в Константинополь берегом Троады. Желая видеть отрасли родных славянских народов, я направился из Константинополя, чрез Адрианополь, Софию и Ниссу, в Сербию. Видел возрождающийся народ сербов; проехал Славонию и Венгрию и, наконец, чрез Галицию возвратился в Россию.

Мне остается прибавить несколько слов о видах, карте и планах, приложенных к моей книге. Места священнейших событий Ветхого и Нового Заветов были срисованы с природы, со всевозможным тщанием; никакие живописные украшения, не существующие на месте, не были допущены в этих видах, из которых большая часть никем из новейших путешественников не были еще изданы. Вменяю себе в приятный долг засвидетельствовать мою искреннюю благодарность Российской Императорской Академии, которая доставила мне способ издать большее число видов, чем я предполагал. Остальные виды могут быть изданы особо.

География и топография Палестины, в сравнительном отношении к тексту Священного Писания, доселе еще мало объяснены очевидцами. Я имел отчасти целью облегчить, в этом отношении, чтение многих мест Ветхого и Нового Заветов. В прошедшем столетии Реланд, в нынешнем Раумер оказали важнейшие услуги по этому важному предмету, а из очевидцев (собственно для Палестины) Кварезмий, Маундрель, Рихардсон, Покок и Букингам. Знаменитый Буркхарт, Зецен и некоторые другие, обогатившие нас сведениями положительными о Востоке, исследовали наиболее Аравию и страны заиорданские. Большое число древних путешественников имели в предмете описание одних святынь. Я тогда только пользовался указаниями путешественников, когда находил на месте их показания сходными с текстом Библии. Библия есть вернейший путеводитель по Святой

Земле, и я считаю себя счастливым, что по большей части имел при себе во время пути только одну Библию.

Перед отплытием моим в Палестину я надеялся найти в Вене карту Сирии Аровсмита, которая была дотоле лучшею, но я обманулся в своей надежде и принужден был пользоваться одною из карт, составленных во время экспедиции Наполеона. Сожалею, что я не мог воспользоваться при издании книги прекрасною картою Беркгауза, только что вышедшею в свет. Мы надеемся, что самая лучшая карта Сирии будет издана в России. В непродолжительном времени я постараюсь доставить моим читателям особенную карту моих дорог в Палестине; эта карта составлена только по глазомерной съемке, и расстояния измерены временем; но со всеми недостатками подобного начертания, я надеюсь, что этот труд не бесполезен будет для путешественника.

План Иерусалима переведен с прекрасного Катервудова плана; я его несколько исправил и пополнил. План Храма Гроба Господня уменьшен с известного по своей верности плана г-на Воробьева. Планы храма Вифлеемского и погребального вертепа Пресвятой Богородицы взяты из латинского творения Кварезмия. Темница Св. Иоанна Предтечи в Самарии начертана мною на память.

Глава I

Озеро Мензале. – Матариа. – Сан или Цоан

«Не сохранили завета Божия, и отреклись ходить в законе Его; забыли дела Его и чудеса, которые Он явил им. Он пред глазами отцов их сотворил чудеса в земле Египетской, на поле Цоан».

(Пс 77:10–12).

Я отправлялся из Дамьята чрез озеро *Мензале* и пустыню Суэйзского перешейка в Палестину, куда меня так давно влекло сердце. Сквозь роскошные рощи пальм, по лугам яркой зелени достиг я тихих вод озера за час до захождения солнца. Мы отплыли на двух *джермах* в сопровождении двух старшин бедуинов, которым поручено было Дамьятским пашою, заготовить для меня верблюдов в *Сане*. Колоссальный рост моих проводников, потомков Енаковых, обращал невольно мое внимание; теперь, как и в древности, физическая сила присваивает себе власть посреди диких племен жителей пустыни. Косвенные лучи солнца золотили зеркальную поверхность озера; множество рыб выпрыгивали кругом нас, и быстрый бег их виден был на дне, по мелководью. Мы прошли группу островов, когда уже смеркалось; на них видны остатки развалин.

Все пространство озера Мензале было во времена библейские плодородною равниною, где процветали города *Панефизис* или *Диосполис*, *Тенезус*, *Туна*, *Ираклеополис* малый и другие. Остатки Тенезуса, славного своими тканями, совершенно поглощенные волнами, образуют небольшой островок на середине озера; они состоят только из одной колонны, к которой причаливают рыбацьи ладьи. Наводнение этой страны объясняли разными предположениями, но никто, кажется, не заметил страшного пророчества Иезекииля: «Сия глаголет Адонай Господь: погублю кумиры и испражню вельможи от *Мемфиса*, и старейшины от земли Египетския, и не будут ктому: и дам страх в земли Египетстей. И погублю землю *Фаворскую*, и дам огонь на *Таниса*, и сотворю отмщение в *Диосполи*, и излию ярость мою на *Саин* крепость Египетску и погублю множество *Мемфы*. И дам огонь на

Египта, и мятежем возмется *Саус*, и в *Диосполи* будет разселина, и разлиются воды. Юноши *Гелиополя* и *Вуаста* мечем падут, и жены в плен пойдут: и в *Тафнесе* помрачится день, егда сокрушу тамо скипетры Египетски» (Иез 30:13–18). В этих поразительных строках заключается история падения Нижнего Египта.

В глухую полночь достигли мы местечка *Матариа*, построенного против мыса, на прилежащих к нему островках. Здесь мы остановились до рассвета и переменили наши большие *джермы* на две легкие лодки. *Матариа* занимает место потопленного *Диосполиса*. Море ворвалось в землю Египетскую противу *Диосполиса*, как предрек Иезекииль: «И в Диосполе будет разселина и разлиются воды». Этот разрыв назван был устьем *Мендезийским*, по имени города *Мендеза*, лежавшего несколько ниже *Диосполя*. Развалины *Мендеза* видны еще доселе близ города *Мензале*; они ежегодно сглаживаются от разливов озера и Нила. Это место называют *Телуль-дибеле*. Город *Мензале*, давший имя озеру, имеет до двух тысяч жителей, он держится только торговлею с рыбаками *Матариа*.

Матариа, несколько менее населенное местечко, чем *Мензале*, важнее этого города, как средоточие многочисленного народонаселения рыбаков, рассеянных по берегам озера. Дикость и независимость этих рыбаков были всегда уважаемы правительством Египта. Они имеют в своем распоряжении около 600 *джермов* и в случае вражды с правительством делаются пиратами. Находясь в постоянной связи с *бедуинами Суэйзского перешейка*, которых они снабжают травами и рыбою, они всегда уверены в их помощи, – и эти два кочевые народа, с двух противоположных стихий, поднимаются по каналам *Ашмуна* и *Моеза* при диких звуках раковинных труб и опустошают плодоносные поля дельты или богатые рисовые посеы *Дамьята*. Доход правительства от рыбаков *мензалеских* очень значителен. Жилища рыбаков *матарийских* так же грубы, как и нравы жителей; это есть смешение нескольких хижин из илистой грязи, с тростниковыми шалашами, посереде которых видно малое число домов из неженок кирпичей; эти дома принадлежат *шейхам*.

Озеро *Мензале* ограждено со стороны моря узкою песчаною косою, которая прорвана в четырех местах; два главные прорыва судоходны; первый, который мы называем *Диоспольским*, иначе *Мендезийский*, находится, как мы сказали, против *Матариа*; арабы

называют его устьем *Дибе*; второй, против устья канала *Моеза*, есть древнее устье *Танитийское*, называемое теперь *Иаума-фараджа*; два другие прорыва известны были древним под именем *ложных устьев*^[1]. Самую большую длину озера Мензале, от *Богаза Дамьятского* до берега *Бир-Деодар*, или до развалин древнего *Тафнеса*, можно положить в 80 верст, а самую большую ширину, против устья *Танитийского*, верст в 20. Глубина озера в обыкновенное время – от 3 до 6 футов, кроме тех мест, где проходили устья *Мендезийское*, *Танитийское* и *Пелузийское*; там глубина доходит до 16 футов. Плаванье по озеру приспособляется шестами. Вода озерная при разливе *Нила* может напоить стада; но обыкновенно она горьковата и сохраняет фосфорическое свойство морской воды. Дно состоит из ила, наносимого *Нилом* и смешанного с песком. Проект осушения озера Мензале чрез восстановление древних рукавов *Нила*, вероятно, может быть приведен в исполнение. *Мегмет-Али* занимается этою мыслью, которая предложена ему европейцами; но чрезвычайные труды и издержки останавливали его доселе.

Рано поутру мы входили в устье канала *Моеза* – древнее устье *Танитийское*. Тут есть небольшая плотина противу напора озерных вод. Очень высокие и густые тростники осеняют устье *Танитийское*; мы плыли под их живописными навесами. По сторонам паслись стада буйволов; их беспечные пастухи, сидя на траве, ловили на удах рыбу; я заметил, что они вместо поплавок употребляют пустые тыквы. Дикость этого места имеет свою прелесть. Напрасно я искал в тростниках знаменитого *папируса*, – он, кажется, совсем оставил Египет, меж тем как высокие кусты этого редкого растения роскошно произрастают на светлых источниках *Анаписа* и *Цианы*, близ *Сиракуз*.

Часа за два до *Сана* открылись нам его красноватые высоты. *Сан*, прибрежное селение бедуинов, есть тот знаменитый *Цоан* евреев, столица Нижнего Египта (Ис 19:11), где Бог явил славу свою, в лице *Моисея*, пред гордыми фараонами. В том рукаве *Нила*, который привел нас сюда, найден был в густой чаще тростников, дочерью здешнего фараона, тот младенец, который возвел *Израиля* из бездны унижения на высоту выпреренной славы, – из земли рабства в Землю Обетованную: но «они не сохранили завета Божия и отреклись ходить в законе Его, забыли дела Его и чудеса, которые он явил им. Он пред

глазами отцов их сотворил чудеса в земле Египетской, на поле Цоан» (Пс 77:10–12).

В нескольких шагах от селения лежат между холмов великолепные развалины Цоана; там царственный женский колосс из черного гранита, с челом, исполненным думы, повержен среди прекрасных колонн; далее три великолепные гранитные обелиска разметаны в разные стороны; один из них, более уцелевший и самый огромный, переломлен как меч! Здесь был *форум*; он был обнесен высотами; обломки черепиц, глиняных сосудов и гранитных камней, дают им красноватую окраску. Остатки Цоана рассеяны на далекое пространство.

Развернем книги Пророков посреди поверженных кумиров, над обломками этих обелисков, одетых мистическими иероглифами. Вот глаголы Исаии: «Се Господь сидит на облаце легце, и придет во Египет, и потрясутся рукотворенная Египетская от лица Его... совет их разсыплю и вопросят богов своих и кумиров своих... И предам Египет в руке человека властей жестоких... сия глаголет Господь Саваоф. И испиют Египтяне воду, яже при мори, а река оскудеет и исхнет... И исхнет весь сонм водный и во всяце лузе тростнем и ситнем, и злак зеленый весь иже окрест реки, и все сеемое при реце посхнет ветром растленно. И возстанят рыбарие, и возстанят вси мещущии удицу в реку, и мещущии неводы и мещущии сети възрыдают. И студ примет делающих лен разчесанный и делающих виссон, и будут делающие я в болезни, и вси творящие сикеру опечалятся и поболят душами. И юродиви будут князи Танесовы (Цоановы): мудрии царевы советницы, совет их обьюродует. Како речете Царю: сынове смысленных мы, сынове царей древних. Где суть ныне мудрии твои, и да возвестят тебе и рекут: что совеща Господь Саваоф на Египет? Оскудеша князи Танесовы (Цоановы), и вознесошася князи мемфитстии» (Ис 19: 1–13). Египет, так долго порабоцавший Израиля, был стерт с лица земли от Востока. Все бедствия пришли к нему от Востока! «И будет страна Иудейска во страх Египтяном!» (Ис 19:17). Не одна История являет нам полное исполнение пророчеств; сама природа свидетельствует вечную истину. Пройденный нами путь показывает море, поглотившее землю порабоцения Израиля; многие рукава Нила исчезли, а другие смешались с горькими хлябями моря: *Египтяне испиют воду яже при мори, а река оскудеет*. Вся окрестность Цоана и других древних городов нижнего Египта, как мы увидим далее, превратилась в

бесплодную пустыню; трава иссохла от серных и соляных частиц моря, а остальная часть земли обратилась в заглохшее болото. Хитрые художники эфирных газов и виссонов, о которых также говорит Диодор, торгуют теперь соленую рыбою с жителями Салахия, меняя их на финики: *«И студ примет делающих лен расчесанный и виссон»*. Исчез самый папирус, который передавал векам мудрость египетскую, и последние предания жрецов Изиды и Озириса поглощены пламенем Омара в Александрии. Мы видели также, что Мемфис привлек к себе всю славу Цоана, который, еще при Иеремии, был столицею Нижнего Египта. *«Оскудеша Князи Цоановы и вознесошася Князи Мемфитстии»*. Заметим также, что рыболовство осталось от времен библейских главною промышленностью здешних жителей. Цоан стоит на ряду древнейших послепотопных городов; в Моисеевой Книге Числ сказано, что он сооружен семью годами после Хеврона (Числ 13:23).

Глава II

Суэ́йский перешеек

«Понеже младенец Израиль, и Аз возлюбих его и из Египта возвах Сына Моего».

(Ос 11:1)

...Здесь начинается царство бедуинов. Пастушеская кочевая жизнь укоренилась на пустынях суэ́йских со времен великих царственных пастырей египетских XV династии. С Библиею в руках мы узнаем через три с половиною тысячи лет те же нравы и обычаи и видим в ней самые перевероты природы. Колена бедуинов напоминают колена израильские. Малое число колен бедуинов, называемых пастушескими, занимаются обработыванием полей, а остальные, вольные как воздух, гуляют с табунами коней, верблюдов, буйволов и со стадами, от степей Пальмиры до Атласа. В одном Египте считают до 50 колен, из которых 15 пастушеских; число бедуинов в Египте простирается до 40 тысяч; из них 7 тысяч наездников; а число тех, которые находятся на плате у Мегмета-Али, доходит до 10 тысяч; в этом счете албанцы и дели. Он платил доселе до 1200 кошельков^[2] жалованья каждым пятистам бедуинам. Они остаются на службе только до той поры, пока сами хотят, и отходят по собственному их произволу, возвращая однако то, что забрали деньгами, потому что им платят всегда вперед за целый год. Паша подарил им некоторые земли на границе пустыни для удобства сзывать их, а еще более, чтобы привлечь их к земледелию и смягчить их независимый нрав. Мегмет-Али в сношениях своих с бедуинами показал много искусства; он приобрел их доверенность твердым исполнением своих обещаний и собственною своею доверительностью к ним.

Несмотря на строгий приказ паши Дамьятского, нам привели очень дурных верблюдов; мы не имели времени выбирать лучших, потому что табуны верблюдов рассеяны по далекому пространству до Суэ́йса. Мы направились на *Салахие* в 4 часа пополудни. Мы ехали частью вдоль озера, потом мимо многих водоемов и каналов, по дикой равнине, подернутой соляными частицами. Один из заглохших каналов, нами

виденных, был знаменитый *Пелузский рукав*; он был еще судоходен при Александре Македонском, который проник в него с своею флотилиею из *Газы*. Этот рукав называют *Абуль-Манаджи*. Он выходит неподалеку отклонения Нила в рукав *Дамьятский*, направляясь мимо *Гелиополиса* и *Белбеиса* к пустынной долине *Тумелат*, где он соединялся с древним каналом *Нехао* и *Птоломеев*, который должен был соединять Черное море с *Нилом*. Этот канал мог бы быть довершен с успехом; он был начат с севера. Проект подобного канала между *Каиром* и *Суэйсом* оставлен, но *Мегмет-Али* решается устроить чугунную дорогу между этими двумя важными пунктами, и уже им послан в *Англию* *Галловай-Бей* для закупки железа. Что касается до сообщения через канал Черного моря с *Средиземным*, – этот гигантский труд едва ли может быть исполнен. Тогда б надобно было воспользоваться следами канала *Птоломеев*, продолжая его сквозь так называемые горькие озера (*lacus amari*) в устье *Танитийское* или соединя *Пелузский рукав* с устьем этого рукава, которое еще существует. Но на всем пространстве *Суэйзского* перешейка почва песчана, отчего работа была б чрезвычайно трудна; сверх того, на этом пространстве нет каменоломен для обшивки канала; песочные метели засыпали бы его в малое число лет без неусыпного смотрения; все это, при теперешней малонаселенности *Египта*, невозможно. К тому же такое сообщение более бы принесло выгод англичанам, чем *Египту*, и может быть, поработило бы его *Европе*. *Мегмет-Али* слишком хорошо это понимает. Рукав Черного моря выше *Суэйса*, переходится вброд при отливе, а во время прилива вода возвышается до 5 футов. Поверхность Черного моря возвышеннее поверхности *Средиземного* моря, как полагают, 18-ю футами. Потопление дельты, чего многие опасались, могло бы быть отвращено с нынешним усовершенствованием плотин. Проект *Птоломеев* был гораздо удобоисполнительнее, но его канал едва ли бы мог служить для прохода кораблей. В апреле рукав *Дамьятский* не имеет более 14 футов воды. *Розетский* рукав глубже, но его гавань мелка; при северном ветре этот проход опасен даже для барок. Ни по одному из этих рукавов пароход не может дойти от *Средиземного* моря до *Каира*.

Еще не доезжая *Салахия*, нас застигла темная ночь. Утомленные пустынным путем, мы радостно въехали под кров густого пальмового леса, окружающего местечко *Салахия*; но провожатые наши сбились с пути: более двух часов скитались мы в чаще этого леса по разным

направлениям, с тяжелыми верблюдами; один из моих людей едва не погиб, упав вместе с своим огромным животным в водоем. Наконец около полуночи въехали мы в дом к кашефу, на двор, обнесенный высокими мазаными стенами. Арабы, предуведомленные о нашем прибытии посланным вперед *кавасом*, для заготовления лучших верблюдов, грелись вокруг разложенного огня. Тут мы провели ночь в каком-то сарае, называемом *диваном*.

Местечко Салахие напомнило мне Нубию: оно состоит из жилищ, разбросанных по далекому пространству пальмового леса. На другой день правитель Салахие, очень молодой человек, пришел ко мне пить кофе и чрезвычайно был доволен, что в моем присутствии жители Салахие подходили к нему целовать его руку. Верблюды были пригнаны, но недоставало мехов для воды. Я объявил кашефу, что я без того не выеду, пока он не снабдит меня этою необходимою потребностью для пустыни. Сборы взяли у нас много времени. *Салахие* занимает то место, где было римское укрепление *Селе (Selae)*. Несколько выше, по направлению Пелузского рукава к озеру Мензале, существовал древний египетский город *Магдал*.

Должно заметить, что путь израильтян из Египта ошибочно полагают на картах от *Мемфиса*. Царь Давид обозначает *Цоан* местом действия между Моисеем и фараоном Египетским (Пс 77:12), а в книге Моисеевой путь этот начертан довольно подробно. Сперва объяснена причина, почему Моисей не повел Израильтян прямым путем в Землю Обетованную: «Егда же отпусти Фараон люди, не поведе их Бог путем земли Филистимския (Палестина), яко близь бяше, ибо рече Бог: да не когда раскаются людие видевше рать, и возвратятся во Египет. И обведе Бог люди путем, иже в пустыню к Чермному морю» (Исх 13:17–18). Далее: «Воздвигшися же сынове Израилевы от *Сокхофа*, ополчишася во *Офоме* при пустыни (Исх 13:20)... И рече Господь к Моисею глаголя: рцы сыном Израилевым, и обратившися да ополчатся прямо придворию, *между Магдолом и между морем, прямо Веелъсефону*: пред ними ополчишися при мори. И речет фараон людем своим о сынех Израилевых: заблуждают сии по земли, затвори бо их пустыня» (Исх 14:1–3). Прежде этого Моисей сказал фараону, что он пойдет на три дня пути в пустыню для принесения там жертвы Богу; это есть расстояние от *Цоана* до *Суэйса*; к тому же Моисей избрал этот путь с намерением, чтобы скрыть от фараона свое направление к земле Филистимской. Но

путь из Мемфиса в Палестину чрез Суэйс есть путь почти прямой, который не соответствует тому обводу, в пустыню к Чермному морю, о котором говорит Моисей. В дополнение ко всему приведенному, заметим еще одно место, ясно показывающее направление израильтян от Цоана. При восьмом бедствии, ниспосланном от Бога чрез Моисея на египтян, «утро бысть, и ветр южный взя пруги и наведе я на всю землю Египетскую... и покрывша лице земное, и истле земля» (Исх 10:13–15). Когда же молитва Моисеева отвратила это бедствие «премени Господь от моря (Средиземного) ветр велик и взя пруги, и вверже их в море Чермное» (Исх 10:19). Эти две выписки применяются очень естественно к Цоану, но никак не могут быть отнесены к Мемфису. Нельзя означить теперь места Сокхофа и Офома, но достаточно знать, где находился Магдал, а этот пункт определен положительно на вышесказанном месте, по римским путевым таблицам. Даже Веельсефон (Baal-Tsephone) можно с вероятием принять за город Пифо или Тифон, первый из четырех городов, сооруженных израильтянами во время их рабства, как сказано в i главе Исхода; в 14 главе этот же город назван двойным именем: Ваал-Тифон, как бы соединение двух идольских имен; а я читаю в Данвилле, что в Коптской Библии, переведенной с греческой, город Ироополис (Быт 46:28) переведен: Нефом; тот же ученый географ пишет следующее: «Мы видим из книг Стефана Византийского, что Ироополис был прозван 'Αίμος по той причине, что здесь пролилась кровь Тифона, сраженного молнией. Из этого можно заключить, что город Аварис, о котором говорит Иосиф, по свидетельству Евсевия, есть один и тот же с Ироополисом, потому что Аварис по древней феологии египтян, назывался городом Тифона, и то место, которое назначает Манефон, по свидетельству Иосифа, для Авариса, на восточном берегу канала Вувастийского, – совершенно то же самое, которое занимает Ироополис». Итак, место Ироополиса или библейского Ваал-Тифона верно определено между Суэйсом и Магдалом, – слова Писания: «Рцы сыном Израилевым... да ополчатся прямо придворию, между Магдалом и между морем прямо Веельсефону (Ваал-Тифону)» (Исх 14:1–2) совершенно объясняются. Читатель простит нам эти изыскательные подробности; они были необходимы для объяснения предмета. Вот превосходная картина шествия израильтян в пустыне и трогательные строки о перенесении костей Иосифа из Египта: «И взя Моисей кости

Иосифовы с собою: клятвою бо закла Иосиф сыны Израилевы, глаголя: присещением присетит вас Господь, и изнесете от сюду кости моя с собою... Бог же вождаше их в день убо столпом облачным, показати им путь, нощию же столпом огненным, светити им. И не оскуде столп облачный во дни и столп огненный нощию пред всеми людьми» (Исх 13:19–22).

Глава III

Суэйзский перешеек. – Эль-Ариш

«Вознесешися сердцем твоим, и забудеши Господа Бога твоего, изведшаго тя из земли Египетския, из дому работы: проведшаго тя сквозе пустыню великую и страшную ону, в ней же змии угрызающыя и скорпии и жажда, в ней же не бяше воды».

(Втор 8:14–15)

Мы выехали из Салахие не прежде десяти часов утра. Мы проехали поле сражения между французами и мамелюками. Тут начинаются разливы и болота. Сильный дождь – первый со времени моего прибытия в Африку – застиг нас возле песчаных холмов противу развалин *Тафнеса*; остатки *Тафнеса* почти совсем скрылись в болоте и в песках. Их называют арабы доселе: *Сафнас*. Грозные глаголы Иезекииля продолжают указывать путь: «И в *Тафнесе* помрачится день, егда сокрушу тамо скипетры Египетски, и погибнет тамо укоризна крепости его, и того покроет облак, и дщери его во пленение отведутся» (Иез 30:18). Небо было мрачно, ветер клубил песок, и мы напрасно искали защиты в терновых кустах. «И бысть слово Господне ко Иеремии во *Тафнасе*, глаголя: возьми себе камени велики и скрый я пред враты дому Фараона в *Тафнасе*, пред очима мужей Иудиных, и речеши к ним: тако глаголет Господь сил, Бог Израилев: се, Аз пошлю и приведу Навуходоносора Царя Вавилонска раба Моего, и поставив престол свой на камениях сих, их же скрыл еси, и воздвигнет оружие свое на ня, и внидет и поразит землю Египетску... и покроет землю Египетску, якоже покрывается пастух ризою своею» (Иер 43:8–12). Прочтите на этом холме, скрывающем последние камни *Тафнеса*, ужасную, великолепную, воинственную песнь Иеремии противу фараона *Нехао* (Иер 46:13–25). Иеремия, призванный к пророчеству в тринадцатое лето Иосии, запечатлел здесь свою кровию пророческие глаголы свои. *Тафнитяне*, по свидетельству святого Епифания^[3], побили камением великого Пророка, возвещавшего им суд Божий и

путь Пресвятой Богородицы с младенцем Искупителем в Египет, через эту самую пустыню. Тот же святой Епифаний говорит, что он слышал сам от престарелых людей, потомков Антигона и Птолемея, что когда Александр Великий узнал в Тафнесе о судьбе Иеремии и о таинстве его пророчества, то велел перенести его останки в Александрию^[4].

Необозримая степь, которая расстилалась перед нами, состояла из песка, сквозь который изредка пробивались терния и другие колючие растения. Молча, мы погружались далее и далее. Отдалившись от озера, двое из наших бедуинов оставили своих верблюдов и убежали от нас. Опасаясь остаться без проводников, я велел одному из моих вооруженных людей ехать в арьергарде нашего каравана. Недалеко от двора, называемого *Канатир*, приблизились мы опять к озеру. Отсюда видна впереди песочная гора *Абу-Асаб*, переменяющая свой вид после каждого урагана. Озеро покрыто было множеством ибисов, пеликанов и лебедей.

К двору Канатир ведет между озером Мензале и озерком *Эль-Баллах* плотина и очень хороший каменный мост. Это место было непроходимо от разлива вод; плотина и мост построены с учреждением здесь пристанищных дворов для курьеров правительства. Двенадцать пристанищ выстроены в пустыне между Каиром и Газою; в каждом есть смотритель при шести курьерах и шести верблюдах *геджинских*. Курьерское известие достигает от Газы в Каир в 43 часа. Считают 82 часа постоянной езды на верблюде, между этими двумя городами; но курьер обязан ехать вдвое скорее. При нас приехавший курьер был сменен в пять минут. Мне рассказывали, будто бессменные курьеры во время отдыха привязывают к ноге зажженный фитиль, который, догорев в положенное время, пробуждает их, обжогом, от сна. Зимой дожди делают эту дорогу слишком скользкою для верблюдов и дромадеров, и тогда их заменяют лошадьми. Почта из Египта в Сирию ходит один раз в неделю. Разница между аравийским геджинским верблюдом и простым верблюдом состоит в том, что геджинский развязнее и быстрее на ходу, шея длиннее и возвышеннее; он скор как дромадер, но с одним горбом. Для верблюда, вообще, фунт пшена и изредка столько же воды достаточно на целые недели. Геджинский верблюд переносит до 18 пудов.

В окрестности озера *эль-Баллах* находится очень много кабанов, один из них смело пробежал сквозь наш караван, и мы не могли

стрелять по нем от опасения ранить наших верблюдов. Смотритель в Канатире предложил нам свои услуги и запасы, говоря, что он всем может поделиться с нами, кроме пресной воды, которая привозится издалека; но наш запас был достаточен. Мы прибыли сюда в 6 часов вечера.

Отправясь в путь в 6 часов утра, сначала мы ехали вдоль озера *эль-Баллах*, потом такую же степью, как и вчера. С нами встретился небольшой караван, и по обычаю мы приветствовали друг друга. Мы прибыли в 10 часов с четвертью к двору *Бир-Деодар* для отдыха. Хотя это пристанище носит название колодезя (*бир*), но здесь нет пресной воды. Прямо против Бир-Деодара, на берегу моря, видны еще развалины древней *Пелузы*. Это был крепкий пограничный город древнего Египта – он считался оградой и ключом дельты со стороны Сирии. Иезекииль называет его *Тзин* или *Саин*. «И излию ярость мою на Саин, крепость Египетску» (Иез 30:15), – говорит Пророк от лица Божия. *Тзин* у евреев, *Пелос* у греков, *Перемун* у коптов, *Фарамаг* и *Тине* у арабов – эти имена означают один и тот же город, более известный под именем *Пелузы*, и на всех этих языках значит по буквальному переводу *ил* или *грязь* – прозвание, данное ему по причине его топкого местоположения. Там осталось только несколько камней и обломков колонн. Андреосси видел основания стен и поверил точность измерения Страбонова, но море очень много отступило от берега с того времени. Теперь арабы называют Пелузу *Шейх-Абдалла*.

В полдень оставили мы *Бир-Деодар*, следуя вдоль песочных холмов; тут мы видели несколько огромных египетских орлов. Изредка лощины между холмов оживлены тощими пальмами, в защиту от вихрей, взметающих песок. В Египте ежегодно дороги меняются или от наводнения, или от движения песков. В пустыне направляются от одного места к другому, замечая какие-нибудь возвышения или кусты. Все линии направления соединяются от места до места на одну главную линию. Иногда кладут каменные кучи; ими означают также часто место погребения погибших странников.

Через час езды достигли мы горы *Абу-Асаб*; она, как мы уже сказали, состоит из подвижного песку. На половине пути до пристанища, налево от дороги, несколько не доходя пальмовой рощи, есть колодезь пресной воды, скрытый за холмами; его называют *Бируль-нус*, он заменил прежний, того же имени. Наши бедуины с жадностью

освежились водою. За этим местом, в лощине, застигла нас буря и песочный вихрь, но это продолжалось недолго; когда солнце просияло, то очерки песочных холмов обозначались светлыми и как бы прозрачными линиями. Здесь дорога идет подымаясь и выводит наконец на площадку, откуда открывается близ морского берега холм, знаменитый смертью Помпея; это гора *Кассиус*, древних. Страбон, очевидец почти всего им описанного, справедливо называет эту гору *песочным холмом*. По словам одного из наших проводников, тут были развалины, но они занесены песками. Поблизости видны пальмы кочевья *Романии* и вскоре является пальмовая роща *Катия*. Во всех этих кочевьях бедуинов нет ни одного дома, и только пальмовые деревья, более или менее многочисленные, означают их главное пребывание и степень населения. Множество красиво убранных арабских лошадей были привязаны к пальмам, под навесами хозяйских бурнусов, в защиту от солнца; другие паслись в тени или буйно резвились по пустыне. Некоторые из них были из Неджида; с них писал Иов свою превосходную картину коня. Их хозяева были также рассеяны: кто под шатром, кто под открытым небом, в дружеском кругу за общим очагом, с трубкою во рту, – поглядывая в табун на любимых кобылиц; они их предпочитают жеребцам затем, что кобылица не обличает их перед неприятелем или в набегах ржаньем, что она кротче и дает молоко, утоляющее в пустыне голод и жажду. Мы развьючили наших верблюдов и разбили свой шатер возле бедуинов. Мы прибыли сюда около шести часов, незадолго до захождения солнца. Наши бедуины полегли с верблюдами кругом моего шатра вокруг разведенного огня. Тотчас разостлали они баранью шкуру, кожейю кверху, и, насыпав на нее муку, начали ее месить водою, растирая камнем по коже; сделав тесто, стали его печь, как тонкие блины, на железной доске; – это была вся их пища. Потом занялись они верблюдами; вынув из мешочка по одной пригоршне пшеницы, каждый бедуин кормил их с колен своих, и эти огромные и уродливые животные, изъявляя радость свою резким визгом, подпалзывали к ним и даже лизали их. Полагают, что в *Катие* был стан Александра Великого на пути его из Газы в Пелузу. Французская армия шла этим самым путем в Сирию и обратно; Наполеон пришел в 6 дней от Газы в Катие; а Александр Великий в 7. Иосиф сохранил нам подробности перехода Суэйзского перешейка Титом из *Тмуи* – на юге от Диосполя:

первый переход: *Цоан*; 2-й – *Гераклея малая*, на берегу озера Мензале против *Салахие*, 3-й – Пелуза; 4-й – мимо одного пристанища к горе *Касиус*, где был храм Юпитера; 5-й – *Острацина*; 6-й – *Риноколура*; 7-й – *Рафия*; 8-й – Газа^[5].

Мы выехали на рассвете. Дорога отсюда до двора *Бируль-Абд*, так как и вчерашняя, идет по песчаным холмам. Множество едва приметных мошек наполняли воздух и чрезвычайно нас беспокоили. За час до *Бируль-Абда* есть мутный колодезь. *Бируль-Абд* стоит на голом песочном бугре; мы прибыли туда прежде полудня. На юге синее цепь гор Каменной Аравии, их называют *Магара*^[6]; там, по словам арабов, видны остатки древнего водопровода. Здесь наши спутники, склонив вожатого, вздумали уговаривать меня остаться ночевать, несмотря, что едва был полдень; они стращали нас дикостью предстоящей степи и совершенным безводием, но у нас запас воды был еще достаточен и сверх того мы имели для всякого случая непочатый кузов с апельсинами, и я, несмотря на ропот бедуинов, склонил их к пути после двух часов отдыха. Через час езды по песочным горам вдруг выехали мы на обширное и дикое взморье. Необъятная плоскость, составляющая зимою морское дно, сливалась с едва заметною полосой моря. Солнце садилось, и эта приморская пустыня облеклась перловым цветом. Необычайная дикость этого места поразительна; невольно ожидаешь, что море, которому не видно преграды, нахлынет. Лунный свет сделал вид этот еще более грозным; во многих местах застывшая соль, большими светлыми пятнами, походит на воду, и кажется, будто море приближается. В древности здесь было приморское соленое озеро, называемое *Сербонис*; на его восточной оконечности, в римских таблицах, назначена *Острацина*; вероятно, *военный пост*, потому что здесь ничего нет для жизни. Григорий Назианзин сохранил нам пословицу об *Острацине*: «мы не просим у тебя хлеба, ни воды у живущих в *Острацине*»^[7]. Пророк Аввакум укрывался здесь от Навуходоносора, когда он шел на Иерусалим^[8]. Мы видим из *Плутарха*^[9], что римляне менее боялись войны, чем перехода через пустыню Суэйзского перешейка; он говорит, что у египтян было поверие, что Тифон, пораженный молниею на Этне, потоплен в озере *Сербонисе* – они же полагали, что Чермное море имеет подземное сообщение с этим озером. Арабы называют этот морской залив *Биркету-Бардуль*^[10], это еще память крестовых походов. Оружие

Балдуина, короля Иерусалимского, гремело на этих диких берегах. Возвращаясь в торжестве из Египта, после покорения Пелузы, он умер среди песков *Эль-Ариша*. Мы были уже более восьми часов в пути; наши арабы начинали роптать, но мы не находили нигде ни куста, ни травы для ночлега; около 10 часов мы увидели на прибрежных песочных холмах несколько тощих кустов – и тут остановились; но когда начали разбивать шатер, то нашли, что песок напитан водою; ковыль и сучья были нашею постелью. Тут мы ночевали при шуме волн, противу мыса, где была Острацина. На следующее утро, в день Благовещенья, 25 марта, мы прочли со спутником моим, грузинским архимандритом Герасимом, Евангелие этого торжественного дня, вспоминая шествие Пресвятой Богородицы в Египет по этой самой пустыне, – и на рассвете продолжали путь по дикому лукоморью. С восходом солнца гладкая поверхность берега, исполненная соляных частиц, блистала как от инея. Подъезжая к двору *Гуенак*, видны солончаки, которые были подобны замерзшей воде. Мы проехали это пристанище не останавливаясь, по совету нашего вожатого, – потому что здесь нет воды, а та, которая привозится со стороны, за два часа расстояния, едва выносима, – и он опасался, чтоб наш караван не выпил остальную. Мы все следовали однообразною плоскостью морского берега; изредка пересекали ее песочные бугры; вдали виднелись Аравийские горы. Найдя, за два часа до колодезя *Мугадие*, большую дождевую лужу, мы тут остановились для отдыха в скудных кустарниках. Вода была тепла, но мы ее освежали в сыром береговом песке, который был напитан солью. По двухчасовом отдыхе мы пошли вперед при песнях бедуинов, голос их песен похож на тирольский напев; и те и другие скликаются в своих песнях; одни в горах – другие в пустыне. Вот начало одной из песен бедуинов: «Если б Пророк не был похоронен в *Тибе* (в *Медине*), то караваны никогда б не направлялись к пустыням Аравии и верхи гор не блистали б их огнями». Мне больно было слышать о *Медине* при вратах Палестины. Скоро открылось нам Средиземное море и шум волн заменил безмолвие пустыни. Огромные волны, разбиваясь о берег, далеко орошали его пеною и подкатывались под ноги нашим пугавшимся верблюдам; а направление песчаных холмов теснило нас к морю. Мы остановились на несколько минут у колодца *Мугадие*; хотя жажда наших арабов была недавно утолена, однако они не могли равнодушно пройти мимо воды. Колодезь *Мугадие*

выложен внутри тесаным камнем и принадлежит древнему построению. Разбросанные по холмам горшечные обломки показывают следы жилья.

Солнце погружалось в море, когда мы открыли белеющиеся строения *Эль-Ариша*: граница Африки и Азии, начало Святой Земли. Сердце мое горело! Через два часа от *Мугадие*, когда уже совсем смеркалось, мы достигли *Эль-Ариша*, но это были отдельные магазины, окруженные пальмовою рощею, – и путь наш вдруг пересекся быстрым потоком, впадающим в море; тут мы увидели, что мы сбились с дороги. На конечном песочном холме теплилась лампада в молельне Сантона; мы послали туда в надежде найти какого-нибудь дервиша, который бы нас провел, но там никого не было; с трудом нашли мы в темноте брод и достигли магазинов; тут мы не могли вызвать ни одного проводника; громкие переговоры мои с драгоманом, на французском языке, были услышаны одним старым французом, забытым Наполеоном в этой дичи и находящимся теперь в египетской службе; он выбежал из пальмового леса и с редким добродушием вызвался нас проводить до *Эль-Ариша*, где учрежден был так называемый *карантин*. Тут не было цепи; вся власть была в руках злого египетского офицера и доброго подлекаря, родом итальянца, при нескольких сторожах из здешних жителей. Я имел пропуск от Ибрагима-паши. Мне попался подлекарь, и в то время, как я ему говорил об этом пропуске, подошел офицер и гордо вмешался в разговор, говоря, что никакие приказания не имеют здесь действия; чтоб заставить замолчать этого наглеца, я велел прочесть вслух приказ паши; тут он едва не упал к ногам моим, низко прося прощения и предлагая свои услуги. Едва я разбил свой шатер, как все пустынные власти *Эль-Ариша* собрались ко мне, несмотря на ночное время; я угостил их трубками и кофеем; они долго пробыли у меня, и я занялся с ними расспросами о пути к Петре Аравийской и к Синаю; я все еще имел надежду быть там. Они предлагали мне лучших проводников и поручителей. Это есть удобное место для направления своего пути в Аравию.

Бедные христиане, предпринявшие путь с женами и детьми из Египта в Иерусалим к Пасхе, были остановлены в этой пустыне, под открытым небом, без всякой помощи, претерпевая зной, недостаток в съестных припасах, тратясь деньгами для защиты себя от притеснений и отчаиваясь встретить великий праздник в святом граде. Пророк

Исаия, упоминая о *Риноколуре* (древнее имя Эль-Ариша), сказал: «Придут... погубляемые во Египте и поклонятся Господеви на горе святых во Иерусалиме» (Ис 27:13). Узнав о прибытии моем, египетские христиане заключили, не знаю по каким слухам, будто я имею повеление снять карантин. От радости они, по обычаю восточному, подняли пальбу из ружей и пистолетов; арабы-христиане стреляли даже пулями, которые наконец начали свистать мимо нас и заставили нас остеречь их самих и себя. Я узнал на другой день, что коптский Епископ, глава Восточной Коптской церкви, обманутый этими слухами, направился к моему шатру с некоторыми из своих, при свете фонарей, чтоб узнать от меня истину; он встречен был офицером, и этот варвар осмелился, несмотря на его сан и преклонные лета, ударить его палкою. На другой день я посетил Епископа и в присутствии его строго выговаривал египетскому офицеру и внутренне обещался не оставить без наказания виновного, доведя это происшествие до Ибрагима-паши.

Эль-Ариш, древняя *Риноколур*, важен как средоточие караванов Азии и Африки; он обнесен со всех сторон песочными холмами. Некоторые писатели полагают, что в этом пустынном городе Ной разделил землю трем сыновьям своим^[11]. Мы видим из Диодора, что Риноколур основана Ефиопским царем Актизаном для ссылки преступников; он описывает это место так, как оно есть, – лишенным всех потребностей жизни; он прибавляет, что преступники нашли средство несколько улучшить свою жизнь ловлею в тенетах перелетных из-за моря птиц, которые в известное время в большом множестве, утомясь долгим путем, спускались на этот дикий берег.

Многие святые отшельники обитали среди знойных песков Риноколур; известнейший из них был Антистит *Риноколурский*.

Прибавим, что быстрый поток, впадающий в море возле магазинов Эль-Ариша, есть называемая в Священном Писании *водотечь Египетская* (Torgens Egypti, в Вульгате; (Нав 15:4; Числ 34:5)); (Реланд ошибочно отстранил ее далее к *Сербонийскому* озеру), и что кроме этого потока не существует никакого другого на всем пространстве пустыни, от Эль-Ариша до Пелузы. Здесь Моисей и Иисус Навин поставляют предел земли Ханаанской с юга. Ерастотен полагал исток водотечи египетской из отдаленных пределов Аравии, чрез подземный путь^[12].

Глава IV

Харуба. – Шейх-Зоаиль. – Рафия. – Хан-Юнус. – Газа

«И рече Господь к Моисею глаголя: заповеждь сыном Израилевым, и речеши к ним: вы входите в землю Ханааню, сия будет вам в наследие, земля Ханааня с пределы ея».

(Числ 34:1–2)

В 8 часов утра 26 марта, переступили мы из Африки в Азию, и это была уже земля Ханаанская, земля Святая! Неизъяснимое чувство восторга волновало мою душу. Песочные холмы с тощими растениями постепенно возвышаются; появляются стада, пасомые детьми бедуинов. С стороны моря виден высокий хребет голого песку; жар был силен; через два с половиною часа езды открылась нам, в первый раз от самого Дамьята, засеянная хлебом долина, которая показывает уже смягченную дикость бедуинов. Первые попавшиеся нам путники были хаджи^[13]. Впереди ехала на осле прекрасная девочка; за нею, на верблюде, сидели под навесом рядом две женщины, закутанные с ног до головы белыми покрывалами; старец, глава семейства, шел позади с посохом в руках. Куда идут они от света вечной истины через дебри и пустыни? – сказал я себе с глубоким вздохом.

За сим встречаются меж гор лощины с лучшим засевом. Через 3 с половиною часа езды от Эль-Ариша выехали мы в долину, называемую Харуба. Тут я видел две мраморные обломанные колонны и два каменные колодезя, из которых один очень древний. Табуны верблюдов бродят по вершинам гор; внизу, у дождевых луж, мы остановились на часовой отдых. Мне кажется, что здесь можно поместить Асельмон (Atsmone), упоминаемый в Библии: «И обьидут пределы от Асельмона водотечу Египетскую, и будет исход море великое» (Числ 34:5). «Сии суть пределы их от Юга», – прибавляет Иисус Навин. (Нав 15:4).

Приближаясь к Шейх-Зоаиль, мы увидели блестящую поверхность озера; несколько пальмовых деревьев рисуются по песчаной желтизне

приморского хребта; но воды озера, радующие взор, – соленые, как мне сказывали здесь. Шейх-Зоаиль, так названное по молельне Сантонской, состоит из одного двора на холме, близ колодезя с дурною водою. Около этих мест можно поместить *Бет-Тафуе* (Beth Taroua'h)^[14].

Мы поднялись до рассвета. Дорога отсюда ровнее и зеленее. Через три часа езды открывается море; тут несколько долин засеяны; и потом, через час, обнаруживаются две уединенные колонны, стоящие на холме. Это остатки древней *Рафии*. Несколько не доезжая их, лежит еще одна колонна при дороге. Полибий считает этот город первым в Кало-Сирии на пути из Египта; он подробно описал битву при *Рафии*, где Птоломей Филопатор разбил армию Антиоха Великого, о чем упоминается также в книгах Маккавейских (3 Макк 1). Существуют монеты *рафийские* времен Коммода. Епископ этого города был на Эфесском соборе. Я срисовал пустынный вид *Рафии*. Спустясь с холма, виден в лощине глубокий древний колодезь, доселе не иссякший; три поверженные колонны, такого ж серого мрамора, как и стоящие колонны, составляют теперь три его края; одна из них очень велика. От Рафии началась земля *филистимлян*, вдоль берега Средиземного моря. Пустыни, простирающиеся на юго-восток, принадлежат уже *Каменной Аравии*; это земля амалекитов, *Идумея*, и пустыня *Бир-Себа* или *Кладезя Клятвенного*, где едва не погибла Агарь с своим младенцем.

Отсюда дорога гористее и песчанее, она тягостна при жаре. От Рафии до *Хан-Юнуса* менее двух часов. *Хан-Юнус* есть Иродотов *Иенисус*^[15], только один Иродот упоминает о нем. Это довольно значительное местечко, укрепленное башнею и стенами; оно стоит на возвышении, над оврагом. Несколько садов, обнесенных вместо городьбы *кактусом*, разведены вокруг и обращают внимание после пустыни. Наполеон, подходя к Хан-Юнусу с небольшим отрядом и полагая его уже в руках своего авангарда, едва не был захвачен в плен арабами. В стороне видно селение *Бени-Селе*. Далее отсюда песчаная почва уже теряется и начинает быть удобною для обрабатывания; поля большею частью засеяны. За час от Хан-Юнуса песочный приморский хребет кончается; тут начало настоящей пахотной почвы и следуют обширные, обработанные долины, по которым рассеяны уродливые деревья: *арабские фиги*. Мы проехали через высохший поток, называемый *Уади-Силх*, – может быть, поток *Фавафа*, при местечке того же имени, – о котором говорит Иероним; по свидетельству этого

блаженного отца, там обитал пустынный святой Иларион, рожденный от языческих родителей^[16].

Часа за три до Газы видно на берегу моря селение *Дейруль-Баллах* среди пальмовой рощи. Это местность *Анфидона*, о котором говорят Птоломей, Плиний и Иосиф; здесь было Епископство; существуют монеты этого города; времен Каракаллы. Ирод прибавил к имени *Аноидона* имя *Агриппы*. Газа открывается часа за два не доезжая до нее; она стоит на возвышении. Тут же мы переехали глубокое русло высохшей речки, называемой *Уади-Газы*, через которую ведет разрушенный каменный мост о нескольких аркадах, древнего построения. Это, вероятно, река *Бессор* или *Воссор*, о которой говорится в Книге Царств (1 Цар 30:9); она впадала в море близ Газы. Подле самой Газы, со стороны моря, выходит опять песочный хребет; городские сады доходят до него. Вправо расположено большое местечко *Эссия-Эие*, с виду мало уступающее Газе, а против него, довольно высокая гора, называемая Самсоновою; на ней видны развалины и мечеть. Сказывают, что на эту гору изнес Самсон ворота города Газы, с верями, когда он был заперт в этом городе филистимлянами (Суд 16). В Библии сказано, что эта гора была пред лицом *Хеврона*, вероятно против большой дороги, ведущей в Хеврон.

Мы въехали в Газу чрез так называемые *Самсоновы* ворота; как бы в воспоминание библейского происшествия, эти ворота имеют только одни каменные боковые столбы и видны еще места, где были веревы для затворов. Не зная, куда пристать, я направился к греческой церкви, послав мой фирман к муселиму. Я пробыл с своим караваном около часа на дворе церковном и успел осмотреть церковь, очень древнюю; в ней покоятся под спудом мощи святого Порфирия. В середине храма утверждена мраморная купель. Толпа арабов-христиан окружала наш караван; одежда их очень красива и богата; довольство было написано на их лицах; после нищеты и изнурения, которые везде встречаются в Египте, утешительно видеть людей, пользующихся благами жизни. Должно заметить, что вся площадка церковного двора вымощена мраморными плитами. Я уже после узнал, что этот мрамор принадлежал храму сирийского идола *Марны*. Императрица Евдокия велела употребить его на помост церковного двора для того, чтоб эти остатки капища были всеми попираемы. Жители Газы коснели в

идолопоклонстве долее прочих городов Сирии. Даже в четвертом веке по Рождестве Христовом здесь было восемь капищ^[17].

Янычар муселима явился ко мне с приглашением перейти в дом его господина. Этот дом был некогда дворцом калифов, архитектура его самая чистая арабская; все наружные стены обложены разноцветным мрамором, резная работа превосходна; узорчатые надписи из Корана украшают двери и окна; но все это в разрушении: в комнатах ковры заменены циновками, водометы засыпаны камнями; таковы и другие остатки великолепия Газы – ее мечети и бани. Обломки мраморов, колонн и капителей вошли в состав мазанок. Здесь показывают остатки здания, в котором, полагают, было капище идола *Дагона*, и по народному поверию, то самое, которое было обрушено Самсоном.

Газа упомянута в Книге Бытия как пограничный город земли Ханаанской. В Книге Царств этот город также назван граничным городом владычества Соломонова. Пророки предсказали падение Газы; она была одним из пяти владычествующих городов филистимлян. Александр Великий овладел ею после пятимесячной осады. Она была несколько раз разрушаема. Мы видим из Деяний Апостольских, что Газа была во времена земной жизни Спасителя в запустении. Ангел Господень, пославший Филиппа на встречу евнуха, сказал ему: «Иди на полудне, на путь сходящий от Иерусалима в Газу и той есть пуст» (Деян 8:26). Тогда Газа едва восставала из развалин после ее покорения царем Иудейским Александром Ианнеем. Август подарил ее, по восстановлении, Ироду. Она была укреплена Балдуином III, королем Иерусалимским. В Газе было долгое время Епископство; полагают, что Филемон, к которому писано послание святого Апостола Павла, был здесь первым Епископом. Это есть мнение Дорофея, Епископа Тирского. Здесь прияли мученический венец за христианскую веру Епископ Сильван с 40 другими христианами.

Арриан, историк Александра Великого, верно описал местность Газы; он считает ее отдаленною от моря на 20 стадий, то есть около трех с половиною верст. Живописная картина Газы, Торквато Тассо, соединяет верность с поэзией. Газа имела на берегу моря – далее на север – пристань, называемую *Мауума*, которая также носила название *Констанции*. Теперешняя Газа стоит на том месте, где была цитадель; древний город занимал далекое пространство; в его состав входило то большое местечко *Эссия-Эие*, которое мы видели перед въездом в Газу;

здесь считают около трех тысяч жителей. Перепутье караванов между Сириею и Египтом, дает ее жителям много деятельности. Мы обменялись визитами с муселимом; он сам не живет в чертогах калифов, и они были в полном моем распоряжении. Я провел большую часть времени на террасе, которая господствует над всем городом и окрестностью. Сады, песчаная степь, беспредельное море и синие груды священных гор Иудеи были попеременно в глазах моих. Встав рано поутру, я видел восходящее солнце из-за гор Иудеи, на одном направлении с Иерусалимом; утренние молитвы наши устремились туда, где некогда сияло солнце незаходимое.

Муселим Газы, прощаясь с нами, непременно хотел, чтоб я ему оставил записку, что я был доволен его приемом. По просьбе наших пустынных бедуинов мы вытребовали им скорое отправление из Газы в родные пески; они боялись, чтобы не удержали их верблюдов для транспортов правительства. Путешествие на верблюдах кончается в Газе. Отблагодарив этих добрых огромных животных, мы с радостью променяли их на резвых сирийских коней и в 10 часов утра оставили Газу.

Глава V

Аскалон

«Отвержен бысть Аскалон и останцы Энакимли. Доколе сеци будеши, о мечу Божий! Доколе не упокоишия? – Вниди в ножны твоя, почий и вознесися. Како упокоится? Понеже Господь заповеда ему на Аскалона, и на суцы при мори, на прочы востати».

(Иер 47:5–7)

Мы направлялись к Аскалону; этот город, так же как и Газа, был одним из пяти владычных городов филистимлян; он отброшен теперь с большой дороги и малое число путешественников посещают его развалины, забытые на диком берегу моря. Мы выехали из Газы чрез Самсоновы ворота, по дороге, которая ведет к *Рамле*. Этот выезд живописен. Вкруг мраморного водоема веселилась игривая толпа народа по случаю *байрама*. Одежда сириян, как я уже сказал, очень нарядна, даже детская; мы ехали по аллее высоких *кактусов*, где бродили группы женщин в белых покрывалах; они отвечали учтивым *саламе* приветствиям нашего конвоя. Из прекрасной аллеи кактусов выехали мы в лес вековых маслин, которые долго укрывали нас под своею тенью, пока мы не своротили с большой Рамской дороги к Аскалону. Выехав из этого роскошного леса и несколько поднявшись по дороге, развернулась перед нами цепь гор Иудейских, куда устремлены были все наши мысли. Тут следуют пахотные поля; вправо видно селение *Бет-Ханун*, это *Бетхелия* или *Вифелия*, которую называли предместьем Газы^[18]. Жители Вифелии приняли христианскую веру прежде жителей Газы и соорудили церковь во имя *Вифелии*, что значит: дом *Божий*. Несколько далее проехали мы по каменному мосту чрез высохший поток: это библейский *Сорек* или *Сорих*; на его берегах жила Далила, обольстившая Самсона (Суд 16:4). Мы выехали в деревню *Дарсенит*. В стороне, направо, видно селение *Бет-Джирдже* с башнею и стенами; оно укреплено было, как мне сказывали, самими жителями, несколько годов тому назад, противу набегов бедуинов. Через три часа

езды от Газы проехали мы деревню *Барбара*, откуда повертели к морю. За деревню *Барбара*, выехав на песочный хребет, увидели мы приморскую песчаную гору и на ней небольшие развалины, называемые *мечетью*. За первым песочным хребтом следует, смежная с ним, засеянная лощина, и хотя также песчаная, но одетая яркою зеленью и оттененная маслинами, – как не удивляться небу Палестины? В этой лощине деревня *Нелие*.

Я поспешил к завиденной мною горе с развалинами, и только что подъехал к остатку стены, венчающей эту высоту, вдруг развернулась передо мною картина величественная. Я увидел необъятную плоскость Средиземного моря и ряд мрачных развалин Аскалона на прибрежных высотах. С этой высоты развертывается все поле знаменитой битвы, происходившей в 1099 году между крестоносцами и египтянами. Несметное войско неверных должно бы было разрушить царство Иерусалимское без отважной решимости Годфреда, который с 20000 человек сам атаковал здесь соединенные народы Африки; он одним ударом рассеял несметную армию в виду укрепленного Аскалона и всего флота, который принес эту ужасную грозу на Палестину. Эта битва должна занимать не последнее место в военных летописях и показывает моральное преимущество наступательных действий с войском решительным, предводимым искусным полководцем. Оставляя моих вожатых, я пустил туда коня прямо чрез кусты и овраги и сошел возле стен, страшно сдвинувшихся с места целыми массами и нависших над крутизною.

Аскалон построен на песчаных высотах, образующих правильный полукруг и примыкающих к морю. Весь этот хребет увенчан стенами и башнями, а внутренность, заключенная в объеме стен и усеянная обломками зданий, идет скатом к морю; она защищена береговою стеною. С юга песчаная пустыня, откуда ветер наносит волны песка на развалины; а с севера край обработанный и плодородный: виноградники Аскалона славились в древности. Взяв проводника, я направился по южной стороне, вдоль стен; они построены из крепкого тесаного камня; но довольно странно, что почти во всех стенах закладены внутри небольшие мраморные колонны, на равных расстояниях и горизонтально, занимая всю толщину стен; только одни основания и верхи этих колонн видны снаружи. Эти колонны принадлежат, конечно, Аскалону библейскому, и необъятное число их

дает высокое понятие о его величии. Этот мрамор, украшавший храмы, служит теперь для связи стен, которые сами с каждым днем рассыпаются в прах. Спускаясь с южной стороны по направлению стен к морю, мне показывали глубокий колодезь, заваленный камнями и полусасыпанный песками соседней пустыни. О нем говорит Ориген, приписывая его основание времени Авраама. Антоний Мученик прибавляет, что Авраам и Исаак сами вырыли этот колодезь, назвав его *клевета* (calumpnia), – не объясняя повода к такому прозванию. С моря картина опустошения еще поразительнее. Стены и колонны в смещении, скатились в море; сердитые волны хлещут по ним и уже изъели вековечный гранит и мрамор.

Крутой, но зыбучий берег был весь защищен каменной одеждою и стенами; работа ужасная! В береговых стенах видно еще большее число выделанных колонн, и так как во многих местах половина толстоты стен разрушилась, то эти колонны, выдавшись вперед, представляют вид многочисленной артиллерии. Красота этого берега погружает в задумчивость; я долго сидел на развалинах, осаждаемых волнами, и глядел то на море, то на великое разрушение.

Берег не представляет места для якорной стоянки, но Аскалон имел гавань несколько ниже, она называлась, как и гавань Газы, *Мацума*, с прозванием *Аскалонская*^[19]. Обходя кругом весь город, я поднялся на берег с северной стороны к жилищу одного дервиша, построенному на высоте под навесом нескольких пальм и посреди кустов кактуса; плоды этих деревьев составляют пищу дервиша; его не было дома, большая глиняная *джара*, со свежою водою, стояла у входа, она утолила нашу жажду^[20]. Отсюда я вошел во внутреннюю часть города; она вся взрыта и поросла травою и кустами. Знаменитая мечтательница леди Стангоп, променявшая навсегда Европу на Восток, долго изыскивала остатки древностей Аскалона; она открыла помост древнего храма, круглую галерею, прекрасную статую и множество колонн, гранитных, мраморных и порфировых – они разбросаны близ открытых сводов, посреди капителей из чистого белого мрамора, обработанных с большим тщанием; одна из колонн, розового порфира, – изящной красоты; здесь было капище сирийской Венеры, *Дерсеты*. В Аскалоне родилась Семирамида и убийца младенцев Ирод, прозванный *Аскалонитским*, который здесь имел великолепный дворец. Мы видим из Книги Судей, что Иуда взял Аскалон; но ни Иуда, ни

Симеон не владели им. Филистимляне были самыми упорными идолопоклонниками и находились в беспрестанной войне с Израилем. Здесь Самсон убил 30 филистимлян и отдал их одежду разрешившим его загадку об убитом льве. Давид, в плаче своем о смерти Саула и сына его Ионафана, говорит: «Не возвещайте в *Гефе*, ниже поведайте на исходищах *Аскалонских*, да не возвеселятся дщери необрезанных!» (2 Цар 1:19) Мы слышим из уст Пророков: «И извержется племя из Аскалона!» (Ам 1:8). «Аскалон во исчезновение будет!» (Соф 2:4). «И Аскалон не имать населитися» (Зах 9:5). Пророчество Иеремии есть глубокое сетование: «Отвержен бысть Аскалон и останцы Энакимли. Доколе сещи будеши, о мечу Божий! Доколе не упокоишися? Вниди в ножны твоя, почий и вознесися. Како упокоится? Понеже Господь заповеда ему на Аскалона и на сущы при мори, на прочы востати» (Иер 47:5–7). Заметим, что Иеремия называет здесь филистимлян потомками тех энакимлян, о которых соглядатаи Моисеевы в Земле Обетованной сказали: «Все люди, их же видехом, мужы превысоцыи: и тамо видехом исполины сыны Энаковы... и гради утверждени ограждением, велицы зело» (Числ 13:33–34, 29). Во время Авраама филистимляне были основаны в *Гераре*, на земле Аскалона^[21]. Преимущество физическое филистимлян над прочими народами Земли Обетованной уже видно из того, что общим именем земли Филистимской называли при Моисее всю Палестину, и название Палестины произошло от земли Филистинской. В книгах Маккавейских уже не упоминается более о филистимлянах.

Я возвратился мимо северных стен; там, где они поворачивают на восток, замечателен целый полукруг башни, лежащей на боку; это, вероятно, остаток больших ворот или *Иерусалимских*, о которых говорится в истории крестовых походов^[22]. Развалины Аскалона оставляют глубокое впечатление. Я снял два вида этих развалин: один изображает горную часть города с юго-востока; другой вид взят с моря.

Твердыни Аскалона служили мусульманам надежнейшим оплотом против христиан; жители Аскалона получали плату от египтян, говорит один из новейших писателей о крестовых походах^[23]. Христиане овладели Аскалоном не прежде как в 1153 г. при Балдуине III. Долины Аскалонские ознаменованы рыцарскою славою крестоносцев. *Ричард*, прозванный *Львиное Сердце*, чей меч долго здесь ратовал, возобновил

Аскалон, разрушенный Саладином, но город не избежал конечного разрушения, предназначенного ему Пророками.

Мы ночевали в деревне *Джауре* или *Джевре*; она прилежит к развалинам Аскалона с востока. Дома здешних арабов опрятны, хотя эти дома должно назвать мазанками, об одной двери, с плоскими земляными террасами. Они вообще состоят из одной комнаты: каменная арка поддерживает дерновый потолок, основанный на пальмовых балках; арка показывает уже познание в зодчестве; в недалеком расстоянии от входа земляной пол возвышается на один уступ и образует площадку или по обычаю восточному, *диван*, также земляной, как и пол, но устланный циновками. По обоим бокам этого дивана сделано по одному глиняному шкафу в виде большой корзины; в них, снизу, видны три ниша для горшков и других снадобий, а сверху, в отверстие, насыпаются хлебные семена. Мой вожатый рассказывал мне вечером, за трубкой и кофеем, что в их *кетабах* (книгах) писано: как султан Ибрагим-эль-Гурани, объявляя войну царю Аскалона, Аскулу, был взят этим последним в плен и заключен, живой, в тот большой колодезь Аскалона, который мы видели!

Глава VI

Азот. – Аккарон. – Иамния. – Рамла

«И взял чашу от руки Господни и напоих вся языцы, к ним же посла мя Господь... Аскалона и Газу и Аккарона и останок Азота... бысть земля их в непрохождение от лица меча великаго».

(Иер 25:17, 20, 38)

Из Аскалона мы направились по пути в Рамлу. Поднявшись на первые высоты, мы увидели низменную роскошную долину, посередине которой расположено местечко *Мигдаль*; это древний *Мигдаль-Гад*, названный в Книге Иисуса Навина (Нав 15:37) и который был на границе Иудеи. За деревнею *Гам-мама*^[24] следуют обширные поля с засеvom. Мы видели на дороге мраморный водоем с надписью из Корана. Вскоре мы приблизились к *Эздоду*; это также один из пяти владычествовавших городов филистимских, которые были: *Газа*, *Аскалон*, *Азот* или *Эздод*, *Геф* и *Аккарон*. Можно судить о могуществе Азота по преданию Иродота, который говорит, что египетский царь Псаммитих завладел Азотом после 29 летней осады (?). Здесь был главный храм филистимского идола Дагона; этот кумир, изображенный на медалях филистимских получеловеком и полурыбой, разрушился пред лицом Скинии Завета, когда ее поставили в капище. Аскалонский идол Дерсета также был полуженщина и полурыба^[25]. Диодор полагает, что по этой причине сирияне не ели рыб^[26].

Древний город, по здешним преданиям, стоял на горе, которая теперь пуста и покрыта самородным маком. «Не вступают жрецы Дагоновы, и вси входящие в храм Дагонов, на праг дому Дагонова во Азоте даже до дне сего», – сказано в Книге Царств (1 Цар 5:5). «И потреблю живущии из Азота», – говорит Пророк Амос именем Господа (Ам 1:8; Соф 2:4). На этой горе убит герой Иуда Маккавей в битве с 3000 воинов противу 22 тысяч неприятелей. Рассказ библейский прекрасен: Иуда, видя большую часть своего войска обратившеюся в бегство, «сокрушися сердцем, яко не имеяше времени собрати их. И

ослабе и рече оставшим: востанем и въздем на супостаты наша, аще можем ратовати противу их. И отвращаху его, рекуще: не можем, но спасем токмо души своя ныне... И рече Иуда: не буди ми сотворити вещь сию, еже бежати от них: и аще приближися время наше, умрем мужественно ради братии нашея и не оставим вины славе нашей.» (1 Макк 9:7–10). Это напоминает нам слова Игоря: «Ляжем костями ту, – мертвии бо срама не имут». Ионафан Маккавей отмстил смерть брата своего, превратя Азот в пепел и ниспровергнув капище Дагоново. Апостол Филипп после крещения евнуха, на пути от Иерусалима в Газу, был восхищен Духом и внезапно перенесен в Азот, где он благовествовал об имени Иисуса (Деян 8:39–40). Во время христианского владычества, здесь было Епископство. Теперешнее селение расположено близ подошвы горы Азота, в холмистой долине; здесь можно считать человек 500 жителей. Отдохнув в кофейном доме, мы продолжали путь. Между Азотом и деревнею *Барга* проходит русло иссохшего потока, равно как и возле деревни *Барга*; в каменистых холмах этого селения видны погребальные пещеры; они свидетельствуют древнее население; можно полагать, что это местность *Аккарона*, о котором Пророк Софония сказал: и *Аккарон искоренится* (Соф 2:4). Блаженный Иероним помещает его между *Азотом* и *Иемнией*. Местоположение этих пещер есть то же самое. В Палестине, которую в продолжение стольких веков опустошали огонь и меч, часто гробницы говорят более, чем развалины. В Книге Иисуса Навина Аккарон составляет северную границу земли Филистимской (Нав 13:3). Он принадлежал при первом разделении колену Иудову, потом Данову, а после опять колену Иудову, и потому неопределительно обозначаем на ландкартах. Болящий Охозия присылал вопрошать у *Ваала сквернаго бога Аккаронска*, будет ли он жив? (4 Цар 1:2).

Когда мы поднялись на первую высоту, нам открылся прекрасный вид гор Иудеи. Через полчаса отсюда проехали мы вброд через поток, который в летописях крестоносцев назван библейскою рекою *Сорек*; но это есть только отрасль *Сорека*, протекающего между Газою и Аскалоном. Его называют *Сукрек*^[27]. Влево от нас видно было на отдельной горе местечко *Ибне*, это библейский город *Иемне* (Нав 15:45; Иф 2:28; 1 Макк 4:15; 10:69); он имел на берегу моря свою гавань подобно Газе и Аскалону; ее сжег Иуда Маккавей; зарево этого пожара видно было из Иерусалима. При этом случае мы находим в книге

Маккавейской, что гавань *Иемнии*, или берег моря, отстояли от Иерусалима на 240 стадий в прямую линию, это делает 42 версты (2 Макк 12:9). Этот город принадлежал прежде филистимлянам, но был завоеван царем Иудейским Озиею вместе с Азотом и Гефом (2 Пар 26:6). В Иемнии было Епископство и еврейский Синедрион или Судилище, довольно знаменитое. Новейший путешественник, спутник историка крестовых походов, Пужула, ошибся, приняв *Ибне* или *Иемне* за один и тот же город с *Гефом*, который был одним из пяти главных филистимских городов и находился в окрестностях *Аздода* и *Иемне*. Положение *Гефа* доселе не определено. В долине, которую мы проезжали, видно селение *Магара*, а в стороне направо селение *Агер*; может быть, одно из этих селений заменило *Геф* – отечество Голиафа, где обитали потомки Энаковы.

Отсюда до *Рамлы* идут необработанные поля и пастбищные долины. Рамла выказывается из-за холмов вершиною минарета. От Аскалона до Рамлы восемь часов езды.

Рамла живописно представляется на плоской высоте, посреди садов; несколько разрушенных башен времен крестовых походов, вместе с малым числом минаретов, высятся над городом. Все признают Рамлу за древнюю *Аримафею*, где родился Иосиф – тот праведный муж, который погребал пресвятое тело Спасителя. Здесь как бы затворяется перед нами Ветхий Завет, завет праведного Суда Божия, и открывается Новый – завет Его милосердия.

Мы проехали обширное, запустелое предместье Рамлы, покрытое развалинами и садами, и достигли небольшого городка, который находится в их центре. После тяжкого пути сквозь пустыни здесь в первый раз нашли мы сладкое отдохновение в греческом монастыре. Этот монастырь, вновь отстроенный, отличается от прочих зданий своим прочным и красивым построением. Настоятель был в отсутствии; нас принял гостеприимный эконо́м. Келья моя была на высокой террасе, над которой тихо развевалась роскошная пальма. Сама келья с готическим сводом и окном была окружена диванами и устлана коврами; она слабо освещалась узким окном и висящею посередине свода лампадою противу наддверной иконы Божией Матери. Трогательные чувства волновали душу мою, когда я остался наедине, в сладком спокойствии, противу святой иконы; дальность от родины, трудность пройденного пути, неверность возврата – я все забыл в этой

тишине затворнической лишь близость Иерусалима была ощутительна сердцу моему, бьющемуся радостью. Вид с монастырской террасы был открыт на восток. Все обширное пространство от Рамлы до гор Иудейских, нагроможденных лазурными горами, было передо мною; я провел тут часть вечера, рассеянно беседуя чрез переводчика с некоторыми посетителями, гражданами Рамлы, арабами и греками, которые скоро были извещены молвою о прибытии европейцев. Позднее я освежил себя роскошью восточной бани и предался покою в сладкой задумчивости о Иерусалиме. Это было накануне *вербной субботы*; по ослабшим силам я хотел провести этот день в Рамле.

Вставши поутру, я был очень приятно удивлен приездом из Яфы нашего консула г-на Мостраса. Яфа отстоит от Рамлы на расстоянии трех часов езды. Уведомленный о нашем прибытии, г-н Мострас был столько добр и любезен, что немедленно посетил нас и даже привел нам своих лошадей. Иерусалим отстоит от Рамлы на расстоянии девяти полных часов езды; было уже около 11-ти часов; но в эту субботнюю ночь совершается утешительная заутреня ваий; я от души поблагодарил г-на Мостраса и тотчас решил свой отъезд. Я покинул свои вьюки и, обнадеженный добротой лошадей, с восторгом оставил Рамлу в половине двенадцатого часа. Мне оставалось только 7 часов дня. Я отлагаю до возвращения моего в Рамлу некоторые подробности об этом месте, равно как и обстоятельное описание пути от Рамлы до Иерусалима.

Глава VII

Иерусалим

«Да возглаголют вси и да исповедятся Ему во Иерусалиме: Иерусалиме, граде святой. Языцы мнози отдалеча приидут ко имени Господа Бога!»

(Тов 13:8–9, 11)

Священные горы Иудеи отделены от Рамлы обширною равниною; они еще синели вдалеке. Мы летели на резвых конях. Провожавший нас наездник вдруг отделился от нас во весь опор навстречу к завиденным им двум путникам. Выхватя пистолет, он со всего наскоку выстрелил в одного из них пулею и закружился со своим конем, пересекая дорогу. Одетый в монашеское облачение путник, – это был настоятель греческого монастыря в Рамле, – отвечал улыбкою и ласковым движением руки этому приветствию араба, немало удивившему нас. Мы обменялись несколькими словами, поблагодарив настоятеля за найденное в его монастыре гостеприимство, а он звал нас к себе на обратном пути.

Мне казалось, что я стал дышать свободнее, когда мы начали подниматься на торжественные крутизны Иудеи. На первом скате, налево от дороги, видна деревенька *Амоас*; арабы-христиане называют ее этим именем, принимая ее ошибочно за евангельский *Эммаус*. Въехав на горы, мы скоро поравнялись с древними развалинами местечка *Латрун*, где, по преданию, родился распятый одесную Спасителя преступник, которому один вздох отверз двери Рая. С крестным знаменем промчались мы мимо, и конечно, не один из нас воскликнул мысленно: «Помяни мя, Господи, во царствии Твоем!»

Ущелья гор делались ежеминутно теснее и живописнее; благовонье роз и незнакомых мне белых цветов разносилось по воздуху; стада паслись по обрывистым скатам. Часа через три пути мы въехали в узкий дефилей самой дикой наружности; он задержал наше стремленье. Горы Иудейские носят на себе отпечаток чего-то необыкновенно вдохновительного. Вскоре несколько ветхих маслин и фиговых деревьев обозначили границу земель Рамлы и Иерусалима. Раза

два утоляли мы жажду свою и усталых лошадей наших у колодезей. Мы проехали не останавливаясь мимо живописно разбросанного на обрывистой скале местечка *Анатот* – недавно разбойничье гнездо *Абугоша*; тут видны готические развалины церкви. Часы быстро летели, и я сгорал нетерпением увидеть Святой город. Горы начали становиться дичее и обнаженнее; но лиловый отлив скал, смешанный с зелеными полосами мхов, приятно оттенял их. Путь в иных местах был едва проходим для лошадей. Поднимаясь с горы на гору, я был в беспрестанном ожидании открыть Иерусалим, но горы все вставали передо мною, переменяв прежнюю окраску свою на красноватую. «Горы окрест его», – сказал Давид, говоря о Иерусалиме. Я начал приходить в уныние, что не увижу Святого города при свете дня; далеко опередил я своих спутников; в самое это время встретился мне прохожий араб – и, конечно, пораженный написанным на лице моем грустным нетерпением, поравнявшись со мною, закричал мне: «*бедри! бедри!*» (*скоро! скоро!*). Такое предведение поразило меня удивлением: я ему сказал все, что я знал по-арабски нежного, за радостное известие. Я поднимался на высоту, – вдруг предстал Иерусалим! Я кинул повод лошади и бросился на землю с сладкими слезами. Я узнал и гору Элеонскую по ее священным маслинам; вздохи стесняли грудь мою.

Спутники мои нагнали меня и также повергнулись на землю. В немом восторге и не сводя глаз с этого священнейшего места земной планеты, мы спускались уже пешком по разметанным камням. Небо было облачно, – покров печали облегал Иерусалим... Вожатый сказал мне, что если мы не сядем на лошадей, то с захождением солнца, близкого уже к горизонту, ворота Иерусалима затворятся; это меня испугало; я боялся, чтоб святыня не скрылась от меня по грехам моим – и я поспешил в лоно Святого Города вкусить полную чашу блаженства, совершив свой обет.

Мы въехали в укрепленные Вифлеемские или Яфские ворота и очень скоро сошли у дверей Патриаршей обители. Это было марта 31 числа. Сын далекого севера, я не менее того вступил в Иерусалим как в свою родину, близкую сердцу моему. Окруженному так долго неверными, радостно было мне среди братьев, под кровом икон нашей церкви. Я едва верил, что нахожусь близ Гроба Христова, и поспешал в храм, но двери его, стражемые мусульманами, были еще заперты. Митрополит пригласил меня идти вместе с ним к заутрене.

Среди тишины темной ночи приступил я в первый раз к величественному преддверию храма Гроба Господня. Обе половины огромных ворот были открыты настеж. Бесчисленные огни свечей блистали перед большими стенными иконами, изображающими снятие со креста и погребение Спасителя. Тотчас при входе, в ложе привратника, увидел я сидящих, поджавши ноги, турок, с трубками во рту и играющих в шахматы. Сердце мое сжалось грустью; толпа расступилась перед нашим янычаром – и в нескольких шагах от нас лежал на помосте камень, одетый желтым мрамором и окруженный большими свечами, – это тот самый, на котором благообразный Иосиф повивал снятое со креста тело Иисуса. «Господи, – сказал я невольно, пав ниц со слезами, – страдания Твои еще не прекратились! Крещенные святым Твоим Именем и искупленные Тобою владеют этим миром, а нечестивые стерегут святилища Твои!» Но христиане не должны смущаться, что такие великие святыни находятся в уничижении языческом. Спаситель мира, подвергнув Себя на земле всем страданиям человеческим, оставил и святыни Свои под теми же законами природы, которым подвергалось Его Божественное тело. В смятении чувств, я не помню, как я дошел до Гроба Спасителя. Тут я дышал свободнее; отдельный придел скрывает погребальный вертеп Господа. Там я пролил слезы покаяния, и первая молитва моя была за давших мне жизнь и за близких сердцу моему. Не могу описывать, – и как выразить восторг, умиление и горечь христианина-грешника у Гроба Спасителя, и наконец на Голгофе у отверстия, где стоял крест, и у расселины распавшейся скалы!

Началась заутреня. Не только что помост Храма был весь закрыт народом, но взглянув наверх, – все приделы, все хоры, все галереи и даже некоторые карнизы имели своих богомольцев или зрителей. Нынешний год – для всех христиан – Пасха падала на тот же день. Зрелище этой необъятной толпы, чьи лица резко изображали представителей всех частей света, поразительно! Глухой шум слитых голосов сначала удивляет и беспокоит европейского христианина, привыкшего к благочестию храмов Божиих; но видя непоколебимое и ничем не развлекаемое благочестие многих истинно духовных лиц – шум этот кажется шумом бурной стихии. Возжжение свечей при процессии ваий вдруг обнаружило несметное число наших единоверцев. Вся процессия направилась с хоругвями и с пальмами в

руках от греческого алтаря сквозь Царские двери прямо к Гробу Христову, который находится на противной оконечности храма. С разрешения Церкви те светские лица, которые находятся в алтаре, должны следовать за духовенством чрез Царские двери, чтоб охраниться от толпы; с трудом покорился я этой необходимости, но впереди священного хода шел мусульманский привратник храма и с криком разгонял бичом напирющую толпу. Вот как изображено смиренное шествие Искупителя в Иерусалиме! Я утешал себя зрелищем усердия богомольцев; многие с вершин карнизов или колонн простирали руки, а матери – своих младенцев, чтобы коснуться краев развевающихся хоругвей. Эта картина была достойна Иерусалима!

Глава VIII

Иордан

«Тогда исхождаше к нему Иерусалима, и вся Иудея, и вся страна Иорданская, и крещавуся во Иордане от него, исповедающе грехи своя».

(Мф 3:5–6)

Настала Страстная неделя. В Иерусалиме с давнего времени первый день этой недели определен на путешествие к Иордану, для омытия себя водою Искупления, в приуготовление к принятию страшных таинств, – и уже после того заключаются в храм Гроба Господня, до Христова воскресения. Я отлагаю подробное описание храма до этого времени. Я последовал за несметною толпою христиан к священной реке.

Еще на канун этого дня Иерусалим вышел из обычной тишины своей и представлял вид многолюдного торгового города. Движение толпы было необыкновенное. Ряды навьюченных верблюдов и лошадей тянулись со всех концов улиц, и шум отправляющихся не утихал во всю ночь. Мы выехали не рано, вместе с драгоманом греческого монастыря. Путь наш лежал по Страстной улице чрез Гефсиманские ворота. С стесненным сердцем ехал я на хорошо убранном коне, среди шумной толпы пеших и конных, беспечно попиравших путь глубоко трогательный, навеки освященный! И я дал себе внутренний обет не проходить по нем отныне иначе как пешему.

На высотах, господствующих над Иосафатовою долиною, сидел под маслиною муселим Иерусалимский Абугош, некогда известный грабитель христиан. Окруженный своею свитою, он курил трубку, запивая кофеем, и глядел на несущуюся толпу мимо горы Элеонской, по дороге к Вифании. Путь этот от Иерусалима до Иордана, так много следимый священными стопами Спасителя, будет мною описан после, во всей подробности, когда я пройду его в уединении, среди пустынной тишины, приличной великим воспоминаниям.

Несмотря на пестроту разноплеменной толпы, покрывавшей всю дорогу так далеко, как только мог следовать глаз, – я был поражен тою

дикостью гор, которая начинается от высот Вифании до самой долины Иерихонской. Здесь раздавался *глас вопиющего в пустыни*.

Под горным сводом, противу развалин той гостиницы, где, по преданию, происходила сцена Благого Самаритянина, мы во второй раз встретили муселима Абугоша, который также направлялся со своею свитою к Иордану, для охранения поклонников от бедуинов; он опять сидел на ковре за трубкою и кофеем и убедительно просил нас отдохнуть с ним; мы исполнили его желание. Увидя в руках моих ландкарту и узнав ее употребление, он спросил: можно ль на ней видеть место его рождения – *Анатот*, – которое встречается на пути от Рамлы в Иерусалим? Надобно было видеть его удивление, когда я ему показал, где оно находится; он обращался ко всем, чтоб разделить свое удовольствие и похвалиться значительностью этого места. При отторжении Сирии от Турецкой империи, когда армия Ибрагима завладела уже главными пунктами Сирии, Абугош, видя, что дела Мегмета-Али берут перевес, послал к нему заблаговременно, в залог повиновения, своего сына (он, кажется, доселе находится в Сен-Жанд’Акре); это удержало Абугошу муселимское место в Иерусалиме. Брат его родной, носящий с ним одно имя, живет в Анатоте, столице Абугошей; он называет себя начальником гор Иудейских, и ему не поверяют другого владычества, кроме этого мнительного. Сын его покушался на жизнь Ибрагима; он приставил ему пистолет к груди, но пистолет его осекся, и он был тотчас изрублен самим Ибрагимом. Это происходило во время иерусалимского бунта в горах Иудейских. Ибрагим послал однако шубу отцу, велел сказать ему, что он знает, что сам Абугош не причастен поступку сына.

С последних уступов гор Иудейских разворачивается обширная равнина Иорданская во всем пустынном величии. С востока замкнута она стенами диких гор Аравийских, а с юга недвижною плоскостью *Мертвого моря*. Изгибистое течение Иордана далеко обозначалось к северу лентою дерев и кустов, очень заметною среди запустения. По всей равнине волновались, как насекомые, толпящиеся поклонники; поминутно вставали шатры в разных направлениях или вспыхивали костры. Это был народ израильский – и к горю, едва ли не большая часть из него, – поклонники *золотого тельца*! Но зато как разительно отличалось от них малое стадо верующих: старцев с посохом в руках, юношей и дев, обремененных ношею родительскою, матерей с

грудными младенцами. Их не ожидали шатры, и ковры, и вина ливанские!

Мы отклонились от шума и разбили наш шатер в кустарниках, на берегу быстро бегущего потока. На противоположном берегу стояла полуразрушенная башня, окруженная несколькими арабскими хижинами. Это часть Иерихона! Отклонясь от приглашений, я сидел вдвоем с моим соотечественником, художником Ефимовым, при заходящем солнце, на берегу Иерихонского потока; мы глядели попеременно то на горы Иудейские, среди которых отчетливо рисовались хребты горы *Искушения* или *Сорокадневной*, то на цепь Аравийскую, где обозначалась гора *Небо* или *Навав*, откуда последние взоры Моисея устремились на Землю Обетованную и на этот мир! Здесь нас застала роскошная ночь Востока. Мы давно беседовали в темноте, в тихой задумчивости, как вдруг озаривший нас свет факелов и неистовые крики вывели нас из мечтаний. Шумная толпа стремилась вслед за четырьмя полунагими вооруженными бедуинами, которые защищались один от другого мечами и щитами. Это было не что иное, как игры диких жителей пустыни; узнав об европейских путешественниках, они нашли нас в темноте ночи и пришли нас потешать. Тут загорелась жестокая битва при звуке тимпанов; искры сверкали от ударов мечей; наше любопытство было удовлетворено, и хорошая пригоршня пиастров рассеяла наконец эту толпу. Нас посетили два английские путешественника, только что прибывшие от Синайской горы чрез Петру Аравийскую и Хеврон, и заняли нас своею беседою. Путешествие Лаборда хорошо ознакомливает с Петрою; путь туда теперь менее опасен, но только под поручительством бедуинов того племени; их можно всегда найти в Эль-Арише и в Суэйсе.

На пути к Иордану мы совершенно отклонились от прочих поклонников, потому что мой соотечественник С-в, с которым я встретился в Иерусалиме, имел с собою купленных им в Египте двух невольников, которых он желал при этом случае окрестить в святых водах. Нас сопровождал иерусалимский священник.

Мы направились к Иордану на рассвете: в продолжение более двух часов мы ехали по дикой неровной пустыне белесоватой почвы, имея перед собою высокий оплот гор Аравийских. На этом пространстве, между Иерихоном и Иорданом, должно поместить *Гилгал*, где воздвигли израильтяне жертвенник в память чудесного переходения

через Иордан; расстояние от Иерихона до Иордана, по сказанию Иосифа Флавия, – 60 стадий; это более 10 верст. Мы выехали к рытвине, образованной высохшим потоком, и к обнаженному холму, увенчанному развалившимися стенами. Это были остатки монастыря Иоанна Крестителя – и вслед за ними открылись густые кусты, рисующие берег Иордана. Полагают, довольно вероятно, что здесь было место крещения Спасителя и что оно обозначено этим монастырем. Сердце мое билось сильнее, когда мы приближались к луговому берегу, – и наконец сошли с коней под тень густых ив и олеандров, при говоре листьев и невидимо журчащих за ними струй...

Берег в этом месте обрывист: разнообразные ивы и тростники, сплетенные вместе с олеандрами и опутанные свежим плющом, свисали с обоих берегов над быстро несущимися водами благословенного Иордана. Воздух дышал утренними бальзамическими испарениями; этот ландшафт радовал душу. Вокруг нас – безмолвие обширной пустыни, ограниченной горами Иудеи и Аравии. Сидя под навесом густых ив и тамаринов и глядя то на ясное небо, то на бег Иордана, я читал первую главу Евангелия от святого Марка и подобную ей главу святого Иоанна. Между тем совершалось крещение наших египтян. Вскоре и я удостоился погрузиться в святые воды.

Не без вероятия можно предполагать, что израильтяне, предводимые Иисусом Навином, перешли через Иордан в Землю Обетованную в самом том месте, где определено было свыше креститься Спасителю мира; это место обозначено было Скинией Завета, когда Иордан, подобно Чермному морю, раздвигся перед нею. Полагают, что двенадцать камней, взятых со дна Иордана двенадцатью коленами Израиля и поставленные в память этого события, существовали еще во времена Христовы и что Иоанн Креститель обратился к этим камням, когда он сказал фарисеям и Садукеям, что *Бог может из камней сих произвести чад Аврааму* (Мф 3:9).

Мысль эта, о перехождении израильтян через Иордан и о крещении Спасителя, пришла мне нечаянно по прочтении Книги Иисуса Навина, и я немало удивился, найдя в ученом Реланде^[28], что имя Вифавары, которая находилась по ту сторону Иордана, против места крещения Спасителя, происходит от еврейского слова, значащего *место прехождения*.

Елисей и Илия возобновили чудо Иисуса Навина, перейдя Иордан посуху, а Нааман Сирианин был исцелен водами этой реки от проказы.

Иордан вытекает от подошв Анти-Ливана, в стране Трахонтийской, из небольшого озера, которое по своей круглости прозвано *Фиалом*, и из вертепа *Паниум*, близ города *Панеада*. Протяжение Иордана есть то самое, которое назначено Всевышним в область Израилю от *Дана* до *Цоара* или *Сигора* (Втор 24:3), то есть до южной оконечности Мертвого моря. Он называется по-еврейски *Иарден*; из этого некоторые писатели заключили, что имя его происходит от соединения двух источников, *Иеор* и *Дан*, и что этот последний получил свое название от близлежавшего финикийского города *Дана*, но доказано, что название Иордана гораздо древнее названия города *Дана*^[29] и что это слово означает по-еврейски течение или реку; и так как во всей Палестине нет другой реки, равняющейся с Иорданом, то он и прозван был общим именем *реки*. Он проходит сквозь два озера – *Самохонитское*, теперь *Эль-Гауле*, и *Тивериадское*; можно также сказать, что он протекает и сквозь Мертвое море. Ширина его вообще не более 60 футов; глубина, летом, от 7 до 8 футов; а зимою он часто выступает из берегов, которых обыкновенная высота доходит до 4-х сажен. Иордан изобилует рыбою, но в нескольких шагах от устья своего в Мертвое море вода его делается горька, а берега сглаживаются. Вода иорданская имеет вкус приятный; летом она прозрачна, а зимою, осенью и весною возмущена по причине своей быстроты. Арабы, со всем оружием, пешие и на конях, смело переплывают Иордан. Дикие племена бедуинов спускаются с нагих хребтов каменной Аравии с стадами и табунами роскошествовать несколько дней на луговых и тенистых берегах Иордана. Нередко они находят в тростниках других гостей своей родины, львов и тигров, привлеченных туда жаждою и стадами, и тут возгорается кровавый бой; длинное ружье, копье и кинжал никогда не оставляют этих моавитских пастырей. Пророк Иеремия живописно говорит о львах, тревожимых в кустах Иордана его разливом (Иер 49:19; Зах 11:3).

Мой товарищ оставил меня, отклонясь к Мертвому морю; а я, решившись еще раз подробнее осмотреть эту вдохновительную пустыню, тихо направился в обратный путь к Иерусалиму, невольно углубленный в задумчивость дикостью места. Недавно покрытое несметною толпою, оно теперь опять пришло в обычное запустение; –

пожженный на далекое пространство ковыль обозначал снявшийся лагерь Израиля...

Мы достигли подошвы гор Иудейских по ближайшему направлению, но не в том уже месте, откуда мы съехали, а ближе к Мертвому морю, чем к Иерихону. Мы долго достигали вершины, не раз оглядываясь на необъятное пространство Иорданской пустыни, на горы Аравии, на блестящую поверхность Мертвого моря, – и когда вся эта картина закрылась от меня стенами гор – знойная, безжизненная дебрь предстала передо мной. Мы выехали сквозь узкий дефилей на большую дорогу к развалинам гостиницы Благого Самаритянина, где мы накануне отдыхали с Абугошем. На скалах этого дефиля несколько вычеканенных крестов обратили мое внимание; полагают, что это то самое место, где, по преданию, Благой Самаритянин нашел ограбленного и израненного путника: местность совершенно оправдывает это предположение. Томимые усталостью и зноем, мы сошли отдохнуть под свод скал, но не найдя в наших *джарах* ни капли воды, принуждены были опять садиться на усталых лошадей, чтоб достичь скорее источника на расстоянии более часа езды отсюда. Тут нагнали мы несколько отсталых поклонников, жадно пьющих из водоема; вообразите мое удивление, когда я в одном из этих поклонников, одетом в красную рубашку, узнал русского крестьянина, Московской губернии, Дмитровского уезда, села Рогачева – соседа моего родительского дома! Наша встреча и свиданье были конечно не менее трогательны, как встреча Энея с Андромахою по разорении Трои.

Я возвратился в Иерусалим, в мирную монашескую обитель, до захождения солнца.

Глава IX

Иерусалим

«Сей Иерусалим, посреде языков положих его».

(Иез 5:5)

«Жилище Его в Салиме и пребывание Его на Сионе».

(Пс 75:3)

Прежде чем я приступлю к описанию Иерусалима, я ознакомлю читателя с местоположением святого города и побеседую о таинственной судьбе его.

Какое же избрать место для такого обозрения и для таких воспоминаний, если не то самое, которое было любимым уединением Спасителя, куда он всегда уклонялся с Апостолами: «иде по обычаю в гору Элеонскую»; днем учил во храме, а ночи проводил на горе Элеонской, – говорит святой евангелист Лука (Лк 22:39; 21:37); и это место есть самое живописное! С горы Элеонской развертывается весь Иерусалим и его окрестности, и отсюда начинается торжественное шествие нашего Искупления. Сядем под тень этой вековой маслины, *противу храма* (Мк 13:3), откуда Иисус предрек кончину века; где он отвечал Апостолам, говорившим: «Учитель! Посмотри какие камни и здания!» – «Не останется здесь камня на камне», – отвечал Спаситель; где он так трогательно оплакивал Иерусалим: «Иерусалим! Иерусалим избивающий Пророков и камнем побивающий посланных к тебе! (место убиения святого Стефана видно напротив) сколько крат хотел я собрать чад твоих, как птица собирает птенцов своих – и вы не восхотели». И как страшно отзываются здесь, среди опустения, слова: «Се оставляется вам дом ваш пуст!» (Мф 23:37–38).

Великий первосвященник Мельхиседек (библейский символ Спасителя) положил основание Иерусалима, назвав его *Салем*; словом, означающим *мир*. Это есть предание всех восточных народов; оно еще

прибавляет, что Мельхиседек перенес в Иерусалим тело Адамово, которое сохранено было Ноем в ковчеге. Основание Иерусалима, где совершилось спасение наше, предначертано, по словам Давида, прежде века, Богом Царем нашим, *посреди земли* (Пс 73:12). Это изречение не есть *аллегория*; Иезекииль вещает глаголом Адонаи: «Сей Иерусалим, посреде языков положих его» (Иез 5:5). География очевидно представляет Иерусалим в центре земного населения. Это мнение также принято у народов Востока^[30]. Все колена земные соберутся к этому центру, где «Иисус, (по глаголу небожителей) вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо» (Деян 1: 11). Мы все увидим некогда Иерусалим!

Цепь гор Иудейских, по направлению от равнин Рамлы до Иордана, расступается на половине пути, образуя на пониженных высотах двуххолмную площадь, на которой стоит Иерусалим, окруженный горами, как говорит царь Давид (Пс 124:2; Ис 2:2).

Иерусалим покрывает три приметные высоты; одна из них *Акра*, другая *Сион*, третья *Мория*. Небольшая долина, отделявшая Морию от Сиона, более заметная прежде, но теперь засыпанная и застроенная, называлась *Тиропеон*. Подъезжающему к Иерусалиму с запада, то есть с дороги из Рамлы, Святой город не обнаруживает еще своего величия; но с востока и юга он является в красоте царственной, на обрывистых горах. Глубокий и живописный овраг, изрытый *потоком Кедрским* и засеянный памятниками и гробами, отделяет его от противоположных скал.

Гора Вознесения или Элеонская, самая высокая из гор, облегающих Иерусалим, откуда мы начинаем свой обзор Иерусалима, находится на востоке, противу самого храма Соломонова, – и это есть определение Пророка Захарии. «Изыдет Господь... и станут нозе Его в день он на горе Элеонстей, *яже есть прямо Иерусалиму на восток*» (Зах 14:3–4). С самой вершины ее, несколько выше того места, откуда вознесся Спаситель, разворачивается вид обширнейший. Позади, с востока, по направлению в Галилею, теми диких гор встают как бы подернутые снегом, по причине известковых полос, которыми они испещрены. Налево, на юго-восток, та же дикость, но ряды гор, из которых обозначается вершина горы *Искушения*, прерваны внезапно пустынею, где в ясную погоду сверкает часть Мертвого моря и даже видна вдоль пустыни линия кустов, обозначающая течение Иордана; но

за ним черные стены гор Аравии заграждают горизонт. Направо, с севера, за небольшою пологостью, вид гор Иудейских увенчан двумя отличительными шпицами скал с развалинами; на ближнем – гроб Самуила, а на другом – здание времен Маккавеев. Перед вами, на горе, за глубоким оврагом, развертывается весь Иерусалим.

Этот овраг, усеянный гробами, есть *долина Иосафатова*; а в глубине ее это изрытое безводное русло есть *поток Кедрский*. Видя перед собою город, по наружности могущественный, увенчанный куполами и минаретами, обнесенный стенами и башнями; видя несколько дорог, ведущих к нему по всем направлениям вы ищете движения, – но все пусто! Изредка кой-где медленно шагает обремененный ношею верблюд, сопровождаемый полунагим арабом; изредка мелькнет между гробами, как привидение, завернутая в саван мусульманка, беседовавшая с любимым прахом, или, удрученный летами, с посохом в руке, монах сопровождает дальнего поклонника и робко направляются к пустынным святыням.

Это запустение, это молчанье, не прерываемое ни говором листьев, ни журчаньем воды, ни шумом людским, – торжественны! Здесь и природа и люди как бы находятся в беспрестанном ожидании Судного дня! и эти сдвинувшиеся с могил своих надгробные камни, кажется, готовы уже освободить из заключения мертвецов своих!

Едва ли не до двадцати раз Иерусалим был добычею меча и пламени. Но он был разрушен до основания три раза: Сесаком, фараоном Египетским, при Ровоаме; Навуходоносором и Титом. Место его, взрытое и посыпанное солью, было долгое время пристанищем диких зверей и разбойников. С восстановлением города Элием Адрианом, переименовавшим его имя, – назвав его: *Элиа Капитолия*, – оставшиеся жители были изгнаны и только ценою золота могли они исходатайствовать себе позволение приходить, один раз в год, плакать на прахе первобытного города.

Не прежде как через пятьсот лет по Рождестве Христовом начали христиане селиться в Иерусалиме под кровом Патриаршего наместничества. В начале седьмого столетия завладел им Хозрой, шах Персидский (он сжег храм Гроба Господня и Гефсиманию), а вскоре потом калиф Омар.

В 1099 году доблестный и достолавный подвиг крестоносцев, предводимых Годофредом, оградил без малого на целое столетие

святыни Иерусалима от неверных; но к скорби человечества, в 1187 году Салах-Еддин поработил врагам христианства всю Палестину, которая только временно переходила в руки христиан; но с 1291 года осталась во власти неверных.

Самая древнейшая часть Иерусалима есть Сион; Давид изгнал оттуда первых населенцев иевусеев и назвал это место *своим домом*, укрепив его башнями и стенами. Дотоле Сион назывался *Иевус* (1 Пар 11:4). Император Адриан, возобновляя город, исключил из него весь Сион и гору Морию с храмом Соломоновым и с *угловою башнею*, до *Ефраимских ворот*; но, по тайной воле Провидения, гора Голгофа и гробница Христова были включены в новый город и, застроенные языческим храмом, сбереглись донныне.

В наше время Иерусалим называется восточными народами *эль-Кодс*, то есть *Святой*, и *Мобарек* – *благословенный*. Замечательно, что это название принадлежит Иерусалиму с глубокой древности: Иродот называет его *Кадитис*^[31], словом, сходным с еврейским *кадош*, значащим Святой. В Исаие и Неемие он также назван святым (Ис 48:2; Неем 11:1, 18). Имя Иерусалима или *Салема* упомянуто в первый раз в Библии в 1–ой книге Моисея, глава 14, стих 18. Полное имя Иерусалима составлено из слов *Иевус* и *Салем*; Иевус был царь иевусеан. Но теперешнее название, *Иерусалим*, – правильное *Иерушалаим* или *Иерушелем*, – было принято, как полагают, Соломоном и значит *достояние и вечный мир*^[32].

Я сказал уже о виде, который открывается с вершины горы Элеонской; она составлена из меловатого кряжа, смешанного с кремнистым. Несколько ниже ее конечной вершины, противу Иерусалима, грубо построенная мечеть, посреди масличной роци, занимает то место, откуда вознесся Спаситель. Здесь некогда возвышалась прекрасная церковь, построенная святою Еленою. Среди четверостороннего двора, обнесенного стенами, в небольшом восьмиугольном строении, показывают на природной скале след левой человеческой стопы. По преданию, стопа эта есть Спасителя. Отсюда, изъязвленный человеками, вознесся Он на небо, благословляя род человеческий! Отпечаток другой стопы перенесен мусульманами в знаменитую мечеть Омарову, которая занимает теперь место Соломонова храма. Об этом обстоятельстве возникло много несогласий, о чем упоминает Шатобриан, говоря, что миссионер Рогер утверждает

положительно противу этого перенесения. Невозможность для христиан проникнуть в мечеть Омарову оставляла этот вопрос нерешенным. Я имел случай победить запрещение мусульман и сам видел отпечаток другой стопы Спасителя в мечети эль-Акса; это прежде бывший храм *Введения Пресвятой Богородицы*. Об этом я буду говорить пространнее в своем месте.

Достойны замечания слова Шатобриана по этому предмету: «Рассматривая следы стоп Иисуса Христа, заключили, что во время вознесения Спасителя лик Его был обращен к северу, как бы с тем, чтоб показать, что, отвергая этот южный край, омраченный нечестием, Он призывает к вере тех варваров, которые должны были разрушить капища кумиров, основать новые народы и водрузить знамение креста на стенах Иерусалима»^[33]. Во время Блаженного Иеронима крест, водруженный на храме горы Элеонской, был виден очень издали. Под сводами зданий, примыкающих к мечети Элеонской, показывают гробницу святой Пелагеи Антиохийской.

Гору Элеонскую называли также горою *Трех светов*. Освещаемая лучами восходящего и заходящего солнца, ночью озарялась она огнями храма (Соломонова?). Реланд говорит, что на высоте ее бывали празднованы новолуния, при зажженных свечках из оливковых ветвей^[34]. Кварезмий^[35] говорит, что в самых древних рукописях Деяний Апостольских она названа горою *Трех светов*. Она состоит из трех вершин. Средняя, самая высшая, есть гора Вознесения; та, которая обращена к Вифании, называется горою Соблазна, по той причине, что на ней царь Соломон, во время своего грехопадения, построил капище идолу Молоху, в угодность своим наложницам; тут впоследствии был Пантеон, разрушенный царем Иосиею. Третья вершина, обращенная к северу, названа горою Мужей галилейских; там, при Вознесении Спасителя на небо, явились Апостолам два Ангела в белой одежде, назвав их мужами галилейскими.

С горы Элеонской завещал Спаситель Апостолу Петру пасти Его стадо. Последние речи Его, возносясь от земли, были о человеках! Здесь царь Давид, гонимый сыном своим Авессаломом, проливал слезы пред Всевышним, и отсюда нагрянула на Иерусалим гроза, предреченная Иисусом: здесь были раскинуты шатры титовой армии при осаде Иерусалима.

Неподалеку от вершины Вознесения показывают то место, где, по преданиям, Пресвятая Богородица получила последнее благовестие Божие на земли; где Ангел, явась перед нею с пальмовою ветвью, возвестил ей, что она через три дня воззвана будет от здешнего мира к Престолу Всевышнего. Несколько ниже – Иисус, восседя с Апостолами, предрек кончину века: «Яко молния исходит из края в край небес... тако будет пришествие Сына человеческого», – читал я здесь, глубоко проникнутый предметами, окружающими меня. Несколько левее, при сходе с горы и перейдя дорогу, стоящий в земле обломок колонны означает место, где Иисус научил людей прибегать к Всемогущему Богу, как к нежному отцу их; здесь впервые вознеслась к небу, на крыльях ангельских, молитва: «*Отче наш!*» Еще ниже, сходя по уступам скал, – на той части горы, которая идет к Вифании, – показывают развалины необыкновенного здания, разделенного на несколько отделений или лож, и которых, как говорят, было двенадцать. Рассказывают, будто здесь собранные Апостолы утвердили двенадцать разделений *Символа веры*. Далее, на той же горе, с трудом можно найти заваленные камнями и заросшие кустарниками так называемые *Гробницы Пророков*. В эти крипты спускаются как в колодезь; там видно несколько гробовых ниш. Некоторые думают, что здесь было капище идола Молоха.

Продолжая отсюда спускаться по обрывистым скалам, – еще преисполненный чтением Евангелия о кончине века, – я увидел себя в глубоком овраге, заваленном гробами. Это *долина Иосафатова*. «*И соберу вся языки и сведу я на юдоль Иосафатову*» говорит Пророк Иоиль (Иоиль 3:2). Эта долина была с самых отдаленных времен местом кладбища; прах несметных человеческих поколений и прах столько раз разрушенного Иерусалима, засыпая ее с крутых высот, сделали из нее юдоль смерти и иссушили стремившийся по ней поток Кедрский; каменистое русло его показывает еще след давно протекших струй. Фантастический памятник Авессалома и строгая гробница Захарии господствуют над этими горами надгробных камней, испещренных еврейскими надписями. Удрученные летами, преступные и слепотствующие сыны Израиля доселе стремятся со всех концов земли, чтоб сложить прах свой в виду Сиона.

Глава X

Страстный путь

«Тако бо возлюби Бог мир, яко и Сына Своего едиnorodнаго дал есть, да всяк веруяй в Онъ, не погибнет, но имать живот вечный».

(Ин 3:16)

Весь скат горы Элеонской противу Иерусалима покрыт масличными деревьями, как и в древности. Эти ветвистые маслины, которые оттеняют подошву священной горы и на которых видна печать стольких веков, процветают еще от корней тех самых деревьев, которые скрывали молящегося Иисуса в ту торжественную ночь, когда он готовился на кровавый подвиг нашего искупления. Это сад Гефсиманский; сюда упирается дорога из Вифании, и отсюда начинается подъем на скалы Иерусалимские и на гору Элеонскую. По ту и по другую сторону дороги, идущей на гору Элеонскую, два небольшие садика, обнесенные грубою каменною оградой, принадлежали местечку Гефсимании; там находятся ныне погребальный вертеп Пресвятой Богородицы и пещера, где молился Спаситель перед тем как был предан Иудою. Место, где опочили три Апостола во время духовной предсмертной борьбы Иисуса, показывается доселе, в смежности с Гефсиманским садом, на расстоянии брошенного камня (Лк 22:41); там уступ и выемка скалы представляют природную удобность к успокоению. Молебная пещера Иисуса была некогда соединена с погребальным вертепом, где находится теперь гроб Пресвятой Его Матери; туда спускаются под самый Гефсиманский сад и там устроен теперь католический придел. Сколько божественных утешений обитают в сумраке этой пещеры для пьющих горькую чашу жизни! Какую горесть не усладит пролитый здесь кровавый пот Иисуса? Над скромным престолом изображен Спаситель, молящийся на коленях и принимающий чашу из рук Ангела. На боковой стене видны спящие три Апостола. Малое отверстие освещает сверху это святилище.

Преданный в саду Гефсиманском, Иисус был веден вдоль потока Кедрского, по направлению к памятнику Авессалома, против которого был мост через поток; этот мост еще существует. Здесь Иисус, даровав некогда зрение слепому от рождения (Ин 9), получил (по преданиям) первое поругание от ведших его стражей, и тут же было его первое падение; колена и руки нашего Искупителя напечатлелись на береговом камне, и мы доныне можем лобызать этот мученический след Его. Есть также одно предание, что Иисус, стертый с пути в поток Кедрский и мучимый жаждою, испил от струй этого потока, в исполнение пророческого стиха одного псалма: «из потока на пути будет пить, и потому вознесет главу» (Пс 109:7). Предания о Страстном пути Спасителя, отсюда, – различны. Иные говорят, что Иисус был веден чрез Золотые ворота, теперь закладенные и чрез которые Он торжественно вступил в Иерусалим из Вифании при кликах *Осанна!* Сказывают, что иудеи вели Его чрез эти самые ворота из поругания к Его славе^[36]. Другие утверждают, что, перейдя мост, иудеи обогнули поворот иерусалимских стен на юго-запад и направились сквозь врата, называемые *Гнойные* (также из поругания Имени Иисуса), сквозь предместье *Офель*, к дому первосвященника Анны, который находился возле теперешних Сионских ворот; потом повели они Спасителя к Каифе, на Сион, – и оттуда уже, после болезненной ночи, был Иисус препровожден через весь город, к Пилату. Только от этого места можем мы опять следить мученический путь Сына Божия. Местоположение дворца Пилатова известно, и направление улиц от него до лобного места Голгофы осталось то же. Чтоб достичь туда, возвратимся обратно к саду Гефсиманскому. Путь оттуда в Иерусалим, как мы сказали, подымается прямо на скалы иерусалимские; он остался тот же самый, как и в древности. Заметим, что этот подъем в Иерусалим указан несколько раз в Евангелиях, словами «*Се восходим в Иерусалим*» и подобными.

Вступая в Иерусалим вратами Овчими, чрез которые водили агнцев на жертвоприношения, вы видите довольно прямую улицу к дворцу Пилатову (мимо Овчей купели и дома Св. Анны). Туда был приведен Иисус дальним обходом. Часть развалин дворца Пилатова еще существует. С высоких террас этого здания, теперь необитаемого, взор обнимает весь притвор мечети Омаровой, где был Соломонов храм, и большую часть Иерусалима. Остаток от входа во дворец Пилатов, с

улицы, доселе виден. Этот вход был составлен из больших плит мрамора, красного и желтого, симметрически перемешанных; виден также карниз из белого мрамора и арка из простых камней новейшего построения. Все это вошло теперь в состав уличной стены. Осталась также последняя ступень от круглого крыльца, выходявшего на улицу. Эти ступени были одеты белым мрамором; они перенесены крестonosцами в Рим, где я их видел в церкви, называемой *Святое крыльцо* (La Santa Scala), близ собора Св. Иоанна Латранского; на эти ступени, которых числом 28, не иначе входят, как на коленях. Они вели Иисуса к нечестивому судилищу и они сводили Его окровавленного и поруганного на казнь. У этой последней ступени был Он встречен Своею Божественною Матерью. Возобновленная внутренность Пилатова дворца, где произнесен был неистовый приговор над Спасителем мира, обречена запустению, и крыльца притворов обрушились. Нынешние правители Иерусалима страшатся обитать в этом месте нечестия^[37]. Небольшая арка соединяет поверх улицы дворец Пилатов с другими зданиями по ту сторону; сказывают, что из одного окна этой арки Пилат показал народу Иисуса, произнеся: «*Се человек!*» Там живет теперь дервиш – оракул нынешнего паши Сирийского. Я был туда допущен. Над аркою построена небольшая галерея в ширину улицы, сажени в три, и шага в три поперек; на обе стороны улицы было по три окна; теперь два окна с одной стороны и одно с другой; это последнее называют окном «*Се человек*». Дервиш живет в этой комнатке, где ничего нет, кроме его циновочной постели. Лестница ведет туда из-под арки, с улицы. Налево, под самую аркою, показывают небольшое углубление в стене; повествуют, что Пресвятая Богородица на этом месте ожидала окончания суда Пилатова. Дом Ирода, куда был препровожден Иисус Пилатом и откуда Иисус опять обращен к Пилату, находился неподалеку, направо от арки, на небольшом возвышении, которое теперь не застроено и покрыто развалинами. Продолжая идти тою же Страстною улицею от арки Пилата и пройдя несколько более ста шагов, следует поворот улицы налево. Тут поверженная на углу мраморная колонна обозначает место, где Спаситель изнемог под тяжестью несомого им креста, который возложили на Него по выходе Его из Пилатова судилища. На этом углу существовала некогда церковь, построенная Еленою; своды храма служат теперь для бани. Напротив этого угла обитал, как сказывают,

бедный Лазарь, в виду чертогов богача^[38]. Возле бывшей церкви выходит сюда очень узкий переулок, идущий от задних чертогов Пилата. По преданиям иерусалимским, Пресвятая Дева, видя Своего Божественного Сына, ведомого из дворца Пилатова на казнь, устремилась к нечестивому властителю для испрошения пощады Сыну, но, не имев успеха в своем молении, приняла эту ближайшую стезю, чтоб выйти навстречу горестной процессии Божественного Крестоносца.

С одним из русских иноков обители Св. Саввы мы собрались в одну светлую ночь поклониться в тишине священным местам Страстного пути Спасителя, – и когда дошли до того места, где Пресвятая Богородица встретила с изнемогающим под бременем креста Сыном Своим, я первый рассказал брату иноку об этом укорененном здесь предании: я видел, как вдруг живые потоки слез брызнули из глаз его, я внимал в тишине ночной глубоким вздохам, стеснявшим грудь его. Никогда эта сцена не изгладится из сердца моего. Мы протекли с ним эту глухую стезю, по которой стремилась в глубочайшей скорби Матерь Божия. Сюда выходят теперь уединенные дворы некоторых гаремов.

Вскоре после первого поворота налево улица поворачивает направо, мимо дома евангельского богача, кверху, на крутизну. Тут Спаситель, опять подавленный тяжестью креста Своего и страданиями, был встречен Симоном Киренеем, который удостоился разделить с Ним тяжкую ношу, возложенную на Него человечеством. Тут же Он был встречен плачущими женами иерусалимскими. Далее, шагов за сто выше, все поднимаясь уже на крутизну, святая Вероника вышла из своего дома, находившегося на скорбном пути Иисуса, и освежила лик Спасителя, отерши с Него полотенцем кровавые ручьи. Пророк Исаия видел за несколько веков, очами веры, страждущего Иисуса (Ис 53).

Еще шагов через сто трудного крутого пути прежде находились *Судные ворота*; часть их доселе существует. Они кончали с этой стороны Иерусалим и назывались также *воротами Иевусеев*, древних основателей Иерусалима. За ними находилось *лобное* место казни. Чрез эти ворота, замеченные водруженной колонною, веден был Иисус на Голгофу. Продолжение этого страшного пути теперь застроено, а поверхность Голгофы и погребальная пещера Спасителя осеяны Храмом Его Воскресения!

Глава XI

Храм Гроба Господня

«И всю юдоль мертвых и пепела, и весь Ассаримоф даже до водотечи Кедрския, даже до угла коний врат восточных, освящение Господеви, и ктому не исторгнется и не потребится даже до века!»

(Иер 31:40)

Место, где основан храм Гроба Господня, называлось некогда *юдолью мертвых*. Поразительны пророческие слова Иеремии: «И вся юдоль мертвых и пепла и предградия до потока Кедрского, даже до угла конских врат восточных – будет священным местом Господа и не истребится и не разрушится вовеки» (Иер 31:40). Все это свершилось! и будущее утешительно сердцу христиан! Евреи называли это место *Голгофою*; значение этого слова объяснено в самой Евангелии. Кресты распинаемых видны были здесь в груди праха и пепла сожигаемых тел. Торжественный Крест Спасителя, вознесший человечество до небес, таился под этими грудями около трехсот лет. Язычники, злобствующие на многочисленных последователей учения Христова, приходивших сюда поклоняться втайне, воздвигли при Адриане, на *Голгофе*, храм Венере, а на месте Воскресения храм Юпитеру – чтобы христиане, поклоняясь своим святыням, казались поклонниками идолов. Но в 326 году по Р. Х. царица Елена сама прибыла в Палестину. Прежде всего, она разрушила капища идолов. Всем известна история обретения Креста и Гроба Господня. Замечательно, что храм Воскресения хотя бы и должен был называться по-арабски *Кенисат аль Куамат* (т. е. *Храмом Воскресения*), но он доселе называется *аль Комамат* – словом, означающим грудю обломков или праха, в память построения храма Еленою, когда она очистила это место запустения. Местность святынь Иерусалимских, и вообще всей Палестины, были тогда еще в памяти у всех, и благочестивая царица сама собрала все изустные предания и увековечила их сооружением храмов и письменами. Тогда был создан на этом священном месте видимый нами великолепный храм,

дополненный и украшенный впоследствии; бывший столько раз добычею пламени и сохранивший нам, чудесным Промыслом Божиим, два неocenенные сокровища – скалу Голгофу и погребальный вертеп Спасителя!

Греческий монастырь занимает частью место вертограда Никодимова: оттуда сходят по нескольким ступеням на квадратную площадку; одну ее сторону занимает византийская фасада храма, величественной наружности. Она примыкает слева к полуразрушенной землетрясением башне, того же зодчества, а справа к жилищу коптских христиан, которое построено уже на скате священного холма Голгофы. На площадке видна еще часть мраморного помоста и основания колонн, которые, может быть, принадлежали преддверию храма.

Два входа, под сводами глубоких мраморных огив, вели во храм; один из них, который направо, закладен. Печать веков оттеняет искаженные резные украшения наддверных и надоконных огив, поддержанных совокупными колоннами. Этот священный памятник невольно развертывает в уме приплывшего из дальних стран поклонника длинную летопись бурных событий, которых этот храм был предметом. Греки византийские, персы Хозроя, арабы Омара и Эль-Гакима, латинцы Годфреда, Рихарда, Фридрика и Людовика; турки и даже племена кавказские пронесли здесь народными полчищами и оставили надолго кровавые следы. Наконец, мысль о тех святынях, которые он охраняет в недрах своих, исполняет благоговейным трепетом душу вступающего туда христианина.

Мраморные барельефы, которые видны над дверями, изображают торжественное вшествие Иисуса Христа в Иерусалим, Его учение и Его погребение. Подле заделанных дверей есть крыльцо, которое вело к наружному приделу во имя Св. Елены, пристроенному после ко храму.

Я описал уже несколько, первый вид, при вступлении во храм; постараюсь теперь дать точнейшее понятие о его внутренности.

Пройдя несколько шагов от входа, мимо ложи мусульманского привратника с одной стороны и закрытых комнат ризничего – с другой, вы находитесь уже у подошвы скалы Голгофы; а перед вами простерт на помосте камень, на котором происходило миропомазание Иисуса по снятии Его со Креста. Направо от вас две мраморные лестницы ведут с двух сторон на высоту: это есть вход на Голгофу. Также направо, мимо крыльца Голгофы, видна закругляющаяся вперед галерея. Перед вами,

за камнем миропомазания, стена с большими иконами, из которых главная изображает снятие со Креста. Налево, сквозь два отделения, видны вдали пилястры, которые образуют обширную ротонду; среди этой ротонды находится невидный еще отсюда Гроб Господень.

Дерзнем грешными стопами взойти по мраморным ступеням на скалу Голгофу, куда так страдальчески восходил Спаситель мира под ношею нашего греховного креста. Сумрачная церковь Голгофы состоит из низкой двойной арки, подошедшей под потолок, по причине возвышения скалы, вмещенной во храм. Скромный греческий престол без иконостаса поставлен на том самом месте, где был водружен Крест Спасителя. Престол этот открыт по бокам, и под ним видно круглое отверстие, где стоял Крест. Направо, возле престола, видна трещина скалы, распавшейся при кончине Иисуса. Отверстие, где стоял Крест, и трещина обложены позолоченным окладом. Вся поверхность скалы одета плитами желтого мрамора. Все богатство этой уединенной церкви состоит в нескольких дорогих лампадах, – дар христианских царей; они висят над престолом, перед которым стоит большое распятие^[39]. Направо от греческого престола, под другою, меньшую аркою, устроен придел католический. Перед ним означено на мраморе место, где возлагали Иисуса на крест. Подле католического придела виден направо тот придел во имя Св. Елены, пристроенный снаружи, о котором я уже говорил. Под крыльцами, ведущими на Голгофу, есть еще нижняя церковь, у подошвы священной скалы, – посвященная Св. Иоанну Предтече. Там можно видеть сквозь железную решетку, перед престолом Предтечи, природную скалу Голгофы и распавшиеся камни при смерти Искупителя. Состав этой священной скалы – известково-меловатый. Здесь, по таинственным преданиям Востока, глава земного создания, падший Адам, положил прах свой, – и на том же месте водружен был страдальческий крест Спасителя, отверзшего вновь небо греховному человечеству. Многие святые отцы разделяют это мнение^[40]. Полагают, будто святой Апостол Павел разумел Адама, когда писал к ефесеям: «Посему сказано: встань спящий, воскресни от мертвых и освятит тебя Христос» (Еф 5:14). Нынешние сириане, равно как и арабы, называют Голгофу *Кранион* или *Акранион* (*Краниево место*). У самих мусульман есть книга (называемая *Кесат аль Джиамаджиамах*), в которой находится разговор между Иисусом Христом и черепом Адама. Полагают также, что Пророк Исаия разумел

святую скалу Голгофу, когда говорил: «И сотворит Господь Саваоф всем языком: на горе сей испиют радость, испиют вино, помажутся миром на горе сей: предаждь сия вся языком: той бо совет на вся языки. Пожертва будет смерть и паки отъят Господь Бог всякую слезу от всякого лица: поношение людей отъят от всея земли, уста бо Господня глаголаша сия» (Ис 25:6–9).

Тут же показывают место, где по преданиям скрыт прах Мельхиседека, основателя Иерусалима, священника Бога Вышнего; также места гробниц освободителя Иерусалима, Годофреда и брата его Балдуина. Последний пожар уничтожил эти два памятника.

Рядом с приделом Претечи – ризница и приемная комната греческой церкви.

Обошед крыльца Святой Голгофы, поворачивают в галерею, которая идет кругом всей соборной церкви греков, занимающей середину храма, до половины. Другая середина принадлежит ротонде Гроба Господня. Эта галерея включает разные приделы, посвященные воспоминаниям страстей Господних. В первом приделе греческий престол основан на обломке колонны, взятой из претории Пилата; повествуют, что к этой колонне Иисус был привязан, когда терпел поругания от неистовой толпы. За этим приделом следует живописный спуск по 49 ступеням в лощину, которая была подле скалы Голгофы и куда повергались тела и кресты распинаемых; там был найден Крест Господень, обнаруженный чудным исцелением одной жены. Тут устроена церковь о двух приделах. Первый, под куполом, поддержанным египетскими колоннами, носит имя Св. Елены, а второй, левее, посвящен благому разбойнику. Из придела Св. Елены ведет другой спуск, по 13-ти ступеням, в самое место обретения живоносного Креста. При сходе туда показывают выделанное в камне ложе, где сидела святая Елена, и окно в скале, через которое она смотрела на работающих при отрывании креста. На том месте, где обретен был Крест, стоит греческий престол; а возле, против лестницы, придел католиков. Все эти места, осененные сумраком, очень живописны. Это принадлежность армян.

Возвратясь из подземной церкви в большой храм и продолжая начатый путь кругом галереи, поклоняются церковному приделу *разделения риз*, – также принадлежность армян; он находится на оконечности поперечника храма против алтаря греческого собора,

который, будучи окружен не цельною стеною, но столпами и балюстрадами, виден из галереи. Подле этого придела видна дверь, называемая *Левантинскою*. Далее придел греческий во имя сотника Лонгина, одного из воинов, обратившихся при страшных знамениях, которые сопровождали кончину Спасителя. Обогнув соборный алтарь, есть направо особое отделение; в одном из приделов поклоняются каменным узам стоп Спасителя; эти узы перенесены из претории Пилата; другой придел посвящен Пресвятой Богородице. Сказывают, что здесь находилась пещера, в которую был заключен Спаситель, пока приготавливали орудия Его казни, и что по введении Иисуса на пропятие здесь проливали слезы Пресвятая Матерь.

Возвратясь из этого отделения и продолжая путь по прямой галерее, вдоль греческого собора, мы приближаемся к ротонде Святого Гроба, которая видна налево, а направо расположена в особенном отделении церковь католическая; она несколько выходит из главного корпуса здания. Последуем прежде туда. Церковь католиков занимает место вертограда, где по воскресении Иисус Христос явился Божественной Своей Матери. Тут же и встреча Спасителя с Мариюю Магдалиною. Подле алтаря показывают другой обломок от колонны, к которой был привязан Иисус в претории Пилата. Вправо от католической церкви – вход в их ризницу. Выйдя из церкви католической, направим путь наш в ротонду Гроба Господня. Я сказал уже, что эта ротонда видна также от подножия Голгофы; таким образом, мы обошли кругом почти весь храм.

Возвратимся к камню миропомазания у подошвы Голгофы, чтобы следовать вместе с ходом погребения Спасителя к Его живоносному Гробу, – и это обычный путь поклонников.

Направляясь от камня миропомазания налево ко Святому Гробу, мы проходим мимо того места, где Матерь Божия стояла во время миропомазания Спасителя; оно обозначено мраморным кругом; это принадлежность армян, и отсюда идет лестница наверх в их главную церковь. Еще несколько шагов далее – и мы находимся в величественной ротонде, составленной из 18 пилястров с коринфическими капителями; они соединены арками в три этажа и поддерживают огромный купол. Свет дневной, проникая сверху, падает длинными лучами на воздвигнутый посреди помоста легкий мраморный храм. Этот храм облекает Гроб Сына Божия, Искупителя

мира! Не надобно изъяснять то, что неизъяснимо, – это чувство при приближении к Гробу Господню и к Голгофе! Наружность Гроба Господня представляется в виде часовни из желтоватого мрамора; она увенчана красивым куполом, на арках. По бокам этой часовни пилястры, а фронтоны украшены четырьмя византийскими витыми колоннами. Над дверью картина из мраморной мозаики, изображающая Воскресение Христово; сверх того, дверь осенена полотняным навесом, изображающим тот же предмет. При входе низкое крыльцо из белого мрамора, с перилами, по обеим сторонам большие серебряные подсвечники со свечами. Войдя в часовню, мы находимся в преддверии Гроба Господня. Гроб Господень есть каменный вертеп, которого отверстие было завалено камнем. «И положил Его в новом своем гробе, который высек он в камне; и привалив большой камень к двери гроба, удалился». Так говорит святой евангелист Матфей (Мф 27:60). В Евангелии святого Иоанна сказано: «Близь же места того, где Он был распят, был сад, и в саду гроб новый, в котором еще никто положен не был» (Ин 19:41). Это объясняет близость Голгофы от места погребения Спасителя. Преддверие заключает то место, где Ангел Господень был виден сидящим на отваленном от гроба камне; оставшийся обломок от этого камня вделан в большую мраморную вазу; она служит престолом при совершении литургий и освещена 15-ю драгоценными лампадами. Обломок камня – такого же известкового кряжа, как и скала Голгофы. По обычаю иудеев, тела усопших обвивались полотном и полагались в вертепе на высеченном в стене пологе. Таков есть гроб Спасителя. Входя в пещеру, должно нагнуться всею головою; длина пещеры есть то пространство, которое может занять простертое тело усопшего. Промежуток между пологом и стеною вертепа в полтора шага. По измерению г-на Воробьева, площадь вертепа составляет квадратную сажень. Каменный полог, на котором было возложено Пресвятое тело Иисуса, облечен белым мрамором. Верхняя доска переломлена надвое. Тридцать шесть золотых и серебряных лампад, спущенных со свода, горят день и ночь во гробе Иисуса и испаряются сквозь небольшие отверстия купола. Стена, прилежащая к Гробу Господню, украшена мозаичною картиною Воскресения; небольшой, но выразительный образ Пресвятой Богородицы висит на стене против входа. Свежие цветы наполняют благоуханьем воздух. Драгоценнейшие эссенции

ароматических вод, а еще чаще слезы грешного человечества беспрестанно орошают трехдневное смертное ложе Искупителя мира.

Не должно воображать, будто бы гробовой вертеп Спасителя находился на этом месте так одинок, как он теперь; он входил в общий состав каменистого хребта этого места и примыкал к другим гробовым пещерам; гробы Никодима и Иосифа Аримафейского находились возле; они теперь вошли в стену храма. Уравнение места было необходимо при построении храма, и погребальная пещера Спасителя была отсечена от прилежащих скал; но прискорбно слышать, что греки, после последнего пожара, расширили несколько природную пещеру Святого Гроба.

Бедная часовня коптов пристроена к часовне Святого Гроба – к самой стене вертепа. Замечательно, что она была пощажена пожаром, поглотившим весь храм в 1810 году. Против нее, в капитальной стене храма, виден вход в часовню сириан, а оттуда в тот вертеп, где находятся высеченные в скале гробы Иосифа Аримафея и Никодима, погребавших Спасителя.

Чтоб довершить описание Храма, остается сказать о соборной церкви греков, занимающей на одной линии с ротондой Гроба Господня середину здания. Идя от дверей часовни Гроба Христова, вы видите величественную перспективу этого собора. Он отделен от ротонды двумя легкими деревянными перегородками, украшенными образами, в виде иконостаса; они соединены аркою, называемою Царскою; сквозь нее входят в собор со стороны Гроба Господня. Внутренность собора напоминает древние русские церкви; он осенен куполом, который вместе с большим куполом ротонды возвышается над зданиями Иерусалима. Купол собора лежит на арках, поддержанных с четырех углов, четырьмя пилястрами, соединенными в одну связь. Образа, украшающие иконостас и стены, почти все присланы из России; они не отличаются живописью, но вместе с разными позолоченными украшениями представляют вид довольно величественный. Двуглавый орел России виден над Царскими дверями; по обоим бокам паперти сделаны деревянные места, где становится монашество, а при начале местных рядов – кресла патриаршие. По самой середине помоста стоит мраморная урна с крестом, она означает средоточие земли, на основании того, что было сказано выше^[41]. Алтарь возвышен несколькими ступенями от паперти и кончается

полукругом. Огромный престол, устроенный для соборных служений, осенен большим навесом на позолоченных колоннах. В алтаре хранится часть Животворящего Креста. Хоры устроены над иконостасом. Сквозь аркады алтаря видна позади галерея храма. Ризница находится направо от алтаря, стоя лицом к Царским дверям; налево вход на святую Голгофу; а еще выше – в кельи греческих монахов, живущих в храме.

Три главные нации обладают храмом Святого Гроба: греки, латинцы и армяне. Копты, сириане и абиссинцы малочисленны и пользуются малыми правами. Неоспоримо, что права греков должны быть выше прав других народов; им принадлежит создание храма в древности, – и греки одни воздвигли его из пепла после последнего пожара в 1810 году.

Глава XII

Страстная неделя

«Той же язвен бысть за грехи наша, и мучен бысть за беззакония наша, наказание мира нашего на Нем, язвою Его мы исцелехом».

(Ис 53:5)

Все поклонники, желающие говеть, заключаются на всю Страстную неделю во храм Святого Гроба. Я возвратился с Иордана во вторник вечером и того же дня переселился в храм. Вся дорога от греческого монастыря и площадь храма были заняты продающими четки, кресты и перламутровые образа; большая часть этих продавцов – жители Вифлеема. Все пространство огромного здания храма было уже наполнено необъятною толпою народа, собранного *от четырех ветров*. Нил, Тибр, Дунай, Волга, Евфрат – имели своих представителей у Гроба Искупителя мира. Все галереи от купола до низу, все отделения, все ходы, все ступени крылец имели своих разноплеменных жителей всех лет: от грудных младенцев до согбенных летами старцев. Дикая племена заиорданских и дамасских арабов составляли главную часть поклонников; умножение их, к утешенью христианства, нынешний год было очень заметно. Непривыкший взор европейца оскорбляется множеством чалмоносцев; но это христиане коптские и абиссинские. Все службы совершаются ночью, как во времена гонения христианства. Но это устроено более для того, что при таком стечении народа, живущего во время Страстной недели в храме, благоговенье во время дневной службы было бы беспрестанно нарушаемо людьми, не принадлежащими тому исповеданию, которое совершает церковную службу; а во время ночи – они отдыхают.

Келья, в которой я жил, была над святою Голгофою и примыкала к хорам церковей греческой и армянской. Службы разных исповеданий почти не прекращались во всю ночь и следовали одна за другой. Я засыпал при протяжном пении латинцев или под звуки тимпанов сириан и абиссинцев. Благовест греческого собора в медную доску, висящую на хорах, пробуждал меня на молитвы. Но как торжественны

краткие минуты совершенного успокоения всех поклонников! Какие мысли рождаются при виде этой толпы человеков, объятых сном и простертых по всему помосту и по всем ступеням Голгофы, под сенью спасшего их Креста! «*Спите прочее и почивайте!*» Как трогательны среди этого общего успокоения рыдания отклонившегося из толпы уединенного инока или поклонника и поверженного перед Крестом Голгофы или у Гроба Искупителя! Но наступающий слишком рано, для души молящегося, день превращает *молебный Дом Отца Небесного в дом купленный!* Вся галерея за греческим соборным алтарем до католической церкви делается торжищем съестных и питейных припасов, где с трубками и с кофеем в руках расхаживают при громких беседах, – и это не только стражи мусульманские, но даже и некоторые христиане!

Я имел утешение видеть здесь трех русских иеромонахов и пользоваться их беседами. Первый, старец Паисий, с давних лет переселившийся в Иерусалим, занят хозяйственной частью и угощением русских поклонников; второй, отец Антоний, ведет также уже несколько лет келейную жизнь в самом храме; третий, с которым я познакомился еще в Каире, прибыл сюда с Афонской горы как поклонник. Эти два последние инока служили для меня попеременно обедни у Гроба Господня и на Голгофе – на родном языке. К ним присоединилось несколько русских богомольцев, и они составили небольшой, но довольно стройный хор певчих, и нередко латинские монахи приходили слушать это незнакомое им пение, пленявшее их слух; оно переносило меня мыслями в далекую родину.

В среду, пред обедню, совершается в храме елеосвящение в память того предсмертного помазания Спасителя, которое так трогательно совершила в Вифании, в доме Лазаря, Мария, сестра Марфы.

В Великий четверг, после обедни совершен был смиренный обряд Умовения ног, на площадке противу храма, в виду стекшихся со всех сторон жителей Иерусалима; толпа покрывала все террасы и даже карнизы соседних зданий. Арабы подымались туда с улицы с необыкновенною ловкостью; некоторые по веревкам, а другие по развитым чалмам, спущенным от тех, которые были наверху. Один из престарелых греческих Епископов, изображавший святое лицо Спасителя, осененный хоругвями, восседал на коврах, на верхней

ступени того крыльца, которое пристроено к приделу Св. Елены. Остальное духовенство, изображавшее Апостолов, расположено было на нисходящим ступеням. Несмотря на толпу полудикого народа, обряд совершился с благоговением, и весь народ был окроплен святою водою умовения. Чтение 12-ти страстных Евангелий на утрени в Великий пяток, на Голгофе, на самом месте страданий Спасителя, – повергает в прах молящегося грешника! Я не мог никогда без трепета пройти по Голгофе; даже мраморный помост, покрывающий ее священные камни, кажется слишком свят, чтобы носить наши грешные стопы!

В Великую пятницу, после тихой вечерни греков, во время которой святая Плащаница оставалась в алтаре, по причине толпы, – начались скромные шествия сириян и коптов на Голгофу, а потом пышное шествие армян. Я не имел времени следовать за этими обрядами, тем более, что я был незнаком с языками этих народов; но я находился при службе католиков. Обряд их в этот великий день трогателен. Процессия следует от католической церкви чрез весь храм. Монахи францисканского ордена, по два в ряд, в черных рясах, с местными свечами в руках, следовали за большим распятием и, остановясь на короткое время у алтарей *разделения риз* и *колонны поругания*, – шли, теснимые толпою, к подошве Голгофы, при грустном пении *Stabat mater dolorosa* и покаянного псалма. Медленно и затрудняясь на каждом шагу от тесноты, достигала процессия вершины Голгофы, и несомый крест был водружен на том месте, где некогда возвышался Крест Спасителя! Тут один из братьев произнес на итальянском языке простую, но трогательную проповедь о страданиях Спасителя. Каждое слово его, на кровавом поприще искупления нашего, глубоко ложилось на сердце человеческое! Присутствующие всех исповеданий поверглись на колена; невольное безмолвие водворилось на несколько времени... С окончанием проповеди кончается и духовный обряд латинской церкви – и, к сожалению, принимает вид материального зрелища. Тут совершается механический процесс снятия с креста искусственного изображения Иисуса. Руки Спасителя обвязываются прежде белою пеленою; потом один из братьев выколачивает молотком и вынимает щипцами гвозди, целуя их, показывая толпе, и, положив на серебряное блюдо, отирает губкою рану; по снятии пелены рука Иисуса падает, как рука мертвого тела. По окончании этого обряда изображение Иисуса, облаченное плащаницею, переносится к католическому алтарю

Голгофы и полагается на то место, где возлагали Иисуса на крест. Толпа, забывши внезапно страшное место, на котором она находится, стремится с шумом за зрелищем. Нельзя было воздержаться от негодования на некоторых из зрителей, которые осмелились войти на алтарный амвон самого места распятия Иисуса, чтоб лучше видеть происходивший обряд. Я употребил то влияние, которое мог иметь, чтоб отстранить этих безумных.

От католического алтаря Голгофы нисходит процессия к камню миропомазания; изображение Спасителя окропляется ароматами и переносится в часовню Святого Гроба.

Глава XIII

Великая суббота. – Заутреня и обедня Светлого Христова Воскресения

*«Смерть! где твое жало?
Ад! где твоя победа?»*

(1 Кор 15:55)

Накануне великого дня Воскресения Христова дошли до нас слухи о неприязненных действиях армян противу греков. Едва ли не горестнее мусульманского ига видеть вражду, царствующую между тремя главными церквами: греческою, латинскою и армянскою – в Иерусалиме, там, где Иисус соединил все человечество единою верою в Него, где неоднократно первою заповедью, после любви к Богу, завещал Он человекам взаимную любовь и где, наконец, ежедневно молятся о соединении всех церквей; и где ж это так давно желанное соединение могло быть совершено, если не здесь?

С давних лет, на основании султанских фирманов, дозволено арабам греческого исповедания исполнять один из их обычаев сообразно их понятиям. Пред начатием великосубботней обедни они выражают радость свою, обегая толпою три раза кругом часовни Гроба Господня, бия в ладоши и восклицая: «Нет другой веры, кроме веры православной!» Завистливые армяне склонили, как мы слышали, пашу сирийского Шерифа, стоявшего тогда лагерем у стен Иерусалима для набора рекрутов, чтобы он запретил арабам их обычное торжество. Дикое племя этого народа, стекшись в великом множестве из пустынь, явно обнаруживало свой ропот, и даже некоторые из них говорили, что они готовы быть мучениками, если найдут сопротивление. Пример беспокойств, происшедших в прошлом году в присутствии Ибрагима-паши, поселял справедливое опасение.

Перед обеднею все духовенство уже собрано было в алтаре греческого собора. Несметная толпа народа всех языков и вер закрывала все помосты, ступени и хоры. Гул толпы подоился дальнему шуму моря. Наружные врата были уже заперты; паша Шериф и

муселим Иерусалимский с своими женами занимали одну из аркад ротонды Святого Гроба, и несколько отрядов регулярного египетского войска расставлены были в некоторых частях храма, особенно у Гроба Господня, для отстранения арабов; но арабы устремлялись к соборному греческому алтарю и сколько знаками, столько и словами просили у греческого митрополита защиты и изъявляли свое негодование на притеснение. Беспокойство возрастало... Достопочтенный старец митрополит Мисаил, получив приказание от сирийского паши начать службу, объявил, что, имея положительные опасения в нарушении благочиния церкви, он не может начать служения, если не допустят арабов исполнить обряд, утвержденный им фирманами султанов. Приказание паши было объявлено Митрополиту чрез драгомана армянского монастыря и замысел был слишком очевиден. Вскоре тот же посланный явился вторично в греческий алтарь с подтверждением того же приказания паши и дерзнул возвысить свой голос. Тут один из нас, исполняясь негодованием, принял речь и велел сказать сирийскому паше чрез греческого драгомана, что права, дарованные султанами и нынешним правителем Египта, нам известны, что нарушение этих прав слишком явно и что мы, будучи свидетелями того, что делается, и тех смятений, которые могут произойти, – берем на себя довести все это до сведения Мегмета-Али, и требовать суда виновнику происшествия. Эта речь произвела желаемое действие. Паша отступил от своего обещания армянам, – арабы получили дозволение исполнить свой обряд, но раздраженный паша вывел почти всех стражей, дабы в случае беспорядков обратить всю вину на греков и на нас. Радость и признательность арабов были невыразимы; сквозь решетки алтаря они посылали нам свои изъявления благодарности обычными знаками восточных народов и даже поцелуями. Шумное торжество их и возгласы – совершились; тогда растворились Царские двери греческого алтаря; толпа раздвинулась, открыв путь к Гробу Господню, – и разоблаченный митрополит в одном белом подризнике, со связкою незажженных свечей в руках, для принятия святого огня, направился к часовне Гроба Господня, предшествуемый всем духовенством в белых ризах, блестящих золотом. Митрополит удостоил дать нам место вслед за собою. Толпы диких и бунтовавших арабов пребыли мирны как агнцы, лишь некоторые вырывались иногда из рядов, чтоб поцеловать

одежду митрополита или только коснуться ее, несмотря на все воспрещения и угрозы предводившего процессию янычара.

Таким образом мы достигли часовни Гроба Господня среди чудного зрелища народа, волнуемого или нависшего со всех аркад и карнизов. В часовню Гроба Господня вошли за митрополитом только один из греческих Епископов, архиерей армянский (недавно получивший на это право), русский консул, прибывший из Яфы, и мы, трое русских путешественников. За нами затворились двери. Никогда не угасающие лампы над Гробом Господним были уже потушены; одно слабое освещение проходило к нам из храма сквозь небольшие боковые отверстия часовни. Минута эта торжественна: волнение в храме утихло. Все исполнилось ожидания. Мы стояли в приделе Ангела, пред отваленным от вертепа камнем; один только митрополит вошел в пещеру Гроба Господня. Я уже сказал, что вход туда не имеет дверей. Я видел, как престарелый митрополит, склонясь пред узким входом, вошел в Святой вертеп; не прошло минуты, как мрак озарился светом, – и митрополит вышел к нам с пылающим пуком свечей.

Едва только свет огня блеснул сквозь отверстия часовни, как безмолвие толпы заменилось самыми необузданными восклицаниями и буйным волнением. Не довольствуясь огнем, поданным народу чрез боковые отверстия часовни, арабы вломились в запертые двери, сколько для принятия святого огня из первых рук, столько ж и для достижения чести нести митрополита, по обычаю и по необходимости, на плечах до соборного алтаря. Один из арабов, в безумном исступлении, впился зубами в мою руку, чтоб вырвать зажженную свечу. Часовня Гроба Господня, которая едва может вместить в себе несколько более десяти человек, вдруг наполнилась до невозможности толпою и превратилась в одну живую грудку с пылающими свечами, – и в довершение смятения двери часовни опять закрылись от вновь нахлынувшей толпы. Тут положение наше сделалось ужасным, и если б оно продолжилось несколько долее, то все б, находящиеся в часовне, погибли. Воздух от огня свечей, то загорающихся, то погасающих, делался уже едва выносим человеку. Столетний митрополит совсем уже изнемогал от духоты дыма и шума; те, которые не совсем потерялись, уговорили его довериться первому арабу и посадили его, почти бесчувственного, на плечо этого араба, но и тут еще не могли растворить дверей от напирющей толпы. Наконец усилия и громкие воззвания сквозь двери

к исступленной толпе открыли нам выход; толпа расступилась перед несомым на раменах араба, изнеможенным митрополитом; тогда народ опять сомкнулся и, как быстрый поток, устремился вслед за митрополитом к греческому алтарю. Один из арабов, видя меня почти затертого народом, знаками показал мне, чтоб я обхватил его за шею, и повлек меня среди стремящейся толпы; но скоро я был сорван с его плеч; тогда другой из арабов, с которым мы были уже знакомы, видя мое положение по причине моей раны, оказал мне ту же помощь и довлек меня до алтаря.

Богослужение остановилось... Митрополита оттирали и освежали разными эссенциями в ризнице, куда и мы последовали. Только после получасового отдыха, меж тем как священный огонь все еще переходил из рук в руки и подымался с хоров на хоры, выше и выше, – служба возобновилась. Промежуток между позднею обеднею субботы и воскресною заутренею был весьма малый от утраты времени в продолжение смут. Глубоко трогательные заутреня и обедня совершены были в самом вертепе Гроба Господня. Евангелие было читано на языках греческом и русском.

Таково в Иерусалиме знаменитое торжество, которое предшествует Светлому Христову Воскресению. Торжество это сопряжено всегда с опасностью для некоторых, даже иногда и для митрополита.

После обедни мы разговелись пасхою, яйцами и легким ужином за братскою трапезою у священного старца митрополита.

Глава XIV

Монастыри иерусалимские

«Куда восходят колена, колена Господни, по закону Израилеву славить имя Господне. Там стоят престолы суда, престолы Дома Давидова. Просите мира Иерусалиму!..»

(Пс 121:4–6)

Греческий монастырь уже более сорока лет управляем нынешним вековым старцем Мисаилом, имеющим титул митрополита Петры Аравийской и наместника Иерусалимского. Этот муж, строгого и святого жития, пользуется всею любовью и доверенностью своих единоверцев не только во всей Палестине, но и в далеких пустынях Петры и Пальмиры. Греческий монастырь находится в непосредственной зависимости от Патриарха Иерусалимского, пребывающего всегда в Константинополе. Ежегодно, несколько времени после Пасхи, отправляется туда из Яфы, от греков, корабль с дарами, деньгами и отчетами в издержанных и прибывших суммах. Весь доход монастыря состоит из вольных пожертвований богомольцев и из присылаемых даров греко-российским православием. Греки возобновили храм Гроба Господня после пожара 1810 года единственно на свой счет и оттого вошли в большие долги.

Положение христиан при нынешнем правлении Мегмета-Али гораздо улучшилось. Подати с христиан уничтожены. Прежде каждый монастырь платил большие суммы. Права на все священные процессии были куплены. Сверх того, за день Великой субботы платилось особо. Со всех вывозимых богомольцами из Иерусалима священных изделий, как-то: крестов, образов, четок – платились пошлины. Каждый поклонник платил по 10 пиастров, т. е. 2 рубля 50 копеек всякий раз за вход во храм, и сверх того особую плату за общий конвой к Иордану. Одни паши Дамасский и Акрский собирали до 60000 пиастров от монастырей ежегодно. Теперь они употребляют другой способ; они посещают монастыри и просят у настоятеля денег взаем; настоятели, имея необходимость в их покровительстве, должны часто снисходить

на их просьбы, но по крайней мере имеют право торговаться и убавлять требуемую сумму. При мне один паша, ревностный читатель Магомета, вопреки Корану неоднократно вывозил для себя бочонки лучшего вина, масла и других запасов. Странники терпели всякого рода насилия от бедуинов; теперь они частью отброшены за Мертвое море и строго наблюдаемы. Если правда, что арабы предлагали Мегмету-Али платить большую подать за позволение взимать с христиан, то распоряжения Мегмета-Али приносят ему еще большую честь; но должно сказать, что христиане оказали важную услугу египетскому правительству, когда Ибрагим-паша был осажден в Иерусалиме. Они разносили его повеления в чубуках, в седлах, в подошвах обуви. При первом воспрещении обирать христиан арабы заставляли их иногда класть деньги на землю и потом брали их, говоря, что это не есть уже кража. Храм Гроба Господня был очень душен; теперь проделали несколько окон сверху, для свободного обращения воздуха. Большие ворота были растворяемы для христиан с затруднениями, и то одна половина; теперь дозволено в большие праздники всем трем главным христианским церквам на равне растворять обе половины. Мегмет-Али определительно положил, издав *бурульду*, что он не будет делать никаких перемен против того, что постановлено для христианских церквей, и что дозволяются беспошлинно все починки и перестройки, чего прежде не было; даже позволено, как я слышал, поставить на храме крест, но он не поставлен по несогласию церквей, которые не хотят одна другой предоставить на это исключительного права!

Греческий монастырь имеет содержание очень скромное и беднее последнего из наших монастырей. Митрополит разделяет вполне образ жизни с прочею братиею. Кельи, которых единственное украшение составляют образа и диваны, построены кругом нескольких четверосторонних террас, из которых на одной разведен небольшой садик или цветник с несколькими апельсинными и померанцевыми деревьями и бальзамическими растениями, по большей части аптечными — для лечения. Здесь место отдохновения отшельников, которые в этой земле мятежей часто по целым годам не выходят из стен монастырских или из окружности храма Гроба Господня. С одной из вышних террас открывается вид на два купола Святого храма и на часть Иерусалима, по направлению к горе Элеонской. При монастыре есть библиотека, довольно полная по части богословия и греческих

классиков, в ней также хранятся несколько рукописей; из них драгоценнейшая – Евангелие, принадлежавшее, как сказывают, первому Епископу Иерусалимскому святому Иакову, и Библия – дар Византии. Библиотека находится под ведением первого секретаря, ученого и любезного иеромонаха Анфимоса; его глубокие сведения наставительны для путешественников; он знает французский язык. Гостиница для путешественников находится против монастыря, через улицу, и состоит из нескольких спокойных комнат; на дворе этой гостиницы есть садик с кедровыми, кипарисовыми и апельсинными деревьями, растущими посреди овощей. Я уже сказал, что гостиница и прием странников поручен почтенному старцу, русскому иеромонаху Паисию, которого добродушие и ласки остаются памятны каждому из наших поклонников. Из монастыря можно, миновав улицы, выйти прямо перед ворота храма Гроба Господня, возле башни, чрез церковь Св. Марии Магдалины; эта церковь считается как бы домашнею монастырскою, где служит в обыкновенные дни митрополит. Всех братьев не более сорока, и при них пять архиереев.

Сверх главного монастыря, греки владеют в Иерусалиме еще двенадцатью малыми монастырями, которые обитаемы бывают только во время Святой Пасхи, поклонниками, – иначе они имеют только сторожей и кой-где несколько из братьев. Вот имена этих монастырей: 1. Авраама. 2. Святых Архангелов. 3 и 4. Св. Георгия. 5. Св. Николая. 6. Мученика Димитрия. 7. Феодора Тирона. 8. Василия Великого. 9. Великомученика Евфимия. 10 и 11. Введения во храм Превятой Богородицы; эти два монастыря соединены в одном здании. 12. Св. Екатерины. Три последние монастыря женские. Малое число инокинь соединены в монастырях *Введения*, которые называют: *Великая и Малая Панагия*.

Монастырь латинский, во Имя Спасителя, населен монахами Францисканского ордена; они по большей части испанцы и сицилийцы. Монастырь этот столько же скромн, как и греческий, и едва ли не беднее. Лучшее украшение его состоит в домово́й церкви, построенной с большим вкусом и даже с роскошью. Эта роскошь церкви, сравнительно с бедностью их жилищ, трогает сердце. Их библиотека ничтожна. Я нашел в них менее просвещения, чем в греках. Путеводители их вообще лучше, чем греки, потому что католики следуют указаниям многих хороших латинских творений о

Палестине, – я говорю о путеводителях из чреды братской, – но у них нет тех любомудрых Епископов, какие у греков, – у них нет ученого Анфимоса. Я очень желал сойтись с ними дружественно. Беседуя однажды с ними, в душевном прискорбии, о распрях, разделяющих иерусалимские церкви, я слышал жалобы от их настоятеля на греков; он упрекал их, между прочим, за Святой огонь; он прибавил, что относится ко мне в этом, как к *европейцу*. Я им отвечал, что если они принимают это за *обряд*, то и в этом случае он освящен столетиями и что Римская церковь не имеет права на таковой упрек; что мне Италия знакома коротко, что и я также отнесусь к ним, как к европейцам, о совершаемом обряде в Неаполе, в церкви Св. Ианнуария, когда хранимая в склянке кровь мученика, будучи вынесена перед народом, начинает кипеть. Тут настоятель воскликнул: *ma questò e un veço miracolo!* (*это настоящее чудо!*) и не внимал никаким возражениям; если это так, сказал я ему, то позвольте мне более верить чуду, совершаемому на Гробе Самого Спасителя, чем чуду святого Ианнуария. Этот ответ навлек, может быть, на меня недоброжелательство латинцев в Иерусалиме. Богу известно, как я равно, душевно, расположен ко всему братству христианскому, и как я старался отстранить семена раздора между двумя главными церквями иерусалимскими!

Говорят, что самая беспокойная нация в Иерусалиме есть армянская. Церкви греческая и латинская могли б сродниться; монастырь армянский очень богат и силен подпорою первого министра при Мегмете-Али и дефтердаром при султানে в Константинополе; они оба армяне; но министр Мегмета-Али, армянин Богос-Бей, не всегда их оправдывает. Сказывают, что армянская церковь запрещает своим поклонникам под клятвою рассказывать, по возврате на родину, о трудностях пути до Иерусалима – чтобы привлечь более поклонников, приносящих дары. Роскошный и обширный монастырь армян заключает в себе священное место мученичества *Иакова Зеведея*; на нем построена армянская церковь, она есть одна из первоклассных церквей Палестины по своему зодчеству, богатству и восточному разнообразию украшений. Все стены обложены синею кафелью, а помост устлан богатыми коврами. Церковь освещена сверху сквозь отверстие купола. Множество золотых и серебряных лампад и подсвечников блестят со всех сторон; их огни отражаются в глазури

кафелей. В небольшом приделе показывают самое место мученичества святого Апостола. Иаков Зеведей был брат Евангелиста Иоанна; он был особенно любим Спасителем, который и предрек его мученичество (Мф 20:23). Он был казнен Иродом Агриппою в то великое гонение на церковь, о котором говорится в Деяниях Апостольских (Деян 8:1). Повествуют, что страж, приведший Иакова на казнь, был сам внезапно подвигнут благодатью и обратился в христианство в присутствии всего судилища. Он был казнен вместе с Апостолом. Тело святого Иакова Зеведея было скрытно увезено в Испанию и находится теперь в Компостеле.

Обширный двор армянского монастыря обнесен аркадами; там 700 келий открыты для поклонников. Сверх того много других пристроек. Большие караваны приходят к армянам. К монастырю принадлежит сад, замечательный по одному огромному кедру.

Монастырь абиссинцев, во имя Св. Марка, есть укромное жилище малого числа представителей этой нации. Должно сказать к чести армян, что они содержат их на свой счет. Абиссинцы принимают иудейское обрезание и, подобно иаковитам, вместо крещения клеймят на теле горячим железом кресты. При Папе Клименте VII они изъявили желание принадлежать Римской церкви. Копты и сириане находятся также в очень малом числе и питаются своими трудами. Коптский монастырь находится в пристройке к храму Гроба Господня и посвящен имени патриарха Авраама. Сирийцы называют себя первыми христианами, по тому поводу, что святой Апостол Петр прежде своего путешествия в Рим жил семь лет в Антиохии. Иаковиты приняли название от ученика Ариева, Иакова, основателя их ереси. Они, так же как и сириане, считают себя первыми христианами, обращенными святым Апостолом Матфеем.

В Иерусалиме есть также женский армянский монастырь, основанный на очень строгих правилах.

Глава XV

Путь к Сиону

«... Избрал Господь Сион, благоволил соделать его жилищем Своим».

(Пс 131: 13)

На пути к Сиону посещают замок Давидов, место, называемое *Трех-Марий*, монастырь армянский Св. Иакова, дома Св. Фомы, первосвященника Анны и Каиафы; а на обратном пути – железные ворота, место темницы Св. Петра и остатки церкви Св. Иоанна.

Замок Давидовым называют то укрепление, сквозь которое проходят Яфские или Вифлеемские ворота, откуда большая часть поклонников вступают в Иерусалим. Это укрепление выстроено четверосторонником, сажен 20 в ширину и 65 в длину. Твердые стены его связаны шестью башнями и защищены слабым бастионом с сухими рвами. Оно достаточно, при нескольких пушках, для временной обороны. Две главные башни, со времени крестовых походов, названы башнями Пизян, потому что пизяне возобновили их стены. На самом этом месте возвышался некогда *замок Давидов* и впоследствии башни *Псефина* и *Гипника*; последняя находилась в смежности с укреплениями Сиона, где был *дом Давидов*. Сад полководца Урия и дом его прилегали к замку Давидову, тут теперь незастроенное место; а бассейн водоема *Вирсафии* еще виден противу замка, через улицу, при въезде в Яфские ворота, налево; он теперь засыпан. Это древний водоем *Гискиев*. Здесь излился из глубины души кающегося царя тот псалом, который не престаёт доселе примирять грешников с правосудием Божиим (Пс 50). Во внутренности замка Давидова нет ничего замечательного, кроме некоторых древних орудий.

Неподалеку отсюда, оставя вправо замок Давидов, показывают место, где Спаситель в день Своего Воскресения явился святым *Мариям*: *Марии Иаковлевой*, *Марии Саломии*, *Марии Клеоповой* и *Марии Магдалине*, когда они возвращались от Его гробницы в Иерусалим. Это место застроено.

За сим следует место мученичества святого Апостола Иакова Зеведея, где теперь армянский монастырь. Мы уже о нем говорили. Тут была в древности площадь, где продавали рыбу; тут же было, как сказано у Пророка Исаии, водохранилище: *между двумя стенами*, т. е. между стенами сионскими *дома Давидова* и *замка Давидова* (Деян 22:11).

Дом незаконного первосвященника Анны находился близ ворот Сионских. Теперь на этом месте построена церковь армянская, посвященная *Св. Ангелам*. Сюда приведен был Божественный Иисус из Гефсиманского сада к первосвященнику Анне, в глухую полночь; стражи привязали Его к маслине, до введения к нечестивому судье; отрасли этой маслины показывают возле наружной стены церковного алтаря; это небольшое дерево огорожено наглухо решеткою. Здесь наш Искупитель получил ланитное поругание; святые Златоуст и Евтихий говорят, что совершитель этого беззакония был тот слуга архиерейский, Малх, которому урезал ухо Петр и которого исцелил Иисус!

Церковь армян небольшая, но красивая, одета кафелью в том же вкусе, как и великолепная церковь Св. Иакова и как все церкви, им принадлежащие. Отсюда, выходя из города через стенные ворота, называемые *Бабуль-Неби-Дауд*, т. е. *Давидовы*, или Сионские, мы приблизились к вершине Сиона! Мы сказали уже, что гора Сион, эта древнейшая часть города, где был *дом Давидов*, была исключена из города при Адриане; так она осталась и поныне. Мы видим в этом разительное событие пророчества Исаии: *«И откроют сокровенная домов краеградия Давидова: и узрят, яко множайшии суть, и яко отвратиша воду древние купели во град, и яко разориша дома Иерусалимли на утверждение стене градней»* (Ис 22:9). Водопроводы, напоявшие Сион, были уничтожены и направлены в новый город Адриана, а камни дома Давидова вошли в состав новых стен.

Чье сердце не трепещет при имени Сиона? Хвалебные гимны Ветхого Завета непрестанно возносили это святое имя до небес! Это гора Божия, это дом Божий: *«Избрал Господь Сион, благоволил соделать его жилищем Своим»* (Пс 131:13). *«Основанные Им на святых горах врата Сиона любит Господь более всех селений Иакова»* (Пс 86:2). Здесь долго покоилась страшная Скиния Завета, до построения храма; здесь прах великого Давида; здесь совершилось сладчайшее таинство Тайной вечери; здесь Искупитель мира завещал человекам для

их спасения Свое тело и Свою кровь. Здесь Святой Дух, в виде огненных языков, низшел на главы избранных – благословил, преисполнил и укрепил их на подвиг приобретения рода человеческого, от царства временного для вечного царствия духовного, достопоклоняемым тройственным Именем Отца и Сына и Святого Духа! Здесь, наконец, Пресвятая Матерь Божия провела остальные дни земной жизни своей.

Но Сион превратился в дебрь! По выражению Исаии, обнажены основания домов оконечного города Давидова. Надгробные камни покрывают часть вершины сионской. Тут общее кладбище христиан. Смерть менее страшна была для меня в Иерусалиме, – и не раз внутренние моления мои, с робостью грешника, испрашивали у Всевышнего утешения смешать прах мой с землею святою, если б мне не суждено было возвратиться из этого пути на родину.

Место великих таинств на Сионе занято нестройным зданием бедной мечети; но, к утешению христиан, здесь также есть небольшая христианская церковь, бывшая греческая, а теперь армянская. Она стоит там, где находился дом Каиафы, к которому был приведен страдающий Иисус от Анны. Двор, находящийся перед церковью, есть тот, где святой Петр отрекся от своего Божественного Учителя. Один из братьев греческого монастыря заметил мне глубоко трогательное место Евангелия, которое показывает, как Иисус всегда был занят грешниками: по воскресении Его Ангел, явившийся святым женам, сказал им: «Подите, скажите ученикам Его, – *и Петру*, что Он встретит вас в Галилее». Это особенное внимание к Петру было не что иное, как утешительное слово для глубоко уязвленного и кающегося сердца Петра. Сколько раз я читал и не замечал этого усладительного утешения для грешника. В престоле алтаря армянской церкви заключена большая часть того камня, который был привален к гробовому вертепу Спасителя.

В мечети показывают обширную комнату, поддержанную двумя столпами, как место Тайной Вечери – но построения всей мечети, видимо, новые. Под покровительством каваса Сирийского паши мне должны были показать так называемую гробницу Давидову. Муэзим после долгих отговорок ввел нас во второй этаж и, долго не находя ключей, наконец отворил нам дощатую дверь, Мы вошли в небольшую комнату, грубо оштукатуренную; к стенам приделаны каменные

прилавки, а у средней стены, в углублении, стоит довольно большой саркофаг, также оштукатуренный и одетый старою шелковою пеленою. Муэзим назвал его гробом Давида. Я не мог в этом увериться. Такое положение гробницы не сходно с обычаями иудеев, и по всем показаниям прах Давидов должен быть заключен в самых недрах горы Сионской. В восточных преданиях много сказано о таинственности Сиона. Иосиф Флавий говорит о сокровищах, скрытых в недрах этой горы вместе с прахом Давида и Соломона. Он рассказывает также о чудном происшествии с Иродом, как он был поражен подземным огнем, когда хотел проникнуть в погребальную пещеру Давида и Соломона^[42]. Пирамиды египетские не откроют ничего, кроме тщеты, — но залог, скрываемый святыми горами Иерусалима, просияет в вечности.

Мучительно было для меня сомнение о той комнате, которую показывают теперь как место Тайной Вечери. Несказанно утешительно для христианина видеть точное определение столь святых мест, но в таких случаях мы должны быть благодарны, что земля скрывает от нас то, что ни мир, ни мы не достойны видеть^[43]. Так, мы должны довольствоваться неизменившеюся местностью святого града и созидать на ней Иерусалим нерукотворенный. Не довольно ли моему сердцу видеть себя на святом Сионе и читать на самом месте таинственных событий евангельские глаголы самого Спасителя мира и Его Апостолов? Не должен ли восторг мой возвысить духовное существо мое выше всего земного?

В Новом Завете не названо определительно место Тайной Вечери, но большая часть святых отцов помещают это великое событие, равно как и сошествие Святого Духа, на Сионе. Мы имеем по этому предмету важное свидетельство святого Епифания; вот что он говорит по случаю прибытия в Иерусалим императора Адриана, из Египта, после покорения иудеев: «Адриан нашел Иерусалим уравненным с землею и храм Божий попраным, за исключением малой части домов и небольшой церкви, которая была построена на том месте горы Сионской, где был дом *трапезы* и куда возвратились Апостолы с горы Элеонской по вознесении Спасителя; тут же, на Сионе, видны были семь синагог, подобные хижинам или шатрам; одна из них оставалась до времени Максимона епископа и царя Константина»^[44]. Мы видим также из этого, что церковь на горе Сионской была построена гораздо

прежде святой Елены. Апостол Иаков, брат Божий, называет эту церковь матерью всех церквей; он же свидетельствует о сошествии Святого Духа на самом этом месте^[45]. Святой Иаков был здесь посвящен первым Епископом Иерусалимским.

В мечети Сионской показывают также развалины чертога, где обитала Пресвятая Богородица под кровом первой церкви Сына Своего. По сказанию Дионисия Ареопагита, Она провела здесь около 24 лет, и здесь кончила земное бытие Свое.

Здесь был первый Апостольский Собор, на самом том месте, как говорит предание, где Петр горько оплакивал свое минутное отречение в грозную ночь страстей Господних.

Царские палаты Соломона на Сионе означены ясно в *Песни Песней*. Гроб Давидов, на Сионе, не с меньшею точностью определен в Неемии: «Созидаше (Неемия) даже до вертограда гроба Давидова, и даже до купели устроенные и даже до дому Сильных» (Неем 3:16). Купель или водохранилище, здесь названное, есть источник Силоамский у подошвы Сиона (что также сказано у Неемии), где был дом Сильных или телохранителей царских; об этом мы будем говорить пространнее после.

Некоторые писатели затруднялись стихом 47 псалма, где сказано по всем переводам псалмов, темным в этом месте: «Благокоренным радованием всея земли горы Сионския, ребра Северова, град великого Царя». Определяя по этому стиху положение Сиона на севере, многие недоумевали, находя его на юге. Ученый Реланд объяснил ошибочный перевод^[46]. В нашем переводе Псалтыри на русский язык мы читаем очень ясно: «Прекрасная высота, утеха всей земли гора Сион, на северной стране ее град великого Царя». Это совершенное определение горы Сионской, после чего не нужно никаких объяснений.

Кроме того небольшого пространства, которое занимает армянская церковь и мечеть, все прочие части Сиона обнажены, некоторые части под гробами и развалинами, другие под скудным пастбищем, взрыты для насаждения маслин или вспаханы. «Сион яко нива изорется», – говорит Пророк Михей (Мих 3:12; Иер 26:18).

Вид с вершины горы Сионской прекрасен. Гора Сион находится у соединения трех горных ущелий: первое, от востока, называется долиною Иосафатовою и образовано потоком Кедрским; второе, от юга, называется долиною Царскою; третье, от северо-запада, долиною сынов

Гиномовых или *Гегенскою*. Это соединение трех ущелий у подошвы Сиона есть самое плодороднейшее место Иерусалима; тут были сады Соломоновы, и до сей поры, струи потока Силоамского и тени трех гор: Сионской, горы *Соблазна* и горы *Злого Совещания* – содержат вечную свежесть в рощах, прилежащих к селению *Силоама*.

Несколько ниже Сионских ворот и у подошвы наружной стены города, близ дороги, ведущей к долине Иосафатовой, существует, как мне сказывали, тайный подземный путь во внутренность Иерусалима. Некоторые из вождей арабских воспользовались в прошлом году этим путем, когда войска Ибрагима-паши были осаждены ими в Иерусалиме и едва не овладели городом. Гарнизон укрепился в замке; город был несколько дней предан разграблению; евреи сделались главною жертвою арабов; прибытие Ибрагима из Яфы прекратило кровопролитие. Существование таких подземных путей подтверждено сказаниями Иосифа Флавия, о чем мы говорили выше.

Мы возвратились от Сиона в Иерусалим чрез те же ворота Сионские, но поворотили тотчас направо, вдоль стен города; они живописно поросли с этой стороны кактусом и плющом. По насыпям, накопившимся из города, можно доходить до самых бойниц, и я с вершины этих стен, столько раз ниспровергнутых и вновь создаваемых, долго любовался почти тем же самым видом, как и с горы Сионской, и горько мечтал о *граде великого царя* – об этом краеугольном камне земного мира! Сколько племен сокрушилось на нем, и какое светлое возрождение возникает на его неподвижном основании!..

Глава XVI

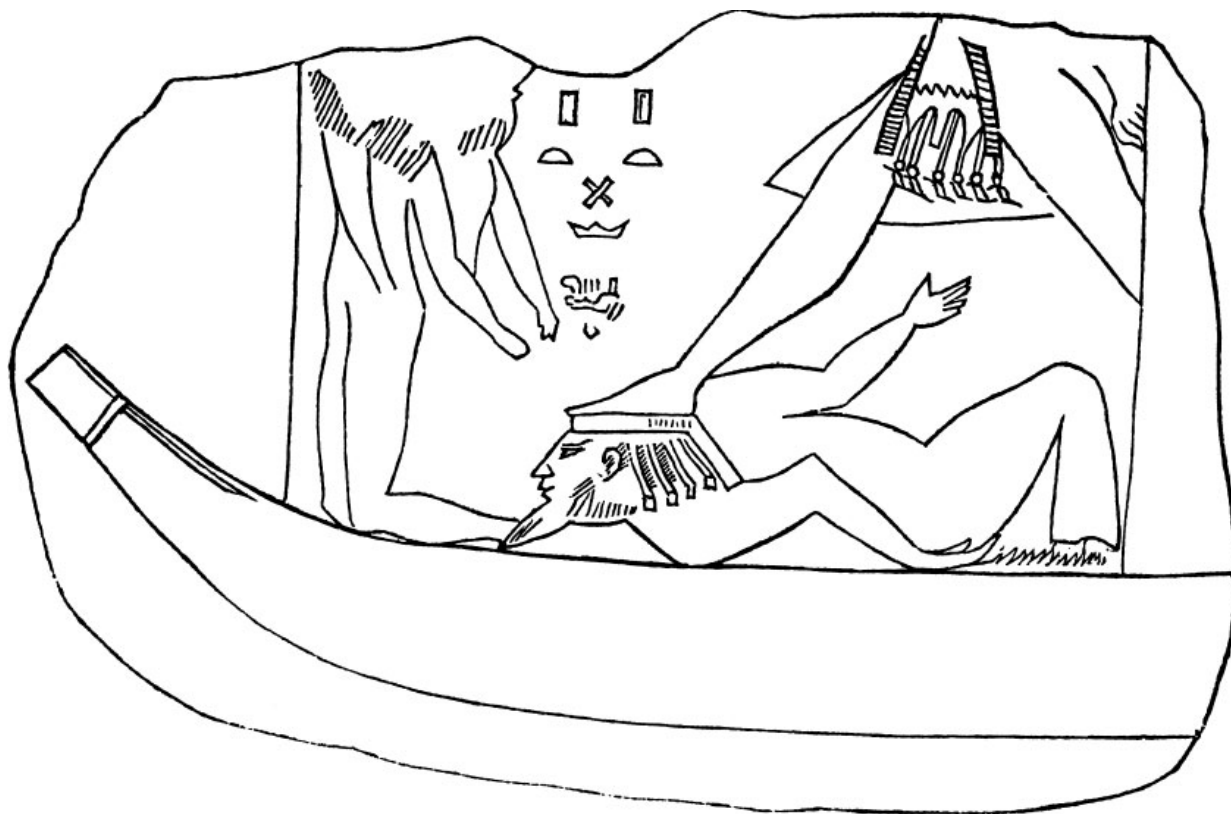
Квартал евреев. – Темница Св. Петра

«Слухом услышите и не уразумеете, и очами смотреть будете и не увидите, ибо огрубело сердце людей сих».

(Ис 6:9–10)

Мы вышли в квартал евреев. Находясь в Иерусалиме уже около месяца, я еще не встречал ни одного еврея. Владыки земли Израилевой обитают между Сионом и Мориєю в смрадных мазанках или под теми подземными сводами, которые, вероятно, служили основанием чертогов времен Соломона. Даже в своем квартале евреи ищут укрыться при виде чужестранца. Жажда корысти, столь сильная в этом народе, кажется, менее обнаруживается в них в Иерусалиме, хотя большая часть из них ремесленники и торгуют на базаре. Их число здесь довольно велико^[47] и состоит большею частью из старцев и жен; женский пол многочисленнее. Во мраке их подземелий лампы не угасают перед книгами Ветхого Завета. Утомленные беспрестанною борьбою с укоряющею их истиною Писания, – если они выходят подышать воздухом на террасы своих бедных жилищ, взоры их устремляются попеременно то на Сион, то на гору храма Соломонова, с которых они равно изгнаны; но они отклоняются от вида двух куполов, осеняющих Голгофу и где их ожидает спасение! Не тот ли же это народ, в моральном отношении, о котором говорил Иисус: «Исследуйте писания: ибо вы сами думаете чрез них иметь жизнь вечную; а они свидетельствуют о Мне?» (Ин 5:39); не тот ли, о котором говорит Исаия: «слухом услышите и не уразумеете; и очами смотреть будете и не увидите. Ибо огрубело сердце людей сих, и ушами с трудом слышат и очи свои сомкнули, да не узрят очами и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их»? (Мф 13:14–15; Ис 6:9–10) В наружном отношении, не тот ли это самый народ, чей облик начертан на вековых стенах стовратных Фив более нежели за тысячу лет до Рождества Христова. Я никогда не забуду, как я был поражен удивлением, когда, бродя по исполинским развалинам

Карнака, я нашел случайно изображение одного из египетских фараонов, попирающего олицетворенное царство Иуды; оно представлено в виде простертого под его мощною пятою еврея. Лицо израильтянина есть точный отпечаток народа еврейского нашего времени. Как не задуматься о таинственной судьбе этого избранного и отверженного народа, который продолжает быть почти одинаков от Моисея и доныне и который, если очами узрит, слухом услышит и сердцем уразумеет – может из глубочайшего уничижения стать наряду с первыми народами мира. Жаль, если показанный барельеф, так значительно важный, ускользнул от изысканий Шамполиона и что верхняя часть барельефа не существует; – здесь гордый победитель Израиля сам уже обезглавлен временем. Он и исполинское царство его стерты с лица земли, а сыны попранного им народа все еще существуют без изменения. Наш барельеф достаточно объяснен тем, что Шамполион сказал о колоссальных барельефах на южной стене Карнака, где фараон Сесак влечет за собою целые ряды племен израильтян; у одного из них на нагрудном щите ученый археолог прочел в иероглифических буквах: *Иудага-Малек*, т. е. *Царство Иуды*. «И бысть в лето пятое царствующего Ровоама, взыде Сусахим (*Сесак* или *Сешок*) царь Египетский на Иерусалим, и взя вся сокровища Дому Господня и вся сокровища дому церкви... и внесе я во Египет» (3 Цар 14:25–26)^[48]. Это самое историческое событие, изображено в найденном мною барельефе. Я счел любопытным снять с него тщательный рисунок и передать эту уцелевшую от веков важную страницу истории тем, которые могут на ней прочесть более, чем я. Евреи имеют здесь синагогу и дом для пристанища своим поклонникам.

Близ Иудейского квартала, по дороге к армянскому монастырю, показывают остатки дома святого Фомы, а далее дом Марии, матери Иоанна, прозванного Марком, куда пришел Апостол Петр, освобожденный из темницы Ангелом. Тут есть церковь сириан, там сохраняется очень древняя купель. Продолжая путь к храму Святого Гроба, указывают на место, где был дом первосвященника Захарии, поблизости видны остатки железных ворот, которые сами растворились перед святым Петром, ведомым Ангелом из темницы. Мне показали уцелевшие железные веревки ворот. Развалины темницы тут же поблизости. На одной из улиц, ведущих из иудейского квартала, я заметил следы древней мостовой Иерусалима; огромные камни, которыми устлана улица, обращают невольно внимание. В Иерусалиме так мало вещественных древностей времен Спасителя, что и камни, уцелевшие от стольких разрушений, делаются священными. Неподалеку от храма Гроба Господня можно видеть значительные остатки церкви Св. Иоанна Предтечи, времен святой Елены, они состоят из нескольких аркад; там теперь городской базар. Церковь эта построена была крестообразно; середина ее была квадратная, где

четыре отделения наподобие креста составляли самую церковь. Здание это равно называется домом Зеведея, отца Апостолов Иакова и Иоанна, также домом святого Иоанна Евангелиста, в котором он родился.

Следуя священной улицею Страстного пути, по направлению к воротам Гефсиманским или Овчим, можно видеть на правой руке, в смежности с дворцом Пилатовым, остатки развалин башни Антониевой, или правильнее: замка Антониева; это укрепление было сооружено Гирканом Маккавеем. Ирод возобновил это здание, соединил его, аркою, с стенами храма Соломонова и назвал его *замком Антония*, в честь триумвира этого имени, его друга. В нем обитал несколько времени сам Ирод и первосвященники.

Несколько подалее, по тому же направлению и также на левой стороне, видны значительные развалины церкви византийского зодчества над местом, где был дом Святых Родителей Матери Божией и где Она родилась на радость земли и неба. Тут же Святые Родители ее кончили жизнь свою. Это живописное здание находится наискось против Овчей купели – согласно с тем, что говорит святой Иоанн Дамаскин^[49]. Церковь эта принадлежит также времени Елены и Константина, она разделялась на верхнюю и нижнюю; сверх того показывают подземный свод, который называется собственным жилищем родителей Пресвятой Девы. Это здание было долго превращено в мечеть, но теперь в совершенном запустении: доступы поросли густою травою, но древние своды храма оглашаются божественными гимнами христиан в день Рождества Пресвятой Девы. В Иерусалиме есть поверие, что ни одна мусульманка не может долго существовать в этом месте. Когда здесь была мечеть, то, говорят, что мусульмане жили здесь без своих жен. Недавнее уничтожение мечети подтверждает некоторым образом этот рассказ. Фасад храма Св. Анны обращен на узкую улицу, которая ведет со Страстного пути к закладенным воротам Иродовым. Почти в конце этой улицы обитает бедная арабская семья, среди развалин и овощного палисадника. Тут был дом Симона Фарисея и тут происходила трогательная евангельская сцена обращения святой Марии Магдалины. Подвигнутая милосердием Иисуса, когда Он удостоил Своим присутствием трапезу Симона Фарисея, – здесь она омыла слезами покаяния стопы Спасителя и отерла их своими власами. Здесь существовал при Годфреде женский монастырь.

По возврате на улицу Страстного пути, уже близ ворот Гефсиманских или Овчих, виден глубокий четверосторонний бассейн, поросший на дне кустарником и несколькими деревьями; все бока его сложены из камня. Он обнесен с двух сторон разными зданиями, но открыт со стороны городской стены; между им и этою стеною ведет улица к мечети Омаровой, которая заменила храм Соломонов. Наружная ограда мечети примыкает к бассейну с юга. Это есть то водохранилище, которое определено с такою точностью в Евангелии святого Иоанна под именем *Овчей купели*. «Есть же в Иерусалиме у Овчих ворот купальня называемая по-еврейски Вифезда, при которой было пять крытых ходов; в них лежало великое множество больных, слепых, хромых, иссохших, ожидающих движения воды; ибо Ангел Господень по временам сходил в купальню и возмущал воду, и кто первый входил в оную по возмущении воды, – тот выздоравливал...» (Ин 5:2–4). Две арки, которые видны с западной стороны, показывают остаток пяти крытых ходов. Я также заметил следы таких арок или сводов с северной стороны. Те аркады, которые видны в развалившемся здании, которое прилегает к ограде мечети Омаровой, также полагают принадлежавшим к больнице или Дому Милосердия, по-еврейски: Вифезда. Этим именем называлась и купальня. Вот несомненное зодчество евреев, времени Давида и Соломона. Водоохранилище имеет 150 футов в длину и 40 футов в ширину. Трудно определить глубину, от насыпи. Состав стен купальни, по исследованию Шатобриана, был сделан следующим образом: слой больших камней, связанных железными скобами; за ними перемешанная кирпичная работа, потом слой из мелких камней, покрытых известковым составом. Замечательно, что все эти слои расположены не горизонтально, а вертикально. Известковый слой обращен к воде. Должно припомнить, что это водохранилище называлось *Овчьим* по той причине, что жертвы, приносимые в храм Соломонов, были предварительно омываемы в его воде. Всякий раз как я приходил к воротам Овчим, я останавливался отдыхать у парапета этого спасительного рва. Иссякли животворные воды! Но голос: «Встань! возьми одр твой и ходи!» – не перестает воздвигать к жизни немощное человечество!

Глава XVII

Мечеть Омарова: Эль-Сахара (Храм Соломонов). – Мечеть Эль-Акса (Введение во храм Пресвятой Богородицы)

«Учитель! Посмотри какие камни и какие здания!.. Иисус сказал ему в ответ: видишь сии огромные здания? Все это будет разрушено так, что не останется здесь камня на камне».

(Мк 13:1–2)

«Се, оставляется вам дом ваш пуст!»

(Мф 23:38).

Самые следы чудесного храма Соломонова стерты с лица земли. Это здание, куда в продолжение нескольких веков текли сокровища всего Востока морем и сушею, разрушено Навуходоносором за 600 лет до Р. Х. Храм Соломонов был возобновлен Зоровавелем и наконец Иродом Аскалонитским. Этот последний храм был тот, который существовал при Иисусе и от которого, по Его Божественному предречению, не осталось камня на камне по взятии Иерусалима Титом. Местность храма Соломонова определена со всею точностью в Священном Писании. Восточная часть его обращена была к горе Элеонской (Мк 13:3); с севера находилась купальня Овчая; с юга он оканчивался обрывом горы Мории, на которой он построен (2 Пар 3:1); но с запада не существует видимых предметов, которые могли бы определить его ограду. Гора Мориа была соединена с горою Сионскою мостом и крытым ходом; – а стены Сионские простирались до ограды храма Соломонова, и потому, в Священном Писании, гора Мориа и храм принимались иногда за одно с Сионом^[50]. На этом священном месте возвышается теперь великолепная мечеть Омарова, краса арабского зодчества; она занимает в ряду восточных зданий то же место, которое имеет римский Пантеон в классической архитектуре.

Мечеть Омара в Иерусалиме, называемая *Эль-Сахарал-лах*, пользуется почти одинаковою знаменитостью на Востоке, как и мечети Медины и Мекки. Магомет, в первые годы издания Корана, повелел, чтобы мусульмане во время молитв своих обращались к мечети иерусалимской; она принадлежит секте ганифитов – первой в исламизме. Вход в нее воспрещен христианам под смертною казнью. Сидней Смит, защитник мусульман противу французов во время экспедиции Бонапарте, не мог найти способа проникнуть туда. Даже до сей поры, когда влияние европейцев на Востоке сделалось так сильно, а власть мусульман так ослабилась, мы знаем про внутренность мечети Омаровой только по неверному описанию Али Бея^[51]. Сказывают, что Бурхарт, знаменитый путешественник и ориенталист, сроднившийся с восточными обычаями до такой степени, что он был признан арабами за шейха, посещал мечеть Омарову, но мы не имеем его описания. Г-жа Бельзони, переодетая в мусульманское платье, в 1818 году быстро пробежала часть мечети Омаровой, волнуемая страхом, и все, что сказала об ней, также совершенно неверно. Но то, что мы знаем положительного об этой мечети, заимствовано у медика Ричардсона, который видел эту мечеть втайне, находясь в служении при муселиме Иерусалимском. Из старых описаний самые лучшие принадлежат Вильгельму Тирскому и отцу Рогеру; но они мало удовлетворительны. Новейший путешественник, Трапист, отец Жерамб, бывший в Иерусалиме за один год до меня, отвергая рассказываемые ему басни о камне, держащемся на воздухе в мечети Эль-Сахара, делает свои предположения, каким образом этот камень может быть утвержден в потолке, чтоб производить таковой оптический обман, – и тому подобное...

Я имел случай осмотреть обе мечети, находящиеся в ограде храма Соломонова: Омарову – Эль-Сахару, и другую, называемую Эль-Акса, которая обращена в мечеть из древней церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы. Мое описание не может быть обстоятельно, потому что в один час времени я не мог вникать в подробности, но по крайней мере оно будет верно. Скажу прежде о случае, доставившем мне туда вход.

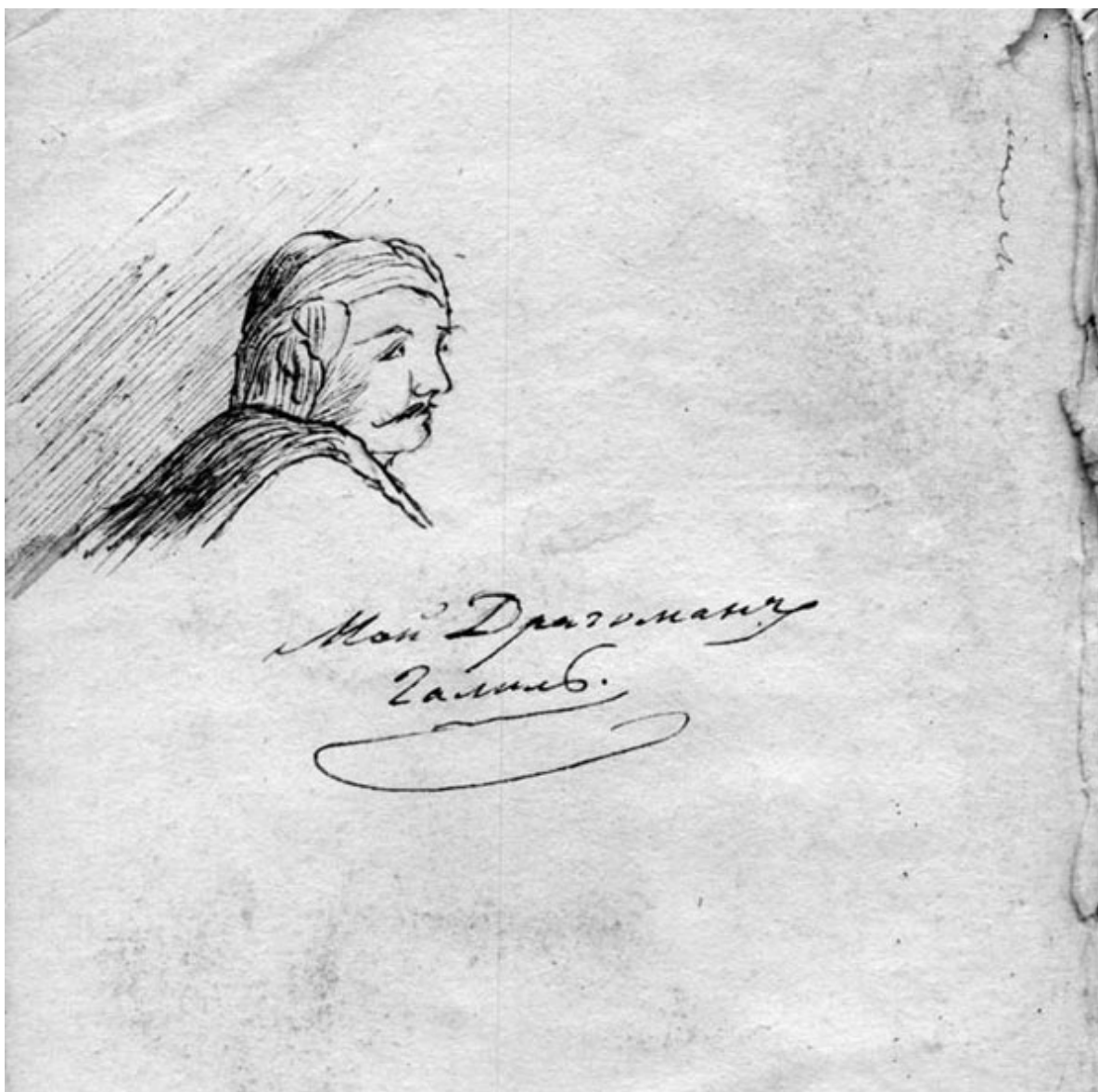
В бытность мою в Египте я пользовался чрез г-на Дюгамеля благосклонностью нынешнего властителя Востока Мегмета-Али; на возвратном пути моем из Нубии я встретил его в последний раз в

Монфалуте. При свидании моем с ним я получил от него несколько рекомендательных писем в Сирию, и между прочими одно особенное письмо к паше Сирийскому Шерифу, его зятю, пребывающему в Дамаске. По счастливому стечению обстоятельств Шериф-паша во время моего пребывания в Иерусалиме прибыл туда для набора рекрутов и расположился лагерем у стен города. До прибытия моего в Иерусалим мой соотечественник и короткий знакомый С., имевший также значительные рекомендации от Мегмета, начал уже переговоры с властями иерусалимскими о доставлении ему способа видеть мечеть Омарову; с приездом моим наши старания соединились вместе. Находившийся при мне драгоман нашего консула в Яфе оказал нам в этом случае большие услуги: я послал его в лагерь к паше с приветствием и с письмом от Мегмета-Али, приказав сказать ему, что я сам буду иметь удовольствие с ним познакомиться на другой день; я получил от него самое вежливое приглашение.

На другой день около полудня я отправился в его лагерь с моим драгоманом. Выехав из Яфских ворот, я увидел стан аравитян и направился прямо к украшенному полумесяцем шатру паши; мне казалось, что я вижу перед собою сцену из *Освобожденного Иерусалима*. Приближаясь к шатру Шерифа, мы увидели его стоящего на коленях у входа в шатер и совершающего свою полуденную молитву; он был обращен на восток; мы отклонились в сторону, и увидев тут же, что он кончил свои *рикаты* или поклоны, я оборотил лошадь и, несколько не доезжая до шатра, был встречен им самим. После взаимных приветствий мы вошли в его распахнутый шатер и расположились на диване. Нам подали трубки и кофе. Он занял меня расспросами о России – увеличивал до чрезвычайности число наших армий, спрашивал моего мнения о Египте и проч. Дойдя до предмета моего путешествия, он стал мне предлагать свои услуги, прибавя, что Мегмет-Али рекомендовал меня ему особенно; я отвечал ему, что я буду его просить о некоторых предметах, касающихся до моего путешествия, через моего драгомана, и мы расстались с ним очень дружелюбно. Не желая, чтоб он отказал мне в чем бы то ни было, я послал на другой день моего драгомана к его секретарю с полными наставлениями, чтоб выхлопотать от паши разрешения на вход в мечеть Омарову. Шериф-паша видел сам моего драгомана, представлял ему все трудности и опасности, сопряженные с исполнением нашего желания;

хотел сзывать на совет всех шейхов иерусалимских, желая сложить на них неуспех; но мой драгоман, зная, что в письме Мегмета-Али к Шерифу было употреблено выражение «выполнить все, чего душа моя пожелает» и что письмо, данное моему сотоварищу, было почти такого же содержания, пребыл настойчив – и ему принадлежит весь успех нашего предприятия.

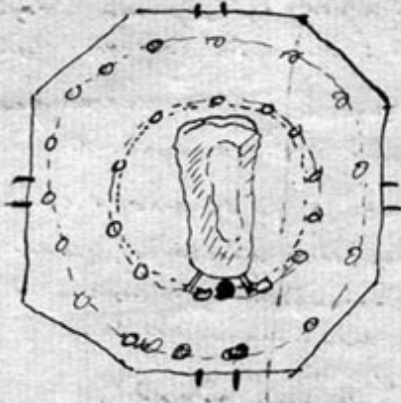
Галиль, один из драгоманов А. С. Норова, сопровождавших его в путешествии по Востоку. Рисунок автора

Положено было, что на следующий день рано поутру кавас паши сирийского явится к нам с повелением имаму мечети Омаровой, от

имени Мегмета-Али; но вместе с тем нас просили несколько скрыть наш европейский костюм под восточную одежду. Никогда не было примера такого почти официального дозволения, и конечно, мы должны это приписать нашему имени русских. Кавас явился к положенному часу, и мы отправились к заповедной мечети. Нас набралось кроме меня и моего сотоварища С-а, еще двое русских путешественников, Ч-в и Е-в; при нас было двое слуг и *кавас*. Драгоман представил положительные причины, по которым ему следовало остаться. Некоторые из нас были одеты совершенно по-восточному; но если кто менее всех походил на мусульманина, то это, конечно, я: на европейское мое платье был накинут нараспашку армянский халат, а на голове моей, вместо чалмы или *фески*, была моя старослуживая военная фуражка. Люди наши, для всякого случая, были вооружены.

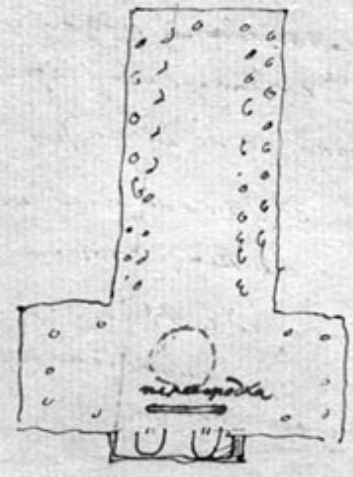
На улицах было еще пусто. Пройдя мимо Овчего водохранилища, мы вступили под свод грозных для христиан ворот. Привратник глядел на нас с удивлением, но видя с нами каваса паши, он вошел с ним в переговоры, продолжавшиеся несколько минут; по его мимике мы видели, что он представлял затруднения; но все это кончилось тем, что мы, оставя в воротах туфли, вступили на мраморный помост обширного двора. Этот помост имеет, как полагают, 1000 футов в длину и 500 в ширину и весь устлан плитами белого мрамора. Вообще ограда мечети Омаровой или храма Соломонова, который, может быть, простирался несколько далее на запад, составляет, конечно, шестую часть всего Иерусалима. Середина этой мраморной площади занята четверостороннею платформою, возвышенною ступеней на 20, также из белого мрамора. Туда ведут с каждой стороны крыльца, в неравном расстоянии между собою и украшенные прекрасными портиками. Посередине этой платформы отделяется еще другая, о семи или восьми ступенях, и на ней уже возвышается восьмиугольный храм, исполненный зодческой гармонии. Купол, самой чистой сферической пропорции, основан на восьмиугольном фонаре и слит с ним в прямую линию; он увенчан золотым полумесяцем. Стены одеты разноцветною узорчатою кафелью, которая отливается синим цветом; во многих местах цветочные узоры искусно слиты с позолоченными изречениями Корана. Эти кудрявые надписи расточены кругом купола, карнизов и корпуса храма.

Монах ~~показывавший~~ ~~стены~~ (назово отъ ~~Давида~~)
 Гертна (Аарона?) и въ ~~помощь~~
~~сладъ~~ ~~головы~~ Маршуда. —

Въ храмѣ изрублены ~~мис-
 тическая~~ ~~двери~~ ~~они~~ ~~разрушены~~
 — ~~стены~~ ~~стены~~ ~~въ~~ ~~одна~~ ~~къ~~
 Купола, ~~оконченнаго~~ ~~агловъ~~ ~~савь~~
 (7.). Куполъ ~~Куполовъ~~ ~~стены~~
 16. а Куполовъ ~~каменъ~~ ~~по~~ ~~судебъ~~
 12, и ~~дверей~~ ~~ного~~ ~~решае~~ ~~турды~~.
 Куполовъ ~~сн~~ ~~внугай~~ ~~Колонады~~
 83. ~~шага~~. ~~Войтъ~~ ~~Шада~~ ~~въ~~ ~~резу~~
~~стены~~ ~~конде~~ ~~и~~ ~~хоужь~~ ~~Давида~~
 Ма ~~каменъ~~ ~~показывавшій~~
~~сладъ~~ ~~Маршуда~~ ~~откуда~~ ~~они~~
~~изступы~~ ~~на~~ ~~7-е~~ ~~мѣсто~~. ~~Внугай~~
~~маши~~ ~~шагерь~~ ~~кафрелъ~~
~~Куполовъ~~ ~~избмъ~~
~~Куполовъ~~ ~~каменны~~ ~~удамъ~~
~~кафрелъ~~ ~~агъ~~ ~~дверей~~ ~~каменъ~~.

Прежде ~~Кувина~~ ~~изрученъ~~
 Соборъ ~~сбтмъ~~ ~~сбтмъ~~ ~~сбтмъ~~ ~~на~~
 турские ~~стены~~ ~~каменъ~~
 и ~~сбтмъ~~ ~~наша~~ ~~на~~ ~~храмъ~~
 Сбтмъ ~~на~~ ~~за~~ ~~стѣнами~~ ~~Купола~~
 и ~~дверь~~ ~~на~~ ~~Внугай~~ ~~нижне~~
 Куполовъ ~~построены~~ ~~Куполовъ~~
 въ ~~длинной~~ ~~галлереи~~
~~сбтмъ~~ ~~каждой~~ ~~сторонѣ~~ ~~на~~
 2 ~~сте~~ ~~на~~ ~~полонъ~~ ~~около~~
~~дверей~~ ~~въ~~ ~~каждой~~ ~~изъ~~

Лист рукописи «Путешествия» с планом мечети Эль-Акса и Купола скалы (Эль-Сахара)

Тут все похоже на радужное воображение детей Востока. Красота этого столь искусно оттененного храма еще более выказывается на помосте из белого мрамора. Несколько водоемов под красивыми куполами на легких колоннах приятно льстят слуху своим журчаньем под жарким небом. Разбросанные группы кипарисов, лавров и померанцев вырываются кой-где из скважин мраморных плит. Тут все действует на воображение, и это есть место отрады для мусульман в строгом, диком и глубоко меланхолическом *Эль-Кодсе* (Иерусалиме), в котором они уже начинают, может быть, разгадывать предречение их падения. Я думаю, что взоры их часто обращаются невольно на Золотые ворота, ими закладенные и которые находятся против самых восточных дверей мечети, в городской стене.

Не раз, может быть, седой имам Магометова храма в мрачные часы ночи пробуждался здесь страшным видением того Ангела-истребителя, который некогда на этом самом месте поражал целые племена за прегрешение Давида; не раз, может быть, видел он, как эти ворота *Бабуль-Дарагие* распадаются перед тем самым Ангелом, нависшим как туча между небом и землею, и как они попираемы нахлынувшими воинами, в чьих руках знамя Креста, а кругом сияет надпись: «Осанна! Благословен грядый во имя Господне!» Он знает, дрожащий имам, – он знает, что в эти врата вступил Спаситель мира, когда потряслись камни иерусалимские; какие твердыни не падут перед Его знаменем?

Я не видел внутренности Золотых ворот, оттого что не знал, что есть туда вход; говорят, что они замечательны: там двойной свод, освещенный сверху, поддержан древними мраморными колоннами разных орденов.

Против восточных дверей храма построен мраморный водоем особенной красоты; зодчий подражал вкусу мечети Эль-Сахара. Он имеет также форму восьмиугольника; своды его, покрытые подобным куполом как на мечети, поддержаны кругом двойным рядом легких коринфических колонн. Это место называют *троном* или *судилищем Давида*.

Мы вошли в Эль-Сахару чрез северные двери, которые называются *Бабуль-Джинна*, то есть *Двери Рая*. Южные двери называются *Бабуль-*

Кибля, двери молитвы; восточные – *Бабуль-Дауд*, или *Давидовы*; западные – *Бабуль-Харб*, *двери войны*. Все эти двери, расположенные по четырем ветрам, были растворены, – но томный свет, падающий сквозь разноцветные стекла из семи окон купола, разливал необыкновенную таинственность на предметы. Два круга колонн из разного мрамора, с позолоченными капителями, поддерживают арки потолка – они, конечно, принадлежали зданию древнего Иерусалима. Первый ряд, заключающий в себе 16 колонн и 8 пилястров, идет вокруг стен, а второй ряд, имеющий 12 колонн и 4 тумбы, находится под самым основанием купола. Этот второй ряд колонн основан на небольшом подъеме и идет кругом необделанного, огромного камня или скалы, обнесенной позолоченною решеткою. Длина этой скалы – во весь диаметр купола; ширина – менее; а высота превосходит человеческий рост. Окружность этого центрального ряда колонн имеет по моему счету 83 шага. Этот камень составляет святилище храма; весь Восток имеет к нему глубокое благоговение и по нем называется мечеть: *Эль-Гаджара Сахарал-лах*, то есть *мечеть Священного* или *Божественного* камня. Эта грубая масса посреди совершенства арабского зодчества поражает с первого взгляда.

Отклоним от себя, если можно, мысль о нечестии, которое обитает теперь на этом некогда священном месте. «Оставих дом Мой, – читаем мы у Иеремии, – оставих достояние Мое; дах возлюбленную душу Мою в руки врагов ея» (Иер 12:7). Вспомним великие события, которые совершились здесь. На эту вершину отец многих народов, Авраам, привел возлюбленного сына Исаака в жертву Богу. Сюда сошел с небес Ангел-истребитель для наказания Давида. Здесь, где было гумно Орнана иевусеянина, соорудил Соломон храм великолепнейший в мире; здесь стояла страшная Скиния Завета. В этот храм принесен был Своею Божественною Матерью младенец Иисус и принят благовестителем, престарелым Симеоном. Сколько небесных поучений излилось здесь из уст Спасителя мира! Храм, здесь сооруженный, назвал Он домом Отца Своего, и отсюда изгнал Он торжников. Здесь, наконец, завеса церковная раздралась с верхнего края до нижнего, когда совершилось Искупление мира!

В восточных книгах сказано, что один кади, называемый Джималеддин, видел в Иерусалиме, как христианские священники носили сосуды с вином на камень Эль-Сахары, до сооружения мечети.

Есть предание, что этот камень перенесен сюда из *Вефиля* при построении второго храма – того, который существовал при Спасителе; что на этом камне опочил Иаков, когда он видел во сне небесную лестницу, и что на нем утверждена была *Скиния Завета*.

С каким сожалением слушал я рассказы жреца Магометова об этом таинственном камне, который поглощал все мое внимание. По словам имама, камень этот упал с неба. Когда Магомет, сопровождаемый Ангелом Гавриилом, совершил в одну ночь на кобылице *Эль-Борак* путешествие из Мекки в Иерусалим, то он сошел на этот камень и с него прыгнул на небо!! – и тут показали нам мнимый след лже-пророка. Под камнем есть спуск в пещеру; перед входом туда стоят прислоненные к камню и к решетке разные хоругви. Тут щит Магометов, знамя и огромный меч Али – но тут же и копье Давидово; это ржавое оружие воспламенило мое воображение несмотря на все сомнения в вероятности этого памятника. Тут же на камне лежит подлинник Корана, седло кобылицы *Эль-Борак* и весы для свешивания душ. Хоругви находятся налево от входа в пещеру, стоя к ней лицом, а мнимый след ступни Магометовой направо; эта часть камня прикрыта зеленою и красною шелковою тканью, – цветы лже-пророка. При сходе в пещеру камень поддержан с двух краев двумя малыми колоннами из белого мрамора; они утверждены косвенно в пол и в камень. Колонны эти, по мнению магометан, должны раздавить всякого христианина, дерзающего ступить между ими; несмотря на то, мы спустились в пещеру по 8 или 9 ступеням, также из белого мрамора. Эта пещера, называемая магометанами *сходом в подземное царство душ*, есть не что иное как квадратная комнатка шагов в 8 пространства и немного выше человеческого роста, она грубо оштукатурена, кроме потолка, который образован *камнем*. «Не думайте, – сказал мне имам, – чтобы стены поддерживали этот камень; нет, он держится сам собою, а эти стены служат только для образования пещеры». Это объясняет столь известную басню о камне, держащемся на воздухе. При самом сходе, направо от крыльца, показывают магометане выделанные в скале кресла *Гаруна* или *Аарона*, брата Моисеева, и над ними впадину в потолке, сделанную головою Аарона, который по своему росту не помещался в пещере; тут также показывают места Авраама, Давида, Соломона, Архангела Гавриила и святого Иоанна.

Внутри мечети также расточены кафельные украшения вместе с мрамором; на кафедрах они представляют вид драгоценных камней. Окна купола заключены в огивах арабского вкуса. Хотя Омар есть основатель этого изящного здания, но оно было совершенно перестроено Валидом сыном Абдуль-Малека, калифом из рода Оммиадов.

Выйдя из южных дверей Эль-Сахары и спустясь по великолепному крыльцу с платформы, мы направились к находящемуся напротив большому зданию, выстроенному параллелограммом, с куполом на оконечности. Это христианский храм, построенный Константином или Еленою, а по иным преданиям Юстинианом, на том месте Соломонова храма, где находилась *Святая Святых*. Христиане называют это здание церковью Введения во храм Пресвятой Богородицы. Теперь оно омрачено полумесяцем и называется мечетью *Эль-Акса*, или *Отдаленною*, по ее дальности от других стран мусульманских.

Вступая в это торжественное здание через крытый притвор, я думал, что я нахожусь в церкви Св. Павла *за стенами Рима*^[52]. Храм этот построен крестом. Нижняя часть креста состоит из длинной галереи, которая имеет по два ряда колонн с каждой стороны – около 12 в каждом ряду – и, кажется, по четыре – при входе. Все колонны из разного мрамора, они не уступают красотой колоннам мечети Омаровой и, конечно, также принадлежат Иерусалиму времен Спасителя. Они поддерживают ряды сводов, а потолок плоский. При конце галереи колонны, следуя рисунку креста, расходятся на две стороны – и все в два ряда. Над головою креста возвышается купол. Там, где должен быть алтарь, стоит теперь из резного дерева мусульманская кафедра, а за ее перегородкою видны в крайней стене два ниша. На помосте первого ниша, который направо, напечатлен на простом камне след одной стопы человеческой; а на помосте второго – след двух стоп. Первая, одинокая стопа есть след Иисуса, перенесенный сюда с вершины горы Элеонской, где остался другой отпечаток Божественной стопы. Другие два следа оставлены на земле, как сказывают мусульмане, Пресвятою Девкою Мариною. Я пал ниц и облобызал обе святыни, находящиеся, к глубокой горести, в руках неверных.

Мусульмане называют Спасителя Пророком *Исою* и, что замечательно, дают Ему особенное название *Рухул-лах*, то есть *Дух*

Божий. Пресвятая Богородица именуется у них, как у христиан, *Мариам*; они признают бесплотное зачатие Иисуса, говорят, что только один Иисус и Мария безгрешны; признают главные события жизни Спасителя, но говорят, что Бог не попустил Его распятия. Повторим с Исаией: «Слухом услышите и не имате разумети, и зряще узрите и не имате видети! Отолсте бо сердце людей сих и ушима тяжко слышаша и очи свои смежиша».

Утешенный во глубине души, найдя следы Искупителя человеков и Божественной Его Матери в месте, обреченном неверию и лже, – я оставил величественный храм.

У самого притвора есть ход в подземную часть здания, так же как и на Сионе; но старания наши проникнуть туда были напрасны. Искали ключей и не находили, а между тем время не позволяло нам оставаться здесь долее в безопасности. Мы удалились.

Мусульмане уверены, что если б христианин, вошедший в Эль-Сахару, стал молить Бога даже о уничтожении исламизма, то Он услышал бы его. Но судьбы Божии совершаются! с каждым днем языки *скончуются*; невнятный страх – предвестник падения царств – быстро распространяется от Каспийского моря до южного Океана среди поклонников Магомета, – и запустение водворяется в разрушающихся храмах Ваала.

Глава XVIII

Обзор вокруг стен Иерусалима. – Погребальный вертеп Пресвятой Богородицы. – Гефсимания

«Отныне убождать Мя вси роди».

(Лк 1:48)

Выходя из Иерусалима, через ворота Гефсиманские или Овчие, которые названы арабами *Бабус-Ситти Мариам*, т. е. ворота *Святой Марии*, открывается вид, здесь приложенный. Вправо и влево, вдоль стен, – кладбище мусульман и любимое место их вечерней прогулки. Группы закутанных в белое покрывало женщин то бродят, то садятся для бесед на надгробных камнях. Перед вами обрывистый спуск в узкую долину Иосафатову, а за нею, противу вас, возвышается гора Элеонская. У самой подошвы ее, за высохшим руслом Кедрона, это углубленное в землю живописное здание есть вход в погребальный вертеп Пресвятой Богородицы; он соединен с молитвенною пещерою Ее Божественного Сына, под тенью вековых маслин Гефсиманского сада.

Сойдем по обрывистому пути, ведущему туда. На половине этого спуска показывают на малой площадке место, где святой Стефан, выведенный из стен города, был побит камнями; его потухающие взоры устремлены были на сидящего одесную Отца, Иисуса, которого он молил за своих мучителей. Это происходило в виду Пресвятой Богородицы, молящейся за него на горе Элеонской. Спустясь на дно долины, вы находитесь у схода в погребальный вертеп Пресвятой Богородицы. Этот памятник, очищенный от засыпавшей его земли с высот Иерусалима и горы Элеонской, находится теперь в углублении, куда сходят по десяти или двенадцати ступеням; направо от него рукав скалы ведет в молитвенную пещеру Иисуса, нами уже описанную. Заметим, что на ней начертан 1655 год, вероятно, время основания подземной церкви.

Священный вертеп Богородицы украшен готическим фронтоном, с двойными огивами над дверьми. Когда перед нами раскрылись двери вертепа, я был поражен его живописностью: «Милосердия двери отверзи нам, Благословенная Богородице!»

От самого входа крутой спуск, более нежели по пятидесяти мраморным ступеням, ведет, под сводом широкой галереи, в таинственный мрак земных недр; это не тот грозный мрак, который наводит род страха на путешественника, вступающего в гипогей Фивские; свет дневной сбегает туда дымною ароматическою полосой, которая образована непрестанно развеваемым из кадил ладаном, и соединяется на самой глубине с мерцающим светом лампад. Часто хвалебные гимны на разных соединенных языках несутся оттуда, повторенные эхом сводов, и доходят до слуха вашего, слитые уже, как сердца молящихся.

Сойдя ступеней на пятнадцать, показывают в одном углублении направо две гробницы; в них опочили родители Пресвятой Девы, Иоаким и Анна, которых имена христиане Восточной церкви в глубокой признательности поминают при окончании всех служб после сладчайших имен Иисуса и Марии. С противной стороны, в таком же углублении, видна гробница святого Обручника Матери Спасителя, чьему покровительству поручило Провидение святое девственное существо Той, которая послужила тайне соединения Неба с Землею. Им была Она соблюдаема, вместе с Божественным Ее Младенцем, в знойных степях Ливии и охраняема на родине от злобных покушений врагов.

Вот предметы и воспоминания, которые окружают поклонника, медленно сходящего с молитвами на устах и с растроганным сердцем в подземную глубину вертепа.

Тотчас при окончании спуска, поворота направо, открывается картина изящная: по всему своду обширной галереи блестят гирлянды зажженных лампад, золотых и серебряных, перепутанных во все стороны. Мерцающий свет их не побеждает подземного мрака, а производит тот же вид, какой представляют звезды на черном покрове неба. Посреди галереи, из отдельной каменной пещеры, выходят сквозь узкую дверь яркие лучи света – там Гробница Царицы Ангелов!

Погребальная пещера Пресвятой Богородицы подобна Спасительной. Гробница Ее, одетая белым мрамором, углубляется в

стену; над нею горят беспрестанно более двадцати драгоценных лампад; но из пещеры Богоматери есть боковой выход, налево от гробницы. Фронтон пещеры был некогда украшен колоннами и резьбою. Наружность и внутренность гробовой пещеры ничем не украшены, но природный камень прикрыт только навешенными шелковыми тканями. Самые магометане, особенно женщины, приходят молиться Пресвятой Деве: «*Отныне ублажат Меня все роды!*» (Лк 1:48), – и мы видели, что ворота Овчие названы воротами Святой Марии самими арабами. Нежная посредница между Царем Небесным и немощными смертными, Пресвятая Дева прикрыла Богоподобным житием Своим грехопадение Евы. Предвечное милосердие Божие в лице Ее паки возвысило на первобытную степень слабое и робкое существо дочерей Евы, более страждущих, чем сыны Адамовы.

Известно, что Пресвятая Богородица кончила земную жизнь Свою на горе Сионской. Святой Дионисий Ареопагит, ученик святого Апостола Павла, говорит, как Апостолы притекли к погребению того Святого тела, которое вмещало в Себя Невместимого Бога, Источника жизни; в числе присутствующих он называет по именам Иакова, брата Божия, и Петра^[53]. Никифор описывает погребение Пресвятой Девы и торжественное перенесение Ее святого гроба руками Апостолов с горы Сионской в Гефсиманию. Очи святых видели, как хоры Ангелов сопутствовали процессию погребения Царицы Небесной^[54]. Тот же Никифор и Епископ Виллибальд сохранили нам другие подробности; они повествуют, что иудеи хотели воспрепятствовать священному погребению Матери Божией; один из их старшин дерзнул святотатственною рукою коснуться Святого Гроба – и внезапно обе руки его иссохли, а нахлынувшая толпа свирепствующих иудеев была поражена слепотою. Наказанный старшина иудейский принес покаяние святому Апостолу Петру и, обратясь в христианскую веру, был им исцелен. Святой Апостол вручил ему пальмовую ветвь для исцеления прикосновением к ней ослепленных, буде они уверуют во Христа Спасителя и в Его Пресвятую Матерь^[55]. Виллибальд говорит, что в память этого чудотворного события был поставлен на скате горы Сионской столп с крестным знаменем, который существовал в его время. Частью из преданий Никифора и Ювеналия, Епископа Иерусалимского, частью из местных преданий известно, что Апостол Фома не находился при Успении и при погребении Пресвятой

Богородицы и прибыл в Иерусалим тремя днями позднее. Тронутые его огорчением Апостолы открыли погребальный вертеп Пресвятой Богородицы, чтобы он поклонился Ее Божественному телу, – и тут они познали тайну Вознесения Божией Матери к Престолу Ее Сына: гробница была уже пустая! Изустное трогательное предание присовокупляет, что когда Апостол Фома вышел из погребального вертепа Матери Божией, то для утешения его в скорби Она благоволила ниспослать ему с неба пояс от Своей Пречистой Ризы. Это место показывают на малом расстоянии от вертепа Богоматери, на дороге, которая подымается от Гефсиманского сада на гору Элеонскую, – и почти тут же, несколько подалее, направо от дороги, возле уступа скалы, – то место, где Пресвятая Дева молилась за погибавшего, на Ее глазах, мученика Стефана.

Погребальный вертеп Матери Божией находится во владении греков и армян. Священная Гробница есть жертвенник, на котором совершается таинство обедни. Есть также другой престол, который прислонен к наружной стене гробового вертепа возле входа. Подземная галерея продолжается еще далее за гробовым вертепом; на ее оконечности есть еще престол, принадлежащий грекам; здесь было некогда сообщение с Гефсиманскою молитвенною пещерою Спасителя, но стена отделяет ее со времени, как эта священная пещера сделалась собственностью католиков. Возвратясь к гробнице Богоматери и направляясь к противной стороне галереи, вам покажут на ее оконечности колодезь ключевой воды. Перед ним престол абиссинцев. Пройдя к крыльцу, по левой стороне его виден престол якобитов.

Вильгельм, Архиепископ Тирский, говорит, что при входе в вертеп Богородицы погребена царица иерусалимская Мелизенда; но это место теперь неизвестно.

Выйдя из мрака благословенного вертепа Богородицы, вы видите на террасе самого вертепа и по ту сторону дороги, восходящей на Элеонскую гору, останки Гефсиманского сада. Мы уже говорили об этом глубоко трогательном месте. Прибавим, что восемь широковетвенных маслин принадлежат католикам и тщательно ими охраняемы. Я отломил трепетною рукою одну ветвь, которая да сбережется на далекой родине моей, в дому семьи моей, для детей моих, вместе с благословенною иконою родительскою, как памятник хождения моего во град Божий.

Как пройти христианину без слез на глазах, без волнения сердечного мимо этой молильной пещеры Спасителя? мимо этого сада, над которым так часто было раскрыто небо и Дух Божий – Утешитель, и сонм Ангелов снисходили подкреплять человеческое естество Сына Божия, грядущего на жертву за спасение превратного мира?

Можно полагать с вероятностью, что башня, которая находится при начале входа на гору Элеонскую, за Гефсиманским садом, построена на развалинах *селенья Гефсиманского*, названного в Евангелии от святого Матфея. Тут во время Блаженного Иеронима существовала церковь. Некоторые писатели предполагают также, что Гефсимания принадлежала священникам и левитам и что там паслись стада, назначенные на жертвоприношение в храм Соломонов и которых водили чрез ворота Овечьи, насупротив Гефсимании. Отсюда же Агнца Божия, вземлющего грехи мира (Ин 1), повели на заклание.

Глава XIX

Обзор вокруг стен Иерусалима. – Долина Иосафатова. – Долина Царская

«Да востанут и взыдут вси языцы на юдоль Иосафатову, яко тамо сяду разсудити вся языки яже окрест».

(Иоиль 3:12)

От погребального вертепа Матери Божией начинается долина Иосафатова, стесненная между горами Элеонскою и Мориною, вдоль русла Кедрского; она опоясывает Иерусалим с востока. Долина Иосафатова называется в Священном Писании *юдолью* или *долиною благословения*, потому что здесь Иосафат после чудесной победы над моавитами около *Энгади* собрал народ свой и принес благодарение и благословение Господу сил (2 Пар 20:26–27). Следуя этою долиною, по руслу потока Кедрского, вы скоро увидите себя в хаосе гробовых камней. Три великолепные памятника при самой дороге составляют как бы преддверие этого библейского кладбища. Первый из них есть саркофаг или *столп Авессаломов*: «Авессалом же еще жив сый, взя и постави себе столп в юдоли царстей, рече бо, яко несть ми сына на память имени моего: и нарече его: *рука Авессаломля* даже до днешняго дня» (2 Цар 18:18). Но тщета Авессаломова обратилась ему в поругание; *столп* его сохранился до *днешняго дня* вместе с памятью о преступном сыне; евреи никогда не проходят мимо, чтоб не бросить камня в его пустое жилище, сквозь пролом, сделанный в углу памятника. Подобно баснословной бочке Данаид, памятник этот беспрестанно наполняется набросанными камнями и очищается для нового оскорбления. Рисунок памятника не имеет ничего надгробного; он походит более на легкий четверосторонний храм, накрытый круглою башнею; крыша образована стройным конусом, увенчанным расходящимися аканфовыми листьями. Каждая сторона четверосторонника украшена четырьмя ионическими колоннами и дорическими фризами, триглифами и метопами. Карнизное украшение

принадлежит иудейскому вкусу; подобное видно на гробницах царских. Этот прекрасный памятник выходит из недр скалы, образующей подошву горы *Соблазна*, смежной с Элеонскою; основание его высечено в скале, только башня и конус надстроены. Вход в памятник сзади. Налево от него, в самой стене скалы, виден некогда роскошно украшенный архитрав перед входом в закладенную пещеру. Говорят, что это гробница Иосафатова; но в Библии сказано, что он был погребен вместе с прочими царями Иудейскими на горе Сионской (2 Пар 21:1); а что долина названа его именем, то это, вероятно, в память того торжественного события, о котором мы говорили в начале этой главы. Иосафат был 4 царем Иудейским; он славен своею добродетелью, благочестием и истреблением кумиров.

Против памятника Авессаломова ведет чрез поток Кедрский тот мост, о котором мы упоминали на Страстном пути Иисуса. Подле него в русле Кедрона напечатлен Божественный след падения Спасителя в ужасную ночь нашего Искупления. Продолжая идти вперед, огибая подошву горы *Соблазна*, вы видите другие памятники, высеченные в скале, так же как и гробница Авессаломова, и не менее живописные. Первый из них есть вертеп, в верхней части скалы, украшенный портиком с фризами и поддержанный четырьмя круглыми колоннами в греческом вкусе. По преданиям палестинским, в этом вертепе святой Иаков, брат Божий, скрывался в продолжение трех дней страстей Господних, дав обет не вкушать пищи, доколе Господь не воскреснет из мертвых. Повествуют, что Иисус явился ему, по воскресении, в этом вертепе и что это место было обращено в небольшой храм в первые века христианства. Подле вертепа Св. Иакова опять выходит из скалы памятник, которого строгий вид показывает его назначение. Остроконечная пирамида накрывает квадратное основание; две колонны и два пилястра поддерживают с каждой стороны архитравы. Этот памятник назван гробницею Захарии; но какого Захарии? Пророка ли? Отца ли Иоанна Крестителя? Сына ли Иеровоама, или того, который убит между храмом и алтарем? Вероятнее, что памятник принадлежит этому последнему; в отношении к нему сказал Спаситель иудеям: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что строите гробницы Пророкам и украшаете памятники праведников» (Мф 23:29). Должно заметить при этом, что писатели о святых местах забывают

Захарию, полководца царя Иосафата. Множество погребальных криптов испещряют стены скал горы Соблазна.

Продолжая идти вдоль русла потока Кедрского у подошвы высот иерусалимских, вы спускаетесь к самому подножию горы *Морию*. Насупротив, на обрывистых скалах горы Соблазна, разбросано селение *Силоам* среди множества погребальных вертепов; иные из них служат даже жилищем бедным арабам этого места, сохранившего свое евангельское имя. На скате иерусалимской горы *Мории* существовало некогда предместье *Офель*; оно было отделено от жилищ священников храма Соломонова стеною и огромною башнею. Местность *Офеля* определена, в Книге Неемии, на восточной стороне Иерусалима; оно примыкало к Сиону (Неем 3:26–27). Тут, у подножия горы *Мории*, скрывается в глубокой пещере прекрасный источник, украшенный именем Пресвятой Девы *Марии*. Он проходит сквозь всю оконечность горы *Мории* к водоему *Силоамскому*. По преданиям иерусалимским, Пресвятая Дева *Мария* ходила почерпать воду к этому источнику вместе с бедными женами *Офеля*^[56]. Перед пещерою источника высечена в камне водопойня для скота. К источнику ведут два спуска; первый состоит из 16 мраморных ступеней, – тут находится площадка^[57]; спустясь с этой площадки еще на 14 ступеней, вы находитесь перед прозрачным источником, который идет во мрак канала, под скалу. В первый раз когда я посещал этот источник, я долго дожидался при входе в пещеру, потому что несколько арабских жен там купались; они имеют большую веру к целебному свойству этой воды. Своды пещеры очень живописны. Этот источник, конечно, есть тот самый Смоковничный или Драконов, о котором говорит Неемия (Неем 2:13): «И внидох во врата юдоли, ноцию, ко устью источника Смоковничнаго^[58] и ко вратам Гнойным и бых размышляя о стене Иерусалимстей разоренней и о вратах его пояденных огнем. И приидох ко вратам источника и к купели Цареве, и не бысть места скоту, на нем же седях, да пройдет». Ворота *Гнойные* (*porta sterquilinaria*) находятся наискось от этого источника (3 Цар 1:9). Это те ворота, через которые неистовые иудеи вели Иисуса в ужасную ночь его страстей из Гефсиманского сада в Иерусалим.

Обогнув гору *Морию*, мы находим при соединении ее с горою *Сионскою*, в ущелье, купальню *Силоамскую*, куда Спаситель послал умыться слепого от рождения и который здесь прозрел. Дорога туда

проложена по крутым ребрам скалы. Этот водоем также ясно обозначен в книге Неемии: «И врата источника созидаше Соломон сын Халезеов... той созда их, и покры их, и постави двери их, и затворы их, и верей их и стену купели Силоамли к вертограду Цареву и даже до степеней низходящих от града Давидова. По немже созидаше Неемия сын Завухов... даже до вертограда гроба Давидова, и даже до купели устроенная и даже до Дому сильных» (Неем 3:15–16). Мне кажется, что этот цитат из Неемии не был замечен писавшими о Иерусалиме, он совершенно рисует местность. Мы говорили уже о вершине Сиона, где находится гроб Давидов: скат Сиона был осенен вертоградом; от самой вершины шло крыльцо вниз к дому *сильных*, передовой страже Царских палат. Число этой стражи определено в Песни Песней: «Шестьдесят сильных окрест его от сильных Израилевых» (Песн 3:7). Поблизости от дому сильных находилась купальня Силоамская, огражденная стенами. Она сохранила еще остатки своего великолепия: на дне глубокого бассейна, образованного параллелограммом, видны еще плиты мраморного помоста и основания нескольких колонн. Этот бассейн находится против небольшой пещеры, где таится самый источник; туда спускаются по двадцати ступеням или более; подземный канал соединяет этот источник с источником Пресвятой Марии или Смоковничным, как мы уже сказали; мне говорили, что арабы силоамские неоднократно проходили из одного в другой; но сообщение это очень трудно. Источник Силоамский был важным пунктом при всех осадах Иерусалима. Здесь, на оконечности горы Сионской, при стенах, окружавших купальню Силоамскую, была башня, о которой сказал Спаситель: «Или вы думаете, что те восемнадцать человек, на которых упала башня Силоамская и побила, были грешнейшими из всех живущих в Иерусалиме?» (Лк 13:4)

Выходя из ущелья источника Силоамского, вы видите у подошвы горы Сионской стоящее посреди дороги и возвышенное на площадке большое шелковичное дерево; его вековой пень совсем раздвоился, отчего широкие ветви разметались на две стороны. Оно называется: *Дерево Рогель* или *Пророка Исаии*. По свидетельству многих святых отцов, великий Пророк Исаия погребен под этим деревом, мученически казненный за слово Божие нечестивым царем Манассиею; он велел заключить Пророка в дерево и распилить его надвое; распавшийся пень напоминает мученичество Пророка. Повествуют, что святой Пророк

перед казнью, мучимый жаждою, тщетно испрашивал у врагов своих несколько капель воды – как посланный на него с неба дождь утолил его муку. По этому чуду источник Силоамский получил свое название^[59]; известно, что слово *Силоам* значит *Посланный*. Другие говорят, что воды источника Силоамского испрошены молитвами Пророка Исаии во время осады Иерусалима при Иезекии^[60]. Блаженный Иероним говорит, что Исаия может быть назван не только Пророком, но даже Евангелистом, по светлости его предречений о пришествии Христа Спасителя^[61]. Гробница и дерево Исаии в большом почитании у самих мусульман. Можно полагать, что источник Силоамский есть тот источник *Рогиль*, перед которым находился камень или жертвенник, называемый *Зоелеф*, как сказано в Книге Царств (3 Цар 1:9). Местность, равно как и название дерева Исаии *Рогиль*, дают вероятные поводы так думать.

В долине, противу купели Силоамской, поток Кедрский круто поворачивает на юго-восток вдоль по лощине, называемой *Царскою долиною* или *юдолью*. Она знаменита в Библии встречею Авраама с Мельхиседеком: вот слова Книги Бытия: «Изыде же царь Содомский в сретение ему (Аврааму), повнегда возвратится ему от сеча Ходоллогоморскаго, и царей сущих с ним, в юдоль *Савину*: сие же бяше поле *царево*. И Мелхиседек царь Салимский (Иерусалимский) изнесе хлебы и вино: бяше же священник Бога Вышняго. И благослови Авраам» (Быт 14:17–18). Этим же путем впоследствии возвращался Иосафат с хвалебными гимнами Богу после победы близ *Энгеди* над моавитами (2 Пар 20:26–27)^[62]. Долина *Царская* или *Савина*, начинаясь противу купальни Силоамской, выходит мимо *Энгеди*, что теперь обитель *Св. Саввы*, к Мертвому морю в окрестности бывшего *Гомора*; она следует постоянно течению Кедрона, впадавшего в Мертвое море. Нельзя не видеть топографической точности всех библейских повествований; здесь книги Бытия и Паралипоменон совершенно согласны между собою в местных описаниях. Заметим также удивительное стечение одинаковых имен библейской *юдолы Савиной*, и *обители Св. Саввы*, которая теперь есть единственное жилище, находящееся в этой дикой лощине, на пространстве от Иерусалима до Мертвого моря^[63].

Здесь, у подошвы Сиона, соединяются, как мы имели случай сказать, три горные ущелья: долина *Иосафатова* с севера, *Царская* с

востока и *Гиномская* или *Гигонская* с запада. Эта последняя долина была границей между градом Иевусеев, то есть Иерусалимом, и коленом Вениаминовым, по определению Иисуса Навина (Нав 18:16–20), и поэтому мы видим, что Иерусалим, находившийся в колоне Иудовом, числился иногда в колоне Вениаминовом (Там же)^[64], и вероятно, что некоторая часть города переходила на землю Вениаминову. Говоря о топографии библейской, развернем теперь книгу Иисуса Навина, где определяются границы колен Иуды и Вениамина, – и мы увидим все сцепление горных ущелий от *Гилгала* через *Адомим*^[65] до Иерусалима; исход этих ущелий – источник *Рогиль* и долина *Гиномская*, соединенная с *Рефаинскою*, на южной части *Иерусалима* (Нав 15:7–8; 18:16–17).

Спустясь от купальни Силоамской в долину, вы находитесь у самого соединения трех ущелий долин Иосафатовой, Царской и Гиномской; тут вы видите, при входе в долину Царскую, на высохшем русле Кедрона, опустевшее здание. Это колодезь священного огня Неемии; то место, которое названо самим Неемиею: *Неффарь* или *Неффай*, слово, значащее *очищение*. Мы читаем во второй книге Маккавеев (2 Макк 1:19–22), что когда иудеи были ведомы в пленение персами, Пророк Иеремия повелел священникам скрыть священный огонь храма в безводный колодезь. Возвратясь из пленения под предводительством Неемии, священники не нашли уже сокровенного огня, но вместо его одну илистую воду; Неемия велел оросить этою водою жертвы, и они внезапно загорелись. Артаксерс, царь Персидский, узнав об этом чудном событии, велел соорудить здесь памятник. Рассказ второй книги Маккавейской исполнен вдохновения; молитва священников трогательна. Колодезь этот очень глубок и заключает в себе отличную ключевую воду. Говорят, что вода этого колодезя, подобно Нилу, предвещает своим изобилием или скудностью годовое плодородие или неурожай. Надобно заметить, что поток *Гигонский*, проходивший сюда из долины того же имени, или *Гиномской*, мог получить свое название от этого обстоятельства; известно, что Нил называется в Библии *Гигон* или *Геон*. В полуразрушенном здании, прилежащем к колодезю, заключается небольшой бассейн.

Соединение трех горных ущелий у подошвы Сиона есть самый плодородный пункт Иерусалима; здесь существовали знаменитые *сады*

Соломоновы; донныне свежая роскошь природы в этом месте сильно противоречит дикости остальных окрестностей Иерусалима. Тени рощ, луга и источники образуют здесь *оазис*. Тут, в виду Сиона, этой возлюбленной церкви Иисуса, надобно развернуть сладостную Песнь Песней! Здесь вились грозди энгедские, благоухали кинамоны, аспик и сафран в тени смоковниц, орешников, платанов и пальм, при грохоте струй Кедрона, Рогеля и Гиона.

Глава XX

Обзор вокруг стен Иерусалима. – Долина сынов Гиномовых. – Везефа

«И создаша требище Тафефу, еже есть во юдоли сына Енномя, да сожигают сыны своя и дщери своя огнем, егоже не повелех им».

(Иер 7:31)

«И называется земля та землю крови, до сего дня».

(Мф 27:8)

Огибая Сион, мы вступаем теперь в грозную долину сынов Гиномовых, сжатую святою горою Сионскою и мрачною горою Злого Совещания. Игривая долина Силоамская уже за нами, и вы видите с одной стороны обнаженные скаты Сиона, а с другой изрытую погребальными вертепами гору Злого Совещания. Долина сынов Гиномовых названа этим именем по принадлежности ее сынам Гиномовым. Некогда она была плодородна и служила местом веселья; ее орошали водопроводы Силоамские и Гиона (2 Пар 32:30). Это место радости превратилось в жилище ужаса с той поры, как при Ахазе и Манассии, здесь воздвиглось гнусное требище идолу Молоху. В медную раскаленную внутренность этого идола, – в жертву ему, – повергали бесчеловечные родители своих младенцев; жрецы заглушали звуками тимпанов стоны невинных жертв. По этому последнему обстоятельству эта долина называлась также *Тофет* – слово значащее *тимпан*. Но здесь прогремели для Иерусалима грозные глаголы Иеремии: «Остризи главу твою и отметни, и восприими во устне рыдание, яко отверже Господь, и отрину род творя сия... И создаша требище Тафефу, еже есть во юдоли сына Енномя, да сожигают сыны своя и дщери своя огнем, егоже не повелех им, ниже помыслих в сердца моем. Сего ради се, дние грядут, глаголет Господь, и не рекут ктому: требище Тафефово и юдоль сына Енномя, но юдоль закланых:

и погребутся во Тафefe, занеже несть места. И будут трупие людий сих в снeдь птицам небесным, и зверем земным, и не будет отгоняющаго. И упраздню от градов Иудиных, и от путей Иерусалимских глас радующихся и глас веселящихся, глас жениха и глас невесты, во опустении бо будет вся земля» (Иер 7:29–34). По свидетельству блаженного Иеронима, огонь адский, о котором говорит Спаситель в Евангелии, сравнен с безбожным жертвенным пламенем этой долины, почему и назван адский пламень Геенским или Гигонским.

На скате горы Злого Совецания, против Сиона показывают *землю горшечника* (село Скудельниче), купленное ценою тридцати серебряников, за которые нечестивый Иуда продал Искупителя мира, – это *Земля крови!* – Это самое ужасное место Иерусалима. Очень редко сюда заходит стопа человеческая. Бродя по ребрам нагих скал, беспрестанно обрываешься в трещины погребальных пещер, и каждый обрыв отзывается в пустоте могильных сводов. Царица Елена обратила Землю крови к прежнему ее назначению – для погребения странников; она обнесла ее стеною; тут еще видны развалины. Остатки одного здания замечательны; стены сложены из больших тесаных камней; некоторые своды сохранились; они частью поддержаны пилястрами. Мне случалось долго бродить по этим гробовым вертепам; они мало исследованы. Почти от самой вершины они идут уступами, спускаясь в ущелье. Следы глубокой древности напечатлены на них; вход, по большей части, украшен острым, трехугольным фронтоном или грубым архитравом; внутренность почти всегда состоит из квадратной комнаты; в стенах высечены погребальные ниши, из которых один, больший, – продолговатый, в ширину стены и в длину трупа человеческого; под этим нишем видны часто три малые, но глубокие ниша, как в языческих колумбариях для пепельных урн; но судя по глубине этих нижних нишей, они также должны были заключать трупы.

Фрагмент рукописи А. С. Норова с описанием села Скудельниче и рисунком древнего погребения

В одной из этих гробовых комнат я нашел студенец, выходящий снизу, из правильно образованного круглого бассейна; этот источник известен только одним пастухам, чьи стада пасутся иногда по ту сторону горы, около дороги Вифлеемской. В некоторых вертепах остались следы нескольких еврейских и греческих надписей, в которых видно полустертое имя Сиона; это ввело в странное заблуждение одного английского путешественника; он принял гору Злого Сопещения за Сион, меж тем как иудеи, в своих эпитафиях всегда называют себя *сынами Сиона*. Скажем, что гора Злого Сопещения названа таким образом по той причине, что на ее вершине, где был загородный дом Каиафы, Иуда совещал с архиереями, предать Сына Человеческого. В пещерах этой скалы скрывались Апостолы во время ужасных страстей Господних. Вид с этих грозных высот чрезвычайно живописен. Против вас гора Сион и Мориа с частью Иерусалима; далее гора Элеонская; перед нею, вправо, гора Соблазна с частью гробниц долины Иосафатовой; ближе, на крутых скатах, селение Силоам, а под вами глубокое и роскошное ущелье долины Силоамской, – я снял этот вид.

Взбираясь выше на гору, вы видите, почти на самом ее теме, довольно значительные развалины, – это есть самое место нечестивого совещания – загородный дом Каиафы; там живет теперь дервиш. Иные называют это место монастырем Св. Модеста; но это ничем не подтверждено. Святой Модест правил иерусалимскую церковь в то время, как патриарх Захария был пленен персами при Хозрое. Этому святому мужу приписывают возобновление храма Гроба Господня по сожжении его персами. Отсюда я рисовал виды горы Сионской и западной части Иерусалима.

По ту сторону высоты Злого Сопещения пролегает большая дорога в Вифлеем. Спустиась опять в ущелье Гиномское, мы огибаем Сион и подходим к высоте или горе *Акре*, к самым стенам западной части Иерусалима. Мы видим в этой глубокой лощине сохранившийся доселе двойной бассейн Гигонский; это Библейская *водотечь нижняя*; он разделен каменною плотиною, посреди которой построен фонтан с арабскою надписью. Этот бассейн имеет в длину 240 шагов, в ширину 105, а в глубину 50 футов. В нем уже нет воды. Подойдя к воротам

иерусалимским, называемым Вифлеемскими или Яфскими, лощина Гиномская вдруг поворачивает налево и наконец теряется при подъеме на Яфскую дорогу. Недалеко от этого поворота, противу Вифлеемских ворот, существуют еще поныне остатки *вышнего водоема* Гигонского. Источник Гигонский еще не иссяк, но он совсем малозначащ. Тут небольшое турецкое кладбище, отененное несколькими деревьями; сюда, так же как и к воротам Гефсиманским, приходят иногда Иерусалимские мусульмане дышать вечерним воздухом.

Это место обозначено в Библии; здесь облегло Иерусалим войско Сенахериба, при Езекии: «И приидоша к Иерусалиму и сташа у водотечи купели вышния яже есть на пути села Белильнаго или Белильнича» (4 Цар 18:17; Ис 36:2), и здесь Ангел Божий истребил в одну ночь сто восемьдесят тысяч этого войска за богохульство. В это время Езекия уничтожил водопровод, соединявший верхний водоем Гигонский с нижним, который, как мы видели, теперь безводен.

Некоторые предполагали, что этот водоем есть тот, который служил купальнею Вирсафии, жене Уриевой, потому что он находится близ подошвы стен замка Давидова; мы уже видели настоящее место водоема Вирсафии; к тому же такое предположение невероятно и несогласно с обычаями Востока, которые не изменились. Из Библии видно, что самый дом Уриев прилегал к замку Давидову и что Давид видел с террас своих чертогов террасу Вирсафии. Обычай на Востоке проводить часть времени на террасах указан даже в Евангелии: «И кто на кровле, да не сходит взять чтонибудь из дома своего» (Мф 14:17). Притом этот водоем был всегда вне стен города.

Продолжая наш обзор вокруг стен Иерусалима, мы достигли теперь Вифлеемских или Яфских ворот, которые находятся возле замка Давидова, на горе Акре. Эта часть Иерусалима от Вифлеемских ворот, где находилась башня *Псефина*, до храма Гроба Господня, составляющая теперь западный угол города, – не существовала во время Спасителя; это была, по словам Иеремии, *юдоль мертвых*, названная после *Голгофою*, на которой попрана Смертию смерть! Обогнем стены этой священной части города и перейдем на его северную сторону: эта линия небольших холмов, покрытых масличными рощами, и противоположная стенам города, называлась высотой *Гионскою*, а далее – *Везефа*.

Везефа, некогда северное предместье Иерусалима, вышла теперь из стен города; это поле битвы крестоносцев. Отсюда Иерусалим не представляет другой обороны, кроме стен с бойницами, без бастионов и без рвов; высота стен неровная, потому что скалы часто входят в их состав; а окрестные холмы, несколько подалее, находятся почти наравне с их высотой, на ближний пушечный выстрел. Постройка стен иерусалимских очень тверда, особенно в основаниях, где часто видны камни необычайной величины, принадлежащие, конечно, временам отдаленнейшим. Самые огромные видны на углу горы Мории, при повороте стены от востока к западу. При каждом изгибе стены построены крепкие четверосторонние башни и сверх того, во многих местах, полубашни. Всех башен 40, а полубашен 26. Все стены сложены из больших тесаных камней, в несколько рядов в глубину, и связаны крепкою известью. Средняя высота стен в 50 футов. Не нужно говорить, как легко овладеть Иерусалимом в наши времена; но не то было для крестоносцев, которых война похожа была на Маккавейскую. Они действовали не артиллериею, а подвижными башнями. Левое крыло их армии, находившееся против Дамасских ворот, по обеим сторонам Дамасской дороги, примыкало к оврагу Элеонскому или к долине Иосафатовой; тут были Годфред и два Роберта, Нормандский и Фландрский. В центре против угловой башни, или против куполов храма Гроба Господня, расположено было войско Танкреда. Часть возвышений Гигона и Святого Георгия, у *вышнего водоема* Гигонского, против замка Давидова, занимал Раймонд, граф Тулузский. Отделенный от города глубоким оврагом Гиномским, он не мог бы принять решительного участия в деле и потому отважно перешел на гору Сионскую, которая, как и теперь, не входила в состав города. Находясь почти лицом к лицу против стен города, по малому пространству площади этой горы, он был беспрестанно под дождем стрел, а позади себя имел ущелья Силоамские и Гиномские; воины укрывались несколько за стенами церкви Тайной Вечери и воспламенялись подле этой святыни геройским восторгом, восклицая: Dieu le veult! Недостаток в воде и зной были главнейшими врагами крестоносцев. Слабый источник Силоамский иссякал беспрестанно. Теперь войско европейское, после нескольких часов канонады, пошло б на штурм; а тогда нужно было снабжать себя лесом для постройки подвижных башен. Окрестности Иерусалима были в то время так же дики и

обнажены, как и теперь; лес привозим был на верблюдах, из Галилеи. Святая доблесть крестоносцев все превозмогла. Превосходная и верная картина их подвигов, высоких чувств и даже местности самого Иерусалима будет всегда трогать сердце человеческое в бессмертных октавах Торквато Тасса.

Перед штурмом крестный ход, направленный из Гефсимании чрез долину Иосафатову и Силоамскую, обошел город, под стрелами неверных, до самого Сиона. Крестоносцы овладели Иерусалимом после двухдневного кровопролитного штурма. В самое решительное время появился на горе Элеонской исполинский рыцарь с мечом и щитом в руках, ободряющий своими телодвижениями воинов Креста; он был видим почти отовсюду. Крестоносцы проникли в Иерусалим чрез врата Гефсиманские, в самый час, когда Спаситель мира предал на кресте Дух Свой Отцу Небесному. Хотя врата Гефсиманские или Овчие не изменились, но северо-восточная часть города была не так приближена к скату в овраг Элеонский. Теперешние укрепления были возобновлены Солиманом, в 1543 году.

Глава XXI

Обзор вокруг стен Иерусалима: – Пещеры Иеремии. – Гробницы царей. – Гробницы судей Израйлевых

«И успе Озия... и погребоша его со отцы его в поли царских гробов».

(2 Пар 26:23)

На самом поле битв крестоносцев, с северной стороны города находятся пещеры Иеремии, гробницы Царские и Судей Израйлевых, иссеченные в каменистых холмах. Ближе к городу, несколько правее от Дамасских ворот, под значительным возвышением находятся огромные пещеры Иеремии; здесь, вероятно, была каменоломня. Это место в уважении у мусульман; оно находится во владении у одного дервиша, который развел перед входом в пещеру небольшой садик, огородя его решеткой; вход у него под ключом, и он впускает туда за небольшую плату; тут же кладбище. Пещера эта, неправильного образования, имеет сажен 5 в вышину и сажен 8 в глубину; она поддержана двумя каменными подпорами, выделанными при ломке камня; тут есть место моления мусульман. В этой пещере, по преданиям, Пророк Иеремиа питал глубокую задумчивость свою и проливал втайне слезы о Иерусалиме.

В одном объеме с этою пещерою, насупротив ее, в стене скалы, находятся *крипты*, в которых видно большое искусство и великий труд; они ускользнули от обзора путешественников^[66]. Они состоят из двух обширных вертепов, расположенных в два яруса. Туда входят чрез неправильное отверстие, но внутренность украшена искусством зодчего. Красивый свод верхнего вертепа поддержан в самой середине одною круглою готическою колонною; из помоста сход в нижний ярус, который гораздо обширнее. Также и там вся тяжесть огромного свода смело поддержана посередине, только одним четырехсторонним столпом, расходящимся вместе со сводом разными огивами; этот столп основан на массивном пьедестале; весь помост покрыт до основания

колонны водою. Теперь здесь дождевое водохранилище дервиша; слабый свет, проходящий сюда сверху, делает это место необыкновенно живописным. Своды и колонны обоих ярусов высечены в скале. Какому времени принадлежат эти прекрасные крипты – и на какой предмет они созданы? Можно предполагать с вероятием, что они вместе с вышеописанною пещерою служили темницею, подобно как *латомии* или каменоломни Сиракузские, и что это самая та темница, в которую был заключен Пророк Иеремия за его грозные предсказания царю Седекии: «И взяша Иеремию и ввергоша его в ров Мельхиин, сына царева, *иже бяше во дворе темничнем*: и свесиша его ужами в ров, в рове же не бяше воды, но тина, и бяше в тине Иеремия» (Иер 38:6). Это довольно точное описание этого места. Готическое украшение колонны в первом ярусе также объясняется одним местом *Никифора*: «Святая Елена, – говорит он, – совершила удивительный труд во рву Иеремии»^[67]. Итак, царица Елена употребила резец зодчего на украшение мрачной темницы, освященной заключением великого Пророка.

Лист рукописи «Путешествия» с рисунком Крипты возле пещеры Пророка Иеремии

Несколько далее от пещер Иеремии, к северу, находятся гробницы царей. Это название оспаривают многие. Большая часть царей Иудейских погребены или на Сионе, или в других местах Иерусалима; но в Библии сказано о смерти Озии: «И успе Озия со отцы своими, и погребоша его со отцы его в поли царских гробов» (2 Пар 26:23). Иосиф Флавий также помещает гробницы семейства Иродов на северном поле Иерусалима; по этим двум важным указаниям, особенно по первому, гораздо вероятнее признавать эти гробницы царскими. Мы не можем согласиться с знаменитым Шатобрианом, который, основываясь на одном месте Павзания и на словах Вилалпанда, приписывает их Елене, супруге Монобаза, царя Адиабинского, жившей с сыном своим в первом веке и умершей в Иерусалиме; тем более, что на ее памятнике стояли пирамиды; род зодчества совершенно несвойственный этим гробницам, которые принадлежат к числу *спэосов*, а не памятников, и также потому, что число погребальных комнат и гробниц принадлежит большому поколению.

По приближении к этим гробницам открывается перед вами род квадратного бассейна, иссеченного в каменном слое футов на 15 или более в глубину; спустясь туда, вы видите налево большую пещеру, высеченную правильным четвероугольником; она украшена широким карнизом и двумя фризами самой изящной резьбы; первый фриз, большой, находится под самым карнизом, а другой, меньший, составляет оконечную кайму входа. Украшение первого фриза расположено таким образом: триглиф, кольцо, аканфовые ветви, дубовый венок, гроздь виноградная и обратно дубовый венок, аканфовые ветви, потом триглиф прежде кольца; оконечный фриз равно прелестен, но это уже гирлянда из разных растений. Войдя под плоский свод пещеры, вы видите налево, в боковой стене, почти засыпанное отверстие: это настоящий вход в погребальное жилище. Чтоб проникнуть туда, надобно проползти на животе, и тогда вы выйдете в правильную квадратную комнату. Сквозь три стены ведут три двери в разные комнаты; всех комнат семь. Во всех стенах видны ниши для гробов и во многих из этих ниш высечены на средней стене три маленькие треугольника. Но что заслуживает особенное внимание – это

двери; они высечены из цельного камня; резьба разделяет их на две части; петли этих дверей из того же камня, и стенные веревы, на которых они висели, также каменные. Двери лежат повержены на земле. Гробницы высечены из отдельных камней. На узких наружных простенках этих гробниц вырезано по одному дубовому венку; внутри гроба выделано изголовье для мертвеца. Крыши с чешуйчатой резьбой. Главные гробницы находятся в последней комнате, направо; они разбросаны в ужасном беспорядке; туда ведет небольшой спуск. В знойный день духота там нестерпима, и невольно поспешаешь на Божий свет.

Гораздо далее от этих великолепных спэосов, по направлению Дамасской дороги, видны стены скал, вертикально обрезанные; в них другие жилища смерти, состоящие из пещер, в два яруса; их называют гробницами Судей израилевых. Туда стекаются втайне и в положенное время евреи, и это место находится у них в особенном почитании. Множество еврейских надписей испещряют стены этих катакомб; они не менее замечательны по их обширности и по числу комнат; но там нет ни украшений, ни дверей, ни гробниц. Снаружи скал заметны еще остатки ступеней для спуска с поверхности земли.

На возвратном пути в Иерусалим к Дамасским воротам, налево от ворот, близ самых стен, виден ров, высеченный в каменном слое; там есть пещера, в которой заключается небольшое водохранилище. На краю рва стоит каменная водопойня для скота, – а водопойня эта есть одна из тех царских гробниц, о которых мы говорили, – перенесенная кем-то сюда из ее векового мрака!

Продолжая идти от Дамасских ворот вдоль стен на восток, мы выходим к обрывистому спуску в овраг Элеонский. На этом пространстве (около 230 сажень) не находится ничего примечательного кроме уничтоженных Иродовых ворот. Саженьях в 65 от них кончаются северные стены Иерусалима башнею, которую франки называют *Танкредовою*. Здесь поворачивают стены Иерусалима на юг, вдоль обрывов Элеонского оврага или долины Иосафатовой. От угловой башни Танкредовой следуя по крутизне Элеонского оврага, мы достигаем, мимо небольшого водохранилища, ворот Гефсиманских, откуда мы начали свой обзор вокруг стен Иерусалима.

Глава XXII

Общий взгляд на Иерусалим

«Иерусалим, устроенный как город слитый в одно здание».

(Пс 121:3)

Я видел Иерусалим в два разные времена: во время Святой Пасхи, когда каждый дом наполнен поклонниками от всех концов земли; когда с самого рассвета на всех крыльцах разложены различные духовные изделия для продажи странникам; когда дворы монастырей наполнены нагружаемыми или разгруженными верблюдами – тогда только одни кварталы мусульманский и еврейский остаются в поразительном безмолвии и опустении. Видел я также Иерусалим через месяц после Святой Пасхи, когда и христианский квартал входит в то же безжизненное положение, и тогда Иерусалим является в его запустении библейском; в этом виде он для меня утешительнее; в его запустении видна неизъяснимая святость! Тогда можно воскликнуть с Пророком: Просите мира Иерусалиму: да благоденствуют любящие тебя! Да будет мир окрест стен твоих, благоденствие – в чертогах твоих! Ради братьев моих и ближних моих, говорю я: «мир тебе!» Ради дома Господа Бога нашего, желаю блага тебе! (Пс 121:6–9)

В этом же псалме сказано: «Иерусалим устроенный как город, слитый в одно» (Пс 121:3). Этот последний стих замечателен тем, что он определяет и теперь общее построение города: здания иерусалимские, как и прежде, почти все связаны между собою аркадами; часть улиц Иерусалима находится под сводами и часть открытая. Дома иерусалимские грубого зодчества, каменные и глиняные, – по обычаю Востока без крыш, с террасами и с куполами посередине; они облечены в белый однообразный цвет, сливающийся в одну массу; одни купола храма Гроба Господня и мечети Омаровой заметно отделяются из этой нестройной груды. Несколько вершин бедных минаретов, кипарисов и тощих пальм возвышаются там и здесь. Жизнь не видна на улицах, она во внутренних дворах домов или на террасах; но и там такая тихая, что едва заметна. Решетчатые окна, без

стекло, обращены по большей части на дворы. Главные улицы намощены большими камнями без всякого уравнивания и трудны не только для лошадей, но даже и для пешеходцев; на иных однако есть тротуары; отдаленные улицы не мощены, многие из них ведут к пустырям или к развалинам; почти вся северная часть города состоит из таких заглохших пустырей. Вы видите из этой картины бедность Иерусалима, но со всем тем вид Иерусалима с горы Элеонской, как мы уже сказали, вдохновителен и чрезвычайно живописен. Вот имена главных улиц: *Гаратуль-алам* (страстной путь или *путь печали*), которая идет от ворот Гефсиманских до храма Гроба Господня; та, которая идет от храма мимо монастырей греческого и католического, называется *Гаратуль-Нассара*, то есть улица христиан. *Гарат Сукуль-Кебир* идет от замка Давидова, мимо базара к ограде мечети Омаровой. *Гаратуль Аммуд* – от Дамасских ворот, мимо базара, до Сионских ворот. *Гаратуль Муслим* – между мечетью Омара и храмом Гроба Господня. *Гаратуль Арман*, армянская, в квартале армян. *Гаратуль Юд*, Иудейская, в квартале евреев. *Гаратуль Маграби* или *Варварийская* – возле Гнойных ворот. *Гаратуль Саххара* – от Иродовых ворот мимо церкви Св. Анны к купальне Овчей.

Назовем теперь ворота Иерусалимские. С запада, у замка Давидова: *Бабуль-Халиль*, так названные потому, что они ведут чрез Вифлеем в Хеврон, называемый арабами *Эль-Халиль*; это также ворота Яфские и *врата Юдоли*, упоминаемые у Неемии (Неем 2:13; 2 Пар 26:9). Обогнув вдоль стен западный угол города и направляясь по северной стороне, – нет других ворот кроме Дамасских. Мы говорили уже, что эта западная угловая часть Иерусалима, где находится святая Голгофа, не была застроена, и что древние стены составляли тогда *входящий* угол, а теперь этот угол *выходящий*. Во входящем углу древнего Иерусалима было двое ворот, с одной стороны *железные*, а с другой *Судные*; эти последние находятся теперь на конце Страстного пути. Нынешние ворота Дамасские, *Бабуш-Шам*, падают на местность *древних врат*, упоминаемых у Неемии (Неем 3:6; 12:39). После ворот Дамасских следуют ворота *Бабуль-Саххара*, это ворота Иродовы, также *Ефраимские*, или *Вениаминовы*; они теперь закладены, но в них есть калитка. На восточной части Иерусалима существуют теперь одни ворота, это *Гефсиманские* или *Св. Стефана*; мусульмане называют их: *Бабус-ситти Мариам*, именем Пресвятой Девы Марии, поблизости Ее

гробницы; они занимают место древних ворот *Овчих*, по указанию Неемии и Святого Евангелиста Иоанна (Неем 3:1–32; 12:39; Ин 5:2). Между этими воротами и северо-восточным углом иерусалимских стен были *врата рыбные*, названные так у Неемии (Неем 3:3; 12:39; 2 Пар 33:14; Соф 1: 10) и в других местах Библии. Продолжая путь от ворот Гефсиманских, встречаем мы закладенные *золотые ворота*, *Бабуль Дарагие*; это, вероятно, библейские ворота *Мифкад*; близ них были, при повороте горы Мории с востока на запад, *врата Конские*; это угол *коний врат восточных* Пророка Иеремии. По южной стене, противу Силоама видны также закладенные ворота *Мограби*; это врата *Гнойные*, Неемии (*Porta Sterquilinaria*); тут также есть калитка, которою располагают одни жители мечети Омаровой; она ведет в палисадник, принадлежащий мечети. Близ ворот Гнойных были *врата водные*; вероятно, над самым источником Силоамским на оконечности горы Сионской, которая входила тогда в состав города. Теперь с южной стороны Иерусалима существуют одни ворота *Сионские*, противу мечети, занимающей место Тайной Вечери; они называются мусульманами *Бабуль-Неби-Дауд*; то есть *Пророка Давида*.

Иерусалим можно обойти не с большим в час. Его объем составляет около 4 верст кругом стен; но более – если следовать вдоль подошв его гор. Во время Иосифа Флавия Иерусалим имел в окружности 33 стадии, что составляет 5 с половиною верст; тогда Сион, как мы сказали, входил в состав города, и весьма вероятно, что Иерусалим простирался далее на север, оканчиваясь близ гробниц Судей Израилевых; я более утверждаюсь в этом мнении потому, что теперешние северные стены города не представляют никакой природной защиты против осады; но продолжа Иерусалим до назначаемого нами места, вдоль по Дамасской дороге, можно там видеть лощину, которая соединяется с восходящим туда оврагом горы Элеонской или потока Кедрского; этот поток имел здесь свое начало. Вид этого места, мною снятый, объяснит, может быть, еще лучше эти доводы. Включая таким образом гробницы царские, и даже Судей Израилевых, в стены города, мы можем основываться в этом на Библии. В книге Паралипоменон сказано: «И успе Ахаз со отцы своими и погребоша его во граде Давидове, ибо не внесоша его во гробы царей Израилевых» (2 Пар 28:27). Известно, что особенным именем города Давидова назывался Сион. Мы знаем также, что цари израильские

погребались в самом Иерусалиме, в месте, которое называлось Поле царских гробов (2 Пар 26:23). Вся эта опустелая часть Иерусалима занята была предместьем Везефа, которое также называлось *Кенополис* (*Caenopolis*) и было обнесено стенами Агриппы. Доселе во многих местах видны тут остатки подземных сводов от бывших зданий. Увидя впоследствии план Иерусалима Катервуда, я нашел, что его предположение несколько подобно моему; но он оканчивает Иерусалим на плоскости, а не там, где самая местность обозначает его пределы. Иерусалим находится под $53^{\circ} 21'$ долготы О. Ф. и $31^{\circ} 47', 46''$, северной широты. Число жителей трудно определить, по принятому обыкновению мусульман не вести счету народонаселению. Едва ли можно положить это число более как в 15 тысяч. Христиан, как кажется, около 3 тысяч; в числе их меньшая часть состоит из европейцев, а большая из туземцев; остальные жители евреи и мусульмане; иные полагают, что Евреи многочисленнее самих мусульман. Иерусалим принадлежит пашалыку Дамасскому и управляем муселимом. Мы уже имели случай говорить о нынешнем муселиме Иерусалимском Абугоше.

Природа Иерусалима имеет наружность строгую; бледные маслины одевают только северную плоскость и скаты горы Элеонской; остальное пусто и пожжено. Отрадное ущелье Силоамское обработано по удобствам, представляемым двумя источниками; начало долины Элеонской или потока Кедрского в некоторых местах засеяно. Скромный источник Силоамский и отрасли потока Гигонского составляют, по наружности, все водное богатство Иерусалима; оно не достаточно; и потому почти каждый дом имеет хранилище дождевой воды. Со всем тем Иерусалим снабжен водою чрез водопроводы, направленные из-за Вифлеема; об этом мы будем говорить пространнее в своем месте.

Глава XXIII

Вифлеем

«И послал их в Вифлеем... И се звезда, которую видели они на востоке, шла пред ними, как наконец пришла и остановилась над местом, где был Младенец».

(Мф 2:8–9)

Давно сердце мое жаждало поклониться месту радостного Рождества Испытателя мира, – Вифлеем отстоит не более двух часов пути от Иерусалима, на запад. Мы выехали из Яфских или Вифлеемских ворот; тотчас при выезде, оставя Яфскую дорогу вправо, мы спустились прямо по крутой тропе к *нижнему водоему Гигонскому*. Высота, находящаяся направо от него, названа именем Св. Георгия; мы отклонились туда, чтоб посетить часовню святого мученика, где был прежде монастырь. Тут показывают цепь, в которую был закован святой мученик; говорят, что она имеет силу исцелять одержимых сумасшествием и бешенством. Сойдя опять на дорогу Вифлеемскую, мы поднялись к горе Злого Совещания. Отсюда идет равнина, ограниченная слева горою Злого Совещания, права горами Иудейскими, а спереди высотами Св. Илии; эти высоты, расступаясь посередине, открывают путь в Вифлеем. Эта плоскость называется долиною Рефаимскою и также, по переводу коренного слова, – *юдолюю Гигантов*. Она определена с удивительною точностью в Книге Иисуса Навина. «И поднимаются пределы по дебри Гиномской позади Иевуса, то есть Иерусалима, от юга, и выходят пределы на верх горы, которая насупротив дебри Гиномской с запада до оконечности долины Рефаимской на север» (Нав 15:8). Здесь Давид разбил два раза филистимлян. Местность битвы между Саулом и филистимлянами, когда Давид поразил Голиафа, обозначена не с меньшею точностью в Книге Царств. Войско Саулово расположено было на хребтах горы Злого Совещания, а филистимляне на отлогостях гор Иудейских, при дороге в Горняя; долина Рефаимская находилась между двумя войсками (1 Цар 18:2–3). Эта долина называлась *Гигантскою* еще прежде

поражения Голиафа. Моисеевы соглядатаи доходили почти сюда и сказали ему: «Видехом мужы превысоцыи». В библейские времена долина Рефаимская покрыта была терebinтовыми деревьями, почему и называлась также *Теребинтовою*; во времена христианского владычества она была хорошо обработана; теперь в запустении и местами покрыта древними развалинами, особенно вдоль пути. Одну из этих развалин называют башнею или домом Симеона Богоприимца. Неподалеку от дороги показывали отросток теревинфогого дерева, под которым, по преданиям, Пресвятая Богородица часто отдыхала на пути своем из Вифлеема в Иерусалим. Эти народные предания, которые как бы улавливают на земле бесценные следы Иисуса и Его Божественной Матери, сладостны сердцу. Это дерево было также в большом уважении у арабов; рассказывают, как один из них видел его в пламени.

Недалеко от высот Св. Илии виден у подошвы их, направо от дороги, круглый колодезь древнего построения и при нем водопойня. Он назван кладезем *Трех волхвов*. Повествуют, что благовестная звезда, приведшая волхвов от Востока в Иерусалим, вновь воссияла перед ними у этого колодезя и довела их до Вифлеема. Судя по обломкам, которые видны вокруг этого источника, он был украшен зодчеством. Арабы всегда останавливаются здесь испить священной воды.

Поднявшись на высоту, открывается уже недалеко монастырь Св. Илии. Вправо, на скате горы, показывают развалины, называемые жилищем Пророка Аввакума, где после существовала церковь; арабы называют это место *Пабелие*. Отсюда Ангел Господень перенес Аввакума в Вавилон, в ров Даниилов, с пищею для заключенного. Против самого монастыря Св. Илии, который находится в стороне налево, показывают три пути; возле источника, под деревом – камень, на котором часто отдыхал Пророк Илия; там виден как бы отпечаток его тела на камне. Жилище Пророка было на том месте, где теперь монастырь. Горя нетерпением увидеть Вифлеем, я здесь не остановился, отложив подробный осмотр этих мест на обратном пути.

Миновав монастырь, очень скоро является благословенный Вифлеем! Сколько радостных, нежных молитв вылетает из уст поклонника, какое торжество объемлет сердце христианина при виде того великого места, где Создатель вселенной, Сам Бог, благоизволил соединить Себя узами неразрывными с слабым, бранным человечеством, облекшись в плоть его! О, как высоко наше

предназначение! Какое высокое место занимает планета наша в цепи создания! «И ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше главных городов Иудиных; ибо из тебя изыдет вождь, который упасет народ Мой, – Израиля» (Мф 2:6).

Вифлеем открывается на горном хребте, сходящем в долину на юг; большое здание, укрепленное контрфорсами, господствует над прилежащим к нему местечком. За Вифлеемом рисуется на горизонте гора, имеющая вид усеченного конуса. Налево, за глубокою долиною, видны дикие горы Мертвого моря; направо гора Вифлеемская сливается с цепью гор Иудейских. Вот первый взгляд на Вифлеем. Не доезжая Вифлеема, мы спустились в долину; при этом спуске, направо от дороги, стоит мусульманская молельня, она покрывает гробницу Рахили; вправо от нее, за оврагом, видны развалины древней Рамы; а за ними, на горном скате, расположено арабское селение, принявшее имя разрушенной *Рамы*. При именах Рахили и Рамы я отстранил от себя грустные и трогательные воспоминания смерти Рахили и избиения младенцев и поспешал к торжественному святилищу. Перед самым подъемом на гору Вифлеемскую мы оставили налево гору Давидову, где был дом его. Въехав в улицы вифлеемские, мы были приняты дружелюбным приветствием арабов, которые почти все христиане; мой драгоман Якуб, родившийся в Вифлееме, имел тут всех своих родственников. Нельзя не заметить, при первом взгляде, гордой осанки жителей Вифлеема.

Вскоре мы были перед высокими и твердыми стенами монастыря, который походит на укрепление. Я был встречен с большим радушием греческим настоятелем отцом Ианикиосом; приняв первые приветствия, я поспешил к святилищу.

Благовестная звезда нашего искупления остановилась над тою священной точкою земного шара, которая накрыта этим зданием, – думал я, подходя с волнением к храму Вифлеемскому. Мы вступили в него в боковую дверь и вошли прямо в главный алтарь. Этот храм напоминает римские древние соборные церкви. Главный алтарь основан над самым вертепом Рождества Христа Спасителя. С обеих сторон алтаря сходят по пятнадцати мраморным ступеням в подземную церковь. Можно ль объяснить сладостное чувство восторга и благоговения, которым исполнено сердце при вступлении в таинственный сумрак этого святилища? Прежде нежели я мог что-

нибудь разглядеть, я пал ниц на мраморный помост, там, где серебряная звезда, освещенная лампадами, означает место рождения нашего небесного Искупителя! Излив чувства умиленной благодарности Спасителю за ту часть, которая принадлежит и моему собственному спасению, я прочел латинскую надпись кругом сияющей звезды: *INC DE VIRGINE MARIA IESUS CHRISTUS NATUS EST. Здесь родился Иисус Христос от Девы Марии*». Что можно сказать более? Это место находится в полукружном нише. Помост вертепа Рождества, образуя также полукруг, обвешен шестнадцатью богатыми лампадами; над ним мраморная доска служит престолом, где совершаются таинства литургии. В нише, который над престолом, ставится попеременно греками и католиками престольный образ Рождества Христова; но первобытная стена вертепа украшена была мозаическими изображениями. Следы мозаики уже едва видны; можно различить от надписи одно слово: *Dominus...* Шесть небольших образов византийской живописи вделаны в рамки перед престолом, в прямую линию.

Отступя несколько шагов от места Рождества Спасителя, вы видите, направо особенную пещеру, куда сходят по двум или трем ступеням: там были ясли, где покоился младенец Иисус и где впервые поклонились ему волхвы и пастыри – Мудрость и Простота.

Ясли высечены в природном камне, в виде продолговатого ящика, и обложены белым мрамором. Это святое место, освещенное, так же как и вертеп Рождества, драгоценными лампадами, служит престолом для совершения литургий. Престольный образ, кисти Иакова Пальмы, изображает поклонение пастырей. Против колыбельных яслей Спасителя устроен, в том же вертепе, другой престол, на том месте, где Пресвятая Богородица принимала, с младенцем Иисусом на Ее лоне, поклонение трех волхвов. Все стены вертепа, как здесь, так и у святилища Рождества, одеты богатыми тканями, и множество серебряных и позолоченных лампад висят вдоль главного свода и по сторонам. Весь вертеп имеет вообще сажень пять в длину и сажени полторы в ширину. Прежде все стены были украшены византийскими мозаиками.

В Евангелии Святого Луки мы видим указание на скромное место Рождения Спасителя мира: «В то время вышло от Кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле»; стечение в Вифлееме было

необыкновенное; бедная гостиница приняла под свой кров Матерь Божию и Ее святого обручника; «в бытность их там наступило время родить Ей. И родила Сына своего первенца, и спеленала Его, и положила в ясли; потому что не было им места в гостинице»; один вертеп был первым на земле местом, где видна была слава воплощенного Сына Божия; а другой вертеп соделался Его тридневною гробницею. Во всей Палестине, по причине каменистого слоя земли, пещеры входили в состав зданий; сверх того, в течение стольких веков наносная земля углубила многие памятники и здания.

К вертепу Рождества прилегают другие пещеры. Из этого священного вертепа сходят в пещеру, где обитал Иосиф; там устроен престол. За нею следует пещера, где погребены многие из убиенных по повелению Ирода младенцев; их кости хранятся за железною решеткою; мирная колыбель Небесного Младенца приняла их прах под свой кров. Отсюда, направо, есть выход наверх, в католическую церковь Св. Екатерины; а налево чрез узкий коридор, где находится гробница Евсевия, аббата Кремонского, ученика блаженного Иеронима, входят в вертеп, где погребен блаженный Иероним и две ученицы его, Павлина и ее дочь Евстахия. Рядом с этим вертепом следует другой, несколько обширнее, куда падает свет из одного окна, – это келья блаженного Иеронима; здесь он перевел два раза Ветхий Завет на латинский язык, сначала с греческого, а потом с еврейского, и исправил греческий текст Нового Завета. Здесь на престольная картина изображает его, занятого этим трудом.

Память блаженного Иеронима, жившего спустя 400 лет по Рождестве Христовом, драгоценна в истории Христианской церкви. Озаренный лучом веры, он оставил богатства, почести и блеск Рима для дикой пустыни в Палестине и наконец утвердил обитель свою возле вертепа Рождества Спасителя мира. Слава о его добродетели населила его уединение учениками и отшельниками и проникла в оставленное им светское отечество. Историк Сульпиций Север посетил Иеронима и пробыл у него полгода. Когда Иероним, по приглашению папы Дамассия, опять увидел Рим, – мир сделался ему еще более ненавистным после вдохновенной небесной жизни отшельника, и он поспешил возвратиться к спасительному вертепу. Связанные с ним узами Святой дружбы, римская матрона Павлина и дочь ее Евстахия, принадлежавшие славным домам Сципионов и Гракхов, отплыли вслед

за ним в Палестину и, соверша поклонение святым местам, заключились в подземную обитель Вифлеемскую; тут они употребили вместе с Иеронимом все их мирские стяжания на бедных и отшельников. Из рук святого мужа перешли они в вечность; трогательная картина усопших матери и дочери видна над их общею гробницею. Сам Иероним начертал надгробную над их прахом и тут же опочил на 82-м году от рождения. Беспрестанная борьба его с мирскими воспоминаниями поразительно выражена в одном из его посланий; самым трудным подвигом для него было победить страсть свою к древним классикам, творениями которых он напитал себя из детства. Его назидательные признания утешительны для человека, обуреваемого соблазнами.

«Я расскажу тебе о моих несчастиях, – пишет он к Евстохию. – Когда несколько лет тому назад я расстался с родительским домом, с родными, с друзьями и, что еще труднее, с роскошью жизни – для благ небесных, и беспрестанно борясь, достиг Иерусалима, – я не мог расстаться с моею библиотекою, которую я приобрел большими стараниями и трудами. Итак, – я, несчастный, после чтения Цицерона – постился. После ночи, проведенной без сна, после слез, которые вырывались из глубины сердца моего от воспоминания прошедших грехов моих, – я брал в руки Плавта. Когда же, пришед в себя, я начинал читать Пророков, – то слог их мне казался груб и неприятен; и хотя, от слепоты глаз моих, я не видел света, – я осуждал не глаза мои, – а солнце. Меж тем как древний змий так надо мною издевался, – в половине четырехдесятницы жестокая лихорадка проникла в состав моего изнеможенного тела; лишась совершенно покоя, я так изнемог, что (почти невероятно) кожа едва облекала мои кости. Я видел уже близость моей кончины; почти все тело мое уже охладело, и жизненный жар трепетал только в груди моей... Вдруг я перенесен был духом перед судилище Судии, где был такой свет, а из окружности – такой блеск, что я, упав ниц на землю, не смел взглянуть. На вопрос: Кто я? – отвечивал, что я христианин. „Лжешь, – возразил тот, кто председал в суде, – ты *цицеронянин*, а не *христианин*: где сокровище твое, там и сердце твое!“ Тут я обомлел, и посреди жестоких ударов совести, больнейших пламени огненного, я страдал, припоминая сам в себе этот стих: „Во аде, кто исповестся тебе“. И я начал восклицать: „Помилуй мя Боже! Помилуй мя“!»

После этого видения святой Иероним отрекся от всего светского и предался изучению Святой Библии. До утверждения своего в Вифлееме блаженный Иероним приготовил себя к вдохновительной жизни отшельника долгим пребыванием в дикой дебри между Вифлеемом и Мертвым морем, где он постоянно боролся с обольстительным призраком Рима, – и наконец, умертвив плоть свою, возвратился, просветленный духом, к радостному вертепу Вифлеемскому.

Глава XXIV

Вифлеем и обратный путь в Иерусалим

«И ты, Вифлееме, доме Ефрафов, еда мал еси, еже быти в тысячах Иудиных; из тебе бо мне изыдет старейшина, еже быти в Князя во Исраили, исходи же Его из начала от дний века».

(Мих 5:2–3)

Храм Вифлеемский, воздвигнутый на вертепе Рождества Спасителя, принадлежит, как полагают, времени Юстиниана. Первые христиане имели уже небольшой храм на этом торжественном месте; первый таковой памятник приписывают даже трем царям или волхвам, пришедшим поклониться младенцу Иисусу. Известно, что император Адриан соорудил здесь, из ненависти к христианам, капище Адонису и Венере и запретил иудеям обитать в Иерусалиме и Вифлееме. Достойно замечания, что ни одного еврея нет уже теперь в Вифлееме. Даже Тертуллиан в свое время сказал по этому поводу слепотствующим иудеям: «Какого же вы теперь ожидаете Мессию из Вифлеема, когда нет ни одного человека от семени Израиля в Вифлееме?»^[68]. Елена ниспровергла идолов Адриана и украсила вертеп Рождества^[69].

Собор Вифлеемский посвящен Пресвятой Богородице. Он построен подобно иерусалимскому храму Введения (что теперь мечеть Эль-Акса), крестом; фасад имеет очень узкие двери, которые, конечно, не были такими. Кварезмий, писавший в 1630 году, говорит о больших дверях, очень искусно отделанных, но уже изъеденных временем. Мне сказывали, что древняя дверь была закладена и обращена в узкую, для удобнейшей защиты от нападений арабов и для того даже, чтоб воспрепятствовать неверным вводить во Святой храм животных, чему по несчастию были примеры. При входе в храм открывается обширная паперть, состоящая из длинной галереи; по обеим сторонам возвышаются в два ряда мраморные, коринфического ордена колонны, по десяти в каждом; их было по двенадцати, но крайние вошли в состав стен^[70]. Колонны были напоследок расписаны, как в наших древних

соборах, и на иных видны еще изображение святых. Потолок, подобно церкви Св. Павла за стенами Рима, которую я видел до пожара, составлен из огромных балок кедрового и кипарисного дерева с вершин Ливана. Стены были одеты белым мрамором и мозаиками; малые остатки от них еще видны. Весь мрамор был снят мусульманами для мечети Омаровой; помост был также мраморный, – он частью сохранился, частью заменен плитником. Освещение из боковых окон. На правой руке, между вторым рядом колонн и стеною, стоит древняя христианская купель из белого мрамора, – прежде она была обнесена колоннами. На ней видна греческая надпись, которая переписана Кварезмием в XVII веке: тогда она была менее искажена; он ее пишет, с некоторыми изменениями, следующим образом: ΥΠΕΡ ΜΝΗΜΗΣ ΚΑΙ ΑΠΑΥΣΕΩΣ ΚΑΙ ΑΘΕΣΕΩΣ ΑΜΑΡΤΙΩΝ Ω. Ν. Ι. ΚΣΓΕΝΟΣΚΙΤΑ ΟΝΟΜΑΤΑ, т. е. (по его переводу) «В память, и упокой, и во оставление грехов О. Н. I. Богу известны эти имена».

Алтарь образует верхнюю часть крестной фигуры храма, с закругленными оконечностями. Иконостас состоит из аркад. Главный алтарь, возвышенный на несколько ступеней, посвящен Рождеству Христову и принадлежит грекам; направо и налево от алтаря, против сходов в вертеп, устроены два престола: первый посвящен Обрезанию Спасителя, а второй трем волхвам. Мозаики на стенах главного алтаря во многих местах хорошо сохранились. Все изображения взяты из Нового Завета и из истории церковных соборов. Из предметов Нового Завета более сохранились: Благовещенье, Рождество, Вход в Иерусалим, Принесение Иисуса Христа во храм, Преображение и Вознесение; возле картины Введения замечательны остатки греческой надписи, которая определяет эпоху мозаической работы. Я следую выписке и переводу Кварезмия с его поправками: «Совершен сей труд живописцем и мозаическим художником Ефремом, в царствование великого Императора Эммануила Порфирородного Комнина, и во дни великого Короля Иерусалимского Аммория, и святейшего Епископа Вифлеемского Раулинета, в *677 году Индикта 2-го». Но тут видимая ошибка в списке числа, вероятно от выпавшего мозаика. Емануил I Комнин вступил на престол в 1143 году, и так мозаические украшения имеют без малого 700 лет давности. Вот подлинная надпись:

ἔτελειώθη τὸν παρὸν ἔργον διὰ χειρὸς Ἐφραίμ ἱστοριογράφου καὶ μουσιάτορος
ἐπὶ τῆς βασιλείας Μαιουῆλ μεγάλου βασιλέως πορφυρογειμήτου τοῦ Κομνη
οὔκαὶ ἐπὶ τὰς ἡμέρας τοῦ μεγάλου ῥηγὸς Ἀμμόρι καὶ τοῦ τῆς ἁγίας Βηθλεέμ
ἁγιωτάτου ἐπισκόπου Κυροῦ Ῥαουλιέτοσ Α. ΧΟΖ ἰνδικτιῶνος Β΄.

В одном Вифлееме видел я истинное христианское братство между монахами Восточной и Западной церквей. Приятно сердцу моему занести в мои записки имена настоятелей двух церквей; первый иеромонах отец Иоаникиос, а второй Челестино да Озимо (Fra Celestino da Osimo).

Вне храма достойно замечания находящееся перед сходом направо длинное здание, которое называется школою блаженного Иеронима. Своды поддержаны четырьмя колоннами. Теперь превращено в конюшню то место, куда стекались отшельники и ученые слушать поучения блаженного Иеронима. Эвагрий и Павлин, Епископ Антиохийский, часто посещали вифлеемского затворника. Это здание, вероятно, построено Павлиною и Евстахиєю, которые основали несколько монастырей в самом Вифлееме и в окрестностях.

Лист рукописи «Путешествия» с текстом древней надписи

Реферктория была во время Иеронима возле нынешней реферктории католиков, налево от входа во храм; она теперь в совершенном разрушении. Перед храмом, на покатой площадке, есть два или три водохранилища. Частная церковь греков прилегает к главному алтарю храма, направо; возле нее башня, которая служит жилищем греческим монахам.

Вифлеем, отечество Давида, сделавшийся земным отечеством Сына Божия, впервые назван в Моисеевой Книге Бытия. Это имя по буквальному переводу значит: *Дом хлеба*, он назывался также *Евфрата*, слово, значащее *плодоносная*, и *домом Давидовым*; заметим, что прозвание *Евфраты* сохранилось в прилежащем к Вифлеему селении, о чем мы скажем далее. Прозвание *Иудейского* дано ему для различия от Вифлеема *Завулонского*. Он был укреплен Ровоамом. Трогательные сцены Книги Руфи происходили в полях Вифлеемских. Торжественное пророчество Михея о рождении Мессии в Вифлееме обратило наконец внимание всего мира на эту точку земли, где впервые воссиял Свет спасения: «И ты Вифлееме, доме Ефрафов, еда мал еси, еже быти в тысящах Иудиных, из тебя бо мне изыдет старейшина, еже быти в Князя во Израили, исходи же Его из начала, от дней века». «Сего ради даст я, до времени раждающия породит и прочии от братии их обратятся к сыном Израилевым. И станет и узрит и упасет паству свою крепостию Господь, и в славе имени Господа Бога своего пребудет: зане ныне возвеличится даже до конец земли!» (Мих 5:2–4) На основании этого пророчества первосвященники и книжники иерусалимские отвечали смущенному Ироду на вопрос: «Где Христос рождается?» – «В Вифлееме Иудейском».

В Вифлееме родился Апостол Матфей. Ныне в Вифлееме считают с лишком 3500 человек жителей, из которых не более ста человек мусульман, Все арабы принадлежат Греческой или Католической церквам; арабов греческого исповедания несколько более. Число армян незначительно. Арабы вифлеемские особенно мужественны; они гордятся именем христиан и презирают мусульман; они долго противостояли оружию Ибрагима и наконец, побежденные силою, скрылись с своими стадами в Аравийские горы за Мертвое море. Ибрагим срыл их дома и превратил в пепел вековые масличные роци,

окружавшие Вифлеем. Следы этого опустошения везде видны. Главная торговля жителей вифлеемских состоит из перламутровых изделий священных вещей; они довольно искусно подражают видимым им образам в церквах палестинских. Здешние арабы часто приветствуют европейских поклонников на греческом или итальянском языках, заимствуя свои приветствия у монахов. Я буду еще после говорить о Вифлееме, намереваясь несколько раз посетить это святое место.

Я возвратился в Иерусалим тем же путем. Спустясь с высот вифлеемских, напротив самого Вифлеема, за лощиною, находится *гора Давидова*; эта часть также принадлежала Вифлеему; мы направились туда. Там, где был *дом Давидов*, видны остатки древнего здания и большой колодезь. Этот источник здесь в большом уважении; его полагают за тот самый, из которого Давид возжаждал пить, когда он находился обложен филистимлянами; часть их войска находилась в долине Рефаимской, а другая часть в Вифлееме: «И возжада Давид, и рече: кто напоит мя водою из рова, иже в Вифлееме при вратех? и расторгоша три сильнии ополчение иноплеменниче, и почерпоша воды из рова Вифлеемскаго, иже при вратех: и взяша и приидоша к Давиду, и не восхоте пити ее и возлия ю Господу и рече: милостив мне Господи еже сотвори сие, кровь ли мужей пошедших в душах своих, пити имам, и не восхоте пити ея» (2 Цар 23:15–17).

Отсюда снял я вид Вифлеема. Спустясь на Иерусалимскую дорогу и поднимаясь на первую высоту, виден, налево от дороги, памятник Рахили; близ лежащее селение *Рама*, возле развалин, напоминает раздирающие сердце строки Священного Писания: «Глас в Раме слышан бысть, плач и рыдание и вопль мног! Рахиль плачущися чад своих и не хотяше утешитися, – яко не суть!» Хотя гробница Рахили, видимо, есть новое мусульманское построение, но нет никакой причины отвергать, чтоб оно не было основано на древних остатках настоящего памятника, тем более, что это мнение, укорененное веками, основано на местном определении Библии: «...Рахиль умерла, и погребена на дороге к Ефрафе, которая есть Вифлеем. Иаков поставил над гробом ея памятник. Это есть известный до сего дня памятник гроба Рахилина» (Быт 35:19). Нельзя без особенных причин и не справясь с Библиею отвергать ни одного из преданий палестинских. Вифлеемский араб, сопровождавший нас, говорил мне в своем

простодушном рассказе о Рахили, что она шла тогда из *Гаурана*, так они называют *Харран* в Месопотамии.

Памятник Рахилин построен как обыкновенная сантонская молельня; ключ от входа хранится у дервиша, но можно видеть внутренность из окна; все небольшое пространство занято стоящим камнем, грубо оштукатуренным и в виде четверостороннего столпа, достигающего почти до потолка; может быть, памятник библейский закладен внутри. Кругом памятника видна разрушенная каменная ограда и остатки развалин из больших камней. *Рама* не есть *Армафа*, место рождения и погребения Пророка Самуила, как то заключили некоторые путешественники; самуилова *Рама* (тоже *Рамафаим-тзофим*) была в пределах ефраимских. По Книге Иисуса Навина (Нав 19:36), третья *Рама* находилась в колоне Нефталимовом.

Продолжая путь к Иерусалиму, за три четверти часа от Вифлеема, несколько уклонясь от дороги направо, показывают одно пустое место, на котором всегда находят маленькие круглые камешки, совершенно подобные окаменелым горошинкам. Есть народное предание, что Пресвятая Богородица, идя по пути от Вифлеема в Иерусалим, просила у земледельцев, занятых сеяньем гороха, для подкрепления сил пищи и получила отказ – в самое то время сеемый горох обратился в камень. Пространство этого места не более как сажень в пять в окружности; на нем всегда очень немного этих камешков; почти всякий поклонник набирает их несколько для себя, а при всем том они не уничтожаются. Я понес несколько этих камешков с собою. Для тех, которые идут из Иерусалима, это место находится на первом возвышении, проехав монастырь Св. Илии, влево от дороги.

Насупротив этого места высота, находящаяся налево от дороги, называется *горою Патриарха Иакова*, мужа Рахили; а еще левее, совсем в стороне от дороги, показывают выдолбленный камень странной обделки. Прохожие, особенно женщины, всегда отклоняются от большой дороги, чтоб поклониться этому камню; в простонародье говорят, что тут Пресвятая Дева часто отдыхала с младенцем Иисусом. Об этом камне не говорит ни один из путешественников. Мне кажется, что он принадлежит древним термам и что он есть не что иное, как ванна. Он углублен в землю, имеет продолженную четверостороннюю форму, в сажень длиною и около двух аршин в ширину и в глубину; по обоим большим бокам выделано по одной скамье; на дне, в углу, видно

небольшое круглое отверстие, вероятно для стока воды. Изображение этого камня, здесь приложенное, рисовано мною сидя на лошади.

Фрагмент рукописи А. С. Норова с рисунком колодца возле монастыря Св. Илии

Если идти из Иерусалима прямо на Раму, не по большой дороге Вифлеемской, то этот камень будет при пути.

Сойдя опять на дорогу Вифлеемскую, арабы показывают вправо большой камень, уверяя, что под ним есть пещеры, и основывают на этом разные рассказы, по их склонности к чудесному. Достигнув колодезя и дерева Св. Илии, мы своротили с дороги направо, к монастырю, который посвящен этому великому Пророку. Монастырь Св. Илии принадлежит грекам; построение его очень древнее; он походит на укрепленный замок, квадратной формы. Все монастыри палестинские в первые века христианства строились как крепости, для защиты от неверных. Внутренность не имеет ничего замечательного и очень бедна; но вид с террасы монастыря вдохновителен: с запада Вифлеем, а с востока Иерусалим. Небольшая масличная роща окружает стены.

На дороге от монастыря Св. Илии к Иерусалиму, в долине Рефаимской, встретил я арабское семейство, мать и дочь; последняя, узнав во мне европейского поклонника, подбежала ко мне с жалобными восклицаниями, твердя: *Нассара! Нассара!* т. е. что она христианка, и крестясь православным знаменьем; бедная просила у меня защиты в том, что мать ее лишилась через рекрутский набор единственного сына, а она – брата, которого они только что оставили в лагере Шерифа. Что мог я для них сделать! От повального набора в местах менее упорных, чем Вифлеем и Хеврон, большая часть жителей разбежалась, остались старики и женщины; везде вопль, напоминающий *глас в Раме!*

Спускаясь к самому Иерусалиму с горы Злого Совецания, видны пещеры или каменоломни.

Глава XXV

Горний град Иудов. – Пустыня Иоаннова

«Воставши же Мария во дни сии, с поспешностию пошла в нагорную страну, в город Иудин и вошла в дом Захариин и приветствовала Елисавету».

(Лк 1:39–40)

Евангельский, горний город Иудов отстоит от Иерусалима на расстоянии одного часа с четвертью езды. Поклонники обыкновенно запасаются рекомендательным письмом из католического монастыря в Иерусалиме к францисканским монахам церкви Св. Иоанна, там находящейся; но я этого не сделал.

Дорога в горний город Иудов идет из Вифлеемских ворот; она пролегает между Вифлеемскою и Яфскою дорогою, по каменистым холмам, мимо вышнего водоема Гигонского, и по направлению к библейскому полю или селу белильному.

За четверть часа от Иерусалима стоит подле масличной рощи, в лощине, на скате, монастырь *Святого Креста*, принадлежащий грекам. Он построен, как говорят предания, на том месте, где было срублено дерево для Креста Спасителя. Я должен был посетить его на моем возвратном пути. Здесь дорога разделяется, одна налево, в *Бетсафа* и *Мальха*, по долине *Уади-Мальха*, а другая направо, в *город Иудов*. Через три четверти часа от Иерусалима начинается подъем на первый хребет Иудейских гор, покрытый маслинами и виноградниками; налево, в обработанной лощине, видно селение *Мальха*, и почти тотчас после открывается плодоносная долина горнего города Иудова; он называется теперь селением Св. Иоанна. По неопределительному названию этого города в Евангелии, никто, кроме Реланда, не называл его настоящим именем. Евангельский град Иудов известен в Книге Иисуса Навина под именем *Иута* и *Иетте* и помещен им в горах Иудейских; это был один из городов левитов или первосвященников. Он расположен в обширной горной лощине, на нижнем скате гор, посреди обильных садов и обработанных полян. Мы направились прямо к монастырю. К нам

вышли два или три католические монаха; узнав, что я не имел письма из Иерусалима, они не оказали мне никакого приветствия.

Мы оставили лошадей на улице, у ворот. Я не мог иметь ни одного жохатого в храме; мой драгоман, добрый Якуб, заменил мне этот недостаток.

Храм роскошен, во вкусе европейском, и содержан прекрасно. Живопись всех образов очень хорошая; тут даже есть отличная картина, кисти Мурилло, изображающая Иоанна Крестителя в пустыне. Мрамор расточен в изобилии на стенах и на помосте. Эта церковь выстроена в 1621 году, дарами католических держав и стараниями Фомы де Новариа. Она разделена на три части; средний алтарь осенен куполом; по сторонам два придела. Левый придел основан на месте рождения того человека, выше которого никто из рожденных женами не восставал! Место рождения Предтечи Господня так же скромно, как и место рождения Спасителя; это также вертеп, но не подземный; он был бы наравне с другими домами, если б не был накрыт помостом храма. Туда сходят за позолоченную решетку по 7 или 8 мраморным ступеням. Под сводом пещеры, одетой мрамором и богатыми тканями, основан великолепный престол, раскрытый снизу. Там на помосте виден мраморный круг, украшенный резцом, с Латинскою надписью: «HIC PRAECURSOR DOMINI NATUS EST. Здесь родился Предтеча Господень». Отличные барельефы белого мрамора, изображающие всю жизнь Иоанна Крестителя, украшают стены алтаря. Монастырь обнесен оградой о двух дворах; она обнимает то место, где находился храм и прилежащий к нему дом чередовых священников (Лк 1:8, 23). Здесь происходила торжественная сцена, описанием которой начинается Евангелие от святого Луки. Здесь Ангел Господень, явись Захарии одесную алтаря кадильного, предрек ему рождество Предтечи Искупителя мира. Здесь провозгласил святой первосвященник торжественное прорицание: «Благословен Господь Бог Израилев, что посетил народ свой, и сотворил избавление ему».

В монастыре находится около двадцати братий, а селение состоит из арабов-мусульман, числом более 500, не весьма расположенных к христианам и не гостеприимных. Не получив никакого приглашения от моих собратий-христиан, я имел утешение поклониться священной памяти Предтечи Господа и слышать тут хвалебные гимны христианские при сладких звуках органа. Я отправился далее в путь,

горько вздохнув о распрях бедного стада, имеющего единого великого Пастыря!

При выезде из селения, под тенью смоковничных деревьев, построен водоем; он называется источником Пресвятой Девы Марии, по тому поверию, что Пресвятая Богородица, во время трехмесячного пребывания у южики своей Елисаветы, ходила сюда почерпать воду. Дом Захария и Елисаветы находился на скате горы, прилежащей к этому источнику и куда ведет отсюда дорога. Поднявшись туда, мы скоро достигли живописных развалин этой священной обители. Она находится на крутом скате. Войдя в ворота, мы увидели двор, посреди которого растет древний развесистый платан; корни его и дуплистое основание обнесены кругом двумя каменными уступами. Насупротив, на каменной платформе со сводами, возвышаются значительные развалины. Остатки двух огив показывают готическое зодчество. Стены нижнего здания сложены из огромных камней; это нижнее здание принадлежит, как говорят, дому Захарии. Под сводом устроен престол, куда приходят братья монастыря Св. Иоанна, один раз в год, служить обедню. Предание повествует, что возле этого свода и каменного крыльца, ведущего к верхнему зданию, происходила трогательная встреча Елисаветы с Пресвятою Богородицею; здесь излился из уст Елисаветы и Матери Божией этот торжественный, Боговдохновенный разговор, переданный нам святым евангелистом Лукою: «Благословенна ты в женах, и благословен плод чрева Твоего! И откуда это мне, что пришла Мать Господа моего ко мне?» – «И сказала Мария: величит душа Моя Господа, и возрадовался дух Мой о Боге Спасителе Моем; что призрел Он на смирение рабы Своей; ибо отныне блаженною нарекут Меня все племена!»

Верхнее здание принадлежало, как говорят, монастырю, основанному, по одним преданиям, Еленою, а по другим – Плакидиюю и Евдокиюю. В шестнадцатом столетии видны еще были на стенах альфрески, изображавшие двенадцать Апостолов. На дворе, кругом некоторых стен, приделан уступ для сидения; вправо от ворот виден отдельный большой свод. Развалины осенены густыми деревьями.

Сидя на дворе, под тенью векового платана, потомка того, который укрывал под кровом своим святое семейство Захарии и Божественную Гостью, Царицу Ангелов, я прочел первую главу евангелиста Луки,

потом нарвал несколько полевых цветов, тут растущих, и, желая понести с собою большее воспоминание об этом месте, я срисовал его.

Отсюда мы продолжали путь далее вперед, огибая каменистые скаты гор. Их подошвы сходят в роскошное ущелье, которое идет от самого монастыря Иоанна Предтечи, и покрыто лесами маслин и виноградниками. Направо, на противоположных диких горах Иудейских, виден *Анатот* Абугошей; а на одном из самых заметных шпигцев гор – те развалины, которые ошибочно называют *Модином* Маккавеев^[21]. На самой дороге показывают место, где юный Иоанн проповедовал близкое пришествие Искупителя и покаяние; тут находился камень, на котором святой Предтеча часто отдыхал; но камень этот перенесен в монастырь Иоанна. Путь по ребрам скал утомителен, но взор приятно отдыхает на низменной плодоносной лощине. Мы употребили около часа времени, чтобы достичь того уединения святого Иоанна Предтечи, где он, уклонясь от отчего дома и людей, вел пустынную, боговдохновенную жизнь; оно находится на самом обрыве горного хребта. Мы спустились туда пешком с большим трудом; первый предмет, который представляется, суть развалины небольшой церкви; а под нею, в скале, пещера, та самая, где обитал юный Иоанн, где он размышлял в уединении о своем высоком назначении и приготовлял себя на духовный подвиг. Ниже этой пещеры журчит живописный родник, которого струи утоляли жажду великого постника! Он прохладил и нас от тяжкого пути – и мы тут несколько отдохнули, любуясь низменною плодоною долиною. Напротив, на той стороне ущелья, видно нагорное селение *Сатаф* посреди лимонных и апельсиновых садов.

В большой усталости возвратились мы к стенам монастыря Св. Иоанна. Пища и отдохновение были нам нужны; но после приема, нам сделанного, я предпочел отдохнуть на скате гор. Мой вожатый, Якуб, видя мою усталость, достал мне у арабов молока и хлеба, и я, укрепясь силами, начал снимать вид горного града Иудова со стороны гор Иерусалимских.

В это время муселим Иерусалимский Абугош, приехав в селение Св. Иоанна по делам рекрутским и увидев меня из своего шатра, прислал пригласить меня к нему на кофе; посланный им кавас спрашивал, отчего мы не остановились в монастыре; но я отказался от

приглашения арабского вождя под предлогом моего рисовального занятия.

Глава XXVI

Мальха. – Источник св. Филиппа. – Монастырь св. Креста

«Филиппу же Ангел Господень сказал: встань и иди на полдень, на дорогу идущую из Иерусалима в Газу, на ту, которая пуста».

(Деян 8:26)

Вспомнив, что почтенный отец Анфимос, секретарь и библиотекарь греческого монастыря в Иерусалиме, пригласил меня, на возвратном пути моем из пустыни Св. Иоанна, посетить загородное поместье греческой братии, называемое Мальха, куда они собрались нынешний день подышать сельским воздухом, – я направился туда. Мы спустились в лощину, которая идет к Вифлеему, и последовали ее природному направлению, не по дороге, а прямо через виноградники и рощи маслин и смоковниц. Вскоре мы были поражены благоуханием роз, и вслед за сим появились на всем пространстве кусты цветущих роз, перемешанные с масличными и теребинтовыми деревьями и с лозами виноградными. Сквозь этот роскошный сад, через рвы и заборы, выехали мы на дорогу и достигли той горной цепи, которая идет от Вифлеема. Обратясь на слитый шум человеческих голосов, мы увидели у подошвы горы несколько арабов возле источника; вокруг стояли на привязи оседланные лошади; выше, на скате гор, под тенью деревьев, мелькали черные монашеские рясы, и вскоре меня приветствовал дружелюбный голос отца Анфимоса. Оставя усталых лошадей наших у водопойни, я достиг приятного места наших отшельников. Сонм старцев с седыми брадами расположен был в кружке, в мирной беседе, под навесом платана, посреди больших кипов нарванных роз; нежные цветы еще более обозначали строгость монашеских одежд. Перед ними стояли остатки фруктового обеда, меж тем как кофе – отрада Востока – варился на близ разведенном огоньке. Тут я нашел достопочтенного Епископа Назаретского Даниила, одного из ученейших мужей Восточной церкви, также Епископа Лидского. Радужная и мудрая

беседа их была мне утешительна. Я узнал, что это место было освящено присутствием Божией Матери. По преданиям, Пресвятая Дева, с младенцем Иисусом, на возвратном пути своем из Египта останавливалась в этой роще, у этого источника, и провела здесь ночь. Здесь Иосиф «услышав, что Архелай царствует в Иудее вместо Ирода отца своего, убоился итти туда, но получив повеление во сне, удалился в пределы Галилейские» (Мф 11:22). Заметим, что здесь пролегает прямой путь из Иерусалима, чрез Газу, к границе Египта.

Арабы небольшого селения Мальха, нанимаются у греческой братии для обрабатывания этой долины роз и виноградников. Здешние розы самородные; из них греческий монастырь составляет большой запас розовой воды, употребляемой на кропление и на омовение святых мест. Отсюда посылают розовую воду даже в Константинополь. Вино греческих монастырей в окрестности Иерусалима также есть плод здешних и близлежащих виноградников.

Мне советовали греческие отцы посетить источник Св. Филиппа, находящийся за три четверти часа езды отсюда, по дороге в Газу; они обещали дожидаться меня и возвратиться вместе в Иерусалим. Дорога к источнику Св. Филиппа идет в лощине, по ребрам гор; тут роскошь природы прекращается – дорога дика и пуста: Ангел Господень сказал Филиппу: «Поди на полдень на дорогу идущую из Иерусалима в Газу, на ту которая пуста». Тут я видел несколько древних погребальных пещер. Источник Св. Филиппа быстро течет из живописного водоема, построенного при подошве скалы и радуется слух своим грохотом в дикой дебри. Водоем построен из больших камней желтоватого цвета, в виде алтарного ниша, между двух пилястров коринфического ордена, с закругляющимся над ним сводом, который до половины разрушен. Посреди алтарного ниша сделано готическое окно, украшенное четырьмя огивами; источник тек прежде из него; теперь он пробил себе путь снизу и скачет по обрушенным камням и уступам; плющ, кустарники и деревья украшают развалины свежою зеленью. По сторонам видны пристройки. Здесь Филипп, по указанию Ангела Господня, встретил евнуха царицы Эфиопской, едущего на колеснице и чтущего Пророка Исаию, и в этой воде окрестил он его во Имя Иисуса, после чего сам был невидимо перенесен в Азот. Это место названо в древнем путеводителе из Бордо в Иерусалим *Вифасора* (Bethasora). Я

срисовал этот христианский памятник^[72] и возвратился в Мальху, к мирным иерусалимским отшельникам.

Я отправился в обратный путь, окруженный монашествующими всадниками; это напоминало мне первые века христианства. Путь отсюда труден, груды камней устилают дорогу до самого монастыря Святого Креста.

Я посетил эту обитель; она, как и монастырь Св. Илии, походит на четверостороннее укрепление. Ее мощные стены, из тесаных камней, не раз защищали иноков от нападений неверных. Она основана царицею Еленою и всегда принадлежала грузинским грекам чина Св. Василия Великого. Роща маслин прилегает к монастырю. На дворе растут несколько деревьев, вокруг стен идут обширные террасы. Церковь, с прекрасным куполом, освещена сверху, помост из мозаика; древние альфрески еще видны на стенах. Монастырь этот, по преданиям, построен на том месте, где было срублено древо нашего искупления. Под самым престолом алтаря показывают сквозь отверстие помоста место, где возрастало Крестное дерево. Кругом оклада этого отверстия я видел древнюю словенскую надпись, которую очень трудно разобрать по причине сокращений и узорчатых букв; жалею, что я забыл впоследствии заняться ее прочтением. Я узнал также после, что в этом монастыре хранится много грузинских, а может быть, и других рукописей.

Солнце садилось, и ворота Иерусалимские уже затворялись, когда мы возвратились в Святой город.

Часть вторая

«Сие глаголет Господь: Обращуся ко Иерусалиму щедротами и храм Мой Созидается в нем, глаголет Господь Вседержитель, и мера протянется во Иерусалиме еще... Еще прелятятся имут гради благими и помилует Господь еще Иерусалима».

(Зах 8:21–22)

Путешествіе

въ

Святую Землю. ~

въ

1835. году,

Часть 2^я.

Глава I

Дорога из Иерусалима чрез Гаваон в Вефиль

«Точно, Иегова на месте сем! а я не знал... Как страшно сие место!»

(Быт 28:16–17)

Таинственное событие в Вефиле – прообразовательный сон Иакова, означающий соединение неба с землею, – пленяло мое воображение с младенчества. В бытность мою в Иерусалиме я долго искал указаний на это место. Ни один из читанных мною путешественников не посещал Вефиля; сам Кварезмий, столь подробный в своих описаниях, не определил его местоположения. Один только неизвестный поклонник XIII века указал слегка, но правильно, на Вефиль в своем *путеводителе*^[73]. Маундрель хотя говорит о Вефиле, однако ошибочно. Я не нашел сведений об этом предмете в Латинском монастыре, но достопочтенный отец Анфимос удовлетворил мое любопытство; он исследовал все святые места Палестины и, по редкой доброте своей, сам хотел быть моим спутником, но расстроенное здоровье не позволяло ему долгих поездок. Он дал полное наставление моему Иакубу, которому все здешние пути были хорошо известны; – ему даже известен был Вефиль, но под другим именем. Получив все сведения от отца Анфимоса, я выехал рано поутру из Иерусалима чрез Дамасские ворота, по пути в Дамаск.

Мы проехали мимо пещеры Иеремии, гробниц Царей и Судей Израилевых, сквозь масличные рощи. Спускаясь с холмов, прилежащих к Иерусалиму с северной стороны, в лощину, я заметил Сантонскую молельню, называемую *Шейхуллах*; в этой лощине я полагаю границу древнего Иерусалима.

Отсюда местоположение идет возвышаясь к горам; с первого подъема я снял вид Иерусалима, чтоб пояснить сказанное мною о границе Иерусалима с этой стороны^[74]. За три четверти часа от Иерусалима, на горе *Шерафат*, видны следы развалин и падшая колонна; влево – селенье того же имени или *Шафат*; оно, кажется, построено из древних камней; близ него много развалин; оно стоит на

холме, обшитом каменной одеждою. Вероятно, это *Гавая* Саулова, где он воззвал на ополчение против Аммонитов (1 Цар 11:4)^[75]. Гора *Самуилова*, одна из высочайших в окрестности Иерусалима, возвышается насупротив, увенчанная развалинами, которые называют гробницею Самуила; на скате этой горы, возле долины, расположено селенье *Бетханина*, за четверть часа от Шафата. Почти напротив *Бетханины* существуют возле дороги, направо, едва заметные развалины, называемые *Акбет* или *Нафак*; рассказывают, что земледельцы находят здесь часто древние еврейские монеты. Это место заметно тем, что отсюда отделяется дорога в Лиду, налево. Здесь или около этого места можно полагать древний *Махмас* (1 Цар 14:5)^[76], откуда, по преданиям палестинским, Пресвятая Богородица возвратилась в Иерусалим искать двенадцатилетнего отрока Иисуса, которого обрела во храме, поучающего народ. Махмас отстоял от Иерусалима, по свидетельству Евсевия, на 9 римских миль (около 6 верст) возле *Рамы*. В 1 Книге Царств сказано: «Камень один стояше от севера противу Махмаса и камень второй от юга противу Гаваи» – в том дефилее, чрез который Ионафан хотел пройти в стан неприятельский. Это совершенно согласно с нашим определением Гаваи и Махмаса.

За сим, почти тотчас, въехав на возвышение, видно селение *Рама*, на горе, над обширною долиною; луга были покрыты пасущимися стадами. Подымаясь на гору *Рамы*, я заметил в ребрах скал глубокие пещеры. Теперешнее арабское селение основано на древних и новых развалинах, которые рассеяны даже по долине. Мой вожатый говорил мне, что в его время три раза переменялись жители в *Рама*, от местного угнетения. Мы остановились возле остатков монастыря и церкви, которые были заменены мечетью. Стены церкви построены из больших тесаных камней; там видел я в стене иудейский надгробный памятник, который носит на себе отпечаток глубочайшей древности и походит на царские гробницы близ Иерусалима. Я его срисовал.

Можно полагать, что эта *Рама* есть *Армафа-Сифа*, упоминаемая в Библии (*Ramathaim Tzophim*), – место рождения великого Самуила, и эта гробница едва ли не принадлежит дому Самуилову. Следуя Книге Царств, *Армафа* принадлежала уже горам Ефраимским (1 Цар 1:1); но по разделению Иисуса Навина она была в колене Вениаминовом. Она построена Соломоном^[77]. Это место ясно определено в Книге Судей

Израилевых: «И Деввора, жена пророчица... судяше Израилю в то время. И сия живяше под фиником... между Рамою и между Вефилом в горе Ефремли» (Суд 4:4–5).

По кратком отдохновении я продолжал путь далее. Следуя по широкой долине, через 20 минут отсюда, находится деревня *Атор*, где также видны древние развалины; это, вероятно, *Адар* или *Атароф-Адар* Иисуса Навина (Нав 16:5; 18:13). От Атора дорога идет лощиною между гор и выходит в обширную круглую долину, обнесенную горами, – это знаменитое поле битвы Иисуса Навина пред *Гаваоном*. Сам *Гаваон* открывается за передовую высоту. Я невольно взглянул на ослепительное солнце, которое над этою точкою земли замедлило закат свой. В этой долине совершилось поражение пяти союзных царей противу Гаваона, который был осажден ими. Иисус Навин пришел на помощь к Гаваону от Гилгала, с берегов Иордана; он опрокинул враждебное войско в этот горный бассейн и гнал чрез ущелья на Вифорон до Азика и до Макида. Склоняющемуся дню «рече Иисус: да станет солнце прямо Гаваону и луна прямо дебри Элон, – и ста солнце и луна в стоянии, дондеже отмсти Бог врагом их; не сие ли есть писано в книгах праведного; и ста солнце посреде небесе и не идяше на запад в совершение дня единого. И не бысть день таковый ниже прежде, ниже последи, еже послушати Богу тако гласа человека яко Господь споборствова Израилю» (Нав 10:12–15).

2. Сапушова,

Бетхамша.

Акбети или Чапрак.

Рама
(Ramathaim Tzophim)

адвѣдато. Это брѣвато Тавар (Сапуша) (Кн. Цар. Т. X. с. 4.) Это оны возваго на ина мана противу ~~на~~ Аммонитово. Гора Сапушова одна изъ величайшихъ ^{определенной} возвышенностей Персалии возвышенности на уяромѣхъ ^{развѣтвленіи} возвышенности Сапуша на Камтѣ ^{въ долинѣ} Франко-Персалии Бетхамши на; за $\frac{1}{4}$ часа отъ Шадрата. Кандаракс Помпа на противу Бетхамши судя высота возду дороги на правѣ два законника развѣтвленія кавказе на Акбети или Чапракѣ; раскапываемо это земель въ находится здѣсь много древнихъ Еврейскихъ монетъ. Это видно замѣтно видно что отсюда отдалена дорога въ Иуду, както за силу, потому потому что въ возвѣстивъ водопоя открываемо. Рама на горѣ, надъ обшир- ного долинѣ котораго была покрыта песу- шицами спадати. Поднимаютъ на гору Рама и замощены въ рѣбрахъ скалы глубоки пещеры Медвими Арабско семиты омаванка на древнихъ и новыхъ развѣтвленіи котораго уже разрушено въ домѣ. Мои въ ранній завтракъ идя, что въ его время, при разѣ перешагивая офицеръ въ Гамтѣ отъ мощныхъ угрозъ тебѣ. Мои остано- вились возлѣ отмѣткова показателя и церкви; здѣсь замѣтна была стѣна мрамора. Киркы. Была покрыта изъ позолоченныхъ камней; надъ въ дальнѣ и древней Иудейскій надгробный памятникъ, отъ коихъ на себѣ отмѣткова глубока древности и находится на Иудейскій арабскій языкъ Персалии. Записываю его:

Многъ камень это это Рама есть Армава Гора Труди (Ramathaim Tzophim) оно есть родина Сапуша, и это указываетъ едва ли не принадлежитъ дому Сапушова. Это видно уже въ ранней запискѣ о Иудейскій надгробный памятникъ

Фрагмент рукописи А. С. Норова с рисунком иудейского надгробия близ Рамы

Гаваон, ныне *Эль-Бир*, стоит на скате нагорного холма; внизу построен водоем, где всегда большое стечение народа и стад. Источник Гаваонский обозначен у Пророка Иеремии: «обретоша его (Исмаила) при воде мнозе в Гаваоне» (Иер 41:12). Нынешнее название Гаваона происходит от этого прекрасного источника. *Эль-Бир*, на арабском языке значит *колодезь*.

На высоте Гаваона, сверх других древних развалин, обращают на себя внимание прекрасные остатки христианского храма. Он принадлежал Византийскому построению. Алтарь, образующий полукруг, обращен на восток, – с каждой стороны по одному нишу, для придельных престолов. Северная стена хорошо сбереглась, она состояла из трех глухих аркад, поддержанных пилястрами и колоннами. Стены этого великолепного храма охраняют теперь разведенный внутри бедный фруктовый сад, куда мы с трудом пробрались чрез закладенные досками двери. Собственно Гаваон находился на этом месте; он не определен ни Кварезмием, ни Маундрелем, ни Реландом. Но Блаженный Иероним обозначает его на этом месте; он полагает, что находящееся у подошвы Гаваона селение *Эль-Бир* есть *Вирот*, упоминаемый у Иисуса Навина (Нав 9:17); а Маундрель и Реланд говорят, что это *Вир*, или *Бир*, названный в Книге Судей (Суд 9:21), основываясь также на том, что еврейское имя Вира или Бира значит, так же как и арабское *эль-бир*, колодезь. Города гаваонитские *Кефира*, *Вирот* и *Иарим* находились все в малом расстоянии один от другого. – Но ученый Реланд был введен в ошибку Маундрелем в определении Гаваона и Вефиля, как мы увидим далее. Мнение Котовика, будто *Эль-Бир* есть древний *Махмас*, совершенно неосновательно. Мы сказали уже, что Махмас отстоял от Иерусалима, по свидетельству Евсевия, только на 9 римских миль (около 6 верст), между тем как *эль Бир* или Гаваон отстоит от Иерусалима на 3 часа езды.

Гаваон по изречению Библии был одним из великих городов, *и вси мужие иже в нем крепцы* (Нав 10:2). Воинственный народ гаваонский был в союзе с Иисусом Навином. Караваны, проходящие мимо *Эль-Бира* в Дамаск, оживляют его.

Здесь поворачивают с Дамасской дороги направо, к Вефилю, который называется ныне *Бетен*; он отстоит отсюда на расстоянии получаса. Эта дорога ведет также чрез горный хребет к пустыне Иорданской, откуда пришел с воинством Иисус Навин. Поле битвы Гаваонской, конечно, простиралось и сюда, по длинным отлогостям гор. Почти на половине пути от Гаваона до Вефиля видны в скале возле дороги, налево, две пещеры с родниками: одна из них полна воды и украшена двумя пилястрами. Арабы называют эти пещеры: *Уюнуль-Харамие*, т. е. *разбойничьи очи*. Дорога идет вдоль двух долин, смежных между собою; тут паслись стада; они сбивались в кучи, ища укрыться от полуденного зноя; мы сами очень терпели от жара; два пастуха с большим дружелюбием надоили нам молока от своих коз. Вскоре открылась мне таинственная дебрь древнего мира – Вефиль.

Развалины Вефиля разбросаны на горной оконечности, как на мысе, – промежду двух горных долин. У подошвы виден большой каменный бассейн. На востоке, на противоположном хребте, за лощиною, возвышается груда развалин, образующая фантастическую фигуру сидящего исполина. Это место необыкновенно дико!

Подымаясь к развалинам Вефиля, я припоминал торжественную картину этого места, описанную в Книге Бытия. Вефиль теперь есть ни что иное как пастушеское кочевье на горах развалин; тут нет ни одной хижины. Самая заметная развалина есть остаток Христианской церкви, от которой существует только полукруглый ниш алтаря; там приют арабских пастухов, которые называют это место *Бетен*. Поруча им наших лошадей, я расположился под сенью заглохшего алтаря и раскрыл Библию:

«Иаков же вышедши из Беэр-шавы, чтоб идти в Харран, пришел на одно место, и остался там ночевать, потому что зашло солнце. Он взял один из бывших на том месте камней, и положил себе в головы, и лег на том месте. И видит во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается небес; и се, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней. И се, Иегова стоит на ней, и говорит: Я Иегова, Бог Авраама, отца твоего, и Бог Исаака. Не бойся. Землю, на которой ты лежишь, Я дам тебе и потомству твоему. И будет потомство твое, как прах земный; и распространится к западу, и к востоку, и к северу, и к полудню; и благословятся в тебе и в семени твоем все племена земныя... Тут Иаков пробудился от сна своего, и сказал: точно Иегова на месте сем!

а я не знал! И убоился и сказал: Как страшно сие место! Это не иное что, как дом Божий; это врата небесные. Встав по утру, Иаков взял камень, который был у него в головах, и поставил его памятником; и возлил елей на верх его. И нарек имя месту тому: *Вефиль*; а прежнее имя близлежащего города было: *Луза*» (Быт 28:10–19)^[78].

Величественная простота этого рассказа преисполнила сердце мое тем же страхом, который чувствовал Иаков, воспрянув от таинственного сна. *Страшное место, врата небесные, Дом Божий* было это пустынное место, на котором я находился! Здесь Иаков получил название *Израиля*. *Вефиль*, или *Луза* было еще при Аврааме *местом освящения*.

Спустясь с высоты, где был *Вефиль*, в долину, я осмотрел находящийся тут каменный водоем; он подобен нижнему водоему Гигонскому у стен Иерусалима и принадлежит векам отдаленным; он образован четырехсторонником; длина его 115 шагов, а ширина 80; он теперь заглох, однако я видел в нем воду, и она достаточна для кочующих здесь со стадами пастухов. Несколько из этих пастухов собрались вокруг меня, они были христиане; узнав, что я *Москов* (так называют арабы русских), они стали рассказывать мне с большим жаром о притеснениях, ими терпимых, и говорили, что они давно ожидают избавителей.

Я направился отсюда к тем большим развалинам, которые находятся по ту сторону лоцины на восточном хребте гор; там Авраам разлучился с Лотом. Исполненный недавним чтением Библии, я был поражен удивительною точностью библейских описаний, открыв с высот этого хребта гор всю пустыню Иорданскую: «Оттуда двинулся он (Авраам) к горе, лежащей на восток от *Вефиля*; и поставил шатер свой так, что у него *Вефиль* был от моря (Средиземного), а *Гай* от востока. Он создал и тут жертвенник *Иегове*, и призвал имя *Иеговы*... Авраам сказал *Лоту*: да не будет раздора между мною и тобою, и между пастухами моими и твоими; ибо мы родственники. Не вся ли земля пред тобою? Пожалуй, отделись от меня. Если ты налево, то я направо; а если ты направо, то я налево. *Лот* возвел очи свои, и увидел равнину *Иорданскую*, которая, прежде нежели истребил *Иегова* *Содом* и *Гоморр*, вся, как сад *Иеговы*, как земля *Египетская*, орошалась водою, даже до *Цоара*» (Быт 12:8; 13:8–10).

Кочевье теперешних арабских пастухов по горным лощинам Вефиля переносило меня в первобытный Библейский мир. Читая Библию на Востоке, нельзя не узнать подлинника в природе и людях, вас окружающих; даже обычаи и нравы остались здесь те же как были.

Развалины восточного хребта гор занимают то место, где были раскинуты шатры Авраама и Лота; – они значительны по своему объему и построению. Тут еще видно похожее на башню, четырехстороннее здание из больших тесаных камней желтого цвета; оно обрушилось на две стороны; оно обнесено было оградой или крытою галереею, в передовой стене, противу Вефиля, было четыре входа; двери и крыльца частью существуют. Зодчество этого здания походит на римское.

Вид отсюда на Иорданскую пустыню обширен и прекрасен. Эта гора, находившаяся между *Вефилем* и *Гаием*, называлась, в особенности, – *Ефраимскою*. *Гай*, которого малые остатки существовали еще во времена Иеронима, находился по дороге отсюда к Иерихону. В Вефиле погребена была Иаковом Девора, кормилица Ревекки; он соорудил ей у подошвы горы Вефиля памятник, под дубом, который был прозван: *дуб плача*. Здесь ежегодно судил Самуил, который, конечно, может быть признан за образец теократического правителя. «И судяше Самуил Израилю во вся дни живота своего. И хождаше от года до года и окрест Вефиля и Галгалы и Массифа; и суждаше Израиля во всех священных сих» (1 Цар 8:15–16). Вручая правление Саулу, он всенародно возвал: обидел ли он кого? сотворил ли пред кем неправду? – Народ отвечивал ему благословениями и скорбным плачем расставания!

При Иеровоаме Вефиль омрачился поклонением *золотому тельцу* – и от этого Вефиль навлек на себя, чрез Амоса, грозный глагол Божий: «*и Вефиль будет аки не быв!*» (Ам 5:5) Пророчество это совершилось!.. Оставляя эту забвенную, великую дебрь, я снял с нее вид, которого еще не было в описаниях святых мест. Я рисовал с Гаваонской дороги.

Тем же днем, но поздно, мы возвратились в Иерусалим. Расстояние от Иерусалима до Вефиля – три с половиною часа езды.

Глава II

Вифания и дорога к Мертвому морю. – Гора Сорокадневная

«Вифания же была близь Иерусалима стадиях в пятнадцати...»

«Иисус же... скорбя внутренно, приходит ко гробу. То была пещера и камень лежал на ней».

(Ин 11:18, 38)

Во время пребывания Спасителя в Иерусалиме дорога из Иерусалима в Вифанию была наиболее следима Его Божественными стопами. Трудно определить постоянное местопребывание Сына Божия, – по собственным словам Его, Он не имел места, где бы мог преклонить главу Свою. Вифания более других мест, была для Него гостеприимным кровом (Мк 11:11–12; Мф 21:17). Там обитали семейство Лазаря, Симон прокаженный и многие из Его Апостолов. Вифания, едва ли не была собственностью семейства Лазарева, судя по I стиху XI главы Евангелия Иоанна. Это место находится только на полчаса расстояния от Иерусалима. Дорога туда идет из ворот Овчих мимо подошвы горы Элеонской и подымается на гору Соблазна. Эта гора, смежная с Элеонскою, названа сим именем по той причине, что на ней впадший во временное греховное заблуждение Соломон воздвигнул капища идолу Сидона – Асфартее и Аммонитскому – Молоху; они были низвергнуты после, благочестивым Царем Иосиею; тут же погиб нечестивый Иуда.

Вступив на гору Соблазна, можно видеть правее от дороги малые остатки от развалин *Вифсфагии*; они почти смежны с селением Силоамским и послужили для построения некоторых из его домов. Положение Вифсфагии определено в Евангелии. Она должна была находиться на виду Иерусалима, по выражению евангелистов: «Когда приблизились к Иерусалиму...» (Мф 21:1)^[79]. Отсюда началось торжественное шествие Иисуса в Иерусалим, при радостных кликах: *Осанна сыну Давидову!* Приближаясь к Вифании, показывают место,

где росло смоковничное дерево, отверженное Спасителем, когда он, взалкавшись от пути, хотел утолить голод свой плодом его, – здесь Он возвестил силу веры, которой покоряется вся природа и чрез которую мы можем все приобрести (Мф 21). С высот Вифании открывается издали, блестящею полосой, Мертвое море, а за ним горы Аравийские. Вправо от дороги, на горе, видны развалины.

Вифания, состоящая теперь из нескольких хижин, на древних развалинах, называется жителями *Лазари* – священным именем друга Иисусова. Тут показывают остатки дома Лазарева, на которых был построен святой Еленою значительный монастырь, теперь частью разрушенный, частью обращенный в мечеть. Тут также, при третьем короле Иерусалимском Фульконе, основан был королевою Мелизендою женский бенедиктинский монастырь, в котором прежде она, а потом ее сестра были настоятельницами; в нем находились также арабские жены. Даже сами мусульмане чтут память Лазареву.

Самый значительный и важнейший памятник, оставшийся в Вифании от времен Христовых, составляет погребальная пещера Лазаря; она находится позади дома Лазарева. Вход туда обложен большими квадратными камнями; прямо от входа ведет крутой спуск на 24 ступени в глубокую пещеру, где устроен простой каменный престол. Отсюда должно спуститься еще на пять или шесть ступеней, налево, в меньшую пещеру, – это могила Лазарева.

Неизъяснимо трогательный рассказ святого Иоанна – о болезни, смерти и воскресении Лазаря, о печали сестер его, о слезах, пролитых Иисусом над страданием человеческим, о молитве Его к Отцу небесному – был прочтен мною при свете факела в гробовом вертепе Лазаря. Воскресение Лазаря явно предвещало ученикам Спасителя собственное Его воскресение; но человеческая природа их была еще как бы в недоумении, когда Иисус говорил им, что Ему должно было пострадать, умереть и воскреснуть.

По выходе из пещеры Лазаревой я срисовал ее из прилежащего огорода. Оставив Вифанию и вышед на большую дорогу, ведущую к Иордану, я посетил то место, где нежная Мария встретила Иисуса, грядущего к умершему Лазарю, и пала к стопам Его, воскликнув: «Господи! если б Ты был здесь, то не умер бы брат мой!» [Иисус Христос находился в пустыне Иорданской, когда к Нему пришло известие о болезни Лазаря.] Это место несколько правее от теперешней

Иорданской дороги; оно обозначено кремнистым камнем. Здесь существует народное поверие, что невозможно отбить отломка от этого камня; мои вожатаи также не могли успеть в этом, по особенной крепости камня. Поклонясь этому священному месту, я долго глядел отсюда на Вифанию, олицетворяя в мыслях своих трогательную картину Евангелия.

Горный путь от Вифании к пустыне Иорданской представляет по местам бедно обработанные отлогости; но с отдалением от Вифании дикость возрастает более и более. После первого спуска видны одни попаренные горы. Через двадцать минут от Вифании, спустясь в глубокую лощину, открывается у подошвы горы источник; он прикрыт каменной аркой; наискось от него видны остатки здания с двумя сводами. Этот источник, столь отрадный для утомленных путников, идущих от Иорданской пустыни, освящен преданием, что Спаситель часто отдыхал возле него с своими Апостолами и прохлаждался от его струй. Отсюда начинается дебрь самая дикая; дорога следует направлению лощины по отлогости скал. Эта дорога есть древняя, проложенная самою природою^[80]. Невступно через два часа от Иерусалима подымались мы на гору, на вершине которой видны остатки здания, называемого ханом или гостиницею Благого Самаритянина; это место называлось издревле *Адомим* или *кравовое*, по причине частых разбоев, здесь происходивших. В этих развалинах нет приюта, но возле дороги направо большая пещера укрывает обыкновенно странников под своею тенью. В горах, налево от Адомима видны другие пещеры, из которых одна отличается издалека, по причине своего красного цвета. Может быть, это место названо *крававым* или *красным* по этому отличительному виду скал. Адомим определен в книге Иисуса Навина; отсюда, на север, была дорога в *Галгалу* (Нав 15:7). Вправо от пещеры Адомима идет тот дефилей, о котором я говорил уже прежде^[81]. Позади развалин гостиницы Самаритянина видны на горе другие груды развалин, – здесь должно искать город *Ефрем*, куда уединился Спаситель из Вифании по воскресении Лазаря, когда иудеи положили убить Его (Ин 11:54).

От Адомима дорога проложена по верхним скатам гор, следуя их обводам; эти горы поражают своею безжизненностью. Меня сопровождали четыре вооруженные наездника паши Сирийского; все четверо имели прекрасных арабских лошадей. При одном из горных

поворотов передовой наездник вдруг осадил свою борзую лошадь и бросил поводья, – она стала как вкопанная, наострив уши, а он быстро прицелился из своего длинного ружья, и я было сам схватился за пистолет; выстрел араба последовал, громко повторенный эхом гор, – а все это кончилось промахом по какому-то зверю.

Мы уже достигали последней цепи гор; изредка просветливал глубокий вид в низменные долины Иерихонские. Заметим, что спуск с горной дороги Иерусалимской в долину Иерихонскую обозначен в Евангелии в притче о благом самаритянине. «Некоторый человек *сходил* от Иерусалима в Иерихон...» Мы ехали на краю ужасной пропасти; внизу шумел быстрый поток, а ребра скал испещрены были пещерами; в них таятся теперь хищные звери; но некогда они служили обителью отшельникам, чьи священные гимны сливались с ревом потока. «Те, коих не стоил весь мир, блуждали по пустыням и горам, по пещерам и ущелиям земли» (Евр 11:38).

Вскоре горы расступились, и передо мной открылись в другой раз величественная пустыня Иорданская, Иерихон, течение священного Иордана, Мертвое море и горы Аравийские.

Перед Иерихоном, на дольней плоскости, рисуется отдельный холм, похожий на *тумулус*.

Спустясь с крутизны Иудейских гор, мы оставили Иерихонскую дорогу и почти тотчас поворотили налево по обводу гор. Вскоре дикая пустыня оживилась; роскошные луга вдруг заменили бесплодную почву; рощи маслин и смоковниц осеняли наш путь, радовали и удивляли взор, привыкший к дикости; наконец журчание быстро скачущего потока довершило прелесть ландшафта. Сквозь занавесы роцц проглядывали живописные развалины древних водопроводов и некоторых других зданий. Здесь была настоящая местность Иерихона, он протягивался от подножия гор до теперешнего арабского селения *Риха*, эти значительные следы Иерихона мало известны потому, что очень не многие путешественники были здесь.

По мере отклонения нашего от долины и приближения к горам жизненность начала исчезать и наконец природа приняла вид самый грозный. Мы подъезжали к возвышению; въехав на него, мы увидели перед собою глубокую пропасть, а за нею две исполинские каменные горы, поразительной дикости; они расстилались двумя огромными шатрами. Эти две горы составляют угловую оконечность Иудейских гор

со стороны Иорданской пустыни; [отсюда горы поворачивают на северо-восток к *Гаю* и *Вефилю* и принимают название *Еффраимских*]. Вторая гора, самая оконечная, с беловатою вершиною, испещрена глубокими вертепами; она спускается, от самой середины, неприступною, отвесною стеною на дно пропасти. В одной из мрачных пещер этой ужасной горы Спаситель мира, уклонясь от людей, приутоплял Себя сорок суток, в посте и молитве, на великий подвиг искупления рода человеческого; здесь показал Он, что *не от хлеба единого* бывает жив человек, предназначенный для иного мира. С высокого темя этой горы там где видны развалины, показал искуситель Господу нашему царства мира сего во временном их блеске. Сюда наконец Ангелы небесные слетали служишь Сыну Божию. Какой же из этих многочисленных вертепов удостоился укрывать в недрах своих Сына Божия? Сама природа укажет вам: скала растреснулась над этим вертепом и чудесно образовала великое крестное знамение, видимое издалика. Кажется, что это не было еще замечено.

Путь к этим пещерам сопряжен с опасностями и большими трудами, по причине скользких и обрывистых стен скалы; хищные звери и бедуины рыскают по ущельям; сверх того, жар и очень далекий обход остановили нас. Я очень сожалел после, что не превозмог все эти затруднения. Пещера Спасителя была украшена неумоимо подвизавшеюся для Церкви Христовой царицею Еленою. Там была устроена часовня; альфрески видны еще, как говорят, на внутренних стенах вертепа. В длинных рядах пещер, смежных с пещерою Спасителевою, по свидетельству Бонифация, опочивают нетленные остатки святых угодников Божиих, на каменных ложах, с обращенными к небу лицами; многие из них были застигнуты благочестивою кончиною коленопреклоненные, с молитвою на устах. Эта священная гора называется греками *Сарандарион*, т. е. *Сорокадневною*. На вершине горы, смежной с нею, также заметны развалины. С той высоты, на которой мы находились, я снял вид этого вдохновительного места.

Обратясь отсюда лицом к пустыне Иорданской, грозный вид горы Сорокадневной заменен самым свежим ландшафтом; внизу, на первом плане, под густыми навесами смоковниц, сикоморов и цакумов, падает с уступа на уступ быстрый поток Пророка Елисея – водяная мельница, полуразрушенные аркады водопроводов, бродящие стада вместе с

арабскими конями, кой-где пастухи – бедуины, обернутые в белые бурнусы, с длинными ружьями или копьями в руках вместо посохов они им нужны и для грабительств и для защиты себя от зверей сюда заходят из пустынь Аравии львы и тигры. Далее, уединенная башня селения Рихи, предел Иерихона, – и наконец, неизмеримая пустыня ограничивается течением Иордана, светлою плоскостью Мертвого моря и горами гор Аравии.

Плодородие этого благословенного уголка земли есть дар великого Пророка Елисея, когда он пришел в Иерихон по разлучении своем с Пророком Илиею, который при его глазах на берегах Иордана был восхищен на небо в огненной колеснице. Воды этого светлого источника были горьки и земля бесплодна; Елисей оплодотворил землю и исправил воду. Вероятно, источник Елисеев был прежде минеральный. – Из Иерихона Елисей направился через Гай в Вефиль, куда вела отсюда большая дорога.

Глава III

Иерихон. – Мертвое море

«Сынове ваши, иже востанут по вас, и чуждый иже приидет от земли далекия, и узрят язвы земли оныя и недуги ея, яже посла Господь на ню, жупел и соль сожженую: вся земля ея не насеется, ни прозябнет, ниже возникнет на ней всяк злак: якоже опровержесе Содом и Гоморр, Адама и Севоим, яже опроверже Господь в ярости и гневе Своем».

(Втор 29:23)

На пути от горы Сорокадневной к селенью *Риха* встречаются остатки монастыря Св. Евфимия, который, конечно, устроен был в одном из зданий Иерихонских. При тщательном изыскании следы Иерихона могли бы быть обозначены яснее. К Иерихону прилегали Иродов замок Кипрос с горной стороны и местечко *Архелаис*, построенное Архелаем. Сам Иерихон имел несколько более 20 стадий в окружности, что составляет только около 4 верст^[82]. Он был преддверием Обетованной Земли израильтян. Гора Навав или Небо, которой вершина господствует над хребтом Аравийских гор по ту сторону Иордана, против самого Иерихона, сделалась таинственною гробницею великого вождя Израиля. «И не уведа никто-же погребения его даже до дне сего» (Втор 34:6). Оттуда Господь показал Моисею все концы Земли Обетованной. Иисус Навин повел Израиля прямо на Иерихон. Скиния Завета разрушила его враждебные стены. Клятва Иисуса Навина, кажется, доселе лежит на Иерихоне (Нав 6:25). Ирод, который последний возобновил Иерихон во времена Спасителя, кончил здесь жизнь свою, обремененную преступлениями, в мучениях. Чувствуя приближение смерти и угадывая радость своих подданных, он заповедал сестре своей Саломее и мужу ее собрать в самое это время знатнейших граждан в амфитеатр Иерихонский, окружа его войском, с тем, чтобы они все после его смерти были умерщвлены. Саломея не исполнила завещания убийцы младенцев.

Но обратимся к предметам утешительным для сердца христианина. Здесь Иисус был в доме Закхея. Долго показывали остатки этого дома и даже дерево, с которого раскаявшийся грешник смотрел на вход Иисуса в Иерихон. Здесь даровал Спаситель зрение бедному слепцу, воззвавшему к Нему с распутья: «Иисусе, Сыне Давидов, помилуй мя!»

Несколько хижин, которые более похожи на кочевые шатры, рассеяны кой-где по опустелой долине Иерихонской; они более совокуплены около башни на берегу источника и называются *Риха* – словом, означаящим: *запах*. Пальмовые деревья, которыми славился Иерихон и по которым он назывался *град фиников* (Втор 34:3), не украшают более его пустыни; но зато его бальзамовое дерево *цакум*, древний *Myrobalanus*^[83], в большом изобилии; из фрукта этого дерева извлекают целительное масло, которое было некогда известно под именем бальзама гилеадского^[84]. Я также видел здесь густое дерево, похожее на шелковичное, с большими пунцовыми цветами, которые напомнили мне знаменитые *розы иерихонские*^[85].

Мы пристали возле башни селенья Риха, на дворе шейха иерихонских бедуинов. Появление четырех кавасов паши привело в движение все семейство шейха. Мы расположились ночлегом под навесом, возле бассейна, куда струилась вода из ближнего сада; я предпочитал ночевать в саду под тенью густого сикомора, при грохоте ручья, который вытекал из потока Елисеева; но чрезвычайная сырость мне воспрепятствовала.

На рассвете мы поднялись в путь. Сам шейх взялся быть нашим вожатаем к Мертвому морю. Его белая арабская кобылица прельщала нас всех. Он был одет в бурнусе с острым капюшоном, с копьём в руках и с двумя пистолетами за поясом. Солнце вставало из-за гор Каменной Аравии, одетых яркою лазурью, слитою с перлово-розовым цветом. Степь, расстилающаяся от Иерихона до Мертвого моря, необычайно дика; чем более мы отдалялись от Иерихона, тем ужаснее становилась эта дикость; в ней что-то хаотическое, что-то мертвенное, наводящее невольное уныние на человека. Цепи нагих гор самой строгой наружности составляли раму, приличную этой грустной картине. Мы ехали молча и задумчиво по безжизненной равнине, напитанной селитрою и солью; наш вождь бедуин нарушал изредка молчание, пуская во весь опор своего коня и увлекая всех нас в своем вихре.

Несколько левее от нашего направления я осмотрел развалины, где был некогда монастырь Св. Зосимы, учителя святой Марии Египетской^[86]; там нашел я хорошо сохранившиеся альфрески византийского письма; они изображают разные лики святых во весь рост. Святой Зосима был сам настоятелем этого монастыря, от которого осталось только две комнаты или придела.

Недалеко от Мертвого моря площадь степи вдруг понижается двумя уступами; они взрыты белыми холмами; кой-где видны бесцветные мхи, которые еще ближе к морю принимают красноватый цвет. По легкому песчаному скату достигли мы наконец берега, через два часа скорой езды от Иерихона.

Гладкая и сонная поверхность Мертвого моря стояла не колыхаясь; только на краях приметен был самый слабый прилив и отлив; не слышно было ни малейшего шума, который всегда производит большая масса воды; ни одной раковинки, ни растительного вещества не было видно на всем пространстве берега. На том месте, где мы сошли с лошадей, груда почерневших камней – след развалин – вдавалась мысом в море. Впереди не было видно берегов, а по бокам огромные горы, совсем нагие и темно-коричневого цвета, не представляли ни малейших следов жизни. Такова картина Мертвого моря.

Арабы называют Мертвое море *Биркету Лют*, то есть *озеро Лотово*. Когда Авраам разлучился с Лотом на горах Вефиля, Лот избрал себе низменную долину Иордана, который, подобно Нилу, напоял тот плодородный край, где процветали Содом, Гоморр, Адама, Севоим и Цоар; они составляли иорданское *пятиградие*. Авраам, который с таким сердоболием ходатайствовал перед Всевышним о помиловании преступного рода, в одно утро, томимый грустью, взошел на высоты Хеврона, господствующие над иорданским пятиградием: он увидел пламень и дым, облекшие все пространство этой долины, и вскоре разверзшаяся пропасть наполнилась горькими хлябями вод. Говорят, что развалины этих преступных городов виднеются в прозрачных водах. Восточное воображение арабов создало много фантастических вымыслов об *Лотовом озере* и об его окрестностях. Из древних языческих писателей Страбон, Тацит и Солин говорили об истреблении Содома^[87].

В существе своем грозные берега Мертвого моря не изменились со времен Моисея. В Книге Бытия оно уже названо *морем соленым*. Вода

Мертвого моря очень прозрачна, но отвратительно горька и солоня; отведав ее, я с трудом мог истребить ее вкус; она как бы попала в рот мой. По химическому разложению, оказывается, во 100 частях этой воды 42 части соли, 24 горько-соленой земли, 7 частей кисло-соленого натрума и 10 частей извести^[88]. Естественно, что рыбы не могут существовать в ней; те, которые завлекаются Иорданом, мгновенно умирают. Птицы, по словам моих бедуинов, иногда здесь появляются, но очень редко и как бы ненароком. Я хотел поверить сказания Тацита и Иосифа Флавия, повторенные многими путешественниками, будто бы не умеющие плавать не могут потонуть в воде Мертвого моря: это ложно. Я предложил за червонец моему египетскому драгоману этот опыт, и я сам видел, как он, перестав плыть, пошел ко дну; но истинно то, что эта вода необычайно облегчает плаванье по своей соленой тяжести. Я был испуган, когда мой драгоман вышел из воды, краснотой его глаз; они сделались кровавыми, а тело побагровело и внезапно покрылось прыщами; глаза его болели несколько дней, а на теле открылось множество вередов. Я вынул из озера занесенный туда сучок, приложил его к языку, и он уколол меня, как бы иглою, своею соленостью. Малые развалины, возле которых я остановился, едва ли не показывают следы *Ингадди*, Иисуса Навина: «и град соли и Ингадди» (Нав 15:62), но не *Энгадд* Песни песней или Книги Царств (Песн 1:13.; 1 Цар 24:1), как то смешивает Реланд. В этой последней книге *Энгадд* представлен как горный дефилей, что не может быть отнесено к пустыне Мертвого моря. Положение Содома должно искать гораздо ниже на берегу против высот Хевронских. Хеврон находится поблизости от Содома; Авраам часто посещал Лота. Событие превратившейся в соляной столп жены Лотовой должно быть отстранено еще далее, около места, называемого *Гор-Шафир*, где существует соленая долина и соляные груды. Арабы показывают в них даже столп жены Лотовой. Там есть также источники асфальтовые: «В долине же Сиддим было много смоляных колодезей. И так Цари Содомский и Гоморский, обратясь в бегство, попадали в оные, а прочие убежали в горы» (Быт 14:10). Восточная часть моря, страна Моавитов, почти совсем неизвестна. Там, по словам нашего шейха, одно только место обработано, это кочевье, называемое *Гамайде*. Я расспрашивал у нашего шейха о Содомском дереве, которого плод наполнен пылью: вокруг Мертвого моря, как мы уже сказали, не прозябает ни одного

растения, но бедуин говорил мне, что такое дерево находится в окрестностях Иерихона и что оно называется у них *Гамет*, слово, значащее *лимон*, что плод его красив, но внутренность набита пылью. Ботанист Газелькюист, посещавший Палестину, приписывает это точению червя и называет дерево *Solanum melongena*.

Вспоминая грозный Суд Божий, совершенный над этим греховным краем, обреченным запустению, где, по словам Иеремии, *ни один сын человеческий обитать не будет* (Иер 49:18; 50:40), я отводил взор с неподвижной плоскости горьких вод на вершину горы Навава и как бы искал там тени того, которого *познал Господь лицом к лицу*. Глядя на эту гору отсюда, ее масса несколько отделяется от цепи Аравийских гор.

Оставляя Мертвое море, скажем вдохновительными словами Библии, что будущие роды, сыны сынов, чужеземец из страны далекой, поражены будут ужасною пустотою этих отверженных мест, где один жупел и соль, где никакой злак не прозябает, где ни голос человеческий, ни бег животного не нарушают безмолвия, – где почиет гнев Божий: тайные предопределения принадлежат Господу Богу нашему, а явленное – нам и чадам нашим для вечного поучения и для исполнения всех предписаний закона (Втор 29:22–29).

Глава IV

Дорога от Мертвого моря к обители св. Саввы. – Обитель св. Саввы (Энгадд) Фекоа. – Вифлеем

*«И воста Давид оттуду, и седе во узинах
Энгадды».*

(1 Цар 24:1)

Мы оставили берега Мертвого моря в 8 часов утра, направляясь к пустыне Св. Саввы. Через час мы достигли подошвы гор. Поднявшись на первую высоту, мы проезжали по узкой отдельной скале, образованной как мост; внизу в глубоком ущелье видно русло иссохшего потока, который должен быть поток Кедрский, хотя мой драгоман говорил, что это другой, текущий зимою от самого Назарета; не знаю, на чем он основывает рассказ свой. Несколько вооруженных бедуинов, укрывающихся от рекрутства, показывались как привидения на темях гор. Топот наших лошадей далеко вторился по излучинам гор и призывал их на добычу, но вид кавасов паши скоро их рассеивал. Вправо от нашего пути заметна была одна из гор, увенчанная сантонским памятником. Мусульмане воображают, будто здесь погребен Моисей, не переходивший Иордана. В этом месте находится, как сказывают, слой камня черноватого цвета, который горит, как смола, и имеет противный запах, его можно тесать и употреблять на строение, как лаву. Скоро за сим начинается большая нагорная равнина; в конце ее видны на крутой горе развалины (мы доехали до этой горы через три часа и три четверти от Мертвого моря). Там был некогда монастырь, очень многолюдный; он разрушен Хозроем, и 14 тысяч братьев были здесь умерщвлены; говорят, что кости их видны еще поныне на вершине. Арабы рассказывают, что эти кости, будучи несколько раз уносимы поклонниками, появлялись опять на своих местах.

Отсюда начинаются грозные и тесные ущелья, ведущие к пустынной обители Св. Саввы. Был полдень; разженные скалы дышали на нас как из печи. На отвесных высотах этих скал видел я тот род

скоростелей, о которых упоминается в Библии и которыми питались израильтяне в пустыне; эти птицы теперь редко встречаются: они очень малы, долгошеи и бегают по скользким стенам скал, как по земле; цвет их коричневый; вот что я мог разглядеть^[89]. Мы не могли по ним стрелять, потому что наши ружья были заряжены пулями.

Мы погружались более и более в ущелья и въехали наконец почти в непроходимый дефилей. И мы, и лошади были изнурены; здесь скалы состояли из белого меловатого кряжа, отражение солнца было ослепительно для глаз; тут же мы нашли обширную пещеру и возле нее высеченный в скале четверосторонний ров, вероятно для дождевой воды. Эта пещера, где после обитали отшельники, принадлежит Ветхому Завету; в ней укрывался Давид во *узинах* или *дефиляях Энгадди*; сюда же был завлечен Саул, и здесь Давид, имея во власти жизнь Цареву, не хотел по сердцу и по долгу посягнуть на Помазанника Божия, но отрезал только полу от его одежды. Здесь же совершилось их примирение. Эта знаменитая пещера укрыла и нас под своею сенью. По кратком отдохновении мы продолжали путь.

Отсюда по труднейшим горным стезям, на которых лошади наши беспрестанно обрывались, мы спустились наконец в долину, называемую в простонародии *монаший базар*. В первые века христианства, когда эти дебри были населены многочисленными отшельниками, эта долина была в положенные дни их сборным местом. Мы поднялись отсюда опять на горы; тут открывается ужасное ущелье, называемое *Расуль-Уади*; это не что иное, как русло потока Кедрского. Вскоре, обогнув скалу, является пустынная обитель Св. Саввы.

С первого взгляда здания этой обители составляют одно целое с дикою горою, из которой они образованы, – по одинаковому цвету камней. Четыресторонняя башня венчает темя главной скалы; другая башня, подобная ей, – ниже. Обитель обнесена высокими стенами; прочие здания, с плоскими террасами, сходят уступами в дикое ущелье. Здесь увидел я впервые на одном куполе утешительное знамение креста, – оно укрыто пустынею! Единственный вход находится всегда под крепким затвором, по причине частых набегов бедуинов. Никого из братии не было видно на стенах; мой передовой наездник подал сигнал пистолетным выстрелом; тогда один из отшельников появился на высоте башни и звоном колокола известил обитель о прибытии странников. В обители были предупреждены о моем прибытии, чрез

иерусалимскую братию. Меня встретил настоятель и препроводил прямо в главную церковь, где я отслушал молебен. Иконостас и стены украшены очень древним византийским письмом. Все очень ветхо и бедно; несколько древних греческих рукописей, церковных учителей, расставлены тут же по полкам, но большая часть их находится в келье, смежной с церковью. – Из церкви мы прошли в паперть или притвор, где в кругу братии я был угощаем кофеем, пока для меня приготовляли комнату. Я не ожидал в таком грозном уединении найти спокойный приют, украшенный кругом широкими диванами; это была для меня истинная нега после утомительного пути, но зато эта комната, определенная для одних путешественников, есть единственная роскошь строгой обители.

Святой Савва процветал в конце V и в начале VI века при Юстиниане. При нем не было здесь ничего кроме нескольких вертепов, где он обитал со святым Ксенофонтом и потом малое число его сподвижников. Сюда же уединились от мира святые Евфимий, Кирилл Иерусалимский и Иоанн Дамаскин; доселе показывают их кельи. – святой Кирилл, современник святого Саввы, передал нам его жизнь. Император Юстиниан защитил впоследствии пустынную обитель Св. Саввы стенами и башнями, узнав о его Святой добродетели. Чрез несколько времени все пространство безжизненных горных ущелий, от Мертвого моря до Вифлеема, где даже не обитали звери, заселилось сонмом отшельников; их существование не было даже подозреваемо свирепыми властелинами Палестины. Рассказывают, что когда Селим II, император турецкий, завоевал Палестину, монахи лавры Св. Саввы, узнав о назначении нового сангиака в Иерусалиме, пришли к нему, для приобретения себе его покровительства, с бедными дарами, состоящими из овощей и плодов, – удивление властителя Иерусалимского было чрезмерно, когда он увидел перед собою облеченных в одинаковую одежду до тысячи смиренных пустынников, о которых он никогда не слыхал. Этот варвар, приняв дары, выбрал из всего числа братий только двадцать, которым дозволил возвратиться в пустыню, а все остальные были тут же умерщвлены его стражею.

Главное место обители есть небольшая площадка, посередине которой устроена восьмиугольная часовня с куполом, на том месте, где в недрах скалы покоились мощи святого Саввы. Они были перенесены, по сказанию некоторых писателей, в Венецию, – но здесь мне

сказывали, что они находятся теперь в Антиохии. Во внутренности часовни весь купол занят изображением нерукотворного образа Спасителя. Под этою каменною площадкою иссечены погребальные пещеры для монастырской братии. Вход туда обозначен подъемным камнем с отверстиями. По ту сторону площадки есть еще другая церковь о двух приделах. Она древнее той, о которой я говорил, как по своему построению, так и по письму образов. Там, за железною решеткою, показывают груды костей и черепов убитых пустынников. Три чудотворных черепа лежат особенно, снаружи. Вправо от площадки, когда стоишь лицом к оврагу, виден укромный садик с одною пальмою и несколькими кустарниками, разведенный на нанесенной сюда земле; он примыкает к отвесной скале, на которой возвышается полуразвалившаяся третья башня, при которой устроена церковь Св. Симеона Столпника. В этой скале показывают молитвенный вертеп святого Саввы и другой, где была его опочивальня; далее иные пещеры, где некогда были сожжены и задушены дымом здешние отшельники, от неверных. Грустные воспоминания о мученичестве того малого числа избранных, которыми, может быть, держится здешний мир, стесняют здесь на каждом шагу сердце.

Возвратимся мимо часовни Св. Саввы в притвор главной церкви. Оттуда, как из центра, идут пути в разные подразделения обители, следуя уступам скал, вдоль, вверх и вниз. Эти пути ведут с крылец на крыльца, то по коридорам, то по террасам мимо пещерных келий. Тут же, на двух или трех террасах, встречаются рассадники нескольких лекарственных растений или овощей; земля туда также нанесена. В угловом рассаднике, примыкающем к ограде, рисуется одинокая пальма, которая, по преданиям, растет от корня пальмы, посаженной самим святым основателем этой удивительной обители. В среднем коридоре сохранилась очень древняя часовня или церковь, посвященная святому Иоанну; остатки ее альфресков, в особенности при входе, замечательны по хорошей живописи; они состоят из нескольких круглых образов Спасителя, Богоматери и святых, в малом размере. Тут же несколько древних греческих надписей на стенах. Поднимаясь выше, по направлению скалы, достиг я наконец главной башни, венчающей скалу; она называется Юстиниановою. Мы вошли в нее через железную дверь; стены башни необыкновенно толсты. Братия

показали мне в ней потаенную лестницу и сход в пещеры, куда они могут укрываться в крайних случаях. Вид с высоты башни на мертвую дикость огромных гор и на глубокое ущелье, ужасен. – На высоте этой башни обыкновенно находится сторожевой монах; оттуда проведена вниз веревка к колоколу, для сигналов. Во время возмущения против Ибрагима-паши иноки этой обители были несколько месяцев в осаде у диких племен арабов. Теперь главные их притязания оканчиваются по большей части требованиями некоторого количества съестных припасов, хотя обитель очень не богата ими, но у братии приготовлено для таких случаев несколько корзин с хлебом, которые они спускают им вдоль стен на веревках.

К немалому удивлению, я нашел в этой башне нестройную груду рукописей и книг. С дозволения настоятеля я с большим любопытством занялся их разбором. Я уже сказал, что в самой церкви хранится несколько рукописей; там находятся только те рукописи и книги, которые заключают в себе известнейшие творения святых отцов, или церковно-служебные; там они в порядке; но эти – отброшенные и обреченные тлению – пробудили мое сожаление, и я принялся немедленно за работу. Удивление мое превратилось в радость, когда я нашел тут несколько рукописей словенских, на пергамене, на бомбицине и на бумаге, я начал откладывать то, что находил примечательного. Из словенских я выбрал все рукописи, сколько было; число их дошло до 15 книг, из которых две печатные; к ним я прибавил 9 рукописей греческих. Древность их была для меня несомненна; следствие оправдало мой выбор. Уверясь в бесполезности этих книг для монастыря, я наконец приобрел их, с благословения митрополита Иерусалимского, и конечно, любители отечественных древностей и библиографии не без любопытства прочтут описание этих приобретений^[90]. Небольшая библиотека, хранящаяся в церкви, включает в себе несколько драгоценных рукописей, они все греческие, и письмо многих из них принадлежит VIII, IX и X векам, а может быть и древнейшим. Из моих рукописей в числе греческих древнейшие две – IX века, а из словенских – XIII и XIV веков.

К притвору главной церкви прилегает трапеза. Мне отрадно было разделять скромное брашно с братьями. Сам Иисус председатель с ними в своем Божественном изображении, которое находится в главе стола, где

уже никто не садится, и Его спасительные глаголы раздаются во все время трапезы из уст одного из отшельников.

Нижняя часть обители расположена по наклону скалы в ущелье и оканчивается там, где скала спускается отвесно к высохшему руслу потока Кедрского. Оттуда не иначе можно сойти на дно ущелья, как по приставной лестнице. Тут есть источник, истинное сокровище для пустынножителей, если б он не иссякал от чрезмерного жара. Бродящие арабы и хищные звери равно приходят к нему утолять жажду. Мне рассказывали, что один шакал так сдружился с братиею обители, что приходил есть из их рук. Русло потока Кедрского только зимою освежается малым количеством воды. По ту сторону ущелья, против самой обители, видны в скалах несколько пещер; мне показали те, в которых некогда обитали святой Савва и Ксенофонт; доступ туда труден; оттуда обитель представляется во всей своей пустынной красоте.

Жизнь отшельников обители Св. Саввы исполнена самоотвержения; их кельи, иссеченные в скалах, в знойные дни лета раскаляются, как печи; тогда иноки ложатся спать посередине пола, не касаясь стен, и принуждены бывают обливать их водою, если нет недостатка в воде; источник часто иссякает или бывает недоступен по причине нападений бедуинов; тогда им остаются одни дождевые водохранилища, и этой воды едва достает для братий. Раскаленные стены скал не простывают и ночью, равно как и каменные плоскости террас, так что иноки окружены удушливою атмосферою. Их искусственные рассадники пополаются этим воздухом; мы видим из жизни святого Иоанна Молчаливого, что существование этих скудных растений приписано молитвам святого Саввы^[91]. Иноки снабжаются съестными запасами из Иерусалима. Всей братии здесь тридцать человек; половина из них греки, а другая половина – русские; я имел утешение слышать здесь обедню, частью на родном языке, потому что все священники здесь греки. Русские иноки жаждут иметь своего священника, чтоб изредка слышать родное служение!

Женскому полу воспрещен вход в эту обитель, по завету самого святого Саввы, который не допустил сюда даже свою мать.

Из гостеприимной обители Св. Саввы я направился в Вифлеем. Дорога ведет туда по чрезвычайно высоким горам; высочайшая из них гора *Монтар*; вид оттуда обширен, он простирается с одной стороны на

Иорданскую пустыню и Мертвое море, а с другой на Иерусалим с его окрестностями.

Через час езды от обители Св. Саввы открылся нам вдали Вифлеем, и мы подъезжали к горе, покрытой развалинами. Тут находился библейский город Фекоа основанный, так как и Вифлеем, Ровоамом (2 Пар 11:6). Здесь обитал Пророк Аввакум. Это есть отечество той мудрой жены, которую Иоав послал к царю Давиду для умиловления разгневанного отца против его сына Авессалома, в чем она и успела. Отсюда отправился Амос пророчествовать на Израиля. В окрестных горах много пещер, из которых иные замечательны по их чрезмерной глубине. На развалинах Фекоа был некогда основан монастырь Св. Феодосия; эта обитель могла не иметь икон для моления; отсюда видны: Вифлеем, пустыня Иорданская, Иерусалим и гора Элеонская: места Рождения, Крещения, животворной Смерти и Вознесения Спасителя! – Святой основатель обители, конечно, выбрал это место с намерением. Здесь погребена была княжна Полоцкая Игуменья Евфросиния (в мире: *Предислава*) в 1173 году. По ребрам гор видны еще следы водопроводов, которые направлены к развалинам.

Отсюда прекращается мертвенность дикой дебри и начинается засев; он принадлежит здешним бедуинам, которые разбежались от Шерифа-паши за Иордан. – Тут открылась нам обширная долина, окруженная горами Вифлеемскими; она идет к самой подошве той горы, на которой стоит Вифлеем, и занята отчасти пашнею и пастбищем. Здесь хоры Ангелов возвестили пастырям Рождество Спасителя мира и воспели торжественный гимн: «Слава в вышних Богу и на земле мир! в человецех благоволение!» Место явления Ангелов доселе принадлежит пастухам вифлеемским; оно засажено несколькими древними оливами и обнесено каменною оградю. Я снял этот вид со спуска от Фекоа.

Подъезжая к пастырской огородьбе, я был встречен наездником, посланным ко мне навстречу от арабов-христиан, из пастырского селения, лежащего на скате горы Вифлеемской. Они узнали издали моего Якуба. Искусный наездник, провожая меня, ратовал беспрестанно передо мною на своем борзom коне, делая на всем скаку самые крутые повороты по дороге, усеянной камнями. Мы слезли с лошадей у ворот пастушеской огородьбы.

На священном месте явления Ангелов существуют развалины церкви времен святой Елены. Остаток алтаря еще сохранился; там на двух обломанных капителях утверждена мраморная плита; на ней католики совершают иногда обедню. Сверх того здесь есть подземная церковь греческого исповедания; она принадлежит пастухам; ключ от нее находится у них, и они сами провели меня туда. При входе лежал плуг, а другой был привешен на ближней маслине. Я прочел II главу Евангелия от Луки и потом сошел помолиться в церковь. Она столь же бедна, как и ее обладатели; иконостас едва держится от ветхости.

По указанию блаженного Иеронима^[92], здесь Иаков пас стада свои; тут, вероятно, была и башня или *столп Едер*^[93], где Иаков разбил шатры свои после погребения Рахили.

Я направился в Вифлеем, окруженный толпою здешних пастухов; я должен был проезжать мимо их селенья; их шейх, который тут находился, просил меня убедительно отдохнуть у него; я не мог не согласиться на его дружелюбное приглашение. Селенье пастушеское занимает один уступ горы Вифлеемской; дома или прислонены к скалам, или прикрывают подземелья и пещеры, что объясняет образование вертепа Рождества Христова. Я просил шейха остаться на вольном воздухе; мы расположились под огромною маслиною, которая служит сборным местом для здешних жителей; нам изготовили кофе, сарачинское пшено и яичницу и уже готовились заколоть самого тучного барана, но я предупредил эти гостеприимные хлопоты, поспешив отъездом и отблагодарив моих добрых хозяев.

В нескольких шагах от монастыря Вифлеемского показывают вертеп, где, по преданиям, Пресвятая Богородица укрылась с младенцем Иисусом на несколько дней до бегства своего в Египет, при слухе о жестокостях Ирода; он называется *млечным*. Матери вифлеемские при потере молока своего ходят сюда молить Пресвятую Деву о подании им помощи для вскармливания своих младенцев. Здесь есть католический придел.

В Вифлееме я был дружественно принят отцом Иоаникиосом. Поклонясь великой святыне Рождества Спасителя, я возвратился тем же днем в Иерусалим.

Глава V

Дорога из Иерусалима в Хеврон. – Итам. – Водохранилища Соломоновы

«Сотворих ми вертограды и сады... сотворих ми купели водныя, еже напаяти от них прозябение древес».

(Еккл 2:5–6)

Мне предстояла еще довольно отдаленная поездка из Иерусалима: я хотел видеть Хеврон, жилище и могилу Авраама, одно из первых поприщ библейских событий. Хеврон, и дорога, ведущая туда, все еще мало известны, потому что в этом краю нет христиан, а арабы хевронские весьма негостеприимны. Наш путь пролегал чрез Вифлеем; сердце мое всегда было восторженно, когда я мог видеть это радостное место земного шара.

Шериф-паша, который все продолжал стоять лагерем у стен Иерусалима, предлагал мне опять своих наездников в провожатые, но так как это стоит довольно дорого, то я отказался от них. Шериф-паша знал через моих знакомых, что я очень желал видеть в Хевроне погребальную пещеру Авраама; но он им говорил, что, не будучи сам на месте, он не может подвергать меня опасности среди буйной черни и что он исполнил первое мое желание, гораздо труднейшее. Может быть, его замечание имеет некоторое основание. Мой верный Якуб знал подробно все дороги и народные обычаи и имел везде знакомых; я отправился с ним и с моим египетским драгоманом. Мы ночевали в Вифлееме и выехали оттуда очень рано поутру.

При выезде из Вифлеема я видел следы мщения Ибрагима-паши над не покорившимися ему здешними арабами. Дома их сожжены и ниспровергнуты до основания, вековые маслины также сожжены и корни их выворочены. Вправо, на скате горы, видно селенье *Эвфрата*, которое напоминает первобытное название Вифлеема (Быт 35:19). Мы следовали по каменистым холмам; их ущелья состоят из красного кража, и они были покрыты виноградниками до опустошения этого

края Ибрагимом. Скоро показывается в стороне, направо, бедный монастырь Св. Георгия, обитаемый несколькими греческими иноками.

Через час езды от Вифлеема открываются знаменитые водохранилища Соломоновы: «Возвеличих творение мое, создах ми дома, насадих ми винограды. Сотворих ми вертограды и сады, и насадих в них древес всякаго плода: Сотворих ми купели водныя, еже напаяти от них прозябение древес» (Еккл 2:5–6). Они доселе наполнены водою и содержатся со тщанием.

Водоохранилища Соломоновы находятся в лощине между двумя хребтами гор; они состоят из трех четырехсторонних бассейнов, частью иссеченных в камне, и следуют один за другим, понижаясь и суживаясь, по объему гор; они разделены плотинами, но соединены водопроводами так, что вода верхнего бассейна проходит в два нижние. Нижний бассейн оканчивается вертикальною каменною стеною, во всю глубину лощины. В этой стене находится исток для орошения прилежащей долины, где существовали загородные сады Соломоновы. Нижний бассейн, самый замечательный и самый большой, имеет по моему измерению 225 шагов в длину и 52 в узком боку, ограниченном последнею стеною. Глубина воды в последней оконечности, как мне сказывали, в вышину пяти человек, а в начале – в рост человеческий. По внутренним бокам, которые суживаются книзу, высечены уступы и крыльца. С самого темя южной горы спускается к этому бассейну водопровод. От конечной стены бассейна также идут подземные водопроводы к Иерусалиму и к Фекоа.

Второй бассейн имеет 170 шагов в длину и 57 шагов в узком боку. В этом бассейне также видны внутри уступы и крыльца, но в меньшем размере. Верхний бассейн, или первый, менее всех, он образован квадратом и имеет несколько более ста шагов в боках.

Возле этих водохранилищ существует со стороны Вифлеема квадратное здание; оно состоит из двойных зубчатых стен, укрепленных по углам и при входе башнями. Восточная часть стен до половины разрушена. Построение это названо арабами *замком Соломона*; но оно принадлежит зодчеству арабскому. В этом здании живут теперь два или три семейства сторожей для охранения подземного источника, тут находящегося. Это есть тот запечатленный источник Соломона, о котором говорится в Песни Песней; он течет в каналах и покрыт сводами. *Запечатленный* источник так назван потому,

что вход в него, по преданию, был загражден печатью Соломона. Туда спускаются по нескольким ступеням. Источник состоит из нескольких ключей, которые, через каналы, соединяются в небольшой бассейн; оттуда вода направляется подземнымипроводами к Иерусалиму. Источник сообщается также с большими бассейнами, хотя эти последние наполнялись, как мы уже сказали, чрез наружные горные водопроводы.

Весьма естественно теперь спросить: где же исток этих водопроводов в Иерусалиме? Мы видели, описывая Иерусалим, наружную скудность его в воде, со всем тем при многочисленных осадах Иерусалима осажденные никогда не имели в ней недостатка, меж тем как осаждающие изнемогали от жажды. Страбон, упоминая об осаде Иерусалима Помпеем, говорит, что город был обильно снабжен водою внутри, но снаружи был совершенно лишен этой потребности. Дион Кассий, при осаде Титовой, и Вильгельм Тирский, при осаде Годофредовой, говорят то же самое^[94]. Поэтому несомненно заключить должно, что водопроводы иерусалимские составляли всегда предмет глубокой тайны для местного правительства; и я теперь догадываюсь, почему меня не допустили в подземные своды мечети Эль-Акса. Местность храма Соломонова и Сион должны заключать в недрах своих соединение всех этих водопроводов.

Возле водохранилищ Соломоновых и, может быть, на самом месте, где теперь арабское здание, находился библейский город *Итам*, куда уклонился Самсон, отмстивши филистимлянам за сожжение первой жены его и после истребления огнем нив и садов филистимских. «И сниде и вселися у водотечи в пещере камене *Итама* (Суд 15:8).

Итам или *Этам* основан был, вместе с Вифлеемом и Фекоа, Ровоамом (2 Пар 11:6). Здесь должно полагать, как мы уже сказали выше, в смежности с источником запечатленным, – *вертоград заключенный*, то есть *заключенный горами*: «Вертоград заключен, источник запечатлен. Леторасли твоя сад шипков с плодом яблочным, кипри с нардами: нард и шафран, трость и киннамон со всеми древами Ливанскими; смирна, алой со всеми первыми мирами; источник вертограда и кладезь воды живы. Востани севере и гряди юже и повей в вертограде моем и да потекут ароматы моя» (Песн 4:12–16). Латинцы справедливо называют это место *виллою Соломона*; не должно смешивать сады Соломоновы у подошвы горы Сионской с этими.

Несколько апельсиновых, масличных, фиговых и гранатовых деревьев, меж которых видны засеянные полянки, растут теперь по долине вертограда библейского.

Отсюда идут две дороги, одна прямо поверх горы, другая вдоль подошвы, вправо; мы направились по последней. Все окрестные лощины обработаны, и вообще, вся местность начинает более и более одеваться травами и кустарником; тут очень много шиповников и розанов; с ними перемешаны густые кусты, покрытые белыми цветами; мне их не умели назвать. Вправо, на горе расположено селенье *Фагур*; тут нам встретился большой караван из Мекки. Отсюда мы спустились в глубокую лощину, называемую *Уади Биар*, то есть *колодезная*; она так названа по причине многих колодезей, тут находящихся; они все очень древнего построения и следуют один за другим вдоль лощины; многие из них заглохли в траве и кустах; все имеют между собою сообщение подземными водопроводами; один из них, называемый *бир ель тине*, то есть *смоковничный*, потому что осенен этими деревьями, пользуется особенною знаменитостью. Арабы считают его очарованным, говоря, что какой-то *гений* прикрыт большим камнем, находящимся на его дне.

Выезжая из этой лощины, я заметил две большие груды камней, называемые *Руджамус-сибад*, то есть *камни льва*. Мы видим из Книги Бытия обычай восточный воздвигать груды камней в свидетельство клятвенного обещания. Иаков говорит Лавану: «...Вот с нами нет никого; смотри, Бог свидетель между мною и тобою. И взял Иаков камень и поставил его столпом. И сказал Иаков братьям своим: соберите камней. Они собрали камней, и сделали холм; и ели там на холме. И назвал его Лаван: Иегар-Сагадуфа (холм свидетельства); а Иаков назвал его Галаадом (холм свидетель)» (Быт 31:48)^[95]. Замечательно, что это тот самый путь, по которому гнался Лаван за Иаковом. Иаков направился от холма свидетельства – к Исаву, в землю *Сеир*, в область *Эдом* (Быт 32:3) или *Идумею*, которая прилегала к южной оконечности Мертвого моря (Нав 15:58).

Поднявшись по дороге на холм, мне показали налево, на горах, четверостороннюю башню, которая принадлежит развалинам *Брекуд*; по словам моего вожатая, они обширнее Вифлеема. Это едва ли не *Вефсур* (Нав 15:59)^[96], который, по свидетельству Евсевия, был на дороге в Хеврон. Вскоре отсюда начинается спуск в луговую обширную долину; она очень живописна: горы, одетые лугами и рощами,

обнимают ее кругом. Здесь я заметил пирамидальные кусты теребинтов, называемые *бальлут*, и несколько лавров, которые называются арабами *кекаб*. Множество птиц, из которых большею частью были куропатки, вспархивали подле нас. На самом скате, при спуске в долину, виден довольно обширный каменный водоем. Вся эта прекрасная долина испещрена разнообразными цветами, которые конечно б обратили на себя внимание ботаниста. С высоты противоположных холмов открываются налево, на горе, развалины, посреди которых возвышается башня; их называют *Бет-фаджиар*, – может быть *Вифанот* (Нав 15:59); а далее по дороге встречаются другие развалины, которые называют *Куфин*. Мне сказывали, что это остатки монастыря во имя *Св. Матфея Апостола*, они состоят из четырехстороннего здания со сводами, построенного из больших тесаных камней. Вход был с юга; на востоке большое окно; с запада особая узкая комната; кругом разбросано много развалин; окрестность покрыта маслинами. В близлежащем селении *Бет-Омар* существовала, по словам моего вожатая, церковь; она теперь заменена мечетью, которую мусульмане называют *Наби-Мета*, то есть *Пророк Матфей*. Бет-Омар есть, вероятно, *Бет-Амар*, упоминаемый в *Acta Sanctorum* (V. 135); а Куфин занимает место *Марофы* (Нав 15:59) или *Маараты*, о которой говорит святой Евфимий, и где, близ развалин, он видел водохранилище^[97], это водохранилище находится несколько ниже, на скате; оно не иссякло.

Отсюда путь наш следовал чрез горы и лощины, одетые кустарниками. Вдали, к югу, видны развалины, называемые *Гельгуль* или *Наби-Юнус*, это последнее название мне перевели: *Пророка Исава*. Если это верно, то вот еще следы библейские, и это служит дополнением к тому, что мы сказали несколько выше о пути Иакова к Исаву в Идумею. Название *Гилгала* также пробуждает внимание по сходству с Гилгалом близ Вефиля и близ Иордана, но мы не знаем иного места этого имени, кроме того *Гилгала* или *Галгула*, который находился между *Яфою* и *Кесариею* близ моря. Налево от дороги заметны разрушенные строения новейшего времени.

Через три часа езды от Вифлеема и за час с четвертью от Хеврона находятся в лощине, при дороге налево, развалины здания, углубленного уже до половины в землю; оно такого ж построения, как и Куфин; возле источник и водохранилище. В этом здании замечен алтарь

под сводом; новые пристройки отличаются на взгляд от древнего здания. Это место называют *Дер-Уе*; известно, что слово *дер* значит *монастырь*. Поблизости от развалин, в низкой скале, выходящей к дороге, находятся замечательные гробницы библейских времен; тут две погребальные пещеры, – в каждой виден одр для мертвеца и два ниша в главной стене. Здесь можно предполагать существование города *Аравофа*, названного в числе достояний Соломоновых (3 Цар 4:10)^[98]. Из этой погребальной скалы бьет ключ и проходит чрез водопровод к водоему, который при дороге; этот водоем принадлежит древнему построению.

Впереди, на горе, смежной с *Дер-Уе*, возвышается древняя башня; по-арабски *Бурдж*. За полчаса от Хеврона видны еще развалины на горе; это, кажется, *Вифанин*, который у Евсевия помещен в двух римских милях от Хевронской *терebinтовой долины*^[99]; ниже, среди масличных дерев, мне заметили разрушенное селенье, принадлежавшее христианским арабам, не покорившимся Ибрагиму; оно называется *Хербет-уль-Нассара*.

Глава VI

Хеврон

«Авраам похоронил Сарру жену свою в пещере поля в Махпеле, против Мамре».

(Быт 23:17)

«...Явился ему (Аврааму) Иегова у дубравы Мамре...»

(Быт 18:1)

...Отсюда следуют непрерывно, между гор, роскошные лоцины, покрытые виноградниками и рощами фиговых, масличных и теребинтовых деревьев; наконец, развертывается великолепная долина Мамврийская – и *Хеврон*.

Согласно с Книгою Бытия (Быт 37:14), город стоит в наклонной долине, окруженной горами; он не обнесен стенами и разделяется на две части: одна часть упирается в скалы, где находится Авраамова погребальная пещера *Махпела*, а другая к подошве лесистой горы; этот лес есть тот знаменитый теребинтовый, о котором говорит Библия. Промежду обеими частями города – равнина и небольшой холм; тут же виден древний каменный водоем, довольно обширный; мелкий, но быстрый поток стремится по долине и сквозь города по некоторым улицам; мы находим и в Библии, что *Хеврон* стоял *в долине, прорытой потоком*; это есть выражение еврейского текста^[100]; Арабы называют подобные долины: *уади*.

Две большие дороги, направленные в *Хеврон*, образуют два устья в горах, его окружающих, одна от Мертвого моря, с юго-востока, другая – от Вифлеема, с севера.

Хеврон есть один из древнейших городов в мире; он основан семью годами прежде *Цоана* Египетского (Числ 13:23). Он назывался в самом начале *Кириаф-Арб* (Нав 21:11). Имя это, по толкованию нашего любомудрого церковно-учителя, может означать *город четырех*^[101]. В Моисеевой Книге Числ сказано, что в его время жили там три сына

Енаковы: Ахиман, Сессий и Феламин^[102]. Раввины называют Хеврон градом четырех великих мужей, разумя Адама, Авраама, Исаака и Иакова. В нашей Библии, в последнем стихе XIV главы Иисуса Навина, Хеврон назван *Митрополь Енакимлян*, а блаженный Иероним переводит в латинской Библии: «Там почиет Адам, великий из сынов Енакимовых^[103]», что совершенно несходно с текстом. Основываясь на этом переводе Вулгаты и на преданиях раввинов, поверье, что Адам погребен в Хевроне, здесь укоренилось. На западе от города показывают поле красноватой почвы, из которой, как говорят, был создан первый человек. Арабы употребляют эту землю как талисман.

Такое предание не имеет прочного основания, – но это есть святая земля Авраама, Исаака и Иакова! Это их собственность! Я сижу на вершине скал, которых недра куплены Авраамом у Ефрона Хеттеянина для погребения Сарры и рода своего. В них *сугубая пещера (Махпела)*; здесь опочил он сам, и за ним Исаак, сюда привезен был Иосифом из Египта труп отца его Иакова; здесь прах Ревекки и Лии. Подо мною развертывается Хеврон и долина Мамврийская. По ту сторону, на скате горы, насупротив лежащей, виден лес Мамврийский: «Таким образом поле Ефроново, которое при Махпеле, *против Мамре*, поле и пещера, которая на нем, и все деревья, которые на поле, во всех пределах его, вокруг, утверждены во владение Аврааму» (Быт 23:17–18). Эта долина имеет кругообразный очерк, что самое, нам кажется, выражено в русском переводе Книги Бытия, словом: «*вокруг*». Там, где она делается низменною, она покрыта маслинами, виноградниками и пастбищными лугами. Здесь протекала мирная жизнь Пастырей-Патриархов.

Великолепная церковь была воздвигнута святою Еленою над погребальною пещерою Авраама; этот храм преобразован в мечеть, и вход туда воспрещен христианам. Не могши туда проникнуть, я послал туда моего Галиля с наставлениями о том, что я желал узнать. Иосиф Флавий посещал гробницы Патриархов в Хевроне; в его время они были обложены мрамором^[104]. То, что сообщил Али-бей, не представляет ничего особенно любопытного: в здании есть галерея, двор, портики, готическая церковь Елены, а по сторонам небольшие комнатки, где стоят гробы, названные Патриаршими и покрытые богатыми парчами, которые присылают из Константинополя. Во всех мечетях гробницы мусульманские расположены почти таким же

образом; но я желал иметь понятие о библейской погребальной пещере Авраама; наконец, мой Галиль удовлетворил несколько мое любопытство. Он мне сказывал, что ему показывали глубокий и темный сход в пещеру, которая заграждена железною решеткою, под замком; при входе висит лампа. Туда не допускают самих мусульман, и внутренность известна только *имамам*. Он прибавил, что один из имамов поручил ему мне сказать, что они из человеколюбия не допускают меня в эту мечеть, потому что молния должна поразить всякого христианина, входящего туда!

Зодчество мечети хевронской довольно величественно, она походит на замок. По углам четырехстороннего здания, обнесенного зубчатыми стенами, возвышаются башни; одна из них не достроена или обрушена и доходит только до высоты стены. Зодчество это более италийское, чем арабское; башни очень походят на те, которые мы видим во Флоренции или в Падуе, – они расширяются кверху, около бойниц. Надстроенные ротонды с куполами, видимо, обличают новую мусульманскую работу. Крыльцо с широкою террасою и вход соответствуют красоте здания.

Хеврон называется у Арабов: *Эль-Халиль*, – это есть прозвание Авраама, значащее: *любимец Божий*. Этот город стоит наряду с четырьмя главными местами поклонения мусульман, которые суть: Мекка, Медина, Эль-Кодс [Иерусалим] и Эль-Халиль [Хеврон]. Я расположился в тени олив, на скалах, господствующих над городом, против самой мечети, и оттуда снял вид долины Мамврийской с частью Хеврона.

Город довольно обширен, хотя в нем считают только до четырех тысяч жителей. Обширность базаров показывает значительную торговлю, – это центральный пункт торговли между Аравиею и Сириею. Собственная торговля Хеврона состоит в стеклянных изделиях: лампы, разноцветные ожерелья и наручники расходятся отсюда по всему Востоку. Здешний изюм и варенья также в большой славе. Строения Хеврона опрятны и показывают довольство, но жители негостеприимны и неприветливы.

Древний водоем, находящийся между двух частей города, состоит из квадратного каменного бассейна; он имеет около 65 шагов в каждом боку. С каждого угла есть спуск по 40 уступам. На этот водоем указано

в Книге Царств ^[105]; над ним Давид велел казнить убийц Иевосфея сына Саулова.

Перейдя на ту сторону города и долины Мамврийской, я направился к подошве горы, лежащей насупротив погребальной пещеры Авраамовой; туда, где, по точному указанию Библии, нами уже выписанному, была роща Мамврийская. – Это обозначение положений пещеры и дубравы Мамврийской повторено в той же главе Книги Бытия:... «Авраам похоронил Сарру жену свою в пещере поля в Махпеле, *против Мамре*» (Быт 23:17). Поднявшись на скат, я вступил в чащи теребинтовых, масличных и смоковничных деревьев, которые образуют наконец нагорный лес. При начале этого леса видны значительные развалины, осененные огромными деревьями. Это место признано было во все века иудеями, язычниками и христианами *местом святым*. Здесь, впервые для мира, благоизволил Господь Бог явиться Аврааму в тройственном прообразовании, в лице трех Ангелов. Здесь увидел Авраам день Христов и возрадовался (Ин 8:56). Раскроем на этом месте первые страницы торжественной Книги Бытия: «... Явился ему (Аврааму) Иегова у дубравы Мамре, когда он сидел у дверей шатра, во время зноя дневного. Он возвел очи свои, и посмотрел, и се, три мужа стоят против него. Он увидел и побежал им навстречу от дверей шатра, и поклонился до земли. И сказал: Государь мой! если я обрел благоволение пред очами твоими; не пройди мимо раба твоего. Позвольте принести немного воды, и омыть ноги ваши; и отдохните под сим деревом. А я принесу хлеба, чтобы подкрепить сердца ваши; потом пойдете; ибо для того и проходите вы близь раба вашего. Они отвечали: сделай так как говоришь. И поспешил Авраам в шатер к Сарре и сказал: поскорее, замеси три меры крупчатой муки, и сделай пресные хлебы. Побежал также Авраам к стаду, и взял тельца молодого и тучного и дал отроку, который и поспешил приготовить его. И взяв масла и молока, и тельца приготовленного, поставил пред ними; а сам стоял пред ними под деревом: и они ели» (Быт 18:1–9). Трогательная простота этого рассказа имеет всю свежесть первобытного мира. Обычай, здесь описанные, нимало не изменились в этой стороне, по прошествии четырех тысяч лет. Прием, сделанный Авраамом Ангелам, есть тот самый, который делают арабы гостям своим; жизнь арабов не переменилась, – даже обычай, который мы видим в Библии, готовить хлеб, поджаривая на сковороде тесто из

свежей муки, остался тот же самый^[106]. Нельзя не заметить в приведенном отрывке, что Авраам, видя душевными очами своими тройственное явление Господа Бога, в лице трех небесных гостей своих, говорит им в единственном числе: «Государь мой! если я обрел благоволение пред очами твоими...» Что может быть трогательнее моления Авраама о пощаде преступных жителей Содома и Гоморра, когда он узнал, что Господь грядет туда совершить суд Свой. Эта Божественная драма, разговор Авраама с Богом, провожая Ангелов по пути к Содому, исполняет сердце ужасом и утешением, показывая, как силен голос праведника перед Судом Божиим и что самое малое число праведных может спасти целую страну.

Сидя под тенью теребинтов и маслин, потомков священных деревьев, укрывавших шатер Авраамов, я глядел на обширную долину Мамврийскую, на погребальную гору Авраамову, на путь к Содому, который был соседним городом с Хевроном, – и воспоминания библейские толпились в моем воображении. Это земля Ханаанская; сюда пришли соглядатаи Моисея и Аарона и возвратились к ним через сорок дней с огромною виноградною ветвью, несомую на жерди: «Ходили мы в ту страну, куда ты посылал нас, в страну кипящую молоком и медом, и вот плод ее... и все люди, которых мы видели там, мужи превысокие и видели там исполинов сынов Энаковых» (Числ 13:23–30). Мы говорили уже, что самые роскошные виноградники одевают и поныне окрестности Хеврона. По истреблении сынов Энаковых и при разделении земли Ханаанской Иисус Навин уделил земли Хеврона в достояние Халева, хотя сам город был сделан одним из шести вольных или пристанищных городов (Нав 11:21; 14:13; 20:7; 21:11). Здесь Давид был помазан в Цари и властвовал с лишком семь лет, как Царь дома Иудова (2 Цар 2:4, 12). Ровоам укрепил Хеврон (2 Пар 11:10), который при Моисее был уже городом могущественным (Числ 13: 29). Его разрушил Иуда Маккавей. Исторгнутый у римлян и опять ими завоеванный, – он испытал все ужасы огня и меча. В христианские времена был он обращен в Греческое Епископство Св. Авраама.

Иосиф Флавий^[107] вернее всех определил место явления трех Ангелов Аврааму, – в 6 стадиях, т. е. несколько более версты от древнего Хеврона или от пещеры Авраамовой. Ему показывали тут огромное теребинтовое дерево, которое по словам жителей было

современное Аврааму. Терebinт смешивают с европейским дубом, но образование листьев этих двух деревьев несколько различается, притом нижняя сторона терebinтового листа белесовата. У развалин церкви Константиновой высятся два или три терebinта и несколько маслин, на которых виден отпечаток глубокой древности. Сами развалины состоят из нескольких сводов; вероятно, это нижняя часть храма. Нам сохранилось послание императора Константина к Епископам Евсевию Кесарийскому и к Макарию о сооружении этого храма; оно любопытно: «Мы знаем, – говорит он, – что место, находящееся у Мамврийского дуба, где обитал Авраам, омрачено идолопоклонством, и для того я повелел нашему знаменитому другу Акакию, чтобы без отлагательства предать идолов огню и ниспровергнуть их алтари; а дабы впредь оградить это место от поругания, мы определили и повелели украсить его великим храмом. Всем известно, что там впервые Бог Вседержитель явился Аврааму и беседовал с ним; там возникло начало священного закона и соблюдение его; там впервые Сам Спаситель с двумя Ангелами благоволил милосердно явить себя Аврааму; там Бог начал проявлять себя людям, там предрек он Аврааму бесчисленное поколение от семени его»^[108]. Теперь бедная мусульманская молельня стоит возле развалин храма Константинова.

Далее, на высотах Мамврийских, видны остатки небольшой церкви сорока мучеников, но неизвестно, почему она так называлась. Достоин замечания, что мусульмане называют это место гробницею Иессея, отца Давидова. Иные полагают, что это есть место погребения Халева. Об этом говорит Блаженный Иероним.

В дополнение к прежде сказанному прибавим, что еврейские и вообще восточные предания, полагая место погребения Адама в Хевроне, столь же неосновательно определяют окрестности этого города как местность земного Рая. Еще не сказано ничего определительного насчет Эдема. – Можно предполагать с вероятием, что библейский рай, в Эдеме на Востоках, – не есть малое пространство, доселе гадательно обозначаемое; но заключает в себе всю страну, предопределенную искони для таинственных событий Ветхого и Нового Заветов, то есть все пространство, заключенное между Нилом и Евфратом.

Присутствие Шерифа-паши в Иерусалиме приводило весь Хеврон в волнение; те из жителей, которые находились в состоянии носить

оружие, разбежались в пустыни аравийские. Рекрутский набор в Иудее и Галилее доходит до 8 тысяч человек. Одна Галилея должна поставить 5 тысяч человек. В Верхней Сирии Ибрагим набрал 15 тысяч человек. Доселе греки и копты были избавляемы от рекрутства, но теперь набирают всех без различия. Христиан помещают предпочтительно во флот; и так как большая часть коптов учены грамоте, то их назначают в унтер-офицеры. В Египте не делают нового набора потому, что уже не из чего, – а довольствуются пополнять недоимки прежнего набора. Число набора, произведенного в Дамаске, неизвестно определительно, но говорят, что там набор легче, чем в других местах, и что многие поступают в рекруты добровольно.

Я понес с собою ветвь мира с торжественного места обета Бога с Авраамом. На возврате из Хеврона в Вифлеем усталость заставила нас искать отдохновения под тенью развесистой смоковницы, на дороге, у развалин *Куфин*. Достигнув колодезной лощины *Уади биар*, мы отклонились от прежней дороги, направляясь чрез лесистые горы. Мы проехали мимо нагорных развалин *Дер-Эль-Бенат*, т. е. монастырь *Девы*, или, может быть, *девичий*; оттуда круто спускается водопроводный канал в долину; тут существуют стены, образующие квадрат.

Мы выехали отсюда через лощину, где были Соломоновы сады, к самой плотине крайнего водохранилища Соломонова. Отдохнув несколько в этом месте, мы прибыли к ночи в отрадный Вифлеем, под кров доброго отца Иоаникиоса.

На другой день, с растроганным сердцем, с душевною молитвою на устах, расстался я с великою святынею Рождества Господа нашего Иисуса Христа и направился, с глубокою думою, по пустынной дороге Иерусалимской...

Глава VII

Отъезд из Иерусалима

«Иерусалиме, граде Святый, накажет тя за дела сынов твоих и паки помилует сыны праведных! Исповедайся Господеви благо и благослови Царя веков, да паки скиния Его созиждется в тебе с радостию... Блажени любящии тя, возрадуются о мире твоём: блажени, елицы скорбеша о всех наказаниях твоих, зане о тебе возрадуются, видяще всю славу твою, и возвеселятся во век».

(Тов 13:9–10; 14)

Близок был мой час разлуки со святым Иерусалимом! Как ни больно мне было оставить эту святыню, но обстоятельства принуждали. Горизонт Сирии более и более становится мрачен; новые бунты арабов приводят все в движение и варварское правительство волнует кровь! Вдобавок ко всему, вот целый год как я не имею ни одной строки от близких моему сердцу; забыт ли ими дальний путник? нарушено ли их благоденствие? Обе мысли грустны. Путешествия на Восток все еще тяжки, и очень тяжки; и напрасно думают в Европе, будто владычество Мегмета-Али сделало здесь пути легкими. Огненный климат, чума и варварство здесь царствуют, и надобно с ними бороться беспрестанно. Я теперь изучил Иерусалим и его окрестности как возможно точнее; я стараюсь напечатлеть в памяти своей все, что так трогает душу мою; каждая тропинка, каждый камень останавливают мое внимание; я невольно прилепляюсь ко всему, что вижу. Каждый шаг на земле Иерусалима освящен и оставляет неизгладимые впечатления. Один из латинской братии рассказывал мне на днях простодушный и трогательный анекдот. Когда-то поклонник просил у одного священника иерусалимского, чтоб он дал ему на дорогу горсть Святой земли. «Друг мой, – сказал ему священник, – есть ли кругом Иерусалима место, которое не было б свято? Кровь небесного Искупителя и мучеников освятила навеки этот слой». С сим

словом он наклонился, взял горсть земли – и кровь заструилась по руке его.

В последние дни моего пребывания в Иерусалиме я еще более ознакомился с достопочтенными отцами греческого монастыря. Храм Гроба Господня редко открывался; уже нельзя было иметь утешения посещать его так часто, как прежде; всякий раз должно было спрашивать ключей у стража мусульманского. Почти вседневная прогулка моя была по улице Страстного пути к горе Элеонской, а оттуда вдоль потока Кедрского и вокруг города, возвращаясь в Яфские ворота. Молитвы и глубокие думы неразлучно сопутствуют вас на этом пути.

Накануне моего отъезда из Иерусалима я слушал обедню на Голгофе. С трепетом, но с сладкими слезами умиления и признательности к моему Спасителю, я пал на страшном месте нашего искупления и перед живоносным Гробом. Как выразить прощанье грешника с этими двумя великими святынями, которые служат живым напоминанием о том Лице, на котором основаны все его надежды жизни земной и небесной!.. Тут меня наградили сокровищем неоцененным; для меня раскрывали железное решетчатое окно, за которым видна скала Божественной Голгофы, и меня благословили небольшим отломком от нее. С ним понес я весь Иерусалим с собою! С стесненным сердцем глядел я на затворяющиеся передо мною железные врата храма... Я направился в келью митрополита Мисаила; там священный старец благословил меня на путь и на всю жизнь нагрудным крестом, в котором заключалась частица *Честного древа*. О! как утешительно мне было крестное благословение в самом Иерусалиме! Сверх того, митрополит подарил меня, за своим благословением и за своею подписью, тем русским Евангелием, которое я брал из библиотеки Патриаршей, которое сопутствовало меня по всем святым местам Палестины и читано было несколько раз на Гробе Господнем и на Голгофе. В тот же день митрополит удостоил посетить меня со своим причтом. Отец *Анфимос*, руководству которого я так много обязан, подарил мне рукопись, – это пророчество Агафангела, столь знаменитое на Востоке. Иеромонах чина Василья Великого, Иероним Агафангел процветал в XIII столетии. Он имел видение в 1279 году, в Мессине. Изложение этого видения, им самим писанное, любопытно; оно во многих местах удивительно, но слишком

темно и запутано. К рукописи Агафангела приложено слово о *будущем* иже во Святых Отца нашего Мефодия, Архиепископа Патарского. Мне сказывали, что некоторые другие предсказания о Востоке существуют в монастырской библиотеке, на острове Патмосе – эта библиотека есть одна из драгоценнейших на Востоке.

В самый день моего отъезда из Иерусалима меня ожидала обедня в Гефсимании, у гроба Пресвятой Богородицы. В праздник Покрова Божией Матери я предпринял путь свой из России на Восток, – под Ее же милосердным покровом отправлялся я в обратный путь из Иерусалима.

Рано поутру оставил я дом Патриарший, направляясь по Страстной улице к Гефсимании, лобызая в последний раз места, освященные страданиями нашего Искупителя. При входе в погребальный вертеп Божией Матери братия встретили меня со свечами. Толпа христиан наполняла уже подземный храм; в его таинственном сумраке и на священном мраморе Гроба Матери Спасителя нашло взволнованное мое сердце молитвенное утешение.

Старцы-братия провожали меня в путь; с ними медленно поднялся я опять к стенам Иерусалимским; там, у врат Овчих, ожидали меня лошади. Там обнял я моих друзей, там сел я на моего коня и, взглянув еще раз на Гефсиманию, на гору Элеонскую, на Иерусалим, – слезы брызнули из глаз моих, – я быстро пустил коня своего по направлению к пещере Иеремии, воскликнув из глубины души: «Да созиждутся стены Иерусалимские!»

Я промчался мимо лагеря Шерифа-паши, которого шатры облегли еще Святой город, и выехал на Яфскую дорогу, по которой я несколько времени тому назад так радостно спешил к Иерусалиму!

Будущность светла для Иерусалима: «Сице глаголет Господь: Обращуся к Иерусалиму щедротами, и Храм Мой созиждется в нем, глаголет Господь Вседержитель, – и мера протянется во Иерусалиме еще... Еще прелияются имут грады благими и помилует Господь еще Сиона и изберет еще Иерусалима!» (Зах 1:16–17).

Глава VIII

Дорога от Иерусалима в Яфу

«В тот же день двое из них шли в селение, отстоящее стадий на шестьдесят от Иерусалима, называемое Эммаус, и разговаривали между собою о всех сих событиях».

(Лк 24:13–14)

...После первой высоты Иерусалим закрывается!.. Со второй видна только вершина горы Элеонской! Через груды камней, разбросанных по дороге, спускался я в задумчивости по красной, безжизненной почве в ущелье. Вправо высилась дикая гора Самуилова; в стороне, в лощине, видна деревенька *Лифта*. Через час с четвертью пути мы подъезжали к селению *Салония* через каменный мост, под которым едва струился ручеек; эта долина оживлена несколькими виноградниками и маслинами. В Салонии сохранился остаток любопытного древнего здания; стены сложены из искусно тесанных камней, параллелограммами, с выпуклою гранью. Значительность здания, расстояние места от Иерусалима и древний большой путь, пролегающий мимо, заставляют нас предполагать, что здесь находилось «селение, отстоящее стадий на шестьдесят от Иерусалима, называемое *Эммаус*» (Лк 24:13), где Спаситель по Воскресении Своем явил Себя двум ученикам при преломлении хлеба. Шестьдесят стадий составляют около 10 верст, – это именно расстояние между Иерусалимом и *Салониею*. Доселе ничего определительного не сказано о положении этого места, где происходило трогательное событие, рассказанное святым евангелистом Лукою. Полагают, что Клеопа, один из двух учеников, шедших от Иерусалима в Эммаус и беседовавших с Иисусом о великом событии Его Воскресения, имел дом в Эммаусе и что в этом доме произошло преломление хлеба, о котором в Деяниях Апостольских упомянуто в особенности: «И они постоянно пребывали в учении Апостолов, в общении, в преломлении хлеба и в молитвах» (Деян 2:42). Плиний и Созомен говорят об источнике в Эммаусе^[109], и это показание здесь оправдано^[110].

Далее, влево, сквозь ущелье, виднелся горный град Иудов, потом, также налево, на горе, развалины, называемые *Кастан*. На этом месте мог быть *Кариаф-иарим*, куда был перенесен Кивот Господень из *Вефамиса* и где он пробыл двадцать лет (Нав 18:14; 1 Цар 7:1–2). Неподалеку отсюда был *Вефорон верхний*; Иероним определяет его на пути от Иерусалима к *Никополису*, в 1000 стадиях или 17 верстах от Иерусалима. Это был укрепленный пост во время войны Маккавеев, на границе колена Венияминова и Эфраимова. Здесь сражался Иисус Навин против пяти царей (Нав 10:11), а Иуда Маккавей с Никанором; здесь же римлянин Цестий был разбит иудеями^[111]. Оба Вефорона, верхний и нижний, были основаны Соломоном.

Путь наш отсюда шел вдоль по лощине; тут заметен при дороге колодезь. Вскоре открылось нам на ребрах скал живописное селенье, называемое *Анатот*, а в простонародии *Абугош* – по принадлежности этого места *Абугошам*. Влево рисуются на вершине скалы развалины маккавейские, о которых мы уже упоминали. Близ селенья *Анатот* образуется у подошвы скал небольшая луговая долина, орошенная ручьем и отененная несколькими деревьями; под их навесом, за городьбою, сидело в кружке несколько людей, курящих трубки; при нашем приближении они встали один из них, высокой и мощный, отделился от общества и приглашал меня на отдохновение. Мой драгоман сказал мне, что это сам *Абугош*, брат музелима Иерусалимского, носящий почетное название властелина гор Иудейских; я имел уже случай говорить о нем прежде. Я исполнил его желание, он был очень доволен моим посещением, тотчас уступил мне свой ковер, предложил трубку, потом, вынув из-за пазухи платок, взял из него пригоршню необожженных кофейных зерен и подал их своему слуге. При нас эти зерна были поджарены на сковородке, и через несколько минут поднесли нам две чашечки благовонного *мока*. *Абугош* говорил мне о войне Бонапарте в Сирии и рассказывал, как он своею рукою убил приведенного к нему в плен французского офицера: «Зачем же? – спросил я его. – Затем, что я не знал, что с ним делать». Я поспешил оставить этого варвара.

Мы направились к *Анатоту*. Я посетил находящиеся тут при пути прекрасные развалины христианской церкви. Полагают, что она была воздвигнута во имя Пророка Иеремии, который здесь родился. Книга Пророка Иеремии начинается так: «Слово Божие еже, бысть ко

Иеремии... иже обиташе в Анафофе, в земле Вениаминовой». Внутренность здания обширна. Шесть четверосторонних колонн, по три с каждой стороны, поддерживают своды. Теперь это конюшня Абугоша!

Дорога поднимается отсюда на горы постоянно выше и выше, и наконец открывается обширный вид на приморские равнины и даже на песчаный берег Средиземного моря; мы ехали по частому кустарнику; даль начинала проясняться. Мы проехали мимо селенья *Сарис*, возле водоема, посреди рощи масличных деревьев; тут образуется небольшая долина, которая суживается более и более; она одета кустарником и лужайками. Отсюда мы спустились в низменную тесную лощину, очень приятную по свежести ее зелени. Одно великолепное дерево, называемое арабами *нааб*, а по итальянскому переводу моего драгомана *anzalore*, отличается от прочих деревьев; оно обнесено каменной оградой и означает границу земель Иерусалимских; это дерево в большом почтении у здешних жителей. Тут оканчиваются большие деревья. Следуя далее, находится направо от дороги колодезь высеченный, в скале и возле него небольшое квадратное строение. Отсюда начинается дикое и очень тесное ущелье. Это тот самый дефилей, в котором так пострадало войско Ибрагима, остановленное здешними арабами, когда он шел на возмущенный Иерусалим – и где едва он сам не погиб.

Скоро разворачивается перед вами вдали обширная равнина *Рамлы*. При выходе из дефиля видно направо селенье *Дер-Люб*, а в оконечности, налево, древние развалины, называемые *Латрун*, вероятно от латинского слова *latro*, разбойник; это место, как мы сказали прежде, есть отечество *благого разбойника*. Тут оканчиваются Иудейские горы и начинается спуск в равнины *Рамлы*. Тут же видны, направо, красивые развалины другого *Эммауса*, который был назван впоследствии *Никополис*. Блаженный Иероним ясно определяет его местоположение, говоря, что тут начинают (идя от *Рамлы*) возвышаться Иудейские горы^[112]. Но блаженный Иероним и многие другие писатели смешивали этот *Эммаус* с Евангельским местом того же имени, а это последнее место, – с *Никополисом*; но *Эммаус* Евангельский находился от Иерусалима, как мы видели, в 60 стадиях, а этот – в 176 или в 22 римских милях. Тут было во времена владычества христианского Епископство. Прекрасные развалины церкви сохранились доселе.

На всем обширном пространстве равнины, между горами Иудейскими и Рамлою, я видел только одну деревеньку, на половине дороги, направо. Недостаток народонаселения на этой роскошной земле Востока, под этим благодетельным небом, – поразителен.

Я ночевал в Рамле, в том же гостеприимном греческом монастыре, как и прежде, – хотя два агента русского консульства, один здешний, а другой из Газы, оба арабы – предлагали мне дома свои. На другой день я посетил греческую церковь во имя Св. Георгия, в здании, прилежащем к монастырю. В нем несколько древних колонн; там показывают обломок мраморной колонны, ознаменованный чудом святого Георгия.

Святой великомученик Георгий пострадал при Диоклециане, в *Лиде*, которая отстоит на один час езды от Рамлы к северу и где находится церковь, также во имя этого святого, построенная при Юстиниане. По сказанию Анны Комнин, мученичество святого Георгия происходило в Рамле. Тут есть также монастырь латинский, построенный Филиппом Бургундским; полагают, но без достаточных оснований, что он основан на том месте, где был дом Никодима. Одна из башен Рамлы, находящаяся теперь за городом, называется церковью 40 мучеников и принадлежит зодчеству крестоносцев. В Рамле показывают подземное водохранилище времен Елены, оно находится под сводами, которые замечательны своим построением.

Здесь считают до трех тысяч жителей, из которых треть христиане. Тут большая дорога караванов, и потому торговля города довольно значительна; мыло и хлопчатая бумага составляют ее основание. Название Рамлы не древнее IX века. Монах Бернард первый называет ее этим именем в своем путешествии в 870 году. Лида и Рамла были принимаемы за один и тот же город некоторыми древними поклонниками по той причине, что оба эти города чествуют святого Георгия. Блаженный Иероним первый определил местность *Армафеи* Иосифовой в Рамле; но это не *Армафа-Сиф*, как то иные думали, о которой говорится в Книге Царств, потому что ее местоположение было горное (1 Цар 11).

Рамла отстоит от Яфы на расстоянии трех часов езды; наши агенты непременно хотели проводить меня туда. Они нагнали меня при выезде из города, на богато убранных арабских конях. Перед нами расстилались необозримые равнины Саронские; это знаменитые

пастбищные места Израиля. По определению Цареву, они находились под особым надзором. «Над скоты же иже пасяхуся в Сароне, – Сатрай Саронитянин, и на волы иже во юдолах» (1 Пар 27:29). Саронские равнины представляют доселе одно из плодороднейших мест Палестины. О цветах саронских упомянуто в Песни Песней и в Пророке Исайе (Песн 2:1; Ис 35:2 по переводу Вулгаты). Эти плодоносные цветущие равнины радуют взор. Мы проехали мимо деревни *Сарфан*; можно, кажется, определительно сказать, что это селение занимает место города *Сарифеи*, где было Епископство. Этот город разорен сарацинами в 797. Тут, по обеим сторонам дороги, растут огромные маслины, которых существование полагают со времени владычества римлян. Мы знаем по Библии, что масличные насаждения на полях Саронских составляли большую отрасль царских доходов: «Над маслинами же и над черничием (смоковницы) иже бяху на полях, – Валанан Гедоритянин; над сокровищами эляя – Иоас» (1 Пар 27:28). Смоковничных или фиговых деревьев здесь также много. Проезжая масличную рощею, я видел на толстых пнях этих деревьев несколько хамелеонов, среди множества ящериц.

Далее видны вправо деревни *Сафрие* и *Бетдажан* или *Бетдахан*. За час расстояния от Яфы мы проехали мимо селения *Язер*; оно видно направо от дороги, на холме. Мне говорили мои спутники, что здесь полагают, по местным преданиям, отчизну Маккавеев. Это мнение очень правдоподобно. Мы уже говорили о неосновательности предположений тех, которые называют *Модином* развалины, которые видны на одном из высоких шпилей гор Иудейских между *Анатотом* и горным селеньем Св. Иоанна или градом Иудовым. Положение *Модина* на том месте, где теперь *Язер*, совершенно сходно с библейским описанием^[113]. Евсевий^[114] ясно говорит, что *Модин* находился близ *Диосполя*, то есть *Лиды*. В Книге Маккавейской в описании памятника Маккавеев сказано: «и обложи столпы великия и сотвори на столпех всеоружия в память вечную и при всеоружиях корабли изваянные, во еже видимым быти от всех плавающих на мори» (1 Макк 13:29). Это место есть прибрежное, расстоянием за час от Яфы и совершенно на виду у плователей.

Глава IX

Яфа и дорога из Яфы в Наблус

«И он пробыл не малое время в Иопнии у некоторого Симона кожевника».

(Деян 9:45)

Яфа сначала выказывается очень скромно из-за нагих песчаных гряд, потом красиво разворачивается среди богатейших садов, на приморском холме. Благовоние апельсиновых и помаранчевых деревьев наполняет воздух далеко вокруг. По обеим сторонам дороги густые рощи этих прекрасных деревьев, перемешанных с лаврами и миртами и обвитых виноградными лозами, обольщают взор. Мраморные водоемы, с надписями из Корана, приветствуют утомленного путника при входе в город. Яфа обнесена стенами, и несколько башен видны по углам. Улицы не стройны, но на них много торговли, много движения; водоемы изобильны; порт хотя опасен, но много посещаем. Я был принят под гостеприимный кров нашего сирийского консула г-на Мостраса, который уже мне оказал так много дружеских услуг. Тут я нашел его супругу и двух любезных дочерей. Г-н Мострас удержал меня несколько дней в Яфе своею приветливостью, меж тем как я приготовлялся к пути в Галилею. Дом нашего консула расположен самым приятным образом. Весь ряд комнат выходит на крытую террасу, которая господствует над всею гаванью и заливом. В перспективе бесконечность моря; под ногами у нас монастырь католический, а возле него греческий и тот знаменитый госпиталь, где погибла от чумы часть Наполеонова войска. Все внутренние дворы этих зданий видны нам с террасы. Вправо, там, где загибается берег, видны баснословные скалы, где Персей избавил Андромеду от морского чудовища. Некоторые ученые полагают, будто эта басня основана на истории Пророка Ионы, который здесь был поглощен китом^[115]. Ни один город в мире не превосходит древностью основания Яфу, – в древности: *Яфо* или *Иопния*. Помпоний Мела и Плиний говорят, что она принадлежит к числу городов допотопных (P. Mela. I. 11; Plin. hist. nat. V. 13)! По еврейским преданиям, Ной строил ковчег на ее берегу, а Яфет основал

ее и прозвал *Яфо*. В пристань Яфскую посылаемы были на плотах леса, для храма Соломонова, Гирамом, царем Тирским (2 Пар 2:16). То же было сделано и при втором построении храма (1 Езд 3:7). В книге Иисуса Навина здесь определен предел колену Данову. Маккавеи, Помпей, Цестий, Веспасиан, Константин, крестоносцы, Саладин – и в последнее время Наполеон – осаждали и разоряли Яфу. Здесь было в первые века христианства Епископство, равно как и при крестоносцах, которые основали графство Яфское. По Новому Завету, Яфа ознаменована чудом святого Петра – воскресением Тавифы и таинственным видением этого Апостола. Местность латинского монастыря, выходящего на берег моря, совершенно соответствует местности дома Симона Кожевника, где обитал святой Апостол Петр. При посещении церкви этого монастыря воображение мое поражено было надпрестольною картиною, изображающею объятого святым восторгом Петра, пред гласом небесным и пред спускающею с неба плащаницею, в которой *находились всякия четвероногия земныя, звери, гады и птицы небесныя* (Деян 10:12). В этой стране, наполненной неверными, более нежели где-либо надлежит помнить христианам об этом видении святого Петра, в котором Бог открыл ему, чтобы не называть ни одного человека нечистым или скверным. Мы уже имели случай говорить о сходстве обычаев и образа жизни теперешних жителей Палестины с прежними, времен Христовых. – Обычай проводить часть времени на террасах указан и в этом месте рассказа Деяний Апостольских: «Петр, около шестаго часа взошел *на верх дома помолиться*».

Г-н Мострас показывал мне, основываясь на преданиях, место воскресения Тавифы, – вероятно, место *погребения*, потому что оно находится в открытом поле, где виден в каменистом холме погребальный вертеп. Известно, что Тавифа не была еще погребена, когда ее воскресил святой Апостол. Должно также полагать, что город имел дальнейшее протяжение. За городом же показывают то место, где Наполеон так бесчеловечно расстрелял 4000 безоружных арабов. Вероятно, из ненависти к Наполеону здесь подтверждают отравление чумных и раненых французов в Яфском госпитале: по сие время показывают колодезь, куда сваливали трупы этих несчастных жертв.

В здешнем латинском монастыре я нашел большую приветливость. Все братья испанцы, францисканского ордена. В греческом монастыре

я имел утешение слушать обедни; тут встретил я почтенных настоятелей монастырей Рамлы и Лиды. В Яфе считают не более 600 христиан и с лишком 4000 мусульман. Торговля с Египтом значительна, она имела б еще более важности, если б гавань не была так опасна. Можно даже сказать, что гавань не существует; корабли становятся далеко, находясь во всегдашней готовности сняться с якоря. Множество подводных камней выказывают черные верхи свои из моря или обозначаются пеною дробящихся о них волн. Вероятно, что многие из этих камней служили основанием молы времен библейских или Крестовых походов, когда Яфа была перестроена Балдуином I.

Прибытие европейских поклонников к Пасхе дает ежегодно Яфе новую жизнь. Прогулки за городом, в волшебных садах Яфы, меня восхищали; плодоносие этих садов необычайное; никогда я не видал дерев столь развесистых, столь тенистых, столь сочных, – водопроводы устроены отлично хорошо. Мой драгоман Якуб показывал мне также основания своего сада, купленного ему г-ом Мострасом и говорил мне про свои надежды о будущем благосостоянии!

Большую часть времени проводили мы на террасе, где, в беседах и в мечтаниях, я любовался великолепною картиною этого библейского моря, которого волны беспрестанно раскатывались передо мною. В Яфе я видел шумное празднество арабской христианской свадьбы; мне сказывали, что жених и невеста часто не знают друг друга; все слаживается посредством свах. Даже свадебный пир делается особо у жениха и у невесты, то есть у мужчин и у женщин. Обе процессии идут отдельно при свечах и при музыке и соединяются в церкви. С террасы, выходящей на улицу, мы глядели на женскую процессию. Невеста и ее свита были с ног до головы закутаны белыми покрывалами, и мы с высоты террасы, по принятому обыкновению, sprыскивали их розовою водою.

С грустью расстался я с почтенным семейством г-на Мостраса. Да примет он здесь сердечную благодарность дальнего поклонника за те обязательные распоряжения, которыми он постоянно обеспечивал трудности пути моего. Я оставил Яфу в половине шестого часа утра. Якуб был опять при мне. Мы направились на северо-восток чрез равнины Саронские к горам Самарийским, которые живописно рисовались в конце горизонта.

Некоторые географы ошибочно полагали существование города *Сарона*, основываясь на том, что сыны *Гадовы* обитали «в *Галеаде* в *Вассане* и в весех их и во всех *окрестных Саронских* даже до исхода их» (1 Пар 5:16); Реланд доказал, что *окрестности* не означают существование города; но тут был, вероятно, город *Хесаром* или *Ласхарон*, которого царь был побежден Иисусом Навином (Нав 12:18; 2 Цар 23:30; 1 Пар 11:32). В Библии слово «царь» означает часто владельца и не должно быть принимаемо в его настоящем значении.

Через час от Яфы мы переехали поток, называемый *Мусрара*, это *Гаас* или *Гааш* Вулгаты (Нав 19:46–50; 24:30). Влево, на возвышении, деревня *Шейх-Монис*. Далее я заметил отдельно обрисованный курган и ряды холмов, за которыми опять следует равнина. Через два часа мы выехали на берег речки *Нахор*, она течет в глубоком русле и очень извивисто. *Нахор* вытекает из подошвы гор у местечка *Калва Расуль-айн*, где есть развалины; здесь должно полагать город *Фамнасахар*, достояние Иисуса Навина, в котором он был погребен на горе *Гаасовой* насупротив берегов Яфы. Вправо от реки *Нахор* видна деревня *Млебис*. Через 2 с половиною часа от Яфы мы проезжали мимо водяной мельницы, на той же речке *Нахор*. За нею следуют обширные равнины до самых гор. В деревне *Биар-Адес* расходится дорога в две стороны: одна идет на север, в *Назарет*, другая – на северо-восток, в *Наблус*. Невдалеке от подошвы горы виден замок *Гелджуль*, обнесенный стенами. Это без сомнения *Галгуль*, находившийся в 6 милях на север от *Антипатриды*. Через четверть часа от Гелджуля начинаются горы Самарийские.

Первая горная деревня называется *Габле*, на четыре часа расстояния от Яфы. Она окружена масличными рощами; долины засеяны хлебом. Мы остановились в 11 часов на отдых у колодезя, в тени смоковниц и маслин. После получасового отдыха мы продолжали путь. Тут заметно построение, называемое замок *Азун*. Вся окрестность покрыта масличными рощами и хлебом. На самой высокой горе видны развалины и еще далее, вправо, – другие, за час от места нашего отдохновения. Тут следует высокий хребет гор, как правильный вал; он виден из Яфы. Поднявшись на него, видно налево расположенное на горе красивое местечко *Кариету-Хаджджа*. Оно находится в шести часах от Яфы. С другого возвышения является другая горная декорация с селением *Генету-Сафут*. Горы встают выше и выше, вскоре за сим

селение *Фундук*; далее в лощине – *Мантени*; насупротив, на горе, – *Кариэгит*; налево, в долине, – *Куфур Кадум*; скаты гор и лощины везде обработаны. За час с четвертью от Наблуса, в горах, направо, – селенье *Сара*.

За час от Наблуса, поднявшись на гору, я видел в скале, под сводом древнего построения, источник, – а потом с самой вершины открываются разом несколько живописных селений. Внизу *Бет-айва*, выше *Бет-уазн*, а еще выше, на главной высоте, *Джиннет* в развалинах. Не доезжая за полчаса от Наблуса, мы остановились в Арабской христианской деревне, называемой *Рафидиа*, где сохранились значительные развалины древнего здания. Камни этого здания гранены снаружи, так же как и в Салонии (где мы полагаем евангельский Эммаус). Жители Рафидии приняли нас с необыкновенным радушием.

Место это может принадлежать *Силому*. В Книге Судей (Суд 21:19), при повествовании о похищении дочерей Силомских сынами Вениаминовыми, сказано: «Се праздник Господень в Силоме от дней во дни, иже есть от севера Вефиля, на восток солнца, на пути восходящем от Вефиля в Сихем и от юга Левоны». Это в точности положение *Рафидии*; даже виноградники, о которых говорится в том же повествовании, здесь по сие время в изобилии. Блаженный Иероним, вероятно, имел в виду замеченное нами здание, когда говорит, что в Силоме доселе показывают разрушенный алтарь или храм^[116]. В Силоме был собран Иисусом Навином весь сонм сынов Израилевых; там водружена была *Скиния свидения* (Нав 18:1), *Кивот Господа сидящего на Херувимех* (1 Цар 4:4) и разделена земля Израилева по жребию (Нав 18:10). Сюда приходил с жертвами Елкан, отец Самуилов, – от Армофема, – поклоняться Господу Богу Саваофу (1 Цар 1:3).

Глава X

Наблус. – Сихем. – Сихарь

«Итак приходит Он в город Самарийский, называемый Сихарь, близь участка земли, данного Иаковом сыну своему Иосифу. Там был колодезь Иаковлев. Иисус, утрудившись от пути, сел у колодезя».

(Ин 4:5–6)

Вскоре от *Рафидии*, при спуске с горы, разворачивается в живописной, покатой долине *Наблус*, окруженный масличными, шелковичными и смоковничными рощами. Наблус есть Библейский Сихем, один из первобытных городов Земли Обетованной, современный *Салему Мельхиседекову*. Пастырские сцены Книги Бытия происходили в долинах Сихема. Патриарх Авраам, отец многих языков, является на них первый с своими кочевыми шатрами, идя, по повелению Божию, из Харана: «По земле сей Авраам прошел до места *Сихема* до дубравы *Море*. В земле сей жили тогда Хананеи. И явился Иегова Аврааму, и сказал ему: потомству твоему отдам я землю сию; и тут создал он жертвенник Иегове, который явился ему» (Быт 12:6–7). Вот и другой патриарх, Иаков, приходит с подвижным домом своим и со стадами перед Сихем; он покупает у Эммора, отца Сихемова (чьим именем назывался город), то поле, на котором были разбиты его шатры; воздвигает здесь жертвенник и призывает имя Бога Израилева. После отмщения, совершенного сынами Иакова Сихему, властителю этих мест, за поругание, нанесенное их сестре Дине, – Иаков решился оставить Сихем, он переменял ризы свои для очищения, повергнул чуждых богов, зарыл их вместе с серьгами своих домашних под терebinтом, возле Сихема, – и удалился чрез Вефиль, Салем и Вифлеем в Хеврон, поразив ужасом жителей Сихема, которые не дерзали его преследовать. Собственность Иакова, приобретенная им возле Сихема, осталась неприкосновенною, и он из Хеврона посылал часть стад своих пастись в долине Сихемской под надзором детей своих. В окрестностях этой пастбищной долины происходило трогательное событие продажи

Иосифа купцам измаильтянским, проходившим с верблюдами путем в Египет, с грузом благовоний. Дорога эта и теперь караванная, между Египтом и Сириею.

Сихем обнесен огромными горами; две из них высочайшие, отличительны от прочих: к северу – *Гевал*, к югу – *Гаризим*: гора *Проклятий* и гора *Благословений*, Моисей перед переходом израильтян чрез Иордан в Землю Обетованную, в предсмертном завещании своем сказал им: «Се аз даю пред вами днесь благословение и клятву. Благословение, аще послушаете заповедей Господа Бога вашего, елики аз заповедаю вам днесь: – и клятву, аще не послушаете заповедей Господа Бога вашего, елики аз заповедаю вам днесь, и совратитесь с пути, его же заповедах вам, идуще послужити богом иным, их же не весте. И будет, егда введет тебе Господь Бог твой в землю, в нюже преходиши тамо, наследити ю, да даси благословение на горе Гаризин, и клятву на горе Гевал» (Втор 11:26–30. См. также ст. 30, где определена эта местность). Законы Моисеевы Израилю, начертанные на великих камнях, были утверждены на жертвеннике, сооруженном из одних камней, без железа. Жертвенник этот был поставлен на горе Гевал. Великий вождь Израиля завещал ему, чтобы шесть колен взошли на Гаризим для благословений и шесть колен на Гевал, для проклятий. Левиты, со скиниею, находились в долине; они читали громогласно благословения и проклятия, обращаясь к той и другой горе, и с вершин их раздавалось: «*да будет!*» Здесь второй вождь израильский, также перед смертью, собрал все колена и заключил с ними пред лицом Бога завет.

Злобный Авимелех, убивший всех братьев своих кроме Иоафама, который укрывался от него, разорил и срыл до основания Сихем, но после погиб по предсказанию Иоафама, который, с горы Гаризим, предрек сихемлянам будущее в притче. Иероваам возобновил город. Здесь наконец Ровоам поднял знамя бунта против святого дома Давидова: «И отложися Израиль от дому Израилева даже до днесь» (3 Цар 12:19). С той поры соперничество между Самариєю и Иерусалимом не прекращается. Буйный дух древнего Сихема, замеченный Сирахом (Сир 50:27–28), сохранился в жителях Наблуса доселе; это одни из самых беспокойных арабов Палестины.

Мы упомянули о главных событиях Ветхого Завета в Сихеме; но самое трогательное, самое утешительное для христианина есть то

событие, которое нам сохранил божественный Иоанн, – это беседа Иисуса с самарянкою при источнике Иаковлеве. Перенесемся туда прежде нежели будем говорить о нынешнем Сихеме.

Колодезь Иакова отстоит на полчаса езды от Наблуса на юго-восток. Сихемская плодоносная долина, стесненная громадами гор, идет постепенно расширяясь; тени древних маслин осеняют дорогу. Чрез четверть часа от города долина спускается довольно покато, образуя обширную поляну; у подошвы этого ската, на самом распутье трех дорог, находится священный колодезь Иаковлев. Против него направо выходит оконечность высокой горы Гаризим, увенчанная развалинами. Над колодезем Иакова еще в седьмом веке существовала церковь, построенная в виде креста; колодезь занимал средину; со всех четырех сторон были входы. Теперь нестройные развалины свидетельствуют только о существовании здания. Колодезь имеет неправильное отверстие промежду больших камней. Говорят, что источник еще не иссяк, но я это узнал уже после. Живописная местность этого священного источника, из которого пил Иаков и сыны его и стада его и который наконец утолил жажду Спасителя мира, совершенно соответствует рассказу святого евангелиста Иоанна (Ин 4:5–26). На этом месте читал я этот сладостный, божественный рассказ. Здесь Иисус, идя из Иудеи и устав от пути, сел у колодезя: путь из Иерусалима в Галилею есть доселе тот самый, который пролегает мимо источника. «Отцы наши поклонялись на сей горе», – говорила самарянка, и эта гора, с остатками святилища, – передо мною! Но какой свет просиял для слепотствующих очей наших из небесных речей Спасителя к самарянке! «Поверь мне, что наступает время, когда и не на сей горе, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу... Но настает время, и настало уже, что истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких отец ищет поклонников Себе: Бог есть Дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине». Какое таинство, какой неистощимый предмет для дум молящегося христианина заключается в этих малых словах нашего Искупителя, здесь произнесенных! Некоторое время показывали камень, на котором отдыхал Иисус; но во времена Юстиниана он был перенесен в Константинополь.

В Евангелии от Иоанна сказано, что источник Иаковлев находился близ города, называемого *Сихарь*. Почти все писавшие о Палестине

сливаются имена *Сихарь*, *Сихем* и *Неаполис* или *Наблус* в одно имя. Мы не думаем, чтоб в тексте Евангелия святого Иоанна могла быть описка, как то многие полагают, потому что ни один список не разнствует в этом месте. Блаженный Иероним неопределительно различает Сихем от Сихаря и называет этот последний Неаполисом, а Сихем, как кажется, полагает возле источника Иаковлева. Нам кажется, что, придерживаясь буквально текста евангельского, можно остановиться на следующем: что название города Сихаря не есть ошибочное, что он точно существовал на отрасли горы Гаризим, выходящей против самого источника Иаковлева; разные развалины, существующие на этой горе, показывают следы населенности, и это будет совершенно согласно с повествованием святого Иоанна. Жители *Сихема*, который находился на том месте, где теперь Наблус, не могли ходить за водою к источнику Иаковлеву, который находится на полчаса езды от города. Притом в самом Наблусе нет недостатка в воде; тогда как Сихарь, построенный на ребрах скал, вероятно пользовался водою от священного источника; притом жена самаряня, обретшая Мессию, не могла бы, оставя водонос свой, идти обратно, на такое расстояние, в город. Наконец, возвращение Апостолов и самарянки с некоторыми из жителей показывает особенную близость города Сихаря от источника. В заключение Книга Сирахова показывает положительно различие между двумя городами; «седашии на горе Самарийской, и людие буи живущие в Сикимех [в Сихеме]», – говорит Сирах. Итак, Сихем был в долине между гор, а Сихарь на горе Гаризим. Прибавим, что блаженный Иероним, вероятно по подобному соображению, полагал ближайшее существование города от источника, и едва ли не по ошибке находится в его тексте перестановка имен *Сихаря* и *Сихема*. Заметим также прекрасное выражение блаженного мужа: «Там, – говорит он об источнике Иаковлевом, – Господь жаждущий и терпящий голод насытился верою самарянки»^[117].

Этот колодезь доселе у жителей Востока считается священным. Ни один караван не проходит мимо него без поклонения. На оконечности горы *Гаризим* существовал при Зеноне и Юстиниане храм христианский; его остатки еще видны. Тут же при Александре Великом выстроено было жрецом Санабаллатом капище. На возвратном пути в Наблус я видел налево, у подошвы горы, погребальные пещеры; там покоится семейство Иакова, Иосиф, умерший в Египте, был погребен,

по его завещанию, здесь, где протекло его детство (Быт 50:26). Сам же Иаков погребен в Хевроне (Быт 50:15; Нав 24:23; Деян 7:16). Солнце садилось, а месяц вставал над горами Самарийскими, когда я приближался к Наблусу под густыми навесами вековых маслин. Я довольно удивился, когда, подъезжая к воротам моего дома, услышал, что один житель Наблуса, по имени *Хасан Камала*, просит меня принять ночлег у него и что все мои пожитки перевезены туда. Узнав, что Хасан Камала приятель г-ну Мострасу, я согласился на это предложение. Мой хозяин встретил меня дружелюбно в сенях и показал много удовольствия, видя меня в своем доме. Мне отведена была его *диванная*. Низкие диваны занимали все четыре стены; ковры скрывали пол и разостланы были по окнам; густые пуки белых лилий стояли в высоких, узкогорлых стеклянных вазах; их сладостный запах сливался с запахом померанцевых деревьев, наносимым каждым дуновением ветерка сквозь решетчатые окна. Томный свет большого фонаря, обтянутого масляною бумагою, освещал сверху комнату. Таков был роскошный ночлег, приготовленный Хасаном усталому поклоннику. Не без удовольствия погрузился я в пуховые подушки дивана. Невольники подали нам душистый сорбет и трубки, набитые латакийским табаком. Несколько друзей Хасана, в роскошных одеждах, присоединились к нашему обществу и уселись на диванах в почтительном расстоянии от нас; кофе и лакомства последовали за сорбетом. Хасан и друзья его не иначе принимали все, что им подносили, как обращаясь с почтительными знаками ко мне, то есть, по обыкновению, прикладывая правую руку к сердцу и челу. Драгоман сидел перед нами и переводил наши речи. Это угощение продолжилось довольно долго. Хозяин, заметив мою усталость, дал знак своим окружающим, – и все нас оставили; он остался со мною один, чтоб видеть приготовление моей постели. Вскоре были принесены несколько мягких тюфяков; их положили один на другой посреди комнаты и покрыли вместе с подушками шитыми золотом кисеями; затеплилась ночная лампада, и Хасан удалился.

Местоположение Сихема, который по свидетельству Иосифа Флавия^[118] находился, как мы сказали выше, стесненным между горами Гаризим и Гевал, соответствует совершенно местности Наблуса. Гора Гаризим, на юге, называется по-арабски *Шех-Ганем*, то есть *Овечья*, а *Гевал* – *Эмадед-дин* (*столп веры*), на севере. Эта последняя, где

совершались проклятия, имеет вид чрезвычайно грозный; облака скопляются на ее теме и огромная масса ее нагих скал отделяется от прочих гор. Гора Гаризим, или гора благословений, идет высоким хребтом; она местами оттенена деревьями и частью населена и обработана.

Город стоит на потоке, чрез который ведет мост со сводами; этот поток должен быть *Фаффов* (Taruah), о котором говорится в книге Иисуса Навина (Нав 17:7). По разрушении города Самарии Сихем сделался столицей земли Самарийской. При Флавии Веспасиане город был возобновлен и назван *Флавия-Неаполис*, т. е. *новый город Флавия*^[119]. Из имени *Неаполис* арабы сделали *Наблус*. Позднее, в VI столетии и во время владычества христиан, здесь было Епископство. Во время войны крестоносцев город был разрушен и вновь выстроен. Святая Елена и Юстиниан соорудили здесь несколько христианских церквей. Великолепный остаток одного храма, воздвигнутого Еленою, виден еще в Наблусе; там теперь главная мечеть города. Я был поражен красотой фасада, – он мне напомнил храм Гроба Господня; гений того же самого зодчего, как мне кажется, виден в строении и в украшениях. Вход увенчан высокими тройными огивами, которые поддержаны по бокам тремя совокупленными колоннами коринфического ордена; мраморная резьба принадлежит изящному резцу. Я не видал внутренности, которая возобновлена для мечети; там, говорят, колонны разных веков, мраморные и гранитные, смешаны и расположены по произволу.

В Наблусе считают от 9 до 10 тысяч жителей, но в это число входят, как я полагаю, близлежащие селения; согласно с плодородием земли, жители довольно зажиточны, несколько минаретов и куполов, принадлежащих баням, высятся над плоскими террасами домов. Две главные улицы, проходящие сквозь город почти в параллельном направлении, довольно шумны; они мощены большими камнями, а по сторонам тротуары; базар не велик, но наполнен товаром. Главный торг Наблуса производится с Дамаском и Яфою. Собственные произведения его состоят из бумажных изделий; поля обильны пшеницею, маслинами, хлопчатую бумагою и шелковичными деревьями. Арабы наблусские, огражденные горами, подобно жителям Ливана, смело защищают свои права и собственность. Покорение селений *Бет-уазна* и *Джиннета* дорого обошлось Ибрагиму.

Здесь очень мало греков. Евреев, самаританской секты, считают до пятисот человек; они занимают довольно глухую улицу, которую называют *зеленою*. Известно, что они признают законом только Пятикнижие Моисеево. Книга Иисуса Навина у них в большом уважении, а остальные части Библии отвергнуты. Гора Гаризим есть их основной камень веры; там они приносят свои пасхальные жертвы^[120]; туда устремляют они свои взоры и помыслы, подобно как иудеи иерусалимские на гору Морию. Но они отвращаются от клятвенного Гевала, который грозно висит над их стенами. Там был воздвигнут, по завету Моисееву, жертвенник с скрижалями закона, а не на Гаризиме; мы видели, что арабское название Гевала *Эмадед-дин* значит *столп веры*. Не без намерения в тексте самарийском Гевал заменен Гаризимом. Над ними сбылось предсказание великого Моисея, который грозил клятвою «аще не послушаете заповедей Господа вашего... и совершите с пути, его же заповедах вам, идущие послужити богом иным, их же не весте». «Вы кланяетесь его же не весте», – сказал им также Спаситель. Но малое число вняло призыванию Искупителя человеческого рода! Он не нашел у них пристанища, по ненависти их к Иерусалиму; но возбрал Апостолам навлекать на жестокосердых суд Божий, сказав им: «не знаете, какого вы духа, ибо Сын человеческий пришел не погублять души человеческие, но спасти» (Лк 9:51–57). Он часто изливал Свое милосердие на грешных самаритян. Путем от Фавора к Иерусалиму, чрез Самарию, Он не преставал целить недужных. Даже при вознесении Своим Он заповедал Апостолам обращение самарян (Деян 1:8).

Вражда самарян с иудеями, начавшаяся, как мы говорили, от Ровоама, означена во многих местах Священного Писания. «Иудеи с самарянами не сообщаются», – сказала уверовавшая самаритянка Спасителю. Евреи поносили Спасителя, называя Его *Самарянином* (Ин 8:48). Самое сильное выражение этой вражды находится в книгах Неемии и Сираха. Когда Санаваллат Араонитянин (Сихемский) пришел издеваться над зодчими новых стен Иерусалимских, Неемия отвечал ему: «Бог небесе, Той благоспешит нам, и мы рабы Его чистии, востанем и созиждем: вам же несть части, и правды, и памяти во Иерусалиме!» (Неем 2:20). Вот слова Сираховы: «Два языка омерзеста души моей, – а третий несть язык: сидящие на горе Самарийской, и

Филистимляне, и людие буи живущие в Сикимех (в Сихеме)» (Сир 1:27–28).

Сверх буйного духа самарян, непостоянство их обнаруживалось во все времена. Когда Александр Македонский даровал большие льготы иудеям в Иерусалиме, самаряне называли себя иудеями, но при перевороте счастья против иудеев они не называли себя потомками Ефраима и Манассии, а чужеземцами, сидонянами. История передала нам их письмо к Антиоху Епифану. Надпись письма была следующая: «Царю Антиоху богу от Сидонян живущих в Сихеме». Просьба их состояла в том, чтоб им дозволено было построить на их священной горе Гаризиме храм Юпитеру Геллениусу! Известны их бесчеловечные поступки при сем случае против иудеев. Гиркан, иудейский первосвященник, разрушил впоследствии это идольское капище, существовавшее с лишком 2000 лет. Упорность защиты самарян против оружия Веспасьянова доказала их мужество. Юстиниан испытал от них не меньшее сопротивление. В новейшее время отряд Бонапартовой армии под начальством Жюно, состоявший из 1500 человек, был ими почти истреблен. Абдалла и Ибрагим испытали жестокие потери при их покорении.

Законоучители самарийские, которых глава должен всегда пребывать в Сихеме, производят себя от роду Аарона; поэтому Сирах назвал жреца Санаваллата *Ааронитянином*. Самарян упрекали, будто они поклоняются тем идолам, которые Рахиль похитила у отца своего Лавана и которые Иаков скрыл под терebinтом Сихемским^[121]; это, конечно, один из расколов учения самарийского, но не сущность. Они строго держатся обрядов Моисеева Пятикнижия в отношении обрезанья, браков, очищений и проч. В отличие от обряда иудейского, они не возжигают огня в день субботный. Их главные празднества суть Пасха, Пятидесятница и водружение Скинии Завета.

Полагают, что древнейший самарийский список Моисеева Пятикнижия хранится в Сихеме. Издание самарийского текста в полиглоте Иоанна Морина едва ли согласно со списком, хранящимся в Сихеме. Хотя здешние законоучители выдают списки своего Пятикнижия для общего употребления, но в этих списках находятся, как сказывают, изменения против древнего текста. Блаженный Иероним нашел много изменений в Пятикнижии самарийском; самаряне во

многих местах исказили собственные имена мест и лиц^[122]. Переписка Скалигера с самарянами довольно известна.

Наблус состоит, так же как Иерусалим, под управлением паши Дамасского.

Глава XI

Дорога от Наблуса в Севасту или Самарию

«Ирод, взял Иоанна, связал его и посадил в темницу, за Иродиаду, жену Филиппа, брата своего».

(Мф 14:3)

Я оставил Наблус в половине пятого часа утра и направился на Севасту или Самарию, древнюю столицу самарян.

Дорога туда от Наблуса идет сначала на запад, по узкой лощине вдоль потока, который мы полагаем за *Фафвов*; он осенен фруктовыми деревьями. Мы выехали к селенью *Бет-айва* (то самое, которое мы видели с дороги, ехав в Наблус); оно построено на скате горы; ниже – древний водопровод с разрушенными аркадами по направлению к Сихему. Весьма вероятно, что древний Сихем простирался по этой лощине далее на запад. Отсюда мы поднялись направо на горы, прямо на север; мы были тогда за час расстоянием от Наблуса. Когда мы взъехали на гору, нам открылась внизу засеянная долина и на холме деревня *Дер Шераб*, а вдали на горе большое местечко *Рамина*. Может быть, это есть та гора *Ремман*, поблизости от Самарии, о которой говорит Пророк Амос (Ам 4:3)^[123]. Горная дорога оттенена прекрасными фиговыми и шелковичными деревьями; ручьи ключевой воды текут в желобах по крутым скатам. Этот свежий ландшафт оживлен веселым населением. Поднявшись на другую высоту, я увидел другой хребет гор и холмов, а на передовой живописной и лесистой горе, которая отделена от других и идет, склоняясь от запада к востоку, открываются развалины древней *Самарии* или *Севасты*. Целый лес белых колонн? встающих из-за деревьев, занимает всю оконечность западной части горы; это необыкновенное зрелище поражает взор, который сначала не разгадывает столь большое совокупление столпов. На противном конце горы возвышаются прекрасные развалины готической башни; желтоватый оттенок камней отлично рисует их по голубому небу и по зелени окружающих деревьев. Вся лощина и подошва горы одеты рощами фиговых, гренадных и масличных деревьев. Не доезжая подошвы горы Самарийской, показывают основание ворот

древнего города. Мы достигли Самарии слишком чрез полтора часа езды от Наблуса.

Самария основана злобным Израильским царем Амврием; она получила свое название от горы *Семерон*, на которой она построена. Амврий купил ее у *Семера, господина горы*, за два таланта серебра (3 Цар 16:24). Ему наследовал Ахав, муж нечестивой Иезавели, дочери царя Сидонского; он превзошел в злодействах отца и всех царей Израилевых, бывших прежде его; он воздвигнул идольское требище Ваалу, которое имело 550 жрецов. Сверх того находились в Самарии *жрецы дубравные*, так называемые потому, что их кумиры находились среди дубрав и вообще под деревьями (3 Цар 18:22). Капище Ваалово было разрушено Ииуем (4 Цар 17). Пророк Илия следил, как грозный мститель, за преступлениями Ахава. «Обрел ли еси меня, враже мой, говорил Ахав Илие, пришедшему к нему, когда он завладел виноградниками умерщвленного Навуфея», и рече Илия: «Обретох!» Но ни глаголы, ни чудеса Пророка не обратили нечестивого царя и жену его, которых постиг суд Божий. Царствование царей Самарии есть сцепление ужасов; Гофолия истребила поколение царское за исключением Иосии. Нечестивый род Амврия, владычествовавший около 200 лет, прекратился с Иосиею. Салманасар, царь Ассирийский, поработил и разрушил Самарию, которая была в соперничестве с самим Иерусалимом. Впоследствии город был разрушен Иоанном Гирканом, возобновлен Габинием и даже назван, на малое время, его именем; наконец римский император Август уступил его врагу младенца Иисуса – Ироду, который совершенно восстановил город, великолепно украсил, и из благодарности к Августу назвал его *Севаста* – это греческое имя *Августа*. Таким образом, престол самарийский не престаивал быть занимаем извергами! В христианские времена здесь было Епископство.

Готические развалины суть остатки великолепной христианской церкви времен святой Елены. Башня, имеющая основанием скалу, построена закругляющимся многоугольником. Пять стен многоугольника еще сохранились до самого верхнего карниза; в них существуют еще три окна, украшенные коринфическими колоннами и огивами. Алтарь, обращенный на восток, сохранился; остальные стены до половины разрушены, но еще служат для мечети; вход туда с запада, где построено несколько хижин. Мой драгоман, коротко знакомый с нравами и обычаями жителей, склонил за несколько пиастров бедного

имама допустить меня туда. Слой земли сделался теперь выше входа во храм, и потому перед входом туда есть небольшое квадратное углубление, обложенное камнем. Войдя во внутренность, можно видеть все обширное пространство от входа до алтаря, среди полуобрушенных стен, под открытым небом. Еще осталась часть стены, отделявшая паперть от алтаря. Во многих местах сохранился мраморный помост. Направо, в паперти, есть небольшой придел, которого стены обложены мрамором; в них вделаны квадраты с крестными изображениями, которые искажены мусульманами. Налево видна отдельная часовня с куполом, она стоит над входом в подземелье. Там заключается теперь настоящее святилище храма. Там были погребены Авдий, Елисей и тот, которого нет больше из рожденных женами, – тот, Который шел пред лицом Господа уготовать пути Его, – святой Креститель Иоанн!

Спустясь ступеней на 15, мы вошли под свод темничный или погребальный. Это подземелье затворялось, так же как и погребальные пещеры царей Иерусалимских, каменной дверью, на каменных верях; дверь эта была из цельного гранитного куска; теперь она лежит повержена; на ней высечены кресты в квадратах, на верхней и на нижней половине; глубокая древность двери не сомнительна; крестные изображения сделаны, вероятно, позднее, но не менее того оно удостоверяет в том, что это подземное жилище приобщено с первых годов после Страстей Господних к Святыням христианства и что оно ознаменовано великим событием. Подземелье имеет шагов 15 в длину и около 10 в ширину. На другой оконечности, против входа, видны три гробовые свода или ниша, один возле другого, они заделаны; лишь только оставлено небольшое круглое отверстие в каждом. По преданиям, там покоится прах Авдия, Елисея и Иоанна Крестителя. Гробница Крестителя находится посередине. Возле этих священных гробниц налево, есть особенный ниш, но не заделанный, – говорят, что это есть место усекновения Предтечи^[124]. Священная повесть кончины Иоанна была прочтена мною под этими мрачными сводами.

Авдий, как известно, есть тот богобоязливый домостроитель нечестивого Ахава, который укрыл в двух вертепах сто Пророков Господних от убийства Иезавели. Чудеса Елисея в Самарии были столь же велики, как и чудеса учителя его, Илии: труп убитого человека оживился, коснувшись костей его! Чем более было нечестия, тем более восставало Пророков Господних в этой стране для спасения

нечестивых. Михей также пророчествовал в Самарии. Блаженный Иероним, которому так хорошо были знакомы святые места Палестины, определяет несомненно место погребения святого Иоанна Крестителя в Самарии, то же говорят и Евсевий, Епископ Адон^[125], Феодорит^[126], Юлиан Отступник^[127] и некоторые другие. Многие писатели перенесли горестное событие усекновения Предтечи в *Махерус* за Иордан, основываясь на сказании иудейского историка Иосифа Флавия; но надобно припомнить, что сам Иосиф Флавий не говорит, что Иоанн Креститель был умерщвлен в Махерусе, но только заключен в темницу^[128]; и это не опровергает того, что Святой Иоанн мог кончить жизнь свою в темнице самарийской. То же самое подтверждается местными преданиями и свидетельством самых древнейших и достовернейших христианских писателей.

Из храма Иоанна Крестителя мы направились прямо на западную часть горы *Семерон*, к развалинам *Севасты*; я говорю *Севасты*, потому что оставшиеся развалины принадлежат построению Ирода. Мы следовали по южной оконечности горы; целый сонм обезглавленных колонн вставал перед нами; мы едва пробирались по узкой тропинке, потому что высокий, сплошной репейник заграждал нам путь. Колонны являются сперва в один ряд с одной стороны дороги, а потом в два ряда и, кажется, возрастают беспрестанно; они все без капителей, которые скрыты в глубине репейника; многие из колонн повержены, но, конечно, более ста высятся на своих основаниях и в своем запустении представляют вид поразительный! Эта колоннада тянется до самой западной оконечности горы и оканчивается двумя привратными квадратными башнями, которых остатки хорошо сохранились; они сложены из очень больших камней. С этой оконечности горы открывается вид очаровательный на обширную, низменную долину, состоящую из роскошных лугов. Тут были сады царские; тут возле источника показывают доселе место, где остановилась окровавленная колесница нечестивого Ахава, убитого в этих полях в битве против ассириан. Вероятно, что эти ряды колонн составляли портик храма, воздвигнутого Иродом цесарю Августу; этот храм занимал главную высоту и средину города^[129]; портик огибал, вероятно, и другую половину горы с севера, потому что, возвращаясь по той стороне, я находил там изредка обломки точно таких же колонн, из которых многие еще стоят. Это также согласно со словами иудейского историка,

который говорит, что храм Августов был обнесен оградой в 1 с половиною стадии в окружности (131 сажень). Тут же в садах и огородах разбросано несколько карнизов и капителей, а у подошвы горы, на северной же стороне, несколько правильных рядов колонн обрисовывают четверостороннее здание. Мы видим из Библии великолепие древней Самарии; Ахав соорудил здесь храм из слоновых костей (3 Цар 22:39). Ирод, возобновив Самарию под именем Севасты, едва ли не употребил более роскоши в своих зданиях. Его страсть к зодчеству известна. Один храм Соломонов в Иерусалиме есть уже верхняя степень его великолепия.

Лист рукописи «Путешествие» с планом гробницы Иоанна Крестителя

Иосиф Флавий полагает окружность стен Севасты в 20 стадий (3 с половиною версты), что согласно с окружностью горы Семерон у ее подошвы. Самария, даже по одному своему местоположению, могла, конечно, быть в соперничестве с первыми городами Сирии. Бродя по ее развалинам, раскройте книги пророческие: «Сокруши тельца твоего, Самарие, разгневаясь ярость Моя на ня!.. Поглощен бысть Израиль, ныне бысть в языцех яко сосуд непотребен (Ос 8:5, 8). Извергнутся требища Онова, согрешения Израилева». *Терние и волчец возникнут на требищах их (Ос 10:8). И положу Самарию в овощное хранилище сельное и в сад винограда и развергу в пропасть камень ея и основание ея открою» (Мих 1:6).* Я прочел эти строки после, когда я уже написал виденное мною в Самарии, и ужаснулся, полный благоговения, видя самое точное и подробное исполнение боговдохновенных глаголов.

По воскресении Спасителя здесь был Апостол Филипп и крестил большую часть жителей, между которыми находился Симон волхв, привлекавший дотоле всех своим чародейством. За Филиппом последовали сюда Апостолы Иоанн и Петр (Деян 8).

Бедная деревенька заступила место Самарии; несколько арабских семейств живут здесь в глуши и питаются плодами своих садов и овощей. Дорога сюда проселочная.

Глава XII

Дорога из Самарии в Назарет

«Идя в Иерусалим, Он проходил между Самариею и Галилеею. И когда входил Он в некоторое селение, встретили Его десять человек прокаженных».

(Лк 17:11, 12)

«Подите, возвестите братьям Моим, чтобы шли в Галилею, и там они увидят Меня».

(Мф 28:10)

После небольшого отдыха мы отправились в путь. Даже и на той горе, которая находится против Самарии, видел я на дороге остатки колонн и других развалин. Не это ли следы города *Иезрееля*, возле которого были виноградники *Навуфея*, против самых палат *Ахава*^[130]? Недалеко отсюда видно вправо селенье *Натура*; все скаты гор засеяны хлебом. Налево, в лощине, расположено по скату горы селенье *Бет Имрун*. Можно предполагать, что здесь был *Бет-Харам*, о котором говорит *Елифаний* и где, по его мнению, родился Пророк *Авдий*^[131]. Здесь горы живописно обрисованы природою. Через час и три четверти от *Севасты*, после диких ущелий, видна влево, на горе, деревня *Геба*. Это *Гева* *Евсевия*^[132]. Кругом, везде масличные рощи, и тотчас за сим развертывается очень обширная долина; тут видны, на выдавшемся отдельно холме, развалины замка *Санур* (*Калва-Санур*), он был укреплен башнями и стенами. Во время последнего восстания в Галилее замок этот был осаждаем без успеха в продолжение трех месяцев *Абдаллой-пашою* и потом эмиром *Беширом*, главою друзей, тогда как холм, на котором стоит замок *Санур*, прилежит к господствующей высоте. Гарнизон, состоявший из жителей окрестных деревень, в силу капитуляции перешел в другой край. Плодоносные окрестности этого места, вследствие войны, находятся в совершенном запустении. Замок *Санур* принадлежит сарацинскому зодчеству. В горе,

на которой стоит Калва-Санур, есть много погребальных пещер, и неподалеку виден древний колодезь. Здесь можно поместить *Энганим* колена Исахарова (Нав 21:29), который назван в нашей Библии, по еврейскому толкованию, – *источник писем*.

Мы ехали с лишком час по долине Санурской, потом начали подниматься на горы. Въехав на первую вершину, я увидел внезапно роскошный вид гор Галилейских, которые высятся вдали огромными синими горами. Влево горы понижаются постепенно к поморью. Перед нами в красивой ложине, среди масличной рощи, рисовалось селенье *Кабатия*, некогда опасное по грабительству его жителей; к нему ведет крутой спуск. Нам нужен был отдых; мы предпочли расположиться под обширными навесами фиговых и гранатовых деревьев; эти последние были испещрены букетами красных цветов. Мы пробыли здесь один час. *Кабатия* принадлежит, как кажется, новейшим поселениям.

Мы выехали из *Кабатии* в половине двенадцатого часа. С первой высоты нам опять открылись горы Галилейские. Горы первого плана нагие и одеты желтоватым цветом. Вскоре мы въехали в тесное ущелье. Тут я заметил на прилежащей высоте развалины башни, а внизу колодезь. Выехав из ущелья, мы увидели значительное местечко *Дженин*. Мы достигли этого места с лишком через час езды от *Кабатии*. Над *Дженином* помавают несколько прекрасных пальм и великолепные кусты кактуса растут везде в большом изобилии. В *Дженине* до двух тысяч жителей; на базаре много движения, тут есть мечеть, два хана, несколько кофейных домов и развалины готического зодчества. Здесь граница Самарии и Галилеи. *Дженин*, как ключ дефиля, имеет небольшой гарнизон, это *Джинеа*, о которой говорит Иосиф Флавий как о пограничном селении, где произошла большая распря между галилейцами и самарянами^[133]. Полагают, что в этом месте Спаситель исцелил десять прокаженных мужей, из которых, воздавший хвалу Богу за исцеление, был самаритянин. В Евангелии от Луки именно сказано, что Иисус проходил тогда между Самариею и Галилею.

Отсюда развертывается обширная долина Эздрилонская (Иф 1:8), или Иезраельская (Суд 6:33; 1 Цар 29:1). С запада горы Самарийские резко прерваны морем, а впереди из цепи Галилейских гор выдается вперед грозная гора Саулова: Эндор, с чернеющими на ее вершине развалинами. Сколько кровавых воспоминаний тяготят на долине

Эздрилонской! Здесь происходили битвы Гедеона с амалекитами и мадианитами; Саула с филистимлянами; Ахава с царем Сирийским Бенгададом; Иосии с Нехао, царем Египетским; Олоферна с Израилем и столько других позднейших битв!

Через час расстояния от Дженина видна налево, на холме, деревня *Геламе*. Мы приблизились к одинокой горе Сауловой: с южной стороны она раздваивается и обнаруживает как бы кратер, на котором основано селенье *Саед-Един*^[134]; так называют арабы гору Саулову и селенье, которое заступило то место, где был *Аендор* или *Эндор* Библии, где обитала *жена волшебница*. К ней смущенный Саул, некогда враг волхвований, но совратившийся с пути благочестия, пришел втайне, в глубокую ночь, переодетый, – на совещание, прося ее вызвать тень Самуилову. Здесь воздвиглась из недр земли пред трепетным Саулом тень старца, облеченного одеянием долгим, – и возвестила ему его погибель! Гора *Гелвоа*, где он пронзил себя мечом после несчастной битвы с филистимлянами, видна отсюда. Вид горы Сауловой облечен в какую-то невыразимую мрачность! Библейский рассказ об этом событии в Эндоре оставляет глубокое впечатление; его простота ужаснее всех сцен Шекспировых. Возле горы Сауловой идет дорога на восток, в Тивериаду. Тут же вблизи деревня *Дерегин*. Не доезжая до нее за несколько шагов, видел я возле дороги гробницу, без крыши, библейских времен. Цветочные фестоны украшают ее стены; несколько далее я нашел еще другую подобную. Отсюда начинается спуск в низменную долину, и тут есть колодезь. Вправо высятся огромною синею стеною горы Заиорданские. Впереди, у подошвы горы с заостренною вершиною, видна деревня. Судя по местности, эта гора есть та, которая обозначена в книге Иисуса Навина (Нав 19:17) и в Псалмах 132 и 134 под именем *Сиона (Галилейского)*. Из Псалма 134 мы видим, что был царь Аморрейский, который назывался *Сион*. У Моисея аморритянами названы вообще народы ханаанские (Быт 14); но здесь говорится о тех аморритянах, которые жили на север от Сихема в долине Эздрилонской (Быт 48).

Не доезжая *Сиона Галилейского*, для сокращения пути мы вдруг своротили влево, направляясь целиком чрез иссохшее русло *Кисона*, на холм, увенчанный деревенькой, по прямому направлению к благословенным горам Назаретским. Эта деревенька называется *Пуле*, в ней я видел древние развалины. *Пуле* занимает, вероятно, то место, где

существовал некогда городок *Наин*; там Спаситель воскресил единокровного сына вдовицы (Лк 7).

Эта местность согласуется с описанием Иоанна Фоки, у которого мы видим, что Кисон протекал между *Фавором*, *Наином* и *Эндором*^[135]; а положение на высоте холма – с словами Иосифа Флавия, который говорит, что *Наин* был укреплен стенами при вторжении римлян. Тут, как бы вдруг отделяясь от цепи Назаретских гор, явилась моим очарованным взорам светлая гора *Фавор*. Как она ясна, как свежа, как весела после мрачного *Эндора*! Сердце мое как бы отдохнуло и мысли прояснили при виде *Фавора*! Эта священная гора оставалась у нас гораздо правее, но, по своей массе, казалась от нас довольно близкою.

Глава XIII

Назарет

«В шестой же месяц послан был Ангел Гавриил от Бога в город Галилейский, называемый Назарет, к Деве, обрученной мужу, именем Иосифу, из дома Давидова; имя же Деве: Мария».

(Лк 1:26–27)

Мы были уже почти у подошвы диких гор, где так скромно укрывается от мира Назарет, вместивший в стенах своих высочайшее из всех таинств! Поднимаясь на крутые горы по кремнистой и трудной стезе, я невольно погрузился в восторженную думу, воображая, как часто эти стези были следимы чистейшим из земных существ, самую Царицею небесною. Мы утомлялись дальним объездом кругом скалы, по пути, по которому едва могли следовать наши лошади. Вместо того, чтоб везти нас путем легчайшим мимо Фавора, наш проводник вывел нас гораздо далее на большую Яфскую дорогу.

Мы проехали мимо водоема и нескольких оливковых деревьев, и с первого подъема нам открылся *Назарет*. Как радостно, как жарко запыхало сердце мое при виде Назарета! Это бедное место, где совершилось неизглаголанное таинство воплощения Слова, стеснено в нагорной лощине, между двумя хребтами гор известкового кряжа; их вершины облегают со всех сторон горизонт; Назарет уединенно прислонен к нижнему скату западного хребта, понижающегося в овраг.

Монастырь латинский, построенный на самом месте Благовещенья, находится почти при самом въезде в Назарет. Это есть единственное пристанище христиан; оно обнесено высокою стеною, но сам Назарет ничем не защищен: имя Марии охраняет его среди бурного поколения язычников. Здание монастырское построено крепко и тщательно, но не имеет отличительного зодчества; оно образовано прямоугольником о двух этажах, с довольно обширным двором, вымощенным плитами. Я поспешил к святылицу.

Церковь Назаретская прекрасна, даже великолепна; она дышит радостью, в ней атмосфера цветочная; мрамор одевает стены и помост.

Главный алтарь, или называемый у католиков *хор*, возвышен на 17 ступеней. Большой надпрестольный образ Благовещения господствует с высоты над храмом. Под этим великолепием, которое есть плод усердия христиан, таится самое укромное жилище Матери Божией. Подобно некоторым существующим еще бедным домам нынешнего Назарета, жилище Пресвятой Девы прилегало к уступу скалы, в которой выделан вертеп, составляющий три небольшие комнаты. Туда сходят с левой стороны алтаря по нескольким широким ступеням из белого мрамора.

Необыкновенное смятение овладело мною, когда я спускался к святилищу: я пламенно желал очистить свое земное существо, чтоб быть несколько достойным стать на том месте, где были стопы самой Матери Божией и небесного благовестника такого таинства, пред которым благоговеют сами Херувимы. Под сводом этого святилища устроен католический престол, над которым ежедневно совершается воспоминательное таинство нашего искупления. Под мраморною доскою престола, подобно как и в торжественном вертепе Вифлеемском, несколько богатых непрестанно горящих лампад озаряют священный помост; на нем стоят несколько хрустальных ваз с белыми лилиями – символ небесной чистоты, – которые удостоились быть прославлены самим Спасителем (Мф 4:28–29): они рассыпаны также на помосте и беспрестанно заменяются свежими, а прежние собираются и разносятся набожными поклонниками по всем странам света. Белые лилии растут в большом изобилии вокруг Назарета. Надпрестольный образ Благовещенья здесь так же прекрасен, как и в главном алтаре.

При входе в священный вертеп налево обращают внимание две мраморные колонны, поставленные святою Еленою, одна на том месте, где предстал Архангел Гавриил Пресвятой Марии, а другая – где находилась тогда на молитве Матерь Божия. Эта вторая колонна распилена посередине – и средняя часть ее не существует. Язычники исказили эту колонну, полагая в ней найти скрытое сокровище. Достоин замечания, что после того, как средняя часть колонны была уничтожена, верхняя половина ее, утвержденная в своде вертепа, доселе не упала от своей тяжести. С той поры некоторые из язычников стали поклоняться этому святому месту – и многие получали исцеление. Я уже имел случай говорить о богопочитании Пресвятой Марии Девы у мусульман. Здесь читал я благовестное Евангелие святого Луки.

Направо от престола входят чрез две ступени в другую часть вертепа, там также устроен престол во имя Св. Иосифа. Расположение пещеры Благовещения было прежде иначе. Главный престол в большом вертепе, находился направо, а там, где он теперь, устроено было открытое сообщение с последним вертепом^[136].

Я не говорю о Лоретском доме Пресвятой Богородицы; известно, что Лоретский дом сложен из жженных кирпичей, которые нигде не употребляются в Палестине; а в Назарете все дома строятся из мелового и известкового камня прилежащих гор. От храма, сооруженного святою царицею Еленою над жилищем Богоматери, ничего не осталось, кроме основания, на котором построен францисканский монастырь в 1620 году Фомою де Новария и возобновленный в 1730 году. Благочестивые труды, подъятые Фомою де Новария для ограждения от язычников святых мест в Назарете, достойны всегдашней благодарности христиан^[137].

Назарет не упомянут в Ветхом Завете под его настоящим именем; но мы видим сходство имени этого места с именем обетованного Назорея в Книге Судей: «Яко Назорей Богу будет сие отроча от чрева – и сей начнет спасати Израиля» (Суд 13:5). Хотя это предсказание ближайшим образом относилось к Самсону; однакоже Самсон, как избавитель Израиля от филистимлян, был образом Спасителя мира, и потому предсказание о нем как о лице прообразовательном справедливо относится к Иисусу Христу, как Лицу прообразуемому. «И пришед (Иосиф) вселися во граде нарицаемем Назарет: яко да сбудется реченное Пророки, яко Назорей наречется» (Мф 2:23). Достойно замечания, что еврейское слово *Назир* выражает понятие о человеке, обрекшем себя на служение Богу (Числ 6:1).

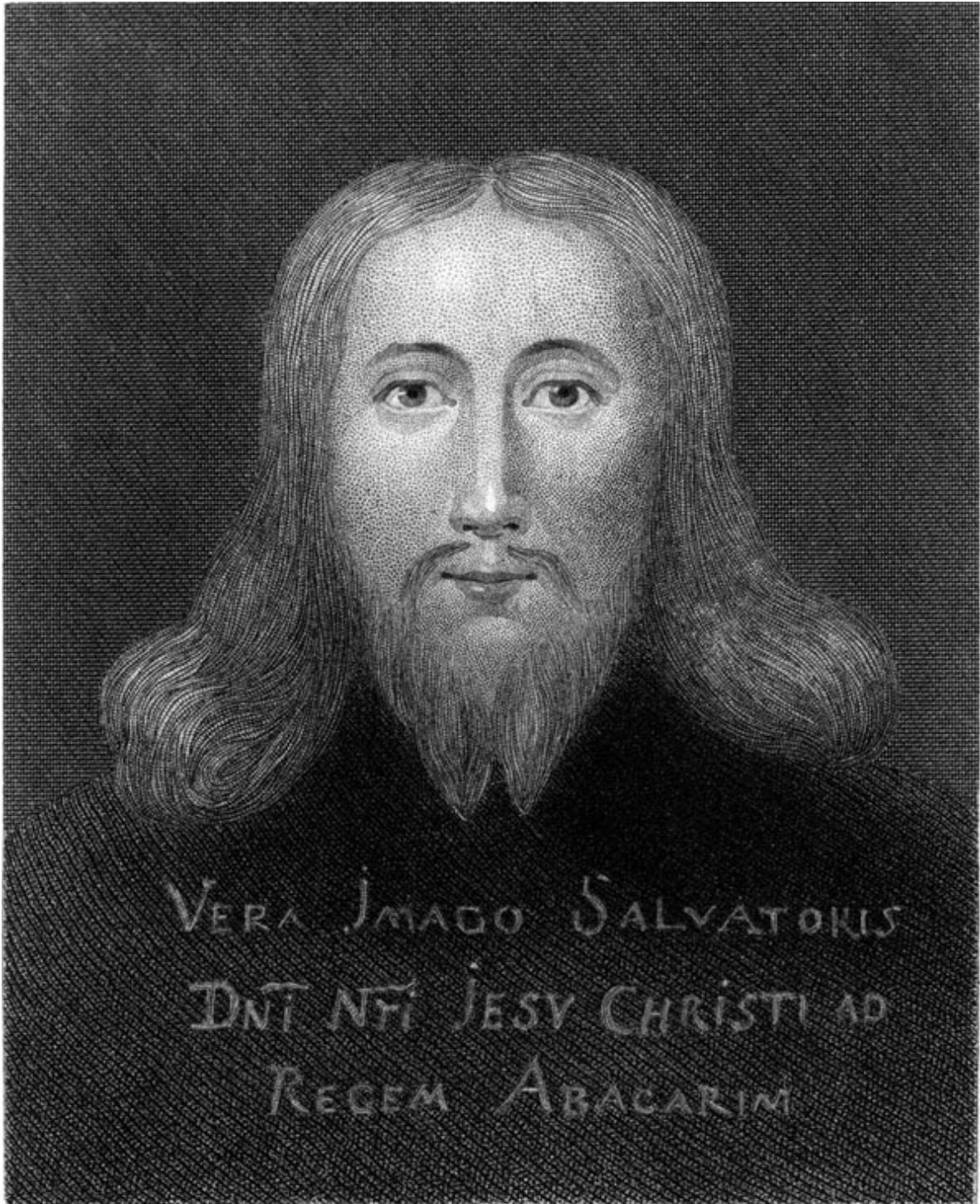
В Назарете протекло все детство и отрочество Иисуса, в совершенном забвении от мира, так что Нафанаил, житель Каны Галилейской (Ин 21:2), отстоящей на один час езды от Назарета, не знал об Иисусе, когда Филипп известил его, что он обрел того Иисуса сына Иосифова из Назарета, о котором писал Моисей в законе и Пророки (Ин 1:45, см. W. Lowett). По этому можно судить, сколь скромно было жилище Пресвятой Девы и святого Обручника Ее Иосифа; мы видим это и теперь. В вертепе Назаретском предвечное слово воплотилось и вселилось в нас (Ин 1:14); а в вертепе Вифлеемском родился Спас Христос Господь! (Лк 2:11) Но должно

заметить, что эти мирные жилища не были тогда под землю, но что столько протекших веков и столько разрушений превратили их в подземелья.

Несколько далее монастыря Благовещения, подымаясь вверх города, показывают местность плотничьего дома святого Иосифа, где некоторая часть стен древняя. Там устроен престол, над которым виден образ, изображающий младенца Иисуса, занятого плотничьею работою с Иосифом. Еще далее – остаток той синагоги, где Иисус читал пророчество Исаии о Себе Самом и откуда озлобленные иудеи извели Его за город, к пропасти, дабы низвергнуть Его туда – Он же, пройдя посреди их, удалился (Лк 4). В этом здании своды принадлежат древнему построению. Крутизну, на которую был приведен Господь, доселе показывают за городом, по направлению к Эздрилонской долине, на юго-востоке, и там же поблизости развалины церкви Пресвятой Марии *del tremore* или *испуганной*, вследствие того предания, что Пресвятая Богородица, по первому слуху о происшедшем в синагоге, достигла до этого места и изнемогла от испуга. Бонифаций говорит также о существовавшей тут церкви Св. Анны; может быть, это та же самая.

Почти на самом высоком месте Назарета есть небольшой придел католический, посреди обнесенного стенами двора. В этом приделе сохраняется большой необделанный камень неправильного очерка, шагов в шесть в диаметре, а вышиною как стол; о нем существует следующее предание, которое написано на трех языках: латинском, итальянском и арабском – и привешено к стене за рамкою.

«По преданию постоянному и укоренившемуся во всем Востоке, этот камень, называемый Трапеза Христова, есть тот самый, на котором Господь наш Иисус Христос держал трапезу с учениками своими, прежде и после своего Воскресения от мертвых»^[138]. Мы видим из Евангелия от святого Матфея, что Иисус Христос сказал, чрез двух Марий, Апостолам: подите, возвестите братьям Моим, чтобы они шли в Галилею; там они увидят Меня.

Гоберль.

НЕРУКОТВОРНЫЙ ОБРАЗЪ СПАСИТЕЛЯ

В этом же приделе обращает особенное внимание надпрестольный образ, изображающий в естественном размере нерукотворный лик Спасителя. Ни один из виденных мною подобных образов не поражал

меня так своею выразительностью. На нем следующая латинская надпись: «Vera Imago Salvatoris Domini nostri Jesu Christi, ad Regem Abagarim», т. е. «Истинное изображение Спасителя Господа нашего Иисуса Христа, Царю Авгарю». По преданиям назаретским, этот образ есть список с образа, принесенного Апостолом Фаддеем Эдесскому царю Авгарю. Сказание об этом нерукотворном образе Спасителя признано действительным на седьмом Соборе Константинопольском. На шестом Соборе сказано, что Спаситель оставил нам по Себе Святой Свой образ, дабы мы беспрестанно вспоминали о Его воплощении, страданиях, живоносной смерти и искуплении рода человеческого^[139]. Святая Православная Греческая Церковь празднует 16 августа перенесение нерукотворного образа из Эдесса в Константинополь. История этого образа принята также Римскою Церковью при папе Стефане, о чем папа Адриан писал к Карлу Великому^[140]. Сказание о нерукотворном образе передал нам первоначально Евсевий, писавший в IV веке. Я выпишу его частью с латинского перевода Руфина.

«Царь или Топарх Эдесский, что в Мессопотамии близь Эвфрата, одержимый болезнью, уверовал в Спасителя и послал к Нему в Иерусалим письмо следующего содержания:

„Авгарь Топарх, Иисусу, Спасителю благому, который явился в стране Иерусалимской – кланяется!

Дошло до слуха моего о Тебе и об исцелениях, которые Ты делаешь без врачеваний и трав, но собственно Собою и Словом Твоим, так что слепые прозирают, хромы ходят, прокаженные и нечистые очищаются, бесы исходят из одержимых ими; страждущие продолжительными болезнями исцеляются, мертвые воскресают! Слышав все это о Тебе, я утверждаюсь мыслями в одном из двух: или что Ты Бог, сошедший с неба, судя по тому, что Ты творишь, – или что Ты Сын Божий. Посему молю Тебя письмом моим, дабы Ты соблаговолил принять на Себя труд посетить меня и исцелить от болезни, от которой я так давно страдаю. Узнал я также, что иудеи негодуют на Тебя и ищут Тебя уловить. Город мой хотя мал, но удобен и достаточен для нас обоих“». Ответ Спасителя, по сказанию Евсевия, был таков: «Блажен еси ты уверовавший в Меня, хотя ты сам Меня не видел. Писано есть обо Мне, что видящие Меня не уверуют в Меня, а не видящие уверуют и оживут. Что же касается до писанного тобою ко Мне, чтобы я посетил тебя, – то Мне предлежит совершить все то, за

чем Я ниспослан на землю, а по окончании Я должен возвратиться к Тому, Кто послал Меня; по вознесении же Моем, пошлю к тебе одного из учеников Моих, да излечит болезнь твою и даст жизнь тебе и ближним твоим».

К этим письмам, на сирском языке, сделано следующее прибавление: «По вознесении Спасителя пришел к Авгарю от имени Иисуса Апостол Фаддей, посланный Апостолом Иудою, который также назывался Фома. Он исцелил царя Эдесского, – который видел на лице Апостола сияние, никому другому не заметное, – и проповедовал там слово Христово, что произошло на 43 году по Рождестве Христовом»^[141]. Мы не можем отвергать тех благочестивых преданий, которые сходны с духом Евангельского учения, потому что сам евангелист Иоанн говорит: «Многое и другое сотворил Иисус: но если бы писать о том подробно, то и самому миру, думаю, не вместить бы написанных книг» (Ин 21:25), а святой евангелист Лука говорит, что «многие начали описывать происшествия, известные между Апостолами Христа Спасителя» (Лк 1:1). Я сделал весьма несовершенный очерк этого вдохновительного образа; этот очерк по крайней мере даст понятие о древнем изображении Пресвятого Лица Спасителя.

В Назарете есть также греческого исповедания арабская церковь; она находится на самом конце города, при выезде на дорогу к горе Фаворской, влево от дороги. Несколько не доезжая этой церкви виден мраморный водоем, к которому стекаются все назаретские женщины за водою; их шествие туда и оттуда, с высокими кувшинами древней формы на головах, с развевающимися длинными покрывалами, которыми они искусно драпируются – представляет живописную и веселую картину.

Скромная арабская церковь также построена из развалин храма, воздвигнутого и здесь также святою Еленою. Там, в самой церкви, показывают глубокой колодезь, называемый Источником Пресвятой Девы Марии; по преданиям, он утолял жажду Святого Семейства. Ключевая вода его доселе течет в изобилии и напоет стекающихся туда поклонников; она проходит к наружному водоему. Арабские братья христиане приняли меня с живою радостью.

В Назарете существуют два предания о местностях, занимаемых церковью латинскою и греко-арабскою. Некоторые полагают великое

событие Благовещенья на том месте, где теперь греко-арабская церковь, но общепринятое и достовернейшее мнение – в пользу латинцев. Но я считаю нужным выписать забытое Кварезмием и многими другими место из известного сочинения о святых местах – *Адамана*, писавшего в VII веке, следственно гораздо древнее Бонифация и других, на которых основался Кварезмий. Вот слова Адамана: «город Назарет, по свидетельству Аркульфа, долго в нем обитавшего, основан на горе и, подобно Капернауму, не обнесен стенами, но в нем заключаются большие каменные здания, и там находятся две очень большие церкви: одна посередине города, основанная на двух сводах или пещерах (сапсрос), где некогда стоял тот дом, в котором был возвращен наш Спаситель. Эта церковь поддержана, как выше сказано, двумя пересекающимися сводами, из которых нижний заключает в себе светлый источник, к которому все жители приходят за водою. Вода поднимается посредством насоса в верхнюю церковь. Другая назаретская церковь построена на том месте, где был дом, в котором Архангел Гавриил благовестил Пресвятой Марии»^[142]. Из этого следует, как нам кажется, что церковь греко-арабская основана на том месте, где был воспитан и возвращен наш Спаситель, потому что указание Адаманово на колодезь очевидно; а латинская церковь воздвигнута на том месте, где Архангел Гавриил благовестил Пресвятой Деве вочеловечение Спасителя. Вода священного источника греко-арабской церкви, как при Аркульфе и Адамане, накачивается из-под глубокого свода насосом.

Латинские братья Назаретского монастыря почти все испанцы, но говорят по-итальянски; они очень гостеприимны.

Я нашел в Назарете арабское христианское семейство г-на К., дружное с домом г-на Мостраса; он занимал, после своего отца, место французского вице-консула в Акре, но по разорении города Ибрагимом переселился на некоторое время в Назарет; он женат на итальянке, которая из любви к мужу приняла образ жизни и костюм арабские. При первом моем посещении, в то время как мы были заняты с г-м К. беседою, сидя на низком диване и куря трубки, я вдруг услышал необыкновенный шум, смешанный с металлическим звоном, и, взглянув на двери, я увидел входящую к нам молодую супругу г-на К. Несчетное множество золотых монет, медалей и некоторых особых украшений были нанизаны по ее распущенным косам, на ожерельях и

на наплечниках. Каждое ее движение, даже сидя, производило разные созвучия, а на ходу это был настоящий звон. Ее шелковая одежда была вся вышита золотом; несмотря на всю странность ее костюма, она была хороша, и вскоре потом я узнал ее любезность. Она водила меня глядеть свое первое дитя: любовь и согласие царствуют в их доме; я несколько раз пользовался их приятным обществом в Назарете.

Здесь считают до четырех тысяч жителей и до 500 домов. Большая часть жителей мусульмане, но около трети христиан, католиков, греко-арабов и маронитов. До царствования первого Константина здесь никому не позволялось обитать, кроме евреев^[143], а теперь здесь нет ни одного еврея. Во всем Востоке христиане называются *назарянами* – так, как они назывались в самом начале христианства.

Глава XIV

Гора Фавор

«По прошествии шести дней взял Иисус Петра и Иакова и Иоанна брата его, и возвел на гору высокую одних. И преобразился пред ними».

(Мф 7:1)

В бытность мою в Назарете я обозрел остальные части Галилеи от Назарета до Капернаума. Первая поездка моя была на гору Фавор. Половина этой дороги идет по диким и нагим скалам, а другая часть пути, также горная, одета густым кустарником и лесом, который по большей части дубовый. Я уже имел случай сказать, что дуб палестинский разнится от европейского тем, что изнанка его листов почти совсем белая и что он менее европейского, но форма листов одинаковая. Дуб палестинский смешивают также с теребинтом.

С последнего спуска гор Назаретских открывается очаровательный вид священной горы Фаворской и всей долины Эздрилонской. Гора Фавор представляется огромным конусом, прекрасно округленным от подошвы до вершины. Будучи совершенно отделена от всей цепи гор, она как бы предназначена для великого события.

Мы достигли ее подошвы чрез полтора часа езды от Назарета. Вправо, на нижнем скате горы, рисуется в тени деревьев селенье, носящее имя Пророчицы Книги Судей – *Деворы*. Все поприще битвы Варака и Сисары разворачивается отсюда. Варака, сопровождаемый Пророчицею Деворою, сошел с десятью тысячами войска с горы Фавора к потоку Кисону навстречу Сисары, у которого было девять сот колесниц, вооруженных косами. Здесь вдохновенная Девора воспела, после победы, высокий гимн Всевышнему (Суд 4;5). Здесь погибли братья Гедеона (Суд 8). Подъем на гору, с половины пути, делается чрезвычайно труден. Нельзя было не удивляться способности сирийских лошадей на таких обрывистых крутизнах. Большая часть горы одета дубовыми рощами, которые наполнены дикими птицами; редко тревожимые, они беспрестанно вспархивали из-под ног лошадей наших. Ароматическое благовоние трав и цветов нас обольщало.

Приближаясь к вершине, лес делается гуще и живописнее. Мы употребили без малого час времени для достижения конечной вершины. Я немало удивился, увидев там обширные поляны, из которых иные были засеяны, – они принадлежат жителям селенья *Деворы*.

Через густую траву, сквозь тесно сплетенные ветви деревьев я достиг значительных развалин. Я спешил туда для приюта, я спешил собрать развлеченные усталостью мысли свои, чтоб восчувствовать во глубине души моей всю святость торжественного места, где раздался глас Бога Отца к Его возлюбленному Сыну: «Сей есть Сын мой возлюбленный, в котором все Мое благоволение; Его слушайте!» (Мф 17:5) Тут, высоко возвышенный над землю, я прочел Евангелие, под открытым небом, при ослепительных лучах солнца, менее светлого, чем преобразившийся здесь Божественный Лик Иисуса, пред которым пали ниц устрешенные Апостолы.

Здесь неутомимая сподвижница веры Христовой, благочестивая царица Елена воздвигла храм о трех престолах во имя святых Апостолов Петра, Иакова и Иоанна, а по иным свидетельствам^[144], Иисусу, Моисею и Илии; согласно евангельским словам святого Петра: «Господи! хорошо нам здесь; если хочешь поставим здесь три сени, Тебе одну и Моисею одну, и одну Илии» (Мф 17:4).

Хотя гора Фавор не названа в Евангелии, но святой песнопевец Давид провозгласил святость ее имени: «Фавор и Эрмон о имени Твоем возрадуются!» (Пс 72:13), и древнейшие христианские предания называют Фавор горою Преображения; блаженный Иероним и святой Кирилл были в том уверены. Противное мнение Реландово опровергается между прочим тем, что Спаситель после Своего Преображения направился к *Самарии*, что совершенно согласно с местностью (Лк 9:51–52). Сверх того, слова Евангелия *дней через шесть* (Мф 17:1) или *восемь* (Лк 9:28) не показывают постоянного тогда пребывания Спасителя в *Кесарии Филипповой*, как то думал Реланд.

Остатки храма, воздвигнутого святою Еленою, еще существуют; под его нижними сводами христиане назаретские служат один раз в год обедню, в день Преображения Господня. В VIII веке еще существовал здесь монастырь^[145]; но главные развалины принадлежат времени нашествия римлян. Фавор, названный у Полибия и Иосифа Флавия *Ифавирион*, был укреплен самим Иосифом Флавием и иудеями в

течение сорока дней, противу Веспасиана. Развалины стен, окружавших вершины, существуют еще местами; а на восточной оконечности можно еще различить остатки башни и ворот; даже дождевые водохранилища, о которых говорит Иосиф, обереглись доселе.

Вид с вершины Фавора очарователен. Оттуда впервые открылась мне на севере снежная вершина Анти-Ливана, расстилающаяся огромным шатром, – это *Эрмон*, упоминаемый в Библии. Здесь у места обратить внимание на географический смысл 3 стиха Псалма 132 «*Как роса на Эрмоне сходящая на горы Сионския*». Это сближение имен Эрмона и Сиона затрудняло многих; но мы видели, что горы *Сионские*, о которых говорится в псалме, суть те, которые прилегали к Фавору и о которых говорит Иисус Навин (Нав 19:17). Этим совершенно объясняется, как облачные пары, всегда накапливающиеся вокруг снежной вершины Эрмона, разрешались над Фавором и прилежащими к нему горами Сионскими.

На востоке горизонт закрывается хребтами береговых гор *озера Тивериадского*, которого малая частица сверкает из-за черных стен скал. На юге вся великолепная равнина Эздрилонская развертывается из-под мощной пяты Фавора. За эту упитанную кровью равниною, над которою, как надгробный памятник, господствует мрачная гора Саулова, встают разнообразные вершины гор Галилейских, слитых с синими горами Иудейских; а на западе, сквозь береговые цепи гор, из которых видна оконечность *Кармила*, просветливает море Средиземное. Вот библейская картина Фавора и Кармила: «Живу Аз, глаголет Царь, Господь Вседержитель Имя Его; ибо, яко же Фавор на горах, и якоже Кармель в мори, приидет» (Иер 26:18).

Воздух на горе Фаворской не имеет той остроты, которая так ощутительна на горах высоких. Тенистые роции и покрытые цветами лужайки делают это святое место очень живописным. Я провел несколько времени на самом возвышенном пункте; там, сидя на огромных камнях крепостных ворот, которые поэтически названы арабами *воротами ветренными* (Бабуль-Гауа), я поверял по карте, на обширном пространстве всей Галилеи, расстилавшейся подо мною, места Библейской Истории.

Крутизна Фавора быстро низвела нас долу. Никто не встречался на нашем уединенном пути кроме стай птиц, обитающих в густых кустах.

С противоположных гор Назаретских рисовал я вид Фавора, здесь
приложенный.

Глава XV

Дорога от Назарета к озеру Тивериадскому

«В то время проходил Иисус в субботу засеянными полями; ученики же Его взалкали и начали срывать колосья и есть».

(Мф 12:1)

Мы выехали из Назарета в половине шестого часа поутру. Через полчаса пути на северо-восток по горам обработанным открывается среди садов, на скате горы, селенье *Рене*; против него по сую сторону, при дороге, существует древний водоем; толпы женщин селенья *Рене* с кувшинами окружали источник; они все были без покрывал, – большая часть жителей этого селенья христиане; но и другие женщины окрестностей Назарета не имеют обыкновения закрывать лица. Во всем Востоке мужчины никогда не ходят за водою; это есть обязанность женщин согласно древнему библейскому обычаю, сохранившемуся доселе: «Вот я стою у источника вод; и дочери жителей города выходят черпать воду», – говорит раб Авраамов, посланный за невестою для Исаака (Быт 24:13; Исх 2:16). Водоем древнего построения и некоторые развалины показывают здесь следы давнего населения. Здесь можно предположить местность *Гефаефера*, отечество Пророка Ионы [в земле Завулонской].

Еще чрез полчаса отсюда является на скате холмов, окруженная виноградниками, *Кана Галилейская*. Об этом евангельском месте я буду говорить подробнее на возвратном пути. В горах между *Рене* и *Каною* погибли в геройской битве рыцари Храма под предводительством двух своих вождей – против сарацинов. Христиане пробирались с малым отрядом из Назарета в Тивериаду. Они встречены были здесь всем авангардом Саладина. Увидев смерть лицом к лицу, они предпочли ее плену у неверных; почти все легли здесь осыпанные стрелами; они извлекали их из ран своих и обращали на врагов, и пили кровь свою для утоления жажды. Современные историки говорят, что сарацины приняли за святого Георгия Иакова Малье, главу рыцарей Храма,

который, ратуя на белом коне, рассеивал повсюду ужас мечом своим и пал под тучею стрел и копий.

Через двадцать минут от Каны Галилейской начинается спуск в обширную долину между гор, которая была засеяна хлебом. Здесь определяют то место, где Иисус проходил чрез засеянные поля в день субботный, ученики же его взалкали и начали срывать колосья и есть, что самое навлекло на них нареkanie от фарисеев, говоривших, что этого не должно делать в субботу. Здесь излились из уст Спасителя эти утешительные для человечества слова: «Милости хочу, а не жертвы!» – и что «суббота сотворена для человека, а не человек для субботы», – а закоsnелые сердцем не узнавали в Учителе, говорящем им эту истину, *Того, Кто более Церкви и Закона* (Мф 11:1–10). Это место обозначено издавна посаженным масличным деревом. Тут, налево, у подошвы гор деревня *Тор-Ан*. Через час езды по долине дорога расходится в две стороны, одна налево, к северной части озера Тивериадского, это бывшая Капернаумская дорога; а другая направо, в *Табарию* или *Тивериаду*. Намереваясь там ночевать, мы послали туда передового для заготовления квартиры, а сами направились на *Капернаум*. Направо от нас было видно на горе селенье *Луби*, а налево между гор *Немерин*.

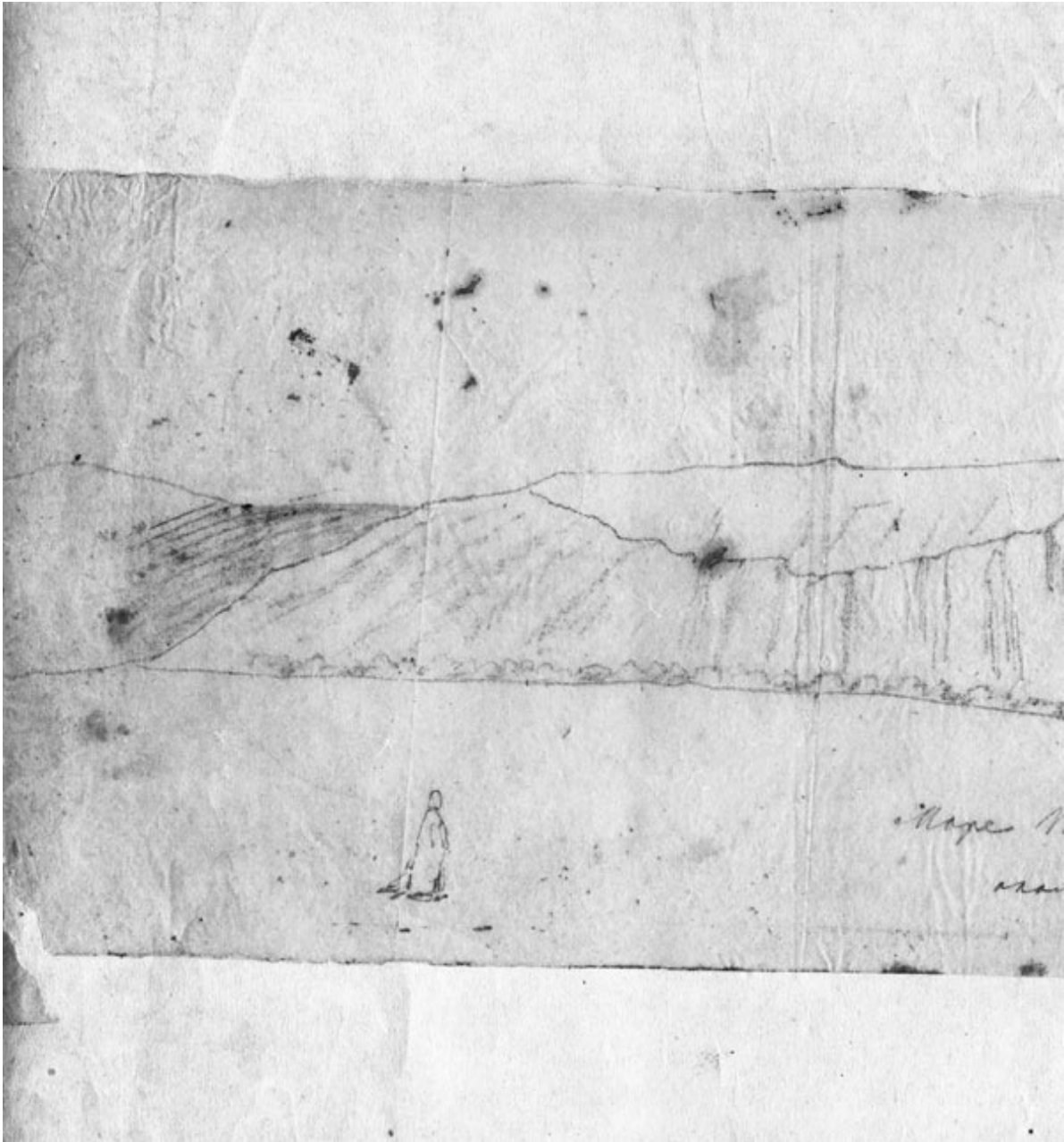
Мы ехали по совершенно запустелым полям, поросшим тернием, но почва их – чернозем. Через 25 минут от поворота, когда мы несколько поднялись, вдруг открылся богатейший ландшафт: – На ближнем плане является в виде трапезы гора Хиттинская, называемая со времен Иисуса *горою Блаженств*, в воспоминание Божественного поучения, произнесенного на ней Спасителем к собранному вокруг него народу: «*Блаженны нищие духом, ибо их есть царствие небесное!*» За нею выходит как бы из-под земли, углом, черное темя обрывистой скалы Тивериадского берега, а далее блистает часть Тивериадского озера; в конце горизонта расстилается увенчанный снегом *Эрмон*, примыкающий к цепи других гор *Анти-Ливана*. Я срисовал этот вид.

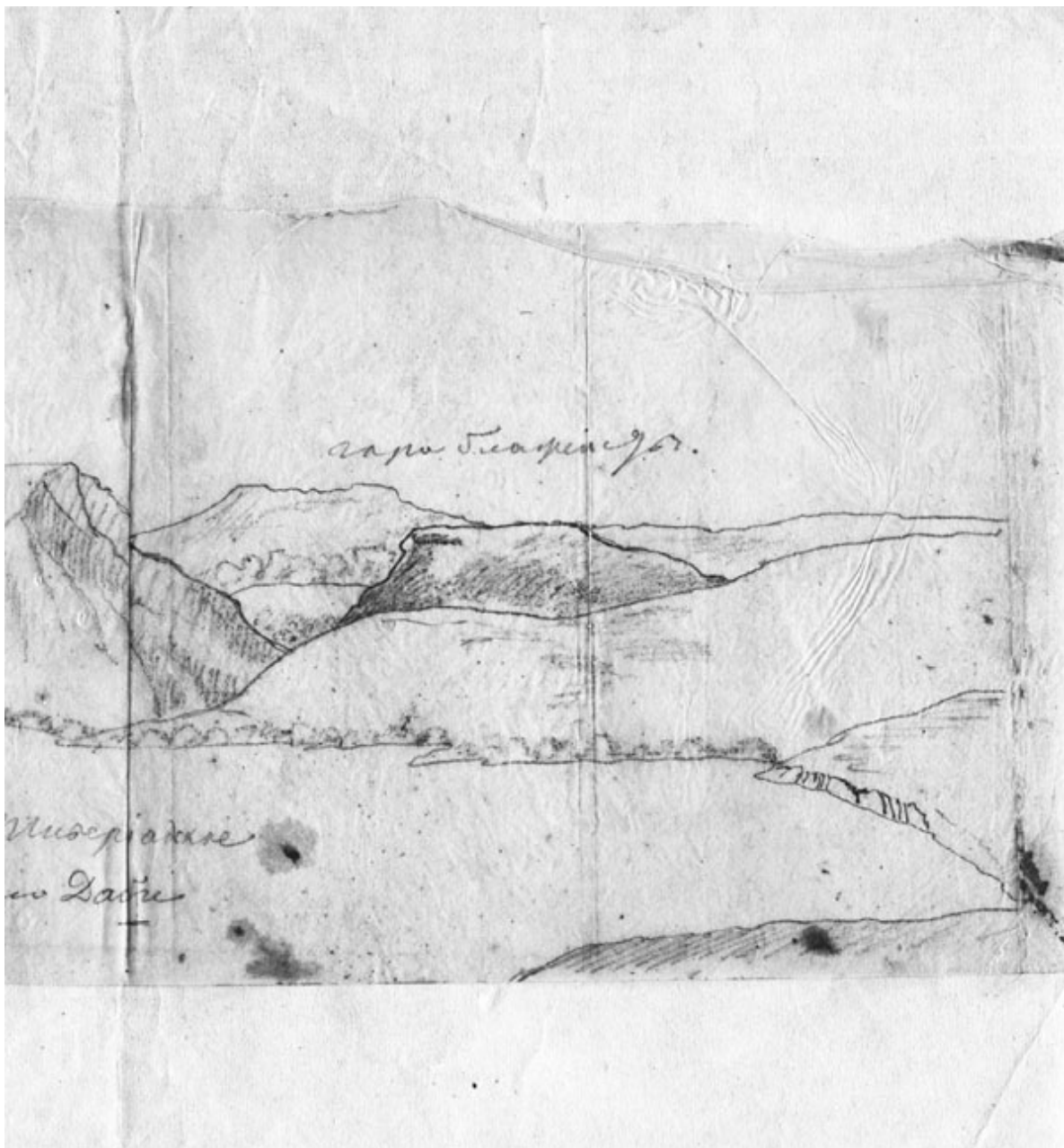
Тут начинается чрезвычайно живописный спуск с крутизны горы *Блаженств*. Берег Тивериадского озера развертывается более и более. У подошвы горы *Блаженств*, по ту сторону лежит прекрасно набросанное селенье *Хеттын*, окруженное кактусом и осененное пальмами.

Остановимся перед горою Блаженств. Это самое место было свидетелем совершенного истребления армии крестоносцев. Гора Блаженств была центром кровавой Хеттынской или Тивериадской битвы, где погибли все надежды крестоносцев вместе с временным царством христиан в Палестине! Великий подвиг крестоносцев был вначале подвигом истинно духовным; но царство духовное, которое могло бы озарить светом истины омраченный Восток, сделалось царством временным. Блеск царских венцов ослепил вождей христианских, и Господь отступил от них!.. и судьбы Палестины опять сокрылись под непроницаемую завесу будущности.

Горестные события этого времени описаны множеством очевидцев и переданы нам со всеми подробностями. Знаменитый Саладин, раздраженный притеснениями мусульманских караванов в Караке Ринальдом Шатильонским и извещенный о несогласиях графа Триполийского с Гюи-Люзинианом, королем Иерусалимским, созвал все окрестные племена мусульманские и двинулся из Дамаска на осаду Карака. Узнав об успехе, одержанном его сыном над христианами в Сефории, он оставил Карак и сблизился со своею главною армиею, являсь на берегах тивериадских и осадив Тивериаду, где находился Раймонд, граф Триполийский. Близость ужасной грозы пробудила христиан и связала их опять узами братства. Все войска крестоносцев соединились. Армия Саладинова была слишком многочисленна; крестоносцы имели в рядах своих едва 22 тысячи воинов против 80000 мусульман. Осторожность требовала избегать общей битвы, а вредить Саладину, занятому осадю Тивериады, истощая его частными сшибками и пресекая его сообщения. Подобное этому мнение Раймонда, коего супруга находилась в цитадели Тивериадской, было опровергнуто пылким мужеством других вождей.

Вид Тивериадского озера около Даби. Рисунок А. С. Норова

Армия крестоносцев двинулась из Сефории чрез Кану Галилейскую, к берегам тивериадским, тем самым путем, который мы описали. Саладин, узнав о движении латинской армии, тотчас увидел предстоящий ему успех; оставя Тивериаду, он поспешил навстречу армии крестоносцев. Гюи-Люзиниан, король Иерусалимский, шел с намерением овладеть горным дефилеом, который находится между горою *Блаженств* и озером Тивериадским. Саладин сам знал

стратегическую важность этого пункта, тем более, что при спуске с горы Блаженств находятся обильные источники, меж тем как дольное пространство от горы Фавора до горы Блаженств есть дикая пустыня. В то время, как армия крестоносцев показалась в виду горы Блаженств, в жаркие часы дня, – весь дефилей и высота горы заняты уже были мусульманами. Общая битва сделалась уже неизбежною. Обе армии провели ночь одна перед другою. Утомленные путем и томимые жаждою, крестоносцы решились с рассветом проложить себе путь мечом к источникам хеттыным. Они могли б еще отступить ночью или переменить свои операционные действия, но самонадеятельная стойкость решила иначе.

С восходом солнца, 4 июля 1187 года, в субботу, запылал ужасный бой. Раймонд, граф Триполийский, первый повел атаку. Ожесточение неописанное распространилось повсюду. Вскоре мусульмане, пользуясь ветром, зажгли поросшее тернием и волчцами поле битвы христиан, уже побежденных жаждою. Бой засвирепел еще ужаснее в этом пожаре. Граф Триполийский прорвался к спуску хеттынскому. Не объяснено доселе, отчего этот успех, который мог спасти армию крестоносцев, не имел никакого последствия, тогда как граф Триполийский мог ударить в тыл Саладину. Правое крыло христиан обратилось в бегство; один центр армии крестоносцев, предводимый королем Иерусалимским с знатнейшими рыцарями, оставался непоколебим против самой горы Блаженств; но, ничем не прикрытый с обоих флангов против возрастающих атак мусульман, он почти весь был истреблен; но, движимая непреодолимым мужеством и отчаянием, эта горсть героев взяла приступом гору Блаженств. Епископ Акрский водрузил на ней крест с частями животворящего древа и пал на ней смертельно раненый. Три раза они опрокидывали с вершины горы нападения мусульман, которые приливали на них как волны – будучи оживлены самим Саладином; но что могли сделать 150 героев против армии разъяренных варваров? Спасительный Крест был отбит неверными! Тогда мужественные крестоносцы лишились всей надежды и, потеряв свое единственное сокровище, бросались на верную смерть! Но и тут знамя Лузиньяново, которое развевалось еще на высоте горы Блаженств, приводило в смущение Саладина. «Они бегут», – взывал три раза к своему отцу Саладину сын его, находившийся вместе с ним, смотря на последние усилия христиан, – и три раза они опрокидывали

опять мусульман. «Молчи, – говорил ему смятенный Саладин, – они до той поры не будут еще совершенно побеждены, пока не падет знамя царское». – Знамя царское пало!..

Опустим занавес на последствия: Крест Спасителя у неверных! Король Иерусалимский в плену; у ног его обезглавленный труп Ринальда – жертва мести Саладина; и целый ряд казней героев-мучеников, освященных знаменем Креста! «Согрешихом, беззаконновахом, неправдовахом пред Тобою, Господи!..»

При спуске к живописному селенью Хеттынскому берег Тивериадского озера разворачивается более и более. Тут обращает внимание быстро бегущий изгибистый ручей; он доселе называется *источником Крестonosцев*; увы! он не утолил их предсмертной жажды! Если б они заняли эти крутизны несколько часов прежде Саладина, эти струи были б для них источником жизни.

Жители *Хеттына* были рассеяны по садам, отдыхая под навесом пальм и лимонных деревьев; я хотел видеть в них потомков тех жителей, которые стекались внимать спасительным словам Иисуса к вершине этой благословенной горы, но мечеть Хеттынская омрачила мои мысли! Здесь Иисус, сходя с горы, очистил прокаженного, воззавшего к Нему: «Господи! если хочешь, можешь меня очистить!» (Мф 8:1–5) Тут есть небольшая плантация кофейных деревьев, перенесенных из *Неджида* Ибрагимом-пашою. От селенья *Хеттын* начинается другой, гораздо крутейший спуск, к подошве черной береговой скалы. Внизу, в глубоком ущелье шумит поток *Уади-Аммам*. По спуске на дно ущелья следует тесный дефилей между помянутою скалою и другою, низшею. Первая, с приближением к ней, разворачивается более и более и делается огромною. Ее называют *Калва-Гаммам*; в ней видны гробовые вертепы, из которых один довольно велик; налево, в меньшей скале, есть также несколько подобных вертепов. Вероятно, землетрясение поколебало эти мрачные скалы, потому что несколько ужасных каменных груд лежат, как лавины, на дне ущелья и стесняют путь. Этот дефилей продолжается минут сорок. От подошвы горы Блаженств, по ту сторону, где я снимал вид, до окончания этого дефилея – один час и сорок минут езды.

Глава XVI

Озеро Тивериадское. – Вифсаида. – Генисарет. – Капернаум

«Земля Завулонова и земля Неффалимова, на пути приморском, за Иорданом, Галилея языческая. Народ, сидящий во тьме, увидели свет великий, и сидящим в стране и тени смертной воссиял свет».

(Мф 4:15–16)

Когда мы выехали из дефилея, было 10 часов с четвертью. Тут нам открылось почти все Тивериадское озеро. Болото, образованное горными ручьями, препятствует приблизиться к береговой дороге. Мы направились к северной части озера. Через четверть часа пути я заметил, между береговой и нашей дорогой, большой круглый бассейн древнего построения, выложенный внутри плитами. Впереди, к северу, на горах второго плана, видна *Ветулия* (ныне Сафет), отечество Иудифы. Мы ехали вдоль речки, называемой *Уади-Саламе* (общее имя с долиною), по кустарникам; тут мы видели пасущиеся стада и встретили дамасской караван с хлопчатой бумагой. Мы переехали вброд речку *Уади-Саламе*; она течет от севера, вероятно из горных окрестностей Ветулии, где столь обильны источники, по свидетельству Книги Иудиф (Иф 6:11). Тут же мы видели развалины на низменном берегу, равно как и на ближнем холме [это на расстоянии 25 минут пути от дефилея]. Через десять минут отсюда^[146] мы поравнялись против пещеры довольно обширной и правильно высеченной в подошве небольшой скалы, где пролегает дорога в Ветулию. Почти тотчас за сим, на легком пригорке, возле озера, видны небольшие груды камней, поросших рожцами. Это несчастная *Вифсаида*, которой предречено *горе!* устами Иисуса. Имя *Вифсаиды*, согласно с ее местоположением, означает на еврейском языке *рыбачье место*^[147]. Здесь Христос даровал зрение слепому и отсюда направился по пути в Кесарию Филиппову за Иордан (Мк 8:22). Апостолы Филипп, Андрей и Петр были от Вифсаиды (Ин 1:43–44). По свидетельству евангелиста Луки,

умножение пяти хлебов происходило в пустом месте близ Вифсаиды, и здесь предрек Спаситель Апостолам свои страдания и воскресение (Лк 9:11–23).

Отсюда дорога поднимается мимо развалин *Хан-Миние* на береговую скалу, называемую *Джебелюль-Ханазир*, то есть *гора Свиной*; она образует мыс. Скала эта получила название оттого, что здесь, по преданию, стадо беснующихся свиней устремилось в озеро (Мф 8:28–34). Евангелист Матфей называет это место странюю *Гергесинскою*, а евангелисты Марк и Лука – *Гадаринскою*, и во всех трех евангелистах сказано, что это случилось *обон пол* (по ту сторону) озера. У евангелиста Луки прибавлено: *по ту сторону* или *против Галилеи*. В отношении к Тивериаде это место находится на другой стороне озера, но только не от запада к востоку, а от юга к северу. Из Евангелия святого Луки видно, что исцеление беснующегося было близ Вифсаиды (Лк 9:10). Нельзя полагать, чтоб это событие было в *Герразе* или *Гадаре*, которые находились по ту сторону Иордана на южной оконечности Тивериадского озера (где многие полагают страну *Гергесинскую*), по той причине, что оба эти места не на берегу озера. *Гергеситы* суть один из семи народов, бывших в Палестине до израильтян, о которых говорят Моисей и Иис ус Навин (Втор 7:1; Нав 24:11); и мы видим, что теперь некоторые ученые назначают место жительства для *гергеситов* на северной стороне Тивериадского озера^[148]; но их не должно смешивать с жителями *Гергесы* и *Герары*. Ориген ставит определительно событие исцеленных беснующихся на скале *Джебелюль-Ханазир*, и это мнение утверждается самым древним народным преданием.

Поднявшись на скалу *Джебелюль-Ханазир*, мы ехали по древней дороге, иссеченной в камне, глубиною в лошадиный рост. Мы находим основательным мнение тех, которые полагают, что здесь, на прибрежной высоте, существовал город *Хенереф* или *Генисарет*, чьим именем в древности называлось Тивериадское озеро. Об озере или море Генисаретском говорили Моисей и Иисус Навин (Числ 34:11; Втор 3:17; Нав 12:3). Нам весьма мало известно о Хенерефе; он, вероятно, пал с основанием Тивериады. Что Генисарет прилегал к Вифсаиде, мы видим из Евангелия от Марка: ученики Христовы, отплывши от берега Тивериадского к Вифсаиде, вышли на Генисаретский берег (Мк 6:45, 53).

Многие писатели – Адрихомий, Кварезмий и проч., завлеченные ошибкою блаженного Иеронима, смешивают Хенереф с Тивериадою. Хенереф находился в земле *Нефталийской* (Нав 19:35), а *Тивериада* в *Завулонской*. Южные границы земли Нефталийской начинались от Капернаума (Мф 4:13): ибо Капернаум находился на границе земель Завулонской и Нефталийской. Нефталийская земля была на севере, а Завулонская на юге^[149]. Мы вошли здесь в некоторые подробности, потому что география Тивериадского озера весьма неопределительна. *Хенереф* был город укрепленный и выдержал осады Авунадава, царя Дамасского и Ассирийского (Нав 19:35; 11:1). Дефилей *Джебелюль-Ханазир* представляет природную защиту.

По спуске со скалы *Джебелюль-Ханазир* видна на самом берегу озера деревенька *Дабга* или *Тагба* при устье быстро текущей с гор речки того же имени; замечательно, что ее вода соленая. Деревенька *Дабга* состоит из мельниц водяных и ручных. Две стены древних водопроводов идут от гор к озеру, и береговая дорога пролегает сквозь одну из аркад водопровода, под брызгами воды. Ручные мельницы, состоящие из двух жерновов, устроены в тростниковых шалашах. Тут видны остатки древних стен, которые, может быть, принадлежали *Хенерефу*.

Здесь полагают иные *мытницу* или *таможенную*, которая была устроена римлянами для сборов податей с торгующих на Тивериадском озере и с рыбаков. В этой *мытнице* встретил Иисус Матфея, занятого пошлинными поборами; увидев его, Иисус указал ему на истинное его предназначение – и внимательный мытарь последовал за Иисусом (Мф 9:9).

Несколько подальше обращает внимание полуразвалившаяся круглая башня; там есть целебный источник, который назван *банею* или *источником Иова*. Доселе отечество Иова, по гадательным предположениям, назначают между Аравиею и Идумею и самую Идумею смешивают с Аравиею^[150]. В путеводителе от Бордо до Иерусалима, XIII века, *Асер*, находившийся на половине пути от Наблуса до озера Тивериадского, назван *виллою Иова*. В Вильгельме Тирском упоминается об укрепленном месте возле скал, при дефилее, в 16 милях от Тивериады, где также встречается имя Иова^[151]. И так вот уже сцены Иова переносятся из Идумеи в Палестину в окрестности озера Тивериадского. Не определяя степени положительности в

названии, приписанном источнику, о котором мы говорим, скажем только, что он пользуется здесь немалою славою и что окрестные жители ходят мыться его водою, приписывая ей целебное свойство.

Капернаум отстоит на полчаса езды от деревеньки *Дабге*. Ни одна тропа не пролегает туда. Прибрежные холмы вместо виноградных лоз покрыты густым и высоким репейником, сквозь который мы с большим трудом пробирались; несмотря на то, что мы были на лошадях, он доставал нам выше колен. Из-за этого леса репейников открылся нам низменный мыс и на его оконечности небольшое квадратное здание, которое далеко видно по причине черного цвета его камней. Там был *Капернаум*! Мы терпели от колючих игл репейника; мой вожатый, побеждая затруднения, открывал нам в глуши этого несчастного растения то колонну, то искусной резьбы капитель или архитрав – и наконец показал нам три основания небольших храмов с обломками их колонн. После тяжких изысканий под знойным небом мы приблизились к квадратному зданию на оконечности мыса. Камни этого здания очень тщательно отесаны и большого размера. Это, вероятно, остаток той Христианской церкви, о которой говорит Антонин-мученик в своем дорожнике и которая была воздвигнута на том месте, где был дом Петра^[152]. Не находя пристанища от солнца, не видя никакого дерева, мы расположились на камнях, у самых вод озера, дыша по крайней мере их прохладою и услаждаясь их плеском. Мы кое-как сделали себе навес из наших плащей, утвердя их на двух шестах, забытых рыбаками.

Это великолепное озеро называлось прежде *Хенерэфским* или *Генисаретским*, по имени города; а напоследок, с основанием Тивериады, – *Тивериадским* и *Галилейским*. Оно называлось также морем, но это есть *евраизм*^[153]. Иосиф Флавий определяет длину его в 140 стадий^[154] (24 с половиною версты) а ширину в 40 стадий (7 верст). В северной части, у берегов, глубина менее, чем в других местах, вероятно от наносу земли теченьем Иордана. В некоторых местах глубина у берегов доходит до 60 фут. Вода Тивериадского озера пресная и весьма приятна для вкуса. Иосиф Флавий говорит, что эта вода, будучи в летнее ночное время выставлена в сосуде на воздух, принимает свежесть снеговой воды. Усталые от пути, мы подкрепили себя купаньем в тех самых волнах, по которым некогда шествовал, как по земле, Спаситель мира; куда последовал за ним полный веры, но потом уstraшенный разъяренною стихиею Апостол Петр (Мк 6).

Полагая путь наш менее продолжительным, мы не запаслись съестными припасами; но мой драгоман купил у рыбаков селенья *Дабге* несколько рыб; наши арабы разложили огонь и, за неимением посуды, испекли их нам по своему обычаю, и очень скоро. Это нам напомнило трогательную, мирную сцену, когда Иисус по воскресении Своим, явился у этих самых волн ученикам Своим занятым рыбною ловлею: «Когда же вышли на берег, видят разложенный огонь, и на нем лежащую рыбу и хлеб» (Ин 21:9). Здесь Иисус обрел рыбаков Симона, Петра и Андрея, брата его, и сделал их ловцами человеков, равно нашел он здесь Иакова Зеведеева и брата его Иоанна (Мф 4:18–21). Здесь учил он народы с рыбацкй лодки Симона-Петра, и наградил его, вотще трудившегося целую ночь, чудотворною ловлею. «Увидев то, Симон-Петр припал к коленам Иисусовым, говоря: выди от меня, Господи, – я человек грешный. Ибо ужас объял его, и всех бывших с ним, от множества рыб, ими пойманных» (Лк 5:8–9). На этих волнах утишил Спаситель бурю, устранившую учеников Его (Мф 8:23–27; Мк 4:35–41).

Подняв взоры с мирных вод Галилейских на печальный, запустелый берег Капернаума, напрасно ищем мы того города, который *возносился до небес!* даже развалины его закрылись тернием и волчцами. Я развернул Евангелие и прочел: «Горе тебе, Хоразин! Горе тебе, Вифсаида! ибо ежели бы в Тире и Сидоне были явлены силы явленные в вас, то давно бы они во вретнице и пепле покаялись. Даже скажу вам: Тиру и Сидону отраднее будет в день суда, нежели вам. И ты, Капернаум! вознесшийся до небес, до ада низвергнешься; ибо ежели бы в Содоме явлены были силы, явленные в тебе, – он остался бы до сего дня. Даже скажу вам, земле Содомской отраднее будет в день суда, нежели тебе» (Мф 11:21–23). Это слова Иисуса! Как не содрогнуться о жребии этих падших городов. Спаситель, оставя Назарет, долго обитал в Капернауме (Мф 4:13) и некоторое время вместе со Своею Божественною Матерью (Ин 2:12). Святой евангелист Матфей называет Капернаум *отечественным* городом или одним из любимейших городов Иисуса: «Тогда Он, войдя в лодку, переправился обратно и прибыл в *свой город*» (Мф 9:1). Здесь впервые Спаситель начал всенародно благовествовать Царствие Божие (Мф 4:16), чем исполнилось Пророчество Исаии: «Земля Завулонова и земля Неффалимова, на пути к морю, по Иордану, Галилея языческая. Люди

сидящие во тьме увидели свет великий, и сидящим в стране и тени смертной воссиял свет». Капернаум находился в средоточии пути из Дамаска, чрез Декаполию, в Иерусалим и Египет, а с другой стороны чрез Галилею к приморским городам. Свет мира не скрывался под спудом, но освещал с открытого места окрестности. Здесь Иисус отверз двери милосердия грешникам, не гнушаясь их обществом, призывая их и глаголя: «Милости хочу, а не жертвы, ибо Я пришел не праведников, но грешников призвать на покаяние» (Мф 9:13). Здесь Он исцелил расслабленного, сказав: «встань, возьми одр твой и иди в дом твой»; воскресил дочь вельможи Иаира, и даровал зрение двум слепцам, воззвавшим к Нему: «умилосердись над нами, Иисус сын Давидов!» Здесь, несущие одного болящего, не могли приблизиться к Иисусу, учащему в доме, посреди толпы, – взлезли на крышу и, разобрав потолок, спустили страждущего на канатах перед Иисуса. Здесь женщина, страдавшая двенадцать лет, исцелилась, коснувшись Его одежды.

Повествуют, что эта женщина, родом из *Дана*, что возле истока Иорданского, в ознаменование своей благодарности к Христу Иисусу, соорудила в этом городе памятник, на котором были изваяны две статуи, изображавшие Иисуса и ее самую у стоп Его. Этот памятник существовал еще при Евсевии в царствование Константина Великого; Юлиан Отступник разрушил его, водрузив на этом месте собственную свою статую, но молния ниспровергнула и попалила грешное изваяние; рассказ об этом событии долго был начертан на одной колонне в Дане^[155]. Здесь исцелил Спаситель одержимых нечистыми духами, которые сами, громогласно исповедовали Всесвятое Имя Его; исцелил тещу Петрову, – и в день субботный, в синагоге, имущего сухую руку. На этом берегу велел Иисус заплатить за себя и за Петра *статир* из вынутой на уде рыбы. Из пределов капернаумских послал Спаситель Своих Апостолов на благовестие и на исцеление душ и телес человеков, заповедывая им идти паче всего к овцам погибшим дома Израилева. Вся сущность учения Христова была открываема ежедневно слушателям в синагоге, устами самого Сына Божия. Здесь, впервые открыл Он человекам духовное брашно – тайну Евхаристии; и завещал для искупления их Тело и Кровь Свою: «Я есмь хлеб живой, сшедший с небеси: ядущий хлеб сей будет жить во век; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира. Истинно, истинно

говоря вам, ежели не будете есть плоти Сына человеческого и пить крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою плоть, и пьющий Мою кровь, имеет жизнь вечную: и Я воскрешу Его в последний день» (Ин 6:51–54). И вся эта Любовь Спасителя к людям нашла здесь неблагодарных и жестокосердых! – и горе, вечное горе, предсказанное устами Иисуса, налегло на обреченный забвению Капернаум!...

Во дни блаженного Иеронима *Капернаум* еще назывался *городом*. Броккард в XIII веке говорит о нем как о ничтожной деревушке, в которой было до семи рыбацких хижин. Бонифаций, чтоб обозначить местность Капернаума, которого развалины были заметены песком, указывает на близрастущие две пальмы. Букингем говорит, что арабы называют теперь это место *Таль-Гаун*; но мы думаем по объяснению, сообщенному нам, ученым-ориенталистом нашим г-м Мухлинским, что настоящее название есть *Тальюль-Иагуд*, что значит *холмы Иудейские*. Древнее название Капернаума, по толкованию, значит *селение Наума*.

За час расстояния отсюда на северо-восток впадает Иордан в Тивериадское озеро. При устье Иордана, по ту сторону находилась *Вифсаида-Юлия Гаулонитская*, которую не должно смешивать с Вифсаидою Евангельскою в Галилее. *Вифсаида-Юлия* получила свое второе прозвание от тетрарха Филиппа в честь дочери Августовой^[156]. Недалеко оттуда находится *колодезь* или *ров Иосифов (Бир-Юсуф)*, куда, как полагают, был брошен Иосиф своими братьями. *Хоразин*, о котором только один раз упомянуто в Евангелиях святых Матфея и Луки, определяем был гадательно в разных местах. Я слышал от арабов, что неподалеку от Капернаума, к Иордану, есть малые развалины, называемые именем, несколько подобным Хоразину. Блаженный Иероним упоминает о Хоразине близ Капернаума, хотя Евсевий полагает его гораздо далее^[157]; и нам кажется, что *Хоразин Евангелия* есть *Хераза* или *Гераса* в *Перее*, принадлежавшая *десятиградю*, по ту сторону озера, около его южной оконечности, и от которой остались еще значительные развалины. Подобие имен *Хоразин* или *Хераза* может также входить в соображение; тем более, что некоторые ученые разделяют название Хоразина на два слова (*Χωρα Ζιν*) Хора-Зин; последнее слово заимствовано от пустыни *Зин* или *Тсин*; и эта пустыня прилегает к Херазе. Можно даже полагать, что Хоразин,

Хераза и *Гергеса* суть один и тот же город, переменявший свое название.

Целлярий и Реланд признавались в трудностях географии окрестностей озера Галилейского; поэтому и мы не берем на себя положительного определения этих местностей. *Декаполиа* или *десятиградие*, окружавшее озеро Галилейское, имело сходство с Ганзою. Города, составлявшие *десятиградие*, были следующие (мы их назовем по их географической местности). *По сю сторону Иордана*: самый южный город, в XVII римских милях от южной оконечности озера; *Ассер Самарийский*. *Скифополь* или *Вифсан*, ныне *Бисан* или *Висан*, в XI римских милях от той же оконечности или в 4 часах от Тивериады и в 2 часах от Иордана; это был главный город *Декаполии*; там еще видны остатки театра; *Тивериада*, *Вифсаида*, *Капернаум*, *Сафет* или *Ветулия* на северо-запад от озера. *По ту сторону Иордана*: *Кесария-Филиппова*, на север от Самохонитского озера (самый северный город *Декаполии*); *Гиннос*, на восточном берегу Тивериадского озера, и *Хераза*, или, по нашему предположению, *Хоразин*, на том же берегу, южнее и гораздо далее от озера^[158].

Глава XVII

Магдал. – Тивериада. – Термы Аммаус. – Кана Галилейская. – Сефория или Диокесария

«И следовало за Ним множество народа из Галилеи и из Десятиградия, и Иерусалима и Иудеи, и из-за Иордана... Увидев народ, Он взошел на гору; и когда сел, то приступили к Нему ученики Его. И Он, отверзши уста Свои, учил их».

(Мф 4:25; 5:1–2)

Оставя прохладное озеро, долго мы скитались под зноем солнечным по заглохшим развалинам Капернаума. Очистя слой от репьев и терний, можно б было найти много остатков зодчества этого злосчастливого города. Возвращаясь тем же путем, я имел перед собою прекрасный вид *горы Блаженств* между двумя грозными передовыми скалами дефиля *Хеттынского*. Я остановился рисовать этот вид. Подле груды камней, обозначающих *Вифсаиду*, мы повернули налево, по самому краю озера, по дороге в Тивериаду. Эта дорога оживлена густыми кустарниками и роскошными букетами цветущих лавров (*Laugier rose*). Рыбаки и стада стекались к тихо плещущим волнам. Мы проехали вброд чрез устья шумящих по камням речек *Гамам* и *Саламе*, последняя есть, вероятно, *Кисон малый*. Тут вскоре мы проехали мимо нескольких бедных хижин, называемых *Медждаль*; это *Магдал* Евангелия, то же *Далмануфа*, отечество Марии Магдалины, исцеленной здесь Иисусом. *Магдал* был некогда укреплен башнями; он находится у подошвы большой угловой скалы дефиля *Хеттынского* и, конечно, был важным военным пунктом. Город того же имени находился в Египте и в пустыне Фаранской (Иер 44, 46; Исх 14; Числ 33). Несколько минут далее возникают из озера скатившиеся туда груды скал; одну из них называют *Гаджарун-немли*, то есть *муравьиный камень*; вам здесь расскажут, как один бедуин лишился зрения, дерзнувши нарушить покой жителей этого камня – муравьев. За сим следуют малые остатки местечка *Фулие*, возле которого есть источник.

Тут скоро открывается заслоненная скалою *Тивериада*, называемая теперь *Табария*. Она представляется довольно живописно на самом берегу озера, обнесенная стенами с бойницами и с круглыми башнями. Несколько пальм возносятся из-за стен города; от их подошвы восходит огромным шатром гора; она подернута зеленым мхом, как бархатным наметом; несколько впереди, на берегу, белеют здания горячих источников, за которыми угловая скала заслоняет дальнейший вид берегов озера. Мы употребили три часа времени на дорогу от Капернаума до Тивериады.

Тивериада, по преданию Иосифа Флавия^[159], построена была Иродом Антипою в честь императора Тиверия, на земле, наполненной трупами, что несогласно с обычаем древних иудеев; из этого заключить должно, что Тивериада была построена вновь, а не возобновлена из развалин другого города, о чем Иосиф не преминул бы сказать, как обыкновенно он делает, говоря о других городах^[160]. Ирод Антиппа, ее основатель, есть убийца Иоанна Предтечи. При Ироде Тетрархе была она столицею Галилеи. Один английский писатель весьма хорошо заметил, что так как Ирод обитал в Тивериаде, то, вероятно, Иисус Христос не посещал этого города, и потому ни в одном из четырех Евангелий не говорится о Тивериаде. Тивериада была напоследок подарена Нероном Агриппе второму, младшему, который перенес столицу в *Сефорию*. Веспасиан, покоривший Тивериаду, дал ей опять преимущество над другими городами Галилеи. При Константине сооружена была здесь первая христианская церковь во имя Св. Апостола Петра, некогда смиренного рыбака Тивериадского, на том месте, где, как думают, был его дом. Святая Елена также воздвигла здесь церковь о двенадцати престолах^[161]. Бонифаций говорит, что некоторое время показывали на берегу моря след стопы Спасителя^[162]; но это предположение не имеет основания. Здесь было Епископство; первый Тивериадский Епископ был на Халкидонском Соборе. Церковь христианская в Тивериаде существовала до вторжения Калифа Омара. Епископство возобновлено было здесь во время Первого крестового похода. В VI веке Юстиниан возобновил стены Тивериады^[163]. Теперешние стены принадлежат зодчеству крестоносцев, возобновленному арабами в прошлом столетии. Здесь считают около четырех тысяч жителей, в числе которых до тысячи евреев, собранных здесь из разных частей света; многие из них выходцы из России и

хорошо говорят по-русски. Город внутри наполнен развалинами и в нем много пустых мест.

Талмуд признает четыре священные города: Иерусалим, Хеврон, Сафет и Тивериаду; следуя этой книге, евреи воображают, будто из волн озера Тивериадского возникнет их Мессия и что мир обратился бы в хаос, если б по два раза в неделю они не воссылали в этих четырех городах особенных молитв своих Иегове. Талмуд принадлежит VI веку; он писан неким *Иегудю* или *Иудю*, прозванным евреями *Гакадош* или *Святой*. О Талмуде упоминается в первый раз в законе Юстиниана, которым эта книга воспрещается. Пророк Исаия говорит о бессмысленных преданиях фарисеев (Ис 29:10–12). В Тивериаде существует знаменитая доселе синагога, из которой возникла равная Талмуду книга *Массора*. *Массора*, или *Предание*, есть критическое исследование еврейского текста Священного писания, хитро изобретенное древними мудрецами еврейскими со времен Ездры; посредством этого исследования все стихи, слова и буквы еврейского текста сочтены, все изменения обозначены и чтение и смысл определены. Цель Массоры состояла в том, чтобы сохранить таким образом первобытную верность священного текста и оградить его навсегда от всяких перемен и искажений. Так определяют Евреи Массору^[164]. Полагают также, что тивериадские ученые первые изобрели пункты гласных букв и ударения^[165]. Евреи говорят, что Пророк Ездра есть основатель *массоретян*. Еврейский язык тивериадцев считается чистейшим. Массора составлена была бесчисленным множеством ученых и в разные века. Время, когда мазореты возникли и прекратились, нельзя определить; известно, что они еще существовали в 230 году по Рождестве Христовом. По словам Скалигера^[166], знаменитый философ и астроном еврейский *Гилель Ганасси* был из Тивериады, он жил в 340 году. Здесь умер арабский философ Локман. Есть также у арабов предание, что на здешнем кладбище погребен один их учитель вместе с 14 000 своих учеников вокруг его гроба!

По разрушении города Титом Веспасианом рассеялись ученые тивериадские частью по самой Палестине и частью по окрестностям Вавилона. Мы знаем, что блаженный Иероним вызвал из Тивериады одного ученого еврея, который пособлял ему в переводе книги Паралипоменон. Иероним кончил жизнь в 420 году. Епифаний говорит,

что в Газофилакии Тивериадской хранилась еврейская рукопись, перевод Евангелия святого Иоанна и Деяний Апостольских^[167].

Мне приготовили квартиру у одного из богатейших русских евреев, который меня принял с большим радушием. При отъезде я никак не мог принудить ни одного из его домашних принять малейшего возмездия за гостеприимство.

С одной стороны, близость озера, порождающая сырость, а с другой, близость скал, отражающих сильный жар солнца, делают климат тивериадский нездоровым и порождают бесчисленное множество неприятных насекомых.

Продолжая путь вдоль берега к горячим источникам, на юг, можно еще видеть следы древней Тивериады. Посреди малых остатков стен множество колонн разбросаны в разных направлениях; иные пересекают дорогу, некоторые еще стоят искаженные, но таких очень мало. Видно, что город был построен полукругом между двумя небольшими мысами. В ширину город шел от подошвы прилежащих скал в самое озеро, где видны еще подмытые волнами основания зданий и обрушенные колонны; в горах видны примыкавшие к ним стены, которые частью подымались на высоты; в ребрах скал заметно несколько погребальных пещер; говорят, что в них обитали те бесновавшиеся, которые были исцелены Иисусом (Мф 7:28; Мк 5:2–3; Лк 8:37).

От Табарии до горячих источников полчаса расстояния. В древности эти термы назывались *Аммаус* и пользовались славою. Тут расположился лагерь Веспасиан перед взятием *Гамалы*. Эти воды сравнивают с Ахенскими; температура источника доходит от 131 до 139° фаренгейтова термометра. По разложению этой воды в ней главные части состоят из муриата и соды с значительною примесью железа и серы. Теперь эти термы возобновлены довольно великолепно по образцу восточных бань. Помост и бассейны мраморные, но содержатся довольно неопрятно. Там я нашел очень много больных солдат, которых присылают сюда на лечение от всех болезней без разбора. С этого берега снял я вид Тивериадского озера: на ближнем плане видна Тивериада, далее на высоте гор, *Ветулия* (или *Сафет*), она видна со всех сторон; сказывают, будто о ней говорил Спаситель в учении на *горе Блаженств*, когда сказал: «Вы свет мира; не может город укрыться стоя наверху горы» (Мф 5:14).

Снежный Эрмон великолепно высится в конце горизонта. Здешние арабы называют эту гору *Гебелуш-Шейх* и *Гебелуль-Тельдж*, т. е. *гора Владыки* или *гора снежная*. Это высочайший шпиг *Анти-Ливана*.

За термами *Аммаус* небольшой мыс закрывает остальную часть озера, но обогнув его, можно видеть южную оконечность озера, где были *Тарихея* и *Гамала*. Тарихея нигде не названа в Библии; в войне Иудейской она была взята Веспасианом. Гамала, – ныне *Ом-Кес*, – ее развалины еще видны. Горный берег, противоположный Тивериадскому, назывался *Гаулонитский*. На всем пространстве озера не видал я ни одной лодки; меж тем как при Веспасиане на самом озере была жестокая битва между римскою и иудейскою флотилиями; 6500 человек поглощены были этими волнами^[168]. Южный ветер разводит на озере большое волнение, потому что южная оконечность озера не защищена, как везде, горами, и тогда течение озера, от севера к югу, удерживается.

Мы оставили Тивериаду в половине восьмого часа утра, направляясь прямо через горы. По мере восхождения на горы вид оттуда становится более и более живописен. Устье Иордана, с северной стороны, очень хорошо видно отсюда с помощью зрительной трубы. Через час пути от Тивериады достигли мы высоты горы, где, по преданиям, Спаситель насытил семью хлебами и несколькими рыбами четыре тысячи человек, слушавших слово Божие (Мф 15:29, 34, 39). Покатость горы со стороны озера, где возлежал народ, покрыта травой, а темя горы состоит из черноватого аспидного камня. Поклонясь этому священному месту и прочтя Евангелие, относящееся к нему, я взял с собою отломок от скалы.

Гора *Блаженств* находится на одной линии с этою горою, по направлению на север и на полчаса расстояния. Гора *умножения хлебов* принадлежит также кровавому полю битвы *Хеттынской*, и против нее находилось правое крыло армии *крестоносцев*. Мы направились к горе *Блаженств*, – таким образом мы ехали вдоль всей линии ужасной битвы. Вход на гору *Блаженств* довольно труден по причине густых терниев, репейника и обвалившихся с высоты больших камней. Какие нежные чувства волнуют грудь на этой вершине, когда вспоминаешь, что сам Иисус восседал здесь как отец, как брат, как друг человеков, стесненный их толпою, которая упивалась Божественными словами мира и любви и забывала глад и жажду телесные. Через двенадцать веков после здесь, на этой же самой вершине, погасла в крови

христианской, у подошвы Креста, ужасная битва Хеттынская! Тут видны небольшие развалины, вероятно, остатки христианской церкви. Отсюда вид также прекрасен, но часть озера закрыта черными хеттыскими скалами.

В половине одиннадцатого часа, чрезвычайно утомленные жаром и путем, мы расположились отдыхать под оливами на поле сражения *Луби*. Здесь Жюно и Клебер выдержали блестящим образом нападение превосходнейшего числа соединенных войск арабов, отступая к *Фавору*, где, присоединясь к *Бонапарте*, одержали над ними решительную победу. *Луби* построено на нижнем скате горы; окрестные поля хорошо обработаны. От *Луби* чрез полчаса проехали мы развалины, называемые *Месхен*, напротив горы *Тор-Ан*; а отсюда через час достигли мы *Каны Галилейской*.

Кана не утратила своего имени со времен Спасителя, который явил в ней первое Свое чудо, превратив воду в вино на брачном торжестве, куда Он приглашен был со Своею Божественною Матерью^[169]. Теперь здесь небольшое селенье на скате холмов, одетых виноградниками и маслинами. Жителей считают здесь до 300, они большею частью христиане и имеют свою арабскую церковь. Мы встретили одних жен, – мужа их были заняты работою в полях; они нас ласково приняли и взялись быть нашими проводницами; они имели кругом лица род оклада, состоящего из тесно соединенных серебряных кружочков; одежда их, как обыкновенно, состояла из синей драпировки. Мы прошли к развалинам церкви, которая, по свидетельству *Никифора*, была воздвигнута на том месте, где происходило Евангельское бракосочетание; он присовокупляет, неизвестно по каким преданиям, что новобрачный был *Симон Кананейский*^[170]. *Брокард* говорит, что в древней церкви были вделаны в помост шесть водоносов; я их видел и теперь, но только не шесть, а два или три и те разбитые. Некоторые из этих водоносов перенесены были в Рим во времена крестоносцев. Тут видно место алтаря и несколько разбитых колонн. Употребляемые здешними жителями водоносы сохранили свое древнее образование; они похожи на продолговатые этрусские вазы с ручками по бокам; они делаются из глины сушеной на солнце и даже заключают в себе две или три литры (меры) евангельские (Ин 2:6).

Кто, ищущий счастья в брачных узах, не принесет здесь теплой молитвы Иисусу благословить брак его как в Кане Галилейской. С

умилением понес я отсюда сорванное мною на помосте растение и оливковую ветвь с ближнего дерева. Капернаумский царедворец пришел в Кану молить Иисуса о исцелении его сына и получил в ответ: «Поди, сын твой здоров!» Отсюда провели нас в бедную арабскую церковь греческого исповедания, где помолясь, мы продолжали путь, направляясь к *Сефории*. С этого пути снял я вид Каны.

Мы достигли *Сефории* по крутым и диким горам. Сефория, в простонародии Сафури, нигде не названа в Библии. Ее история начинается только от Ирода Антипы, который укрепил ее. Этот город сделался одним из значительнейших в Галилее. Ирод Агриппа II, оставя Тивериаду, основал в ней свое местопребывание. Впоследствии, но неизвестно когда, она была названа *Диокесария*.

Сефория построена на крутой и живописной горе, развалившиеся башни и стены венчают высоту.

(*) – (**) Ин 4.

238

Предания говорят, что Сефория есть отечество родителей Пресвятой Богородицы Св. Иоакима и Анны. По разорении Иерусалима здесь находился верховный суд *Санхедрин*, переведенный после в Тивериаду. В 339 году по Рождестве Христовом. Римляне разрушили до основания Сефорию за восстание жителей ее. Иосиф Флавий называет Сефорию самым большим городом в Галилее и вместе одним из крепчайших^[171]. Местность оправдывает это. Монах Ио. Фока в XII веке говорит о Сефории как уже о месте необитаемом^[172]. Там, где, по преданию, находился дом Св. Иоакима и Анны, существуют прекрасные готические развалины церкви у подошвы горы, на скате. Алтарь хорошо сберегся. Католики назаретские приходят сюда служить обедню один раз в год в день Св. Иоакима и Анны; но не знаю почему служат в одной отгородке, а не в алтаре, который теперь обращен в хлев. К развалинам церкви прилежит довольно значительное арабское селение, где считают от пяти до шестисот человек жителей. Дома чрезвычайно стеснены.

Дорога отсюда в Назарет очень весела и спокойна; она идет между гор, по живописным луговым долинам, орошаемым обильным потоком.

Здесь короли иерусалимские, времен крестовых походов, имели обыкновение собирать свои ополчения, по выгодам, представляемым

местностью^[173]. Мы достигли Назарета чрез полтора часа езды от Сефории, незадолго до захождения солнца.

С последних высот, венчающих благословенный Назарет, видели мы гору Кармил, Акру и Средиземное море, куда спускалось солнце. Я был так утомлен моим путешествием к Тивериадскому озеру, что тотчас по прибытии моем в Назарет почувствовал лихорадочный припадок и едва не занемог; но дня два отдохновения в мирной и гостеприимной обители монастырской опять возобновили мои силы.

Я слушал католическую обедню на арабском языке в храме Благовещенья накануне моего отъезда. Один из латинских монахов изъявлял мне при этом случае свое сожаление, что я не католик; я отвечал ему, что, видя столько неверных вокруг него, я еще более жалею, что он обращает свои старания на тех, которые уже имеют счастье принадлежать Христовой церкви. В самый день моего отъезда поклонясь в последний раз таинственному, утешительному вертепу Благовещенья, я слушал обедню в греко-арабской церкви и с грустью выехал из Назарета в 6 часов утра.

Глава XVIII

Дорога из Назарета к горе Кармил. – Каифа

«И идее, и прииде до человека Божия в гору Кармилскую».

(4 Цар 4:25)

Мы ехали горными ущельями. В одном из них веселая деревенька *Эль-Мух-Бей*, окруженная пальмами и апельсинными деревьями. Через час с четвертью пути выехали мы на большую дорогу; за нею следуют два малые хребта гор, разделенные другою долиною. Со второго хребта, через 3 часа и 20 минут от Назарета, открывается берег моря. Отсюда еще видна была вершина Фавора. Тут начинается обширная равнина, которая ведет уже прямо к морю. Вся эта земля, почвы самой плодородной, оставлена в запустении. Через час от последнего горного хребта (4 часа и 20 минут от Назарета) переехали мы вброд знаменитый по истреблению Вааловых жрецов поток Кисон (по-арабски *Нар-Эль-Мукутта*), который вытекает от подошвы горы Фавор. Вдоль гор налево видны среди роц две или три деревеньки. Мы отдохали в тени близ водоема, принадлежащего деревеньке *Беладуш-Шейх*, (в 11 часов). Через час отправились в путь и опять переезжали вброд поток Кисон у самой подошвы гор. Должно полагать, что здесь происходило истребление Вааловых жрецов по велению Пророка Илии (3 Цар 18:40). Здесь окрестность обработана и тут уже развертывается море. Направо – цепь гор Сирийских с одинокою снежною вершиною *Эрмона*; перед нами, на берегу моря, рисовалась *Каифа*. Я нетерпеливо искал взором гору *Кармил*, вокруг которой толпятся столько воспоминаний – но она все еще не была видна; она открывается внезапно и совсем уже при подъезде к *Каифе*.

Каифа, построенная у подошвы *Кармила* и близ устья *Кисона*, считается гаванью, но эта гавань почти не существует и защищена только с юга; это опасная якорная стоянка. Город образует четверосторонник и обнесен низкими стенами с несколькими башнями. Одна из укрепленных башен стоит на холме, прилежащем к городу, и господствует над ним и гаванью, внутренность обнаруживает большую

бедность и нечистоту жителей считают здесь до 5000 человек, в числе которых 300 или 400 христиан торг малозначащ; главный вывоз: хлеб, оливы, хлопчатая бумага, морские губки и проч.

Самые древние имена Каифы: *Сикаминос* и *Порфиреон*; несколько развалин видно на берегу; последнее название происходит от древней торговли города *пурпуром*, которым красились царские порфиры. Каифа называлась потом *Кефа*, евреями, и *Гифа*, арабами. Сказывают, что теперешнее имя Каифы дано городу первосвященником Каифою; она была взята крестоносцами после кровавого приступа. Укрепления принадлежат, вероятно, Людовику IX, который возобновил город. Подошва Кармила отстоит на полчаса пути от Каифы.

Дорога к *Кармилу* идет по взрытой, худо обработанной земле. От самой подошвы Кармила живописные рощи очень древних фиговых, нопаловых и масличных деревьев поднимаются на крутизну и доходят до половины горы, образующей *мыс Кармильский*. С половины пути по Кармилу подъем очень крут и гора совершенно обнажена. Пророк Амос говорит: «возсеровали пажити пастырей, и вершина Кармила изсохла» (Ам 1:2). По этой самой тропе некогда ходили к человекам Божиим на гору Кармильскую (4 Цар 4:25). С ее вершины Илия и Элисей возвещали издревле *Суд Божий* царям и народам, стекавшимся сюда. Сами язычники называли эту гору *святою*, также горою *Дия* или *Зевса*: так названа она в Перипле Скилакса. Пифагор долго обитал на ней в уединении; его видали возвращавшегося оттуда в глубокой задумчивости с потупленными взорами, не обращающего внимания ни на пропасти, ни на трудность пути^[174]. Замечательны слова Тацита; он говорит, что именем *Кармила* называлась эта гора и ее бог; что на ней не было храма, но только жертвенник – и богопочитание^[175]. Веспасиану предсказано было здесь возведение на царство; вообще, сюда приходили, до Рождества Христова, иудеи и язычники с мольбами, по укоренелому мнению, что самые трудные желанья были исполняемы чрез жертвы на Кармиле^[176]. Доселе мусульмане имеют в большом уважении эту гору, как одно из древнейших святилищ Востока.

Сам Бог ознаменовал вершины Кармила событием торжественным! Смиранный отшельник, пещерный житель этой скалы, человек Божий Илия, взятый впоследствии во плоти на небо, обратил здесь к истинному Богу поклонников Ваала. В присутствии всего

Израиля, сюда собранного, пред лицом нечестивого царя Ахава и многочисленных жрецов идола огонь небесный сошел на обливаемую водою жертву Илии, воззавшего к Богу Авраама, Исаака и Иакова, – и пали все люди на лицо свое и возопили: «во истину Господь Бог той есть Бог!» (3 Цар 18:39) По преданиям иудеев, Илия ознаменовал это место двенадцатью камнями с еврейскою надписью^[177], они ходят сюда поклоняться. Вследствие этого чудотворного события жрецы Вааловы были сведены с горы и истреблены на берегах *Кисона*. На этой вершине Илия испросил дождь на изнуренную засухою землю. Илия, воссев на землю и склонив голову между колен своих, сказал отроку своему: взойди и смотри на море. Отрок взошел, посмотрел и сказал: Нет ничего... И сказал Илия: оглянись семь раз. И оглянулся отрок семь раз: и вот, когда он оглянулся в седьмой раз, показалось ему малое облачко, как ступень ноги человеческой, возносящее воду из моря. И вдруг встал ветер и облака обложили небо со всех сторон – и начался великий дождь (3 Цар 18:44–46).

Поднявшись на гору, я был очень удивлен, увидя перед собою великолепное европейское здание, – это нынешний монастырь Кармильский, который будет всегда прекрасным памятником несчастному королю французскому Карлу X. Он призрел на моление четырех отшельников – единственный остаток многочисленной братии – и пожертвовал для монастыря большую сумму из собственной кассы, между тем как его посланник в Константинополе имел приказание вытребовать возобновление монастыря, который был разрушен турецким правительством во время восстания греков; турки считали этот уединенный монастырь укрепленным военным пунктом для христианства! Французский посол даже выехал из Константинополя за медленность в исполнении его требований. Братия кармильские получили фирман на владение местом, но они не стали дожидаться возобновления монастыря от турецкого правительства, а воздвигли его на суммы, доставленные Карлом X^[178]. Я был принят очень дружественно братьями монастыря; сам зодчий, носящий монашеское платье, показывал мне все построения. Он мне сказывал, что Карл X велел ему приехать в Париж для общего добровольного сбора на монастырь, но Июльская революция переменяла обстоятельства.

Здание сооружено очень прочно из тесаных камней; построено на большой размер; комнаты монастырские даже роскошны: съестные

припасы в изобилии. Отдохнув несколько от пути, я поспешил к древней обители великого Пророка. Великолепный храм, с огромным куполом, воздвигнут над его дикою пещерою. Пещера осталась в первобытном ее виде; в ней сохранился каменный одр Святого. Здесь существует предание, что Пресвятая Богородица посещала вертеп Илии с младенцем Иисусом; близость Назарета дает большое вероятие этому преданию.

На самой оконечности Кармила паша Акрский построил небольшой дом, как бы для наблюдения за действиями монастырской братии. Вид с вершины Кармила вдохновителен и живописен. Гора понижается к югу и неприметно сливается с низменным берегом, где некогда существовала Кесария. От самого Кармила, вдоль берега до равнин Саронских, необычайное плодоносие края славится от времен библейских: «Радуйся пустыня жаждущая... и да цветет яко крин, и процветет и возвеселится пустыня Иорданова, и слава Ливанова дадесе ей, и честь Кармилова (и Саронова)» (Ис 35:1–2). Еврейское название *Кармила* значит *сад*, также *пурпур*, который извлекался у подошвы горы^[179]; но теперь «отъята есть радость и веселие от Кармила... и вино от точил отъях: никакоже изгнетаяй винну ягоду по обычаю песни воспоет» (Иер 48:33). С юга и запада – необозримое море; с севера – правильно закругленный залив Акрский и город Акра; с северо-востока – цепь гор Сирийских и исполин Эрмон. С востока хребет Кармила соединяется с цепью гор Самарийских и Иудейских. Хребет Кармила начинается от долины Эздрилонской. Высота самого Кармила считается в 1600 футов, а от поверхности моря до 2000 футов. Самая вершина, господствующая над монастырем, покрыта густым лесом, большею частью дубовым и масличным; в нем также есть несколько кедров и лавров. Сквозь этот лес пролегает проселочная дорога мимо Каифы в Галилею. Лес Кармильский обозначен в Библии: «И прииду в средину чащи Кармильския» (4 Цар 19:23). «Паси люди Твоя жезлом твоим, овцы наследия твоего, вселяющиеся едины в дубраве среде Кармила; попасут Васанитиду и Гаалатиду яко же дние века» (Мих 7:14). В ночное время нельзя следовать дорогою чрез Каифу, потому что эта крепостца, находящаяся на самой дороге, не растворяет ворот своих без особенного приказанья паша.

Несколько сотен вертепов испещряют ребра священного Кармила; там обитало со времен Пророков Илии и Елисея несметное множество

отшельников. Один писатель сравнивает эту гору с ульем, а отшельников ее с пчелами, собирающими духовный мед для вечности^[180]. Пророк Амос упоминает о пещерах Кармила, говоря: «Аще скрываются на версе Кармила, то и оттуда взыщу» (Ам 9:3). Известно, что Пророк Илия скрывался здесь от Иезавели. Некоторые из пещер можно отнести к временам троглодитов. За девятьсот лет до Рождества Христова Пророк Илия, первый поселился на вершине Кармила, и за ним Елисей. В Книге Иисуса Навина сказано, что Кармил и его окрестности принадлежали царю Иеконому Кармилльскому (Нав 12:22). На самой вершине Кармила существовал город Акбатана^[181] который Плиний называет также именем Кармила. Здесь Камбиз, по нашествии на Египет, кончил жизнь свою по предсказанию оракула (Id. ibid). Елена соорудила здесь церковь; от нее ничего не осталось. Кармелитский монашеский орден восприял здесь свое начало; монастырь этого ордена существовал уже здесь в 1180 году. В 83 году по Рождестве Христовом Пророк Агав построил здесь храм во имя Пресвятой Богородицы Кармилльской; это первый храм, как полагают, посвященный Ее пресвятому Имени. Агав был одним из 72 учеников Спасителя; он предсказал общий голод при Клавдии (Деян 11:28) и заключение святого Апостола Павла, когда Апостол Павел находился в Кессарии (Деян 21:10); он был с ним в постоянном сношении и наконец приял мученический венец в Антиохии. Источник, напоющий монастырь, приписывают чуду святого Илии; говорят, что этот источник несколько раз высыхал, когда неверные овладевали Кармилом, и возобновлял свое течение с возвращением монастырской братии. В некотором расстоянии от монастыря показывают примечательные окаменелости; рассказывают, что это поле было предано проклятию великим Пророком.

В монастыре кармелитском нашел я сладкое отдохновение от пути; но я предпочел бы видеть братию монастыря в сумрачных сводах пещер отшельнических, там, где обитали Илия, Елисей, Агав; куда приходили искать утешений верующие и несчастные. Жизнь созерцательная и уединенная предписана орденом Кармелитским, который считает Пророка Илию своим основателем.

Некоторые писатели утверждают, что у подошвы Кармила Ламех умертвил по незнанию и по слабости зрения, от старости, – Каина,

приняв его за зверя^[182]. В Библии очень темно сказано касательно этого предмета, который пояснен некоторыми толковниками^[183].

Другая гора Кармил и город того же имени – на востоке от Хеврона, где Саул соорудил памятник после победы над амалекитами, где после обитал Навал, муж Авигайлы, и где были виноградники царя Осии.

Я снял вид Кармила с дороги от Каифы.

Глава XIX

Акра или Птолемаида

«Мы же, совершивши плавание, прибыли из Тира в Птолемаиду, где, приветствовавши братьев, пробыли у них один день».

(Деян 21:7)

Дорога из Каифы в Акру идет вдоль морского берега, который глубоко закругляется от мыса Кармила до Акры; шумные волны далеко раскатываются по песку; я видел несколько выброшенных ими обломков кораблей. Множество морских губок устилают берег. Берега Сирии страшны мореходцам со времени падения ее знаменитых приморских городов; на всем пространстве, от Александреты до Газы, нет ни одной верной гавани. Бейрут, Сидон, Тир, Акра, Каифа, Яфа сделались только якорными стоянками, откуда при каждой перемене ветра корабли поспешно удаляются в море; притом от неискusstва арабских корабельщиков кораблекрушения на этих берегах слишком часты. Мы проехали чрез устье *Кисона*, которое было затянуто песком. От подошвы *Кармила* до *Акры* мы доехали через 3 с половиною часа.

Акра или *Сен-Жан д'Акр* (*Saint-Jean d'Acre*) занимает место древнего *Акхора*, о котором говорится в Книге Судей^[184] (Суд 1:31). Греки называли этот город *Акко* или *Акка*; это название значит *исцеление*. По баснословным преданиям, Геркулес был уязвлен змеею и вылечился близ *Акки* на реке *Белусе* (что теперь *Кардане*) травою, называемою колоказия. Ботанисты находят и теперь подобную траву в здешних окрестностях^[185]. Поток *Белус* или *Кердане*, о котором подробно говорит Плиний, впадает в море неподалеку от *Акры*. Частицы, находящиеся в его песке, привели к открытию стекла. Этот поток, как и прежде, вытекает из болот. На нем устроена мельница. Правее этой мельницы есть ручей, называемый *Танус*. Французская армия при осаде *Акры* была расположена между этим ручьем и мельницею. Иосиф Флавий говорит о великолепном памятнике, воздвигнутом на берегу реки *Белуса*^[186]; после город принял имя

Птолемаиды и под этим именем находится в книгах Маккавейских. Во время войны Маккавейской она была важным военным пунктом, как и теперь. Название Птолемаиды должно приписать времени Египетских Птоломеев. Хотя один ученый писатель говорит, что книги Маккавейские писаны прежде *Птолемея Латура*, вторгшегося в Сирию, но *Птоломей Филопатор*, гонитель иудеев, воцарился в 221 году до Рождества Христова, тогда как Иуда Маккавей убит в 161 году до Рождества Христова. Плиний называет Акру колонией Клавдия Кесаря. Цитадель, как кажется, всегда сохраняла имя *Акки*^[187].

Во время владычества христиан, крестоносцы, превратив мечеть Омарову в великолепный храм Св. Иоанна Крестителя, назвали город именем Св. Иоанна, которое сохранилось доселе. Арабы называют его древним именем Акка или Аха. В 638 году Акра перешла от греческих императоров под иго мусульманское калифа Омара, а в 1104 году Балдуин, король Иерусалимский, завоевал ее у сарацинов. В 1187 году Саладин, по завоевании Иерусалима, овладел и Акрою, а четыре года спустя Ричард Львиное Сердце и Филипп Август возвратили этот город знамени Креста, и он оставался почти сто лет в руках христиан. Отсюда были направляемы все их военные действия, и Акра была последним городом, который в 1291 году, после ужасного приступа, где погибли 60000 христиан, был покорен, вместе со всею Святою Землею, египетским султаном Серафом (Халиль, сын Калауна). Во время крестоносцев Акра была средоточием разноплеменных властей христианских. В ней было до девятнадцати курий. 1-я курия королей Иерусалимских и Кипрских. 2-я королей Обеих Сицилий, которые сохранили доселе титул королей Иерусалимских и оспаривали его против королей Кипрских. 3-я князей Антиохийских. 4-я графов Яфских. 5-я Патриархов Иерусалимских и Рыцарей Св. Гроба. 6-я легатов папских. 7-я графов Триполийских и Толозских. 8-я князей Галилейских. 9-я Великих магистров Рыцарей Храма. 10-я Рыцарей Госпиталя. 11-я Великих магистров братства Тевтонического. 12-я магистров ордена Св. Лазаря. 13-я Республики Венецианской. 14-я Республики Генуэзской. 15-я Республики Пизской. 16-я Республики Флорентинской. 17-я земли Армянской. 18-я князей Тарентских. 19-я герцогов Афинских^[188].

Такое раздробление властей, направленных часто к разным выгодам, было причиною беспрестанных несогласий и падения Акры.

Подобный образ правления во всей Палестине навлек наконец все несчастья на христиан и был причиною утраты Святой Земли.

В 1517 году Акра была взята турками. Неудачи Бонапарте в 1799 году перед стенами Акры возвысили военную важность этого места. Стойкость Акрского паши Джебара и гарнизона, вспооществуемая пособиями английского адмирала Сидней-Смита, восторжествовала над всеми усилиями Бонапарте, который взятием Акры хотел укорениться на Востоке и ожидать пособий Директории. Справедливо замечено необыкновенное событие, что целая христианская армия следила землю своего Искупителя, не обращая внимания на ее святость! Ни в одной реляции французской экспедиции не видно никакого духовного стремления ни от вождя, ни от воинов христианских.

В наше время Ибрагим-паша, после долгих кровавых усилий и имея все способы, взял Акру приступом после продолжительной осады. Паша Абдалла и гарнизон показали при этом случае не менее твердости, как и Джебар против Бонапарте, и не прежде сдались, когда уже весь город превращен был в развалины и три четверти гарнизона погибли от оружия и голода. Ибрагим-паша считает взятие Акры лучшим венцом в своей военной истории. При свидании моем с ним в Дамьате он сам заговорил о взятии Акры и несколько раз прибавил: «Да, Наполеон не мог ее взять». Известно, что осадю Акры военными действиями в Анатолии и распоряжениями в сражении под *Конию* располагал бывший полковник Наполеоновой гвардии, ныне ренегат Солиман-паша. Он же есть настоящий преобразователь египетской армии в *полуевропейскую*.

В 1749 году Акра была рыбачьим селеньем на грудах развалин, нося со времени своего разрушения (в 1291 г) название Ахаль-хараб, то есть Аха разрушенная. Шейх Джебар, – имя, значащее *палач*, данное ему народом и признанное им самим, – этот гнуснейший из тиранов Востока, возобновил, укрепил Акру и привлек в нее торговлю. Я не буду говорить о его злодействах, превышающих всякое вероятие, они слишком известны и отвратительны. Из самого низкого происхождения, этот босниец был визирем, страшил Порту, создал Акру – и устоял против Бонапарте.

Акра имеет наружность значительной крепости. С двух сторон омывает ее море; она построена на песчаном мысе; первобытная форма ее почти квадратная; один угол квадрата обращен к морю, а другой к

земле. С береговой стороны она защищена двумя рядами крепких стен. Гласис каменный, семь бастионов с башнями; рвы глубоки и широки. При мне были заняты работой передовых флешей со стороны береговой дороги. На расстоянии ближнего картечного выстрела возвышается перед Акрою песчаный холм, который может прикрыть движение осаждающих.

Над воротами вторых внутренних стен я видел изображение Венецианского льва, как в Иерусалиме. Воспоминания о крестоносцах, их самоотвержение, мгновенная слава, несчастья и, наконец, нынешнее иго Святой Земли взволновали мою душу при виде этого герба. Опустошение внутри города еще и теперь поразительно; везде видны обрушенные стены и пробитые бомбами своды. По грудам камней, среди шума работающих и толпящихся на тесных базарах, пересекая ряды навьюченных верблюдов, въехал я в Акру. Город состоит из тесных домов, соединенных сводами, и, как в Каире, почти каждая улица имеет свои ворота. Это внутреннее расположение города представляет гарнизону большие удобства для защиты, даже и по взятии неприятелем наружных укреплений, тогда каждый дом делается ретраншементом. Примеры таковой защиты возобновлялись почти при каждой осаде.

Все следы великих храмов, воздвигнутых крестоносцами: во имя Св. Иоанна, Андрея, Николая, Саввы – исчезли. Известна война венециан и генуэзцев за святые остатки Преподобного Саввы, которые были перевезены из Акры в Венецию. Можно ль удивляться после этого несчастьям крестоносцев, которые так часто забывали, что они должны быть оживлены духом милости. Все внимание мое обратил я на южную гавань: там еще видны на подводных скалах *молы*, остатки известной в истории Крестовых походов *башни мух* (tour des mouches). Эти три подводные скалы с развалинами образуют молу Акрской гавани, которая так же опасна, как и все другие на берегах Сирии. Я не хотел остановиться в тесных *океллах* Акры. Мой драгоман предложил мне ночлег в загородном доме бывшего Акрского паши Абдаллы, принадлежащем теперь Ибрагиму; он отстоит на полчаса пути от города и называется *Эль-Бехтдже*. Солнце садилось, когда мы подъезжали к *Эль-Бехтдже*. Мы остановились под тенью душистой фруктовой рощи у стен, которыми обнесен этот замок, пока мой драгоман поехал предупредить пашу о моем приезде. Скоро кавас паши

пришел ко мне с гостеприимным приглашением, извиняясь, что сам паша не может меня встретить, потому что он уже заключился в свой гарем.

Я был приятно удивлен великолепием этого места, скрытого за грубыми стенами. Прямо из стенных ворот я взошел по мраморной лестнице на обширную террасу, всю из белого мрамора, фланкированную четырьмя роскошными киосками; посреди огромный квадратный бассейн с бьющими из него фонтанами отражал в своей воде игру погасающей зари. Внизу вокруг этой роскоши волнуются густые вершины апельсиновых, лавровых и померанцевых деревьев, из-за которых встают несколько стройных пальм, кипарисов и бананов. У подошвы каждого киоска дробятся обильные водометы; их грохот мешается с говором дышащих благовонием деревьев. Самые дороги устланы частью мрамором, частью мозаикой. В одном из четырех киосков мне отведен был ночлег. Несмотря на мою усталость, я долго бродил, долго мечтал в этом волшебном саду, который навевает негу на все чувства; но такие мечтания отравлены воспоминаниями кровавых происшествий, прославивших долины акрские; эти горы мрамора навезены палачами народов, Джебзаром и Абдаллою. Расположась с наступлением ночи на мягких диванах моего киоска, я нечувствительно предавался дремоте при грохоте водометов, – но возрастающий постепенно странный шум, который я все принимал за шум водометов, достиг наконец до такой силы, что мешал мне заснуть и раздражал мои нервы. Я решился встать: луна сияла во всем блеске; только что я растворил двери киоска, я был почти оглушен слитым кваканьем миллионов лягушек; мраморный бассейн и все другие бассейны в саду были ими наполнены. Это роскошное жилище как бы жезлом волшебника превратилось вдруг в царство лягушек. Во всю ночь я не смыкал глаз и на рассвете, не внимая никаким убеждениям кавасов паши, оставил его пышное уединение.

Глава XX

Дорога от Акры в Тир

«Кто якоже Тир умолкнувший среде моря?
Колику обрел еси мзду от моря?»

(Иез 27:32)

Мы выехали из Эль-Бехтдже в 6 часов; отсюда дорога идет, более трех четвертей часа, мимо живописных аркад водопроводов; они направлены от горы Эль-Капре. Мы проехали мимо селенья *Есмерие*. Тут везде местоположение ровное, но волнистое. Через четверть часа от *Есмерие* находится дача Абдаллы-паши называемая *Джинетуль-Месра*; туда опять сближаются отклонившиеся от дороги водопроводы. Сад Абдаллы-паши богат роскошью апельсиновых, лавровых и кипарисных деревьев и окружен виноградниками. Усадьба *Эль-Фердже*, с протекающим мимо нее ручьем, приближена уже несколько к горам. Впереди виден горный мыс *Накур*, заграждающий дорогу и далеко заметный по своей белизне. Направо горы живописно возвышаются амфитеатром. Влево от дороги, на берегу моря, расположено местечко *Зиб*, это древний Ахзиб или Ахзиф, упоминаемый в Книге Иисуса Навина (Нав 19:29; 12:20), где он говорит о границах колена Ассирова. Тут мы переехали чрез высохший поток.

К девяти часам мы достигли цепи гор, заграждающих дорогу; это мыс *Накур*. Он состоит из двух оконечностей; на одной из них есть небольшое каменное строение, в котором теперь бедный кофейный дом. Отсюда начиналась Финикия. Со второй оконечности открывается совсем другой горизонт: громады гор Друзов (часть Ливана) и изгибистый берег тирский; ближний берег усеян подводными камнями. Спустясь с мыса *Накур*, при начале малого залива, на самом взморье, стоит четверосторонняя башня, а несколько поближе кофейный дом. Мы тут расположились на отдых, под апельсиновыми деревьями. Можно предполагать, что здесь был финикийский город *Суса*. В Книге Иисуса Навина сказано: «И возвратятся пределы (племени Ассирова) в Раму, и даже до града тверда Тириан, и возвратятся пределы до Сусы, и будет исход его море, и от *Ужа* в Ахзиф» (Нав 19:29). Об этом городе

говорится в актах Халкидонского Собора и в древних церковных историях под именем Созуса^[189]. В нем было Епископство^[190].

Отдохнув два часа в Накуре, мы направились далее. Через четверть часа оттуда, против середины залива, видны на холме значительные развалины, называемые *Ом-Эль-Гамид*; из них возвышаются две колонны белого мрамора, – одна с капителью коринфической, а другая обломана; они похожи издали на привидения. В каменистых холмах при береговой дороге видны погребальные *спэосы*; здесь был *некрополис*. Должно предполагать, что там, где Накур, была гавань Сусы, а что самый город находился на том месте, где эти развалины. Поблизости отсюда видно разоренное селенье и при нем обильный источник, украшенный зодчеством; это место называется *Айнус-Скандерани*, то есть *источник Александра*. Самое название показывает, что здесь должно поместить *Alexandro-schoene*, которое названо в древнем путеводителе из Бордо в Иерусалим *mutatio*, то есть станция. Вероятно, никогда не было города этого имени, а только *военный пост* поблизости от *турского дефиля*. Некоторые писатели поместили *Alexandro-schoene* по ту сторону дефиля; но это было бы несогласно с расстоянием 12 миль итальянских от Тира, назначенных в путеводителе, и притом гораздо вероятнее, что дефилай был защищен спереди. *Alexandro-schoene* должен быть то же самое, что и Сандалиум в истории Крестовых походов. Напротив этого места, за вторым горным хребтом, за горою с округленным темем, находятся, по словам моих арабов, обширные развалины, где еще стоят тридцать колонн; это место называют они просто *Дер*, то есть монастырь; оно необитаемо. Судя по местоположению, там можно предполагать *Завулон*. Иисус Навин говорит, что *Завулон* принадлежал колену Ассирову (Нав 14:27); он находился близ пределов тирских^[191]. Местность Завулона еще не определена; я жалел, что не мог посетить этих развалин.

Через час от Накура начинается подъем на *Белый мыс* – Бурджуль-Абиад, так называемый по причине белизны его известковых скал, далеко видных с моря и с земли, так как и мыс *Накур*. *Белый мыс* есть знаменитая *Лествица Тирская* (*Scala Tyriorum*). При подъеме на эти скалы заметны остатки древней мостовой. *Лествицею Тирскою* называют дорогу, высеченную с большим трудом в скалах Белого мыса, на самом краю моря, которое беспрестанно его осаждает. На этих отвесных высотах дорога защищена со стороны моря парашетом и в

иных местах идет уступами; она имеет сажени полторы в ширину, а длину ее мы проехали в 20 минут. Здешние жители приписывают все необыкновенное Соломону; по их словам, этот путь принадлежит его времени; но и тогда должно отнести этот труд Гираму, царю Тирскому. По общему мнению, путь этот проложен при Александре Великом. Одно место этого дефиля, самое высокое и грозное, называют *Бабуль-Могур* (врата пещер), и рассказывают, как один знаменитый арабский наездник, преследуемый врагами, низвергся с отвесной высоты в море.

Отсюда открывается великолепный вид всего берега тирского, который образован полукругом. *Тир* представляется как остров. Здесь берег довольно плоск; издали горизонт обрисован хребтами невысоких гор, из-за которых видна одинокая громада *Эрмона*, блестящая снегом. Здесь называют эту гору *Джебель-Санин* (то есть острая гора).

Через полчаса от Тирской Лествицы мы проехали по древнему мосту чрез высохшее русло речки. Берег становится песчан, и вскоре представляется значительное местечко *Расуль-Айн*, то есть *глава* или *ключ источника*. Тут находятся весьма замечательные колодези времен библейских; они в числе пяти, восьмиугольного и квадратного образования, и соединены водопроводами, которые направлены в разные стороны. Три колодезя существуют и теперь в полном действии; они очень глубоки, и вода в них бьет очень быстро. Говорят, что доселе неизвестно место, откуда совокупаются сюда эти источники. Стены колодезей составлены из мелких камней, смешанных с морским песком. Эта мастика так крепка, как цельный камень; они возвышены аршин на пять от земли, и что удивительно, вода доходит до самых краев бассейнов и даже переливается через край. Глубину их трудно измерить, и она не определена; из этого некоторые заключают, что едва ли не финикийцы изобрели колодези, называемые теперь *артезианскими*. В этом месте был ключ *водной системы*, распространенной на все окрестности Тира; теперь еще видны аркады водопроводов, направленных в Тир, на бывший остров и на твердую землю. *Расуль-Айн* представляет веселое убежище среди роскошной зелени, под тенью развесистых деревьев. Здесь, весьма вероятно, находился *Пале-Тир* (*Palae Tyrus*), или *Старый Тир*; здесь был лагерь Александра Великого^[192]. Нынешнее правительство устраивает теперь в *Расуль-Айне* большую бумагопрядильную фабрику.

Расуль-Айн отстоит от Тира на расстоянии получаса; и по свидетельству Страбона, Пале-Тир отстоит от Тира на 30 стадий, или около 4 с половиною верст, и так это расстояние верно.

Тир является в библейском ужасе запустения. Он едва касается земли узким песчаным перешейком. Свирепое море осаждает его и старается сбить с последних оснований! В грозном реве волн, страшно наваливающихся на него, мне как будто слышалось: «Он моя добыча!» Со стороны твердой земли засыпающий его песок как бы отталкивает его в бездну... Это зрелище так меня поразило, что я, не въезжая в город, сошел на песчаный берег и сел под самый раскат морских волн. Орошаемый их брызгами, я долго глядел то на бунтующее море, то на сквозные развалины стен тирских.

Тир сохранил у арабов свое библейское имя *Сор* или *Сур*; оно, по его могуществу, сделалось именем всей земли *Сирии* или *Сорию*. Я въехал в Тир через песчаный перешеек, который не существовал прежде; это насыпь, которую сделал Александр Македонский при взятии Тира после многотрудной осады. В город въезжают через башенные ворота, при которых есть гарнизонная стража. Мы остановились в доме одного грека, знакомого моему Якубу. Окна моей комнаты были обращены к берегу твердой земли, на внутреннюю гавань. Вдали высился снежный *Эрмон*, а передо мною тянулись по морю перерываемые обвалами стены и башни внутренней гавани. По ее развалинам были раскинута рыбачьи сети возле причаленных и полупотопленных лодок. Не умолкло раздающееся в веках слово пророческое: «Сия глаголет Адонаи Господь: Се аз на тя, *Сор*! и приведу на тя языки многи, яко же восходит море волнами своими. И обвалят стены Сора, и разорят столпы твоя, и развею прах его из него, и дам его в гладок камень. Сушение мрежей будет среде моря, яко Аз глаголах, – глаголет Адонаи Господь» (Иез 26:3–6).

Колоссальный *Эрмон*, блистающий с надоблачных высот снежною вершиною, есть без сомнения та гора *Санир*, о которой говорит тот же Пророк: «Кедр от Санира истесася тебе, и тонкие доски кипарисные от Ливана взяты быша» (Иез 27:5)... Так как Тир называется арабами библейским именем *Сур*, то и гора эта называется ими, как финикиянами, *Санин* или *Санир*. Мы видим по свидетельству блаженного Иеронима, что тиряне в жаркие месяцы лета снабжали себя снегом с вершины *Эрмона*, а в книге Второзакония сказано ясно:

«Финикиане прозывают Эрмон *Саниором!* Аморрей же, прозва его *Саниром*» (Втор 3:9)^[193]. Имя Эрмон, по толкованию, значит *Анафема*. Есть предание, основанное на Книге Бытия (Быт 6:1–5)^[194], что на эту гору сходили *сынове Божии к дочерям человеческим*. Эрмон прилегал к Ливану (Суд 3:3).

Глава XXI

Тир

«И созда Тир твердыни себе и собра серебро яко перст и злато яко брение путей. Сего ради Господь наследит я и поразит в море силу его...»

(Зах 9:3–4)

Тир еще поразительнее со стороны моря. Там такое хаотическое разрушение! Гранитные основы его гавани, мраморные колонны, резные капители и архитравы его храмов – все скатилось в море и сделалось игрищем скачущих по ним волн! Спросим у него с Пророком: Кто замолкнул так, как Тир среди моря? Какую мзду приобрел он от этого моря, над которым он царствовал? – Я искал в самых волнах последние остатки его величия; по пояс в воде, переступая с одного мрамора на другой, мы достигли до передовой *молы* древнего Тира: она открылась мне под светлую пелену моря в поразительном виде огромного креста: – Тяжкий крест! подумал я, тяжелейший этого гранитного креста, скрытого в глубине морской, на котором он был основан, носит теперь на себе злосчастный Тир! – «За то, что он сказал о Иерусалиме: Так вот, сокрушился он, – врата народов, – он обратился ко мне, он опустел, – а я наполнился! – За то вот что вещает Адонаи Господь: Вот я Сам на тебя, Тир! и наведу на тебя многие народы, как восходит море волнами своими, – и обвалят стены Тира и опрокинут башни твои и развею прах его из него, и превращу его в гладкий камень – и он будет на море для сушения неводов». Это пророчество повторяет два раза Иезекииль. За сим следует страшное описание нашествия Навуходоносора. – Чтоб видеть вполне великолепие Тира, будем продолжать чтение Иезекииля. Глава 27: «И бысть слово Господне ко мне, глаголя: И ты сыне человекъ, возми на Сор^[195] плачь. И речеши Сору населенному на морстем входе, торжищу людей и островов многих. Сия глаголет Адонаи Господь Сору: ты рек еси: аз сам возложих на мя мою доброту. В сердцы морстем Веелиму, и сынове твои возложиша на тя доброту. Кедр от Санира истесася тебе, тонкия доски кипарисныя от Ливана взяты быша,

еже сотворити тебе ядрила слова. От Васанитиды сотвориша весла твоя: святилища твоя состроиша от слоновых костей, дома древяны от островов Хеттиимских. Виссон со испещрением от Египта бысть тебе постеля, еже обложити тебе славу, и облещи тя в синету и в багряницу от островов Елиссе, и бысть одежда твоя. И князи твои живущии в Сидоне, и Арадиане быша весленицы твои: премудрии твои, Сор, иже быша в тебе, сии кормчии твои. Старейшины Вивлийстии и премудрии их, иже быша в тебе, тии укрепляху совет твой: и вси корабли морстии и весленицы их быша в тебе к западом западов. Персяне, и Лидяне, и Ливиане, беша в силе твоей, мужи доблии твои щиты и шлемы повесиша в тебе, сии даша славу твою. Сынове Арадийстии, и сила твоя на забралех твоих окрест: но и Мидяне в пиргех (на башнях) твоих быша стражие, тулы (колчаны) своя обесиша на забралех твоих окрест: сии совершиша твою доброту. Кархидоняне купцы твои, от множества силы твоея, серебро и золото, и медь и железо, и чистое олово и свинец даша куплю твою. Эллада вся и ближнии твои продаяху в тебе души чловечи: и сосуды медяны даша куплю твою. От дома Форгамова^[196] кони и конники и мщята (лошаков) даша куплю твою. Сынове Родийстии купцы твои, от островов умножиша куплю твою, зубы слоновы, и вводимым воздавал еси мзды твоя. Чловеки куплю твою от множества примешенца (промена) твоего, стакти и пестроты и синету от Фарсиса, и Рамоф и Хорхор даша куплю твою. Иуда и сынове Израилевы, сии купцы твои: продаянием пшеницы, и миров, и касии, и первый мед, и елей, и ритину, даша примешенцу твоему. Дамаск купцы твои от множества всея силы твоея, вино от Хелвона и волну блестящую от Милита и вино Деданово и Ионаново и Меозелево, в куплю твою даша. От Ассиила железо деланное и колеса в примесницех твоих суть. Дедан^[197] купцы твои со скоты избранными в колесницы. Аравия и все князи Кидарстии, сии купцы рукою твоею, велблюды и овны и агнцы в тебе продадут, ими же куплю творят. Купцы Савы и Раммы тии купцы твои с первыми сладостми и с камением драгим, и золото даша куплю тебе. Харран, Ханаа и Дедан сии купцы твои: Сава, Ассур и Харман купцы твои, приносяще куплю синету и червленицу и испещренная и сокровища избранная связана ужами, и кипарисная (в крепко закупоренных сундуках кипарисных). Корабли в тех купля твоя; (корабли) Кархидонстии купцы твои во множестве смесник твоих; и насытился еси и отягчал зело в сердцах морских. В

воде мнозе привождяху тя весленицы твои: ветер южный сокруши тя в сердце морstem. Быша силы твоя, и мзда твоя от смесник твоих, и весленицы твои, и кормчии твои, и советницы твои, и смесницы от смесников твоих, и вси мужи твои доблии в тебе: и весь сонм твой падут среде тебе в сердцы морstem, в день падения твоего. От гласа вопля твоего кормчии твои страхом убоятся. И снидут с кораблей своих вси весленицы твои, и всадницы, и ловцы морстии на земли станут. И воскликнут на тя гласом своим и воскричат горце, и возложат землю на главы своя, и прах постелют. И оплешивеют над тобою плешми, и облекутся во вретнице и восплачутся о тебе в горести души и плачем горьким ужаснутся. И возмут о тебе сынове их плачь, возрыдают плаканием о тебе: кто яко же Тир умолкнувший среде моря; колику обрел еси мзду от моря? Наполнил еси страны от множества твоего и от смесник твоих, обогатил еси вся цари земныя. Ныне же сокрушился еси в мори, во глубинах водных смесницы твои, и весь сонм твой среди тебе падоша и вси весленицы твои. Вси же живуции во островех уныли по тебе, и царие их ужасом ужасошася, и прослезися лице их. Купцы от язык позвиждут о тебе, в погибель был еси, и к тому не будеши ввек, глаголет Господь Бог».

Фрагмент рукописи А. С. Норова с планом Тирской гавани

Иезекииль, предрекший суд Божий над Тиром, сохранил нам и память преступлений его: «Понеже вознесся сердце твое и рекл еси: аз есмь Бог, в селение Божие вселихся в сердце морstem, ты же человек еси, а не Бог! и положил еси сердце твое яко сердце Божие»... «В сладости Рая Божия был еси, всяким камением драгим украсился еси, сардием, и топазием, и смарагдом, и иакинфом, и анфраксом, и сапфиром, и иасписом, и серебром, и золотом, и лигирием, и ахатом, и амефистом, и хрисолидом, и вириллием, и онихом, и золотом наполнил еси сокровища твоя, и житницы твоя от него же дне создан еси. Ты с херувимом вчиних тя в горе святей Божии, был еси среде камней огненных. Был еси ты непорочен во днех твоих от него же дне создан еси, дондеже обретошася неправды в тебе. От множества купли твоя наполнил еси сокровища твоя беззакония и согрешил еси и уязвлен еси от горы Божия: и сведе тя херувим осеняяй от среды камыков огненных. Вознесся сердце твое в доброте твоей, истле хитрость твоя с добротою твоею: множества ради грехов твоих на землю повергох тя, пред цари дах тя во обличение. Множества ради грехов твоих и неправд купли твоя, осквернил еси святая твоя, и изведу огонь от среды твоя, сей снести ты: и дам ты в прах на земли пред всеми видящими ты. И вси ведящие тебе во языцех возстанут по тебе: пагуба учинен еси, и не будещи к тому ввек!» (Иез 28:2; 13–20)

Кто не содрогнется при чтении этих глаголов Божьих на самых развалинах Тира. Мы видели, как одна арабская барка едва не разбилась о подводные камни разрушенной Тирской гавани, ища в ней защиты от юго-западного ветра.

Финикийское слово *сур*, по толкованию, значит *скала*. Остров, на котором был построен Тир, есть голая скала, образованная как голова молотка; перешеек составляет теперь его рукоять.

Этот перешеек, или рукоять молотка и нижняя часть его, теперь застроены несколькими бедными домами, а верхняя часть острова, или, молотка, большею частью обнажилась в *гладкий камень*, как говорит Пророк Иезекииль, а в иных местах, составляя задние дворы домов, занята их огородами. От передовой *молы*, где стояли корабли всех народов, где была гавань, называемая Египетскою^[198], видно только подводное крестообразное основание и несколько развалин.

Внутренняя гавань была закрыта другою молою на север и на юг, то есть направо и налево от острова^[199]; развалины северной молы еще видны, а с юга они уже совсем сбиты морем, за исключением двух подводных развалин. Теперь суда становятся за малыми остатками северной молы, против которой на углу острова устроен маяк. Город и внутренние гавани были защищены со стороны берега, с обеих сторон перешейка, стенами и башнями, которые выходили из воды. Вход в обе эти гавани с моря заграждался в случае войны железными цепями, которые протягивались от угловых башен передовых мол к угловым башням внутренних мол со стороны земли.

Развалины мол и трех или четырех башен, из которых иные уже угрожают паденьем, составляют лучшее украшение Тира. Едва ли найдется теперь в нем десять порядочных домов, все остальное строенье состоит из мазанок. Купцы тирские, которые, по выражению Исаии, были *славные князи земли*, заменены двумя *факторами*, которые исправляют комиссии некоторых прибрежных городов Сирии, для складки небольшого количества хлеба и хлопчатой бумаги. Я не думаю, чтоб здесь было более 200 жилищ и 2000 жителей.

Древний Тир занимал также весь берег противоположный острову и простирался на восток, на четверть часа пути от моря до одной скалы, которая видна из города и обозначена в моем рисунке. Перерывающиеся своды водопроводов и несколько обломков колонн показывают туда путь. Эти водопроводы направлены также и от *Расуль-Айна* или *Пале-Тира*. Полагают, что это место древнее самого Тира и что жители Пале-Тира после нашествия Навуходоносорова перешли на остров, соединенный после с твердою землею плотиною Александра Великого. Много было предположений по этому предмету, но вероятнее, что Тир, в совокупности, занимал весь этот берег и что *Пале-Тир* был его самым древним кварталом. Трудно было бы решить, как такой многолюдный город, подвергаемый стольким иноплеменным нашествиям, мог оставить ключ водного продовольствия своего в руках неприятельских. Мы знаем, что, за исключением наружных водопроводов, Тир имел еще потаенные в недрах земли; но это бы все не оправдывало такой беспечности. Хотя теперь в самом Тире есть небольшие колодези, но они были бы недостаточны и для теперешних жителей без того колодезя, который находится на берегу, возле развалин поблизости от города, и куда проведена вода из *Расуль-айна* подземным

путем, донныне не открытым. Все соображения приводят к вероятнейшему мнению, что Пале-Тир и остров Тир были одним и тем же городом. Так как Тир не мог существовать без Пале-Ти́ра сохранявшего ключ его водной системы, так и Пале-Тир, где полагают древний город, не мог существовать без той гавани, которая открывала ему владычество на морях. При Салманасаре, 136 лет до нашествия Навуходоносорова, Пале-Тир составлял только принадлежность Ти́ра. Салманасар, принужденный возвратиться в Ниневию, велел не прекращать осады Ти́ра, продолжая удерживать водопроводы пале-Тирские; сверх того он окружил город шестьюдесятью кораблями, что никак не может относиться к Пале-Ти́ру^[200]. Пророчество Иезекии́лево, писанное за несколько лет до нашествия Навуходоносорова, показывает, что остров Тирский был и тогда уже принадлежностью города, тем более, что он составлял его единственную гавань. Пророк Исаия также говорит о Тире как об острове (Ис 23:2). У Страбона даже сказано, что весь Тир есть остров^[201]. Вероятно, что остров Тирский простирался еще далее в море, подобно лагунам Венеции, которая во многих отношениях имела сходство с Тиром. В письме Ги́рама, царя Тирского, к Соломону ти́рияне просят, взамен доставляемого ими леса для храма Иерусалимского, прислать им хлеба, потому что они, будучи островитянами, не занимаются земледелием. Храм Юпитера Олимпийского в Тире был сооружен на отдельной скале – вероятно, на той, которая видна в южной внутренней гавани.

После блестящего описания Ти́ра у Иезекии́ля, который сравнил этот город с Херувимом посреди камней огненных, все другие описания будут излишними. Финикияне тирские первые раскрыли обширность земного шара, ограниченного дотол столпами Геркулесовыми. Они были Колумбами древнего мира: *Terraum orbis avida*, говорит Плиний о Тире^[202]. Все науки перешли в Грецию из Финикии. Известно, что Ка́дм, изобретатель письмен, был финикиянин. Ти́рияне обогнули Африку, открыли Тапробану и Индию, проникли в Персидский залив и в Черное море. С другой стороны, они поднялись выше Англии и достигли до Исландии. Греки александровы по взятии Ти́ра узнали, как полагают, от тамошних мореходцев, о существовании Тюле (Thule) или Исландии^[203]. Ти́рияне, для коммерческих выгод, часто скрывали свои открытия^[204]. Древнее название Исландии есть, по свидетельству ученого Бохарта, финикийское, значащее: мрачный

остров^[205]. По мере своих открытий тирияне поселяли везде свои колонии; от одной из них возник Карфаген; но он не помог Тиру при осаде Александра Великого.

Начало Тира скрыто в веках баснословных. Основание его приписывают Агенору, отцу Кадма и Европы; но историческое его существование начинается со времен Иисуса Навина, около 1500 л. до Рождества Христова. В Книге Иисуса Навина он назван *твердым городом Тириян* (Нав 19:29). Всем известны губительные нашествия на Тир Салманасара, Навуходоносора и Александра Великого. Навуходоносор осаждал Тир в продолжение тринадцати лет. Но способы Тира были так велики, что после всех этих злосчастий он вставал почти в прежнем блеске; все это предречено было Пророками. После владычества египтян Тир был покорен Помпеем, Риму. При Императоре Адриане Тир сделался опять столицею Сирии. Впоследствии участь Тира была сопряжена с участью всей Сирии. Восстановленный крестоносцами, он подпал опять под иго мусульман в конце XIII века. Устрашенные судьбою Акры, покоренной сарацинами, почти все жители Тира отплыли в одну ночь и рассеялись по берегам и островам Средиземного моря, оставя знаменитой скале своей одно громкое имя и несколько рыбацких хижин!..

Искупитель мира освятил это грустное место Своим присутствием. Предания палестинские говорят, что здесь в то время, когда Иисус учил народ, одна жена воскликнула из толпы: «Блаженно чрево носившее Тебя, – и грудь вскормившая Тебя!» Во время крестоносцев показывали еще камень, на котором восседал Спаситель, уча народ. Этот камень был увезен, кажется, венецианцами. Он находился на том месте, где теперь развалины соборного храма. Божественный свет Иисуса проник сюда вскоре по Его Вознесении. Мы видим из Деяний Апостольских, что святой Павел, на пути своем из Кипра в Иерусалим, нашел уже здесь церковь или общество христиан, собранных во Имя Иисуса. В Тире был созван собор; знаменитые Епископы пасли здесь церковь. В их числе был известный Вильгельм, прозванный Тирским. Ориген здесь кончил жизнь свою; его гробницу показывали еще в XI веке. Собор, посвященный славным Евсевием Епископом Кесарийским, частью еще существует; я посетил с благоговением его развалины; они значительны и находятся на юго-восточной оконечности Тирского острова. Несколько огромных колонн остались от великолепия храма. Я

всходил на полуразрушенное крыльцо башни глядеть на картину запустения и на солнце, заходящее в шумные волны, поглотившие столько славного! Снежная вершина Эрмона, – Финикийский Саир, на котором погасали последние отблески дня, – хранит, в хладном молчании, верную повесть былого!..

Глава XXII

Сидон

«Усрамися Сидоне, рече море».

(Ис 23:4)

«И отошед оттуда Иисус удалился в страны Тирския и Сидонския».

(Мф 15:21)

Я оставил Тир в тихую, лунную ночь, в исходе 3 часа, направляясь на Сидон. Я должен был с вечера взять от мамыра или коменданта города приказание страже отворить нам ворота.

Дорога идет по самому краю моря, которое с ужасным ревом накатывается на песчаный берег. На рассвете я увидел развалины, называемые *Эль-Касмие*. Это остаток замка эмира Факр-Еддина. За ними мы проехали довольно быструю речку *Эль-Летани* или *Лантани* с древним возобновленным мостом. Тут я должен указать на противоречие, которое я нахожу теперь в других путешественниках, с тем, что я вижу в моем путевом журнале. *Маундрель*, за ним *Покок*, а самый последний *Пужула* называют эту же речку *Эль-Касмие*, по имени развалин, меж тем как настоящее ее нынешнее название *Эль-Летани* или *Лантани*, совершенно согласно с тем названием, которое дает этой реке арабский географ Шериф Ибн-Идрис^[206]. Вероятно, это та река, о которой говорит Страбон, не называя ее^[207]. Поименованные мною путешественники ставят здесь город *Орнитон*, но я не думаю, чтоб это было основательно, потому что, по сказанию Страбона, этот город находился на половине пути от Тира до Сидона^[208] и сверх того, он был во владении сидонян^[209].

При повороте у деревеньки *Зекакие* открываются амфитеатры облачных гор Ливанских – дикое жилище друзов. От Тира до Зекакие ехали мы три с половиною часа. Неподалеку отсюда, на горном скате, находилась *Сарепта*, некогда цветущий город финикийский, славный своими виноградниками и медными и железными рудниками. Моисей в

прощальном благословении своем сказал колену Ассирову, которому принадлежали Сидон и Сарепта: «Железо и медь сапог его будет» (Втор 33:25).

Сюда был послан Богом Пророк Илия к вдове, для пропитания во время общего голода, когда небо *затворилось* на три с половиною года. У бедной вдовы оставалась горсть муки и склянка елея; когда к ней пришел человек Божий, она приготовляла последнюю пищу для себя и для сына, готовясь после умереть с голода. Веруя глаголу Божию из уст Пророка, она поделилась с человеком Божьим последнею предсмертною трапезою, которая обратилась в неиссякаемый источник пищи на все время голода. Здесь воскресил Илия ее единственного сына, умершего в глазах его, перед отчаянною матерью, которой грусть так трогательно выражена в Библии (3 Цар 17). Во время владычества крестоносцев в Сарепте было Епископство. Антоний Мученик говорит, что в его время показывали в Сарепте дом и ложе Пророка и даже самый очаг вдовы. Полагают, что на этом пути встретила жена сиропфиникийская Спасителя, пришедшего в пределы тирские и сидонские от Генисаретского озера; здесь вопияла она вслед Его: «Помилуй мя, Господи, сыне Давидов!» и отвечала Спасителю: «Господи!.. и псы едят крошки, падающие со стола господ своих». Здесь удостоилась она слышать от Иисуса: «О женщина! велика вера твоя! да будет тебе по желанию твоему! И исцелилась дочь ее в тот самый час» (Мф 15). Через полчаса отсюда обратило мое внимание живописное положение селенья Эль-Тантара; оно расположено при небольшом заливе в роскошной тени лавровых, апельсиновых и кипарисных деревьев. Здесь удобнее можно поместить Орнитон или птичий город; веселые роции соответствуют этому названию; но это не половина пути между Тиром и Сидоном; Сидон находится отсюда с небольшим за час езды.

Не доезжая за час до Сидона, мы переехали вброд речку, я не записал ее имени^[210]. Уже неподалеку от Сидона (за половиною часа) возле местечка, называемого *Сейнир*, окруженного садами и рощами, я видел на самой дороге поверженную гранитную колонну, которая обратила мое внимание по своей надписи. Это самая та римская путевая колонна; которую видел Маундрель 138 лет тому назад, я разобрал на ней теперь только следующие слова: CAESAR... SEPTIMVS SEVERVS PIVS... PARTHICVS... AVREL. ANTON... а

Маундрель списал таким образом, с дополнениями: «IMPERATORES CAESARES, L. SEPTIMVS SEVERVS, PIVS PERTINAX, AVG. ARABICVS, ADIABENICVS, PARTHICVS, MAXIMVS, TRIBVNICIA POTES: VI IMP: XI. COS. PRO. COS. P. P. ET M. AVREL: ANTONINVS AVG. FILIVS. EIVS... VIAS ET MILLIARIA FR... Q. VENIDIVM. RVFVM. LEG. AVGG. L... IC. PR. PRAESIDEM... PROVINC... SYRIAERPHOENIC. RENOVAVERVNT. I».

Завоеватель Востока, Септимий Север напоминал на каждой миле свое торжество побежденным народам пышными начертаниями; на этой колонне назван этот край, как в Евангелии Сирофиникийским (Мк 7:26). Этот малый памятник пережил 1600 лет и, может быть, еще долго будет показывать в прахе имя завоевателя Востока и народов, им покоренных, – там, где уже ни имя его, ни народы, им побежденные, не известны!

Сидон не представляется с такою дикостью, как Тир, соперник его славы. Окрестности Сидона хорошо обработаны; везде сады и рощи, он является на горном мысе, который живописно рассекает море. Цитадель построена на вершине горы, город окружает ее и идет далеко по вдающейся в море косе. Остатки его славной пристани, на севере, разбросаны по морю как черные скалы; иные из этих развалин превратились в опасные рифы, другие укрывают еще доселе малое число кораблей, забегających в эту опасную гавань. Она была загромождена и засыпана здешними властями в защиту от флотов египетских и европейских. Эмир друзов, Факр-Еддин, совсем почти уничтожил ее. Сидон, подобно Тиру, имел внутреннюю и наружную гавань; остатки наружной молы, на востоке, также еще видны.

Сидон древнее самого Тира, который мало-помалу поглотил его славу. Иисус Навин называет Сидон *великим*; думают, что он основан первородным сыном Ханаана *Сидоном*, о котором упоминается в Книге Бытия (Быт 10:15). Теперешнее арабское имя *Сидона*, *Саид*, равно правильно, как и древнее имя. Трог Помпей выводит значение *Сидона* от слова, означающего на финикийском языке *рыбу*^[211]; а *Саид* на сирийском языке значит *рыболовство* (подобно как *Виф-Саида* переводится *дом рыбаков*)^[212]. О Сидоне знали до Моисея, это видно из пророчества Иакова Патриарха (Быт 49). Вероятно, что Тир еще не был известен при Омире; но Трог Помпей говорит, что сидоняне, изгнанные царем Аскалонийским, основали Тир за год до разрушения Трои^[213],

меж тем как Омир говорит уже о роскоши Сидона. Сидонянин Мох или Мохус писал уже об атомах, прежде Троянской войны^[214]. Соломон писал к Гираву, царю Тирскому: «Тебе известно, что у нас никто не знает так хорошо плотничью работу, как Сидоняне» (3 Цар 5:6); это уже доказывает, что тогда сидоняне были наемниками Тира, что видно также из пророчества Иезекииля. Сидонский художник Везелеил употреблен был для строения Скинии Завета. Авдемон Тирский дерзнул предлагать спорные тезы самому Соломону^[215]. Главная слава сидонян основана была на механических искусствах. Тонкость льняных тканей сидонских прославлена всеми поэтами древности. Хрусталь также был одним из лучших произведений Сидона. Этот город был управляем царями при Иисусе Навине и после (Нав 19:28; Иер 25:22). Иезавель, жена Ахава, была дочерью царя Сидонского. Сидон достался по жребию колену Ассира, который однако не мог покорить его (Нав 19:28; Суд 1:31), отчего он и остался до времен Спасителя во мраке идолопоклонства Ваалу, Асфароту и Асфороте (Венере).

Роскошь сидонян соблазнила Соломона, который принял временно их божество в Иерусалиме.

«И не будешь ктому, – взывает Именем Бога Иезекииль Сидону, – и не будешь ктому дому Израилеву остен горести и терн болезни от всех окрестных его обесчестивших их, и уразумеют, яко Аз есмь Адонаи Господь!» «Се Аз на тя, Сидон, и прославолюся в тебе, и уразумеют, яко Аз есмь Господь, егда сотворю в тебе суд и освящуся в тебе. И пошлю на тя смерть, и кровь в стогнах твоих будет, и падут язвения среди тебе мечем, в тебе и окрест тебе и увидят, яко Аз Господь». Вследствие страшного пророчества Сидон был ниспровержен Навуходносором; меч, глад и чума опустошили его. В нашествие египтян при Сесаке он подпал под их владычество; от них перешел к Киру. Ахаз, персидский военачальник, поднял знамя бунта в Финикии; Сидон был тогда разрушен и восстановлен. Возродившийся город был опять завоеван Александром. В это время Сидон был управляем Стратоном, постановленным Дарием. Александр вручил скипетр сидонский добродетельному Абдолониму, которого предки были некогда царями; а он сам занимался обработыванием своего сада, его единственного достояния. – Птоломеи владели Сидоном, который за 66 лет до Рождества Христова подпал под владычество римлян.

Мы видим из слов евангельских, что учение Спасителево проникло очень поздно в Сидон, хотя тиряне и сидоняне часто стекались слушать Его Божественные поучения и получать исцеления – даже к озеру Тивериадскому (Мк 3:8; Лк 6:17–18). «Горе тебе, Хоразин, – восклицал Сын Человеческий, – горе тебе, Вифсаида! ибо если бы в Тире и Сидоне явлены были силы, явленные в вас, давно бы, сидя во вретнице и пепле покаялись; но и отраднее будет на суде Тиру и Сидону нежели вам» (Лк 10:13–14). Хоразин, Вифсаида и Капернаум исчезли с лица земли, как мы видели, а Тир и Сидон, посыпанные пеплом и в развалинах, игральщица моря, некогда им подвластного, встают из него, как призраки их минувшей славы! Исаия заставляет море говорить Сидону: «Усрамяся, Сидоне, рече море, крепость же морская рече: ни болех; ни породих, ни воскормих юнош, ниже вознесох девиц!» (Ис 23:4). Что Спаситель был в Сидоне, мы видим из Евангелия: «Иисус удалился в страны Тирския и Сидонския». «Не требуют здравые врача, но болящие». Сердце Иисусово влекло его всегда к грешникам и к непокаявшимся. Святой Павел приставал к Сидону, на пути в Италию, обремененный узами; он нашел уже тогда среди жителей Сидона нескольких друзей христиан, с которыми Юлий, начальник Павловой стражи и дружелюбный к Апостолам, позволил ему видеться (Деян 27:3). В 636 году по Рождестве Христовом Сидон сделался добычею мусульман. Балдуин, король Иерусалимский, завладел им в 1111 году. Людовик, король Французский, прозванный Святым, завладел Сидоном в 1250 году. Ему обязан этот город своим возобновлением. Здесь этот христоролюбивый монарх погребал своими руками истлевшие тела христиан после многочисленных битв^[216]. С 1289 г. он опять подпал под владычество неверных. Во время крестоносцев Сидон имел Епископство, зависевшее от Тира. Здесь теперь две церкви христианские, греческая и латинская, и сверх того часовни армян и маронитов. Есть и за городом одна христианская церковь, в развалинах; она посвящена Пророку Илии. Некоторые сказывают, что там Иисус Христос говорил свои поучения сидонянам. Это место называется *Саида Мар-Елиас*.

В Сидоне считают до 6500 человек жителей; в этом числе 500 христиан и несколько евреев. Город с береговой стороны обнесен стенами. Цитадель в развалинах; ее возобновление приписывают Людовику. С северной стороны есть также небольшая цитадель,

посреди моря, на скале, которая соединена с городом живописным мостом с семью или восемью аркадами. В городе несколько мечетей, бань и ханов; базар оживлен изрядною торговлею, которая производится большею частью шелками и хлопчатую бумагою. Сидон находится в постоянном сношении с Дамаском. Улицы проложены большею частью под сводами. Дворы домов имеют бассейны с водою, которая проведена из-за города; там еще видны остатки древних водопроводов.

Несколько европейских факторов и французский консул живут в Сидоне. Неподалеку от городского предместья, на юге, в саду, есть развалившаяся мечеть, где мусульмане показывают гробницу Завулонову; но это не имеет никакого основания. Известно, что Завулон и все сыны Иакова умерли в Египте; хотя они и были перенесены оттуда в землю Ханаанскую, но место их погребения находится в Сихеме. Тут же показывают гробницы Пророка Софонии и Везелеила, художника Скинии Завета. Это предания еврейские и мусульманские.

Сидон испытал менее злосчастий, чем Тир. Сидоняне пользовались большим миром и досугом. В Книге Судей говорится о их беспечной жизни: «И идоша пять мужи, и приидоша в Лаис: и видеша людей живущих в нем, сидящих со упованием по обычаю Сидонян в тишине и надежде, и не бе устрашай, или посрамляй словесе на земли, наследник истязуяй сокровища: зане далече бяху от Сидонян, и не имяху словесе с киимлибо человеком» (Суд 7).

Сидоном оканчивается Святая Земля! За Сидоном исчезает для христианина утешение лобызать следы Божественных стоп своего Искупителя! Переступив границы Сидона, чувствует сердце то же, что чувствовали Апостолы, когда Иисус вознесся при их глазах на небо, – когда светлое облако взяло Его из виду их! Как бы слышится голос Ангела: «Мужи Галлилейские, что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо!»! Сладостен этот голос небесного жителя: – да утешит он грусть каждого христианина, покидающего землю, где совершилось его искупление, – землю, в которой он видит свою родину, не по плоти, а по духу!

Здесь я оканчиваю мое путешествие по Святой Земле.

Иерусалим, бедный, дикий, разрушенный, пастушеский Вифлеем, забытый в горных ущельях Назарет, разбросанные груды городов израильских, заглохшие пути Земли Обетованной – преисполнили все мои надежды! Увидев Святую Землю, я узнал всю тщету виденного мною доселе, – и если б я начал свой путь на Восток с Палестины, то не поехал бы смотреть колоссальное великолепие древних египтян!

Ваше же небо, придеться такимъ же образомъ
какъ вы видите его восходящимъ на небо! и

Сладостенъ этотъ слухъ зрителю небеснаго.
да утешитъ оху грѣшнъ каждаго Христіа-
нина побѣдоносца со слезами Святыя Земли, ^{гдѣ совершилось его}
вѣ ^{кто далъ намъ, охъ видимъ свою} ~~которая древнейшею~~ ~~дѣла~~ ~~его~~ ~~рабство~~ ^{искупленіе,}
не по плоти а по духу!

Этѣмъ ~~же~~ ^{зачѣмъ} оканчиваю я мое Путешес-
твіе въ Святуя Землю.

Іерусалимъ Божій, дикій, разрушенный,
Затѣмъ ~~и~~ ^и Палестинскій Вилленинъ,
забитый въ угорьскія ущелья Ма-
зарета, разбросанныя груды городовъ
Израильскихъ, зашедшія пути Земли
обътованной, преполнили все мое
надежды. Извидѣвъ Святуя землю
я узналъ всю ^{тѣмноту} ~~тѣмноту~~ видѣннаго мною
досель и слышу я началъ свой путь на
Востокъ съ Палестины, то не похвалю
въ слепотѣ ~~на~~ Колосамбнаго велико-
лѣтія древнихъ Египтянъ.

Конецъ.

**Гравированные виды Святой Земли,
помещенные в первом издании А. С.
Норова**

Пояснение видов

1) *Иерусалим* (к стр. 105); вид, снятый с горы Элеонской воспитанником С.-Петербургской Императорской Академии Художеств Г. Ефимовым. (На гравировке, ошибкою, подписано мое имя) Этим видом я обязан А. И. Сабурову. На *первом плане* видны кладбище еврейское и гробница Авессаломова в долине Иосафатовой; на *втором* – вершины маслин Гефсиманского сада и крыша погребального вертепа Пресвятой Богоматери. В стенах Иерусалима видны раскрытые врата Овчие или Гефсиманские, а левее от них – заделанные *Золотые ворота*. Возвышающееся посреди города здание есть мечеть Омарова; левее, на том же плане, мечеть *Эль-Акса*, прилегающая к стенам города; еще левее, на заднем, последнем плане, гора и мечеть Сионская; против середины города, видимые на задней оконечности, башни принадлежат *Замку Давидову*. Вправо от купола мечети Омаровой видные вдали два купола, на оконечности города, принадлежат Храму Гроба Господня.

2) *Гора Элеонская* (против. стр. 225). *Первый план* принадлежит той высоте, на которой основан Иерусалим и откуда снят этот вид; он достаточно объяснен на стр. 225–226. Этот вид может также служить пояснением к стр. 112–113. Видная на вершине горы башня принадлежит мечети, построенной на самом месте Вознесения Христа Спасителя.

3) *Иерусалим* (боковой вид, с запада; к стр. 257). На первом плане – южная оконечность горы Сионской, на втором – южная оконечность горы Мории с частью Иерусалима (мечеть Эль-Акса и мечеть Омарова). Внизу – ущелье или долина Гигонская. Последний план занят трехвершинною горою Элеонскою. Собственно *гора Элеонская* с мечетью Вознесения на ее вершине занимает средину; налево – гора *Мужей Галилейских*, а направо – *гора Соблазна*. На скате этой последней горы расположено селение *Силоамское*. На скате горы *Соблазна*, за оконечностью горы Мории, видна гробница Захарии и украшенный колоннами вертеп Св. Иакова.

4) *Июта* (Горный град Иудов). Дом Захарии и Елисавет. См. описание на стр. 323.

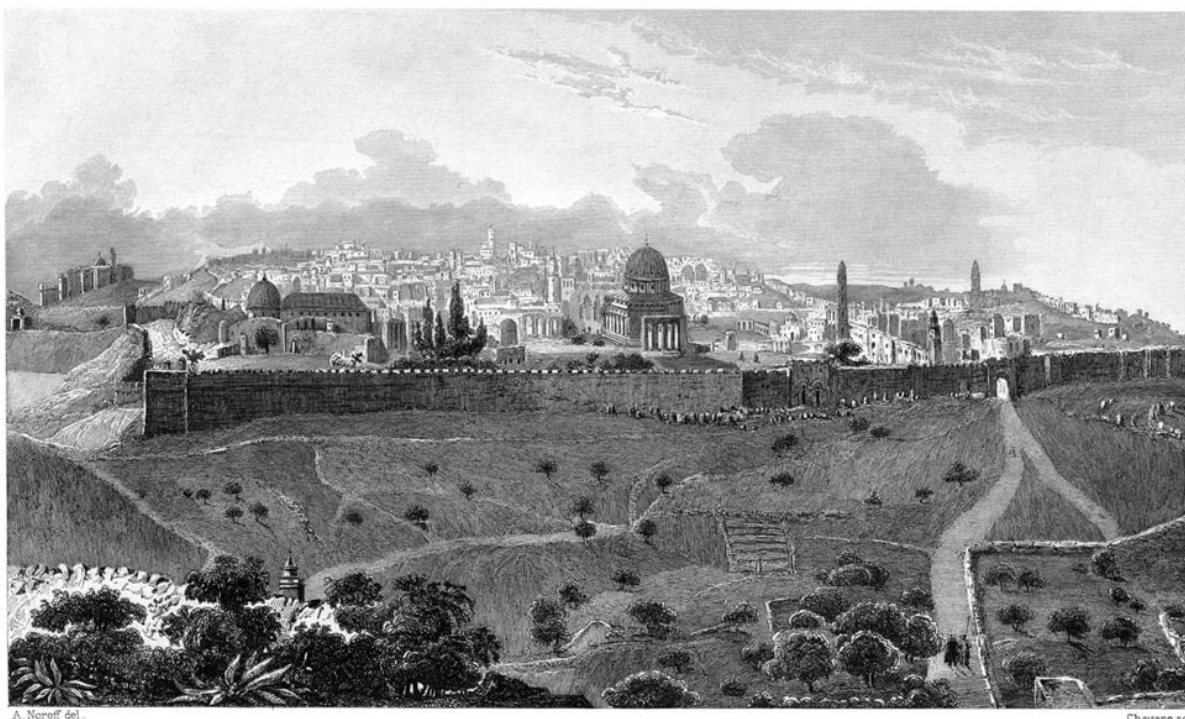
5) *Гора Фавор*. См. описание на стр. 186–187. На предпоследнем плане первый хребет гор закрывает Тивериадское озеро, а последний

хребет находится по ту сторону озера, за Иорданом.

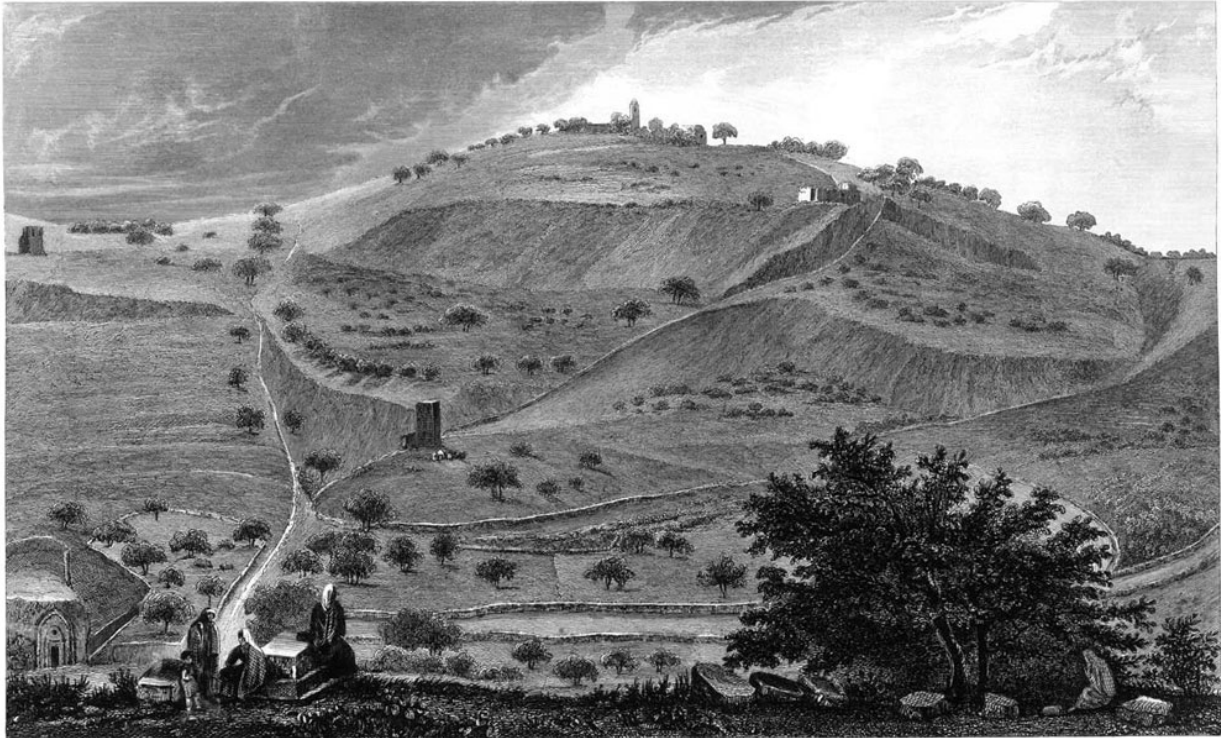
6) *Вефиль*. (См. описание на стр. 11)

7) *Вифания* (погребальный вертеп Лазаря; к стр. 21). Горы, которые видны налево, идут по направлению к Мертвому морю.

8) *Вифлеем* (долина пастырей; к стр. 57). Первый план – спуск по дороге от развалин Фекоа. На втором плане – *долина Вифлеемская*; место, где Ангелы возвестили пастырям Рождество Искупителя, видно посредине этой долины; оно занято садом и обнесено огорожьбою. Насупротив этого места самая приметная высота занята, на верхнем скате, Вифлеемом. Селение, находящееся у подошвы этой горы, принадлежит пастухам вифлеемским. Последние высоты принадлежат горам Иудейским.

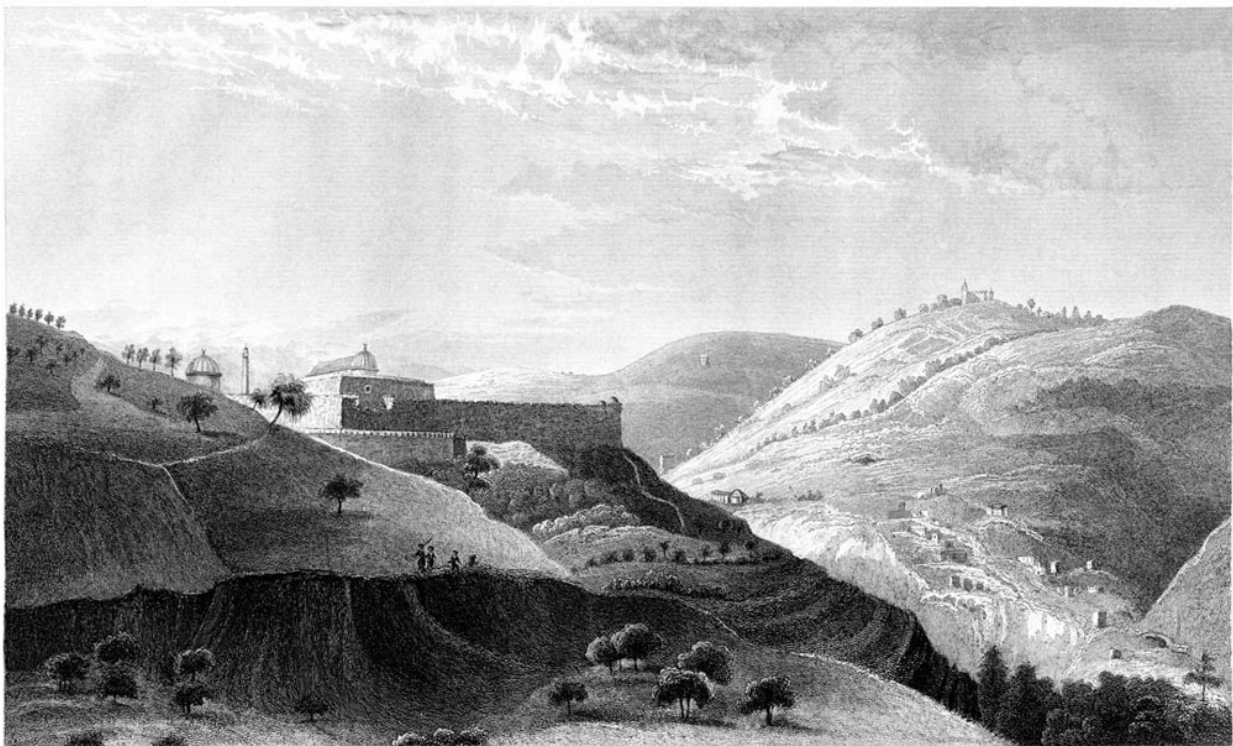
1. Вид Иерусалима с Елеонской горы

A. Noraff del.

Chavene sc.

2. Гора Елеонская

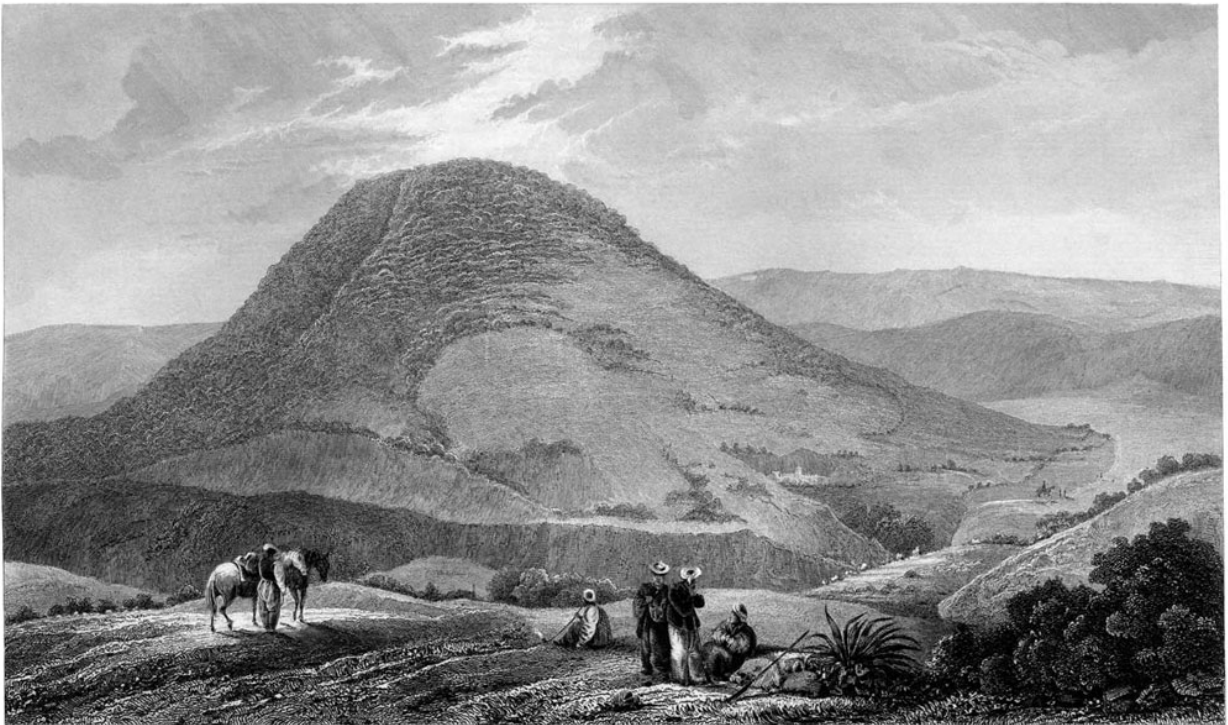

3. Иерусалим. Вид с запада

Дюбрюа.

4. Горний град Иудов

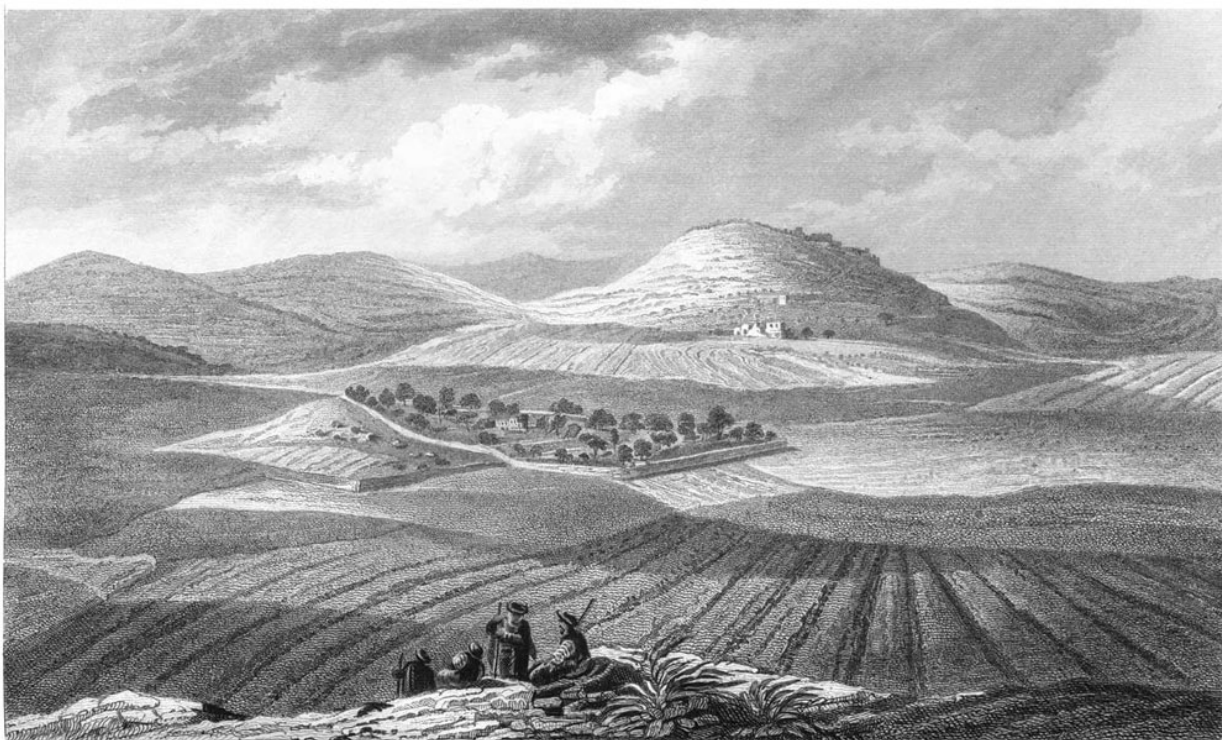
5. Гора Фавор

6. Вефиль

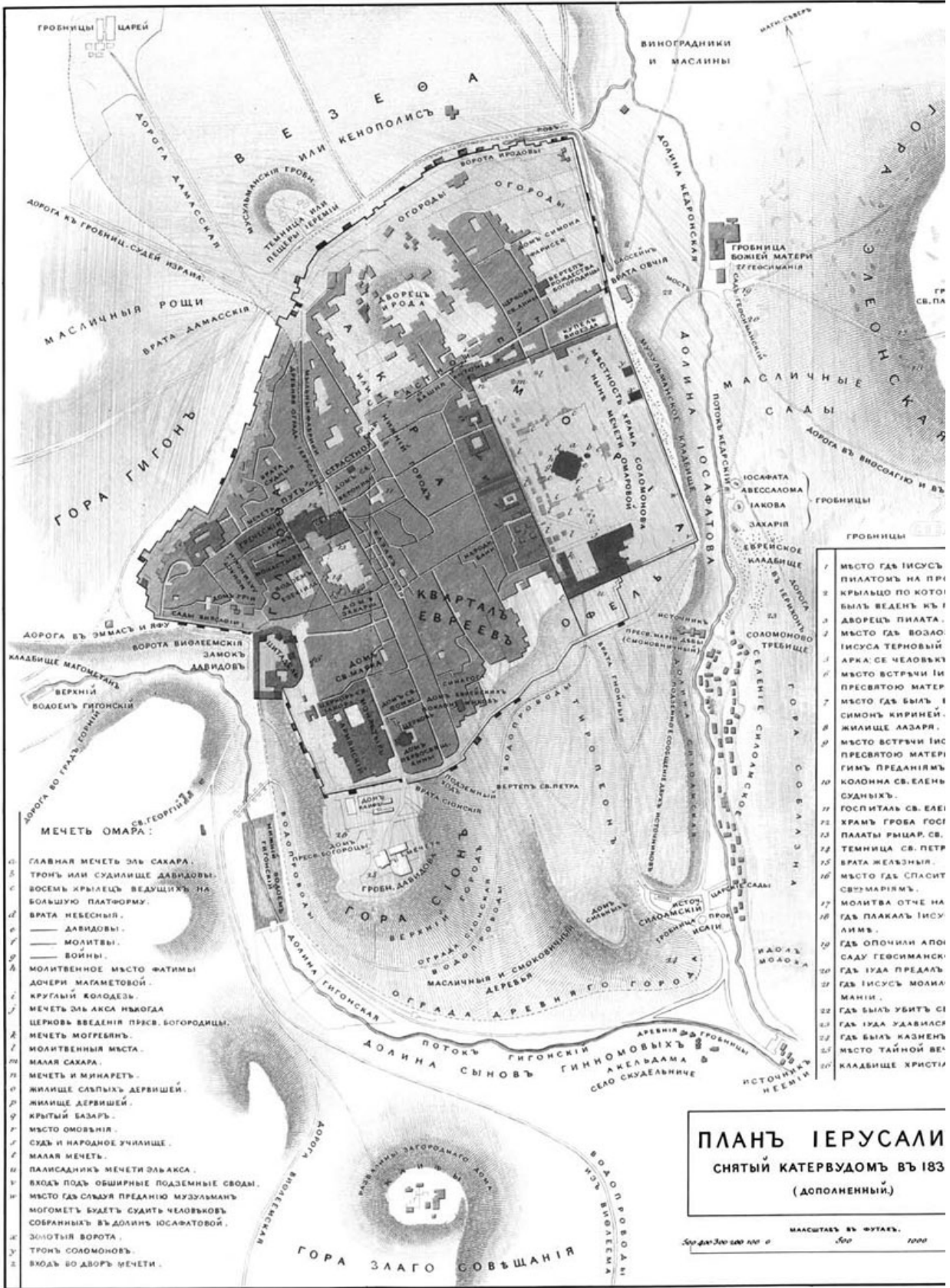

7. Вифания. Погребальная пещера Лазаря

8. Долина пастырей близ Вифлеема

Карты и планы

- МЕЧЕТЬ ОМАРА:
- 1. ГЛАВНАЯ МЕЧЕТЬ ЭЛЬ САХАРА.
  - 2. ТРОНЬ ИЛИ СУДИЛИЩЕ ДАВИДОВА.
  - 3. ВОСЕМЬ КРЫЛЕЦЪ ВЕДУЩИХЪ НА БОЛЬШУЮ ПЛАТФОРМУ.
  - 4. ВРАТА НЕБЕСНЫЯ.
  - 5. ДАВИДОВЫЯ.
  - 6. МОЛИТВЫ.
  - 7. ВОИНЫ.
  - 8. МОЛИТБЕННОЕ МЪСТО ФАТИМЫ ДОЧЕРИ МАГАМЕТАВЪ.
  - 9. КРУГЛЫЯ КОЛОДЕЦЪ.
  - 10. МЕЧЕТЬ ЭЛЬ АКСА НЪКОГДА.
  - 11. ЦЕРКОВЬ ВВЕДЕНІЯ ПРЪСВ. БОГОРОДИЦЫ.
  - 12. МЕЧЕТЬ МОГРЕБНЪЯ.
  - 13. МОЛИТБЕННЫЯ МЪСТА.
  - 14. МАЛАЯ САХАРА.
  - 15. МЕЧЕТЬ И МИНАРЕТЬ.
  - 16. ЖИЛИЩЕ СЪЛПЪХЪ ДЕРВИШЕЙ.
  - 17. ЖИЛИЩЕ ДЕРВИШЕЙ.
  - 18. КРЫТЫЙ БАЗАРЪ.
  - 19. МЪСТО ОМОВНІЯ.
  - 20. СУДЪ И НАРОДНОЕ УЧИЛИЩЕ.
  - 21. МАЛАЯ МЕЧЕТЬ.
  - 22. ПАЛАСАДНІЯ МЕЧЕТЬ ЭЛЬ АКСА.
  - 23. ВХОДЪ ПОДЪ ОБШИРНЫЯ ПОДЗЕМНЫЯ СВОДА.
  - 24. МЪСТО ГДЪ СЪЛЪЖА ПРЪДАНІЮ МУЗУЛМАНЪ.
  - 25. МОГОМЕТЪ БУДЕТЪ СУДИТЬ ЧЕЛОВЪКОВЪ СЪБРАННЫЯ ВЪ ДОЛИНЪ ЮСАФАТОВОЯ.
  - 26. ЗЛОУПЪЯ ВОРТА.
  - 27. ТРОНЬ СОЛОМОНОВЪ.
  - 28. ВХОДЪ ВО ДВОРЪ МЕЧЕТИ.

- 1 МЪСТО ГДЪ ИСУСЪ НА ПРЪ КРЫЛЬЦОМЪ ПО КОТО БЫЛЪ ВЕДЕНЪ КЪ ДВОРЕЦЪ ПИАТА.
- 2 МЪСТО ГДЪ ВОЗЛО ИСУСА ТЕРНОВЫЯ АРКА СЕ ЧЕЛОВЪКЪ.
- 3 МЪСТО ВСТРЪЧИ ИИ ПРЪСВЕТОЮ МАТЕР.
- 4 МЪСТО ГДЪ БЫЛЪ І СИМОНЪ КИРИНЕИ.
- 5 ЖИЛИЩЕ ЛАЗАРА.
- 6 МЪСТО ВСТРЪЧИ ИИ ПРЪСВЕТОЮ МАТЕРИ ГИМЪ ПРЪДАНІЯМЪ КОЛОННА СВ. ЕЛЕИ СУДННІХЪ.
- 7 ГОСПИТАЛЬ СВ. ЕЛЕИ.
- 8 ХРАМЪ ГРОБА ГОСИ.
- 9 ПАЛАТЫ РИШАЯ СВ. ТЕМНИЦА СВ. ПЕТР.
- 10 ВРАТА ЖЕЛЪЗНЫЯ.
- 11 МЪСТО ГДЪ СПАСИТ СЪВЪМАРІЯМЪ.
- 12 МОИТВА ОТЧЕ НА ГДЪ ПЛАКАЛЪ ИСУСЪ ЛИМЪ.
- 13 ГДЪ ОПОЧИЛИ АПО САДУ ГЕФСИМАНСК.
- 14 ГДЪ ІУДА ПРЪДАЛЪ.
- 15 ГДЪ ИСУСЪ МОЛИА МАНІЯ.
- 16 ГДЪ БЫЛЪ УБИТЬ СІ ГДЪ ІУДА УДАВИЛАСЯ.
- 17 ГДЪ БЫЛЪ КАЗНЕНЪ.
- 18 МЪСТО ТАЙНОЙ ВЪ КЛАДБИЩЕ ХРИСТИ.

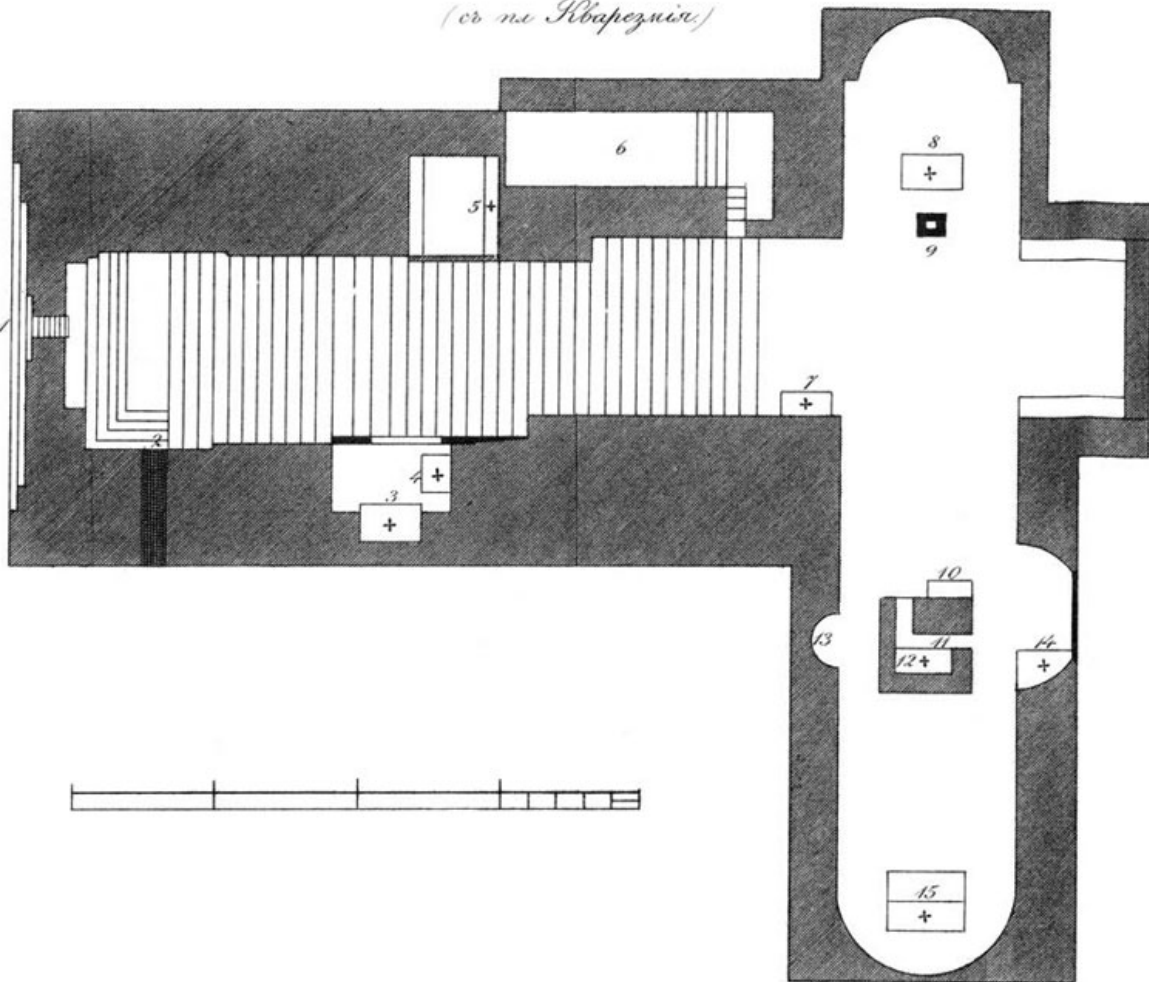
ПЛАНЪ ІЕРУСАЛИ
 СНЯТЫЙ КАТЕРВУДОМЪ ВЪ 183
 (ДОПОЛНЕННЫЯ)

МАСШТАБЪ ВЪ ФУТЪХЪ.
 1000

План Иерусалима, составленный Катервудом в 1835 г.
и дополненный А. С. Норовым

*Погребальная Пещера Пресвятой Богоматери.
в Гефсимании.
(ср. на Иваразии.)*

Погребальной пещеры Пресвятой Богоматери в Гефсимании

1 Вход.

2 Заделанное сообщение с молитвенною пещерою Спасителя.

3, 4 Гробницы Святых Иоакима и Анны.

5 Гробница Св. Иосифа.

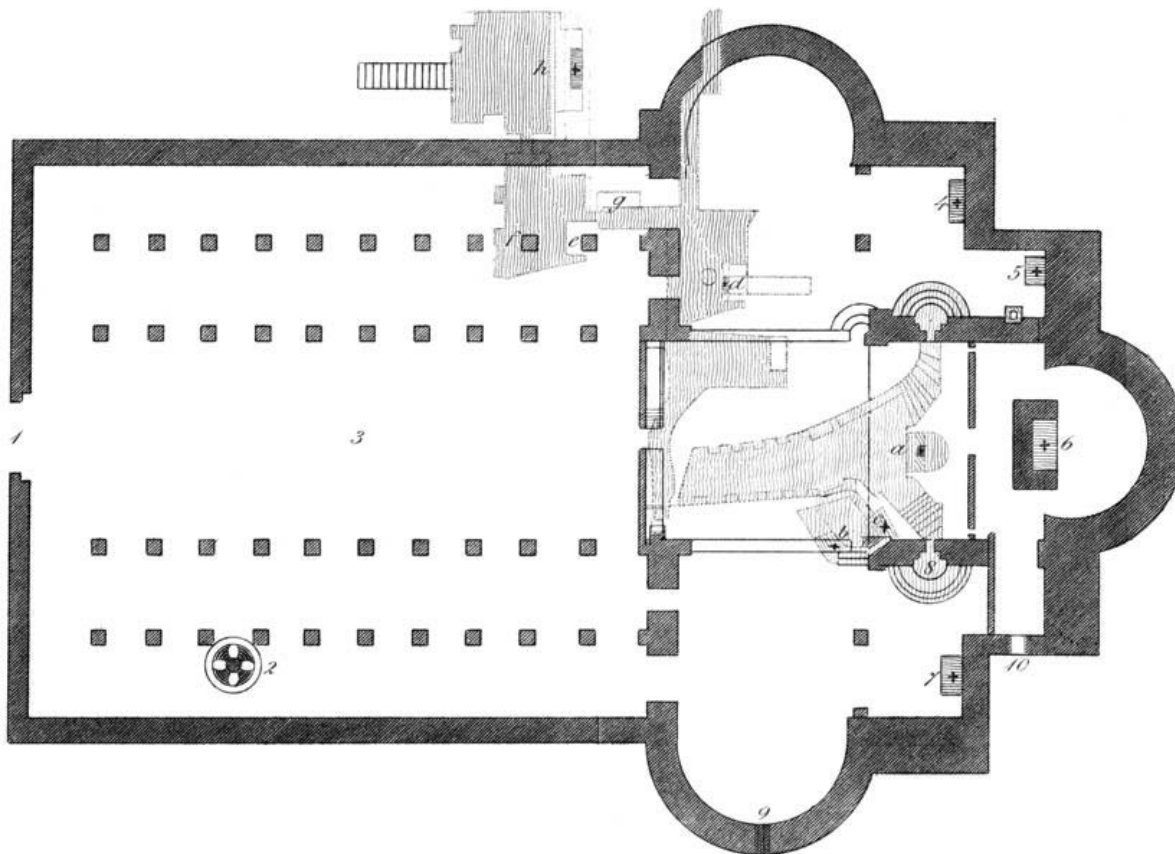
6 Неизвестное место, где теперь кельи греков.

7 Жертвенник армянский.

8 Престол абиссинцев.

9 Колодезь.

- 10 Жертвенник греческий.
- 11 Погребальный вертеп Пресвятой Богоматери.
- 12 Гробовой камень Пресвятой Богоматери.
- 13 Молитвенное место мусульман.
- 14 Престол якобитов.
- 15 Жертвенник греческий, общий с армянами.

Храма Рождества Христова в Вифлееме

- 1 Вход.
- 2 Купель.
- 3 Трапеза.
- 4 Престол армянский.
- 5 Престол греческий.
- 6 Главный Престол греческий.
- 7 Престол греческий Св. Николая.
- 8 Сход в вертеп Рождества Христова.
- 9 Малый боковой вход.

В вертепе Рождества Христова:

а) Престол греческий, общий с латинцами, на месте Рождества Христова.

б) Престол католический, над яслями, в которые был положен Младенец Иисус.

с) Престол во имя трех волхвов.

д) Престол в память убиенных младенцев.

е) Гробница Паулины и Евстахии.

ф) Гробница Блаж. Иеронима.

г) Гробница Евсевия.

h) Келья Блаж. Иеронима.

Изъяснение плана Храма Гроба Господня

1 Вход во Храм.

2 Место мусульманского стража.

3 Место помазания Пресвятого тела Спасителя.

У подошвы Голгофы:

4 Гробница короля Годофреда.

5 Гробница короля Балдуина.

6 Гробница Мельхиседека.

7 Придел Св. Иоанна Предтечи и Адама.

8 Комната греческого ризничего.

9 Вершина Голгофы и место, где был водружен Крест Христа Спасителя.

10 Алтарь армян.

11 Место, где находилась Матерь Божия, когда было помазуемо Пресвятое Тело Христа Спасителя.

12 Вход в жилище армян.

В приделе Гроба Господня:

13 Остаток камня, отваленного от входа в погребальный вертеп Спасителя.

14 Погребальный вертеп и Гроб Христа Спасителя.

15 Алтарь коптов.

16 Алтарь сириан.

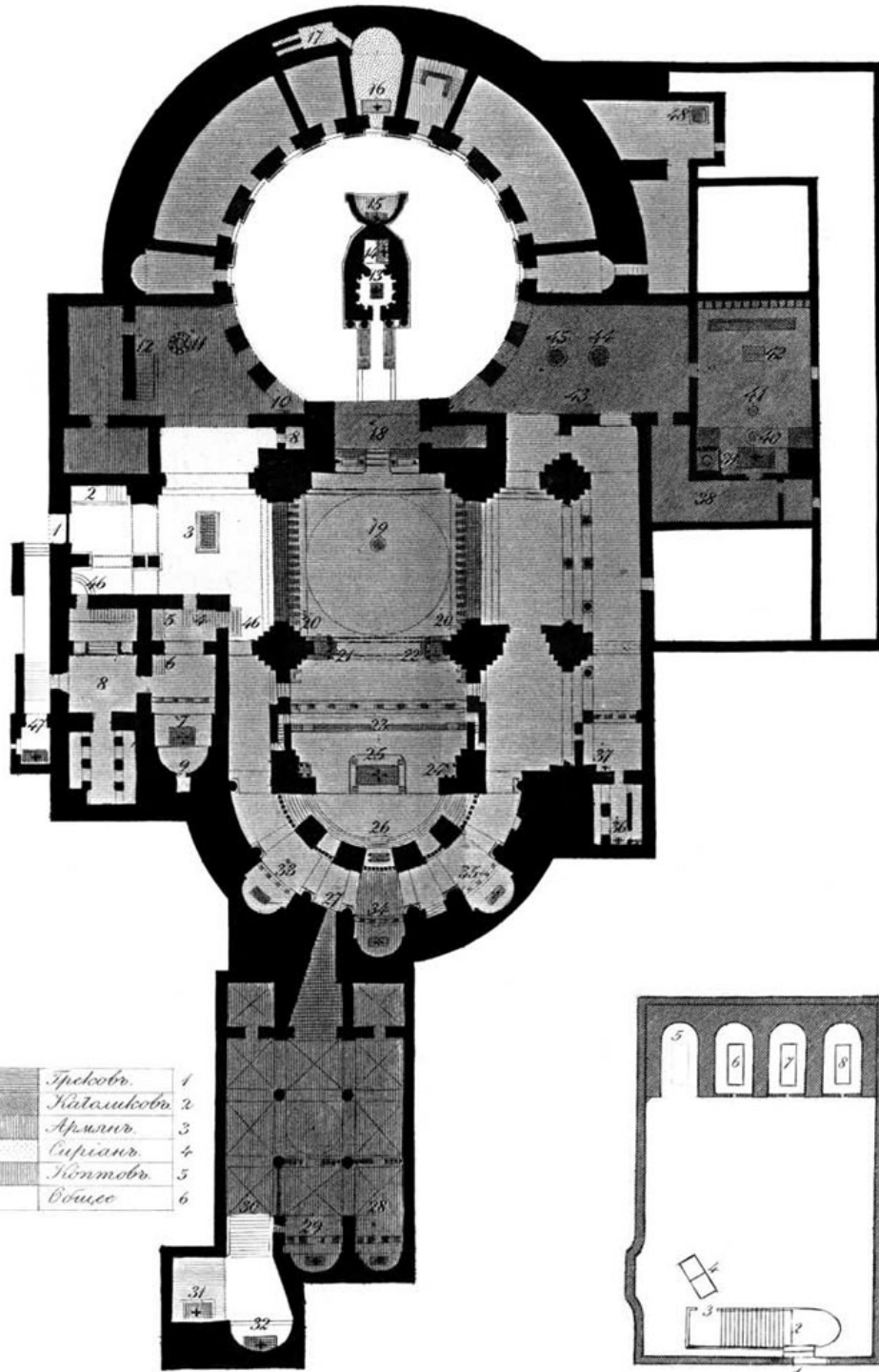
17 Гробницы Иосифа и Никодима.

18 Арка, называемая *Царская*.

19 Средина греческого собора, где означают *средину земли*.

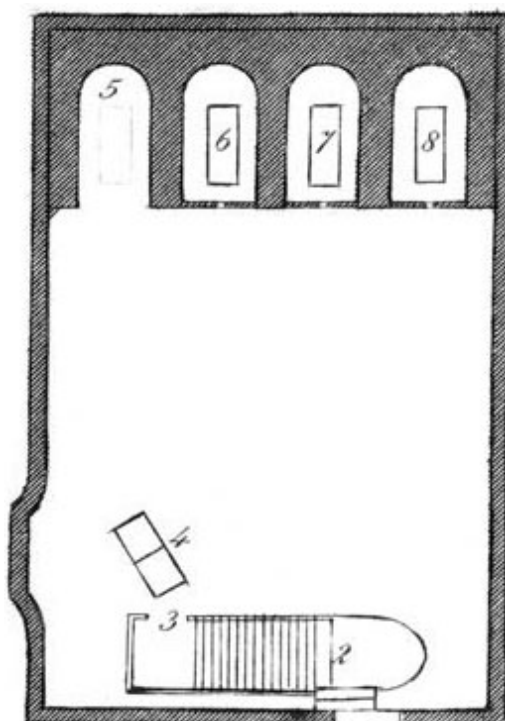
- 20 Место для иноков во время богослужения.
- 21 Место Патриарха Иерусалимского.
- 22 Место для других Патриархов.
- 23 Царские двери и иконостас.
- 24 Жертвенник.
- 25 Престол.
- 26 Место Патриарха в алтаре.
- 27 Крыльцо, ведущее вниз на 49 ступеней, к месту обретения Креста Господня.
- 28 Придел благого разбойника.
- 29 Придел Св. Елены.
- 30 Сход по 13 ступеням к месту обретения Креста Спасителя.
- 31 Место обретения Креста Спасителя.
- 32 Алтарь католиков.
- 33 Придел поругания и остаток от колонны, к которой Спаситель был привязан в претории Пилата.
- 34 Придел разделения риз Господних.
- 35 Придел Лонгина Сотника.
- 36 Придел Пресвятой Богородицы.
- 37 Узы Христовы.
- 38 Ризница католиков.
- 39 Другая часть колонны поругания, см. № 33.
- 40 Место, где был узнан Крест Христа Спасителя.
- 41 Место, где Иисус явился Пресвятой Матери Своей.
- 42 Алтарь и церковь католиков.
- 43 Алтарь католиков.
- 44, 45 Место, где явился Спаситель Марии Магдалине.
- 46 Крыльца, ведущие на гору Голгофу.
- 47 Отдельный придел Св. Елены.
- 48 Колодезь.

*Планъ Храма Господня.
въ Сербскомъ.
(ср. на. Тма Воротъба?)*

	Преломъ.	1
	Катаракта	2
	Архивъ.	3
	Свѣтъ.	4
	Клонъ.	5
	Вѣнецъ	6

*Манастиръ Св^та Иоанна Непомучен
въ Сербскомъ.*

Темницы Св. Иоанна Крестителя в Самарии

1 Наружный вход.

2 Спуск в темницу.

3 Вход в темницу.

4 Обрушенная каменная дверь.

5 Место усекновения главы Св. Иоанна.

6 Гробница Прор. Авдия.

7 Гробница Св. Иоанна Крестителя.

8 Гробница Прор. Елисея.

Норов на Святой Земле

О причине, побудившей его отправиться на Святую землю, Авраам Сергеевич Норов высказался со всей откровенностью уже в самом начале книги. «Пройдя половину пути жизни, я узнал, что значит быть больным душою. Волнуемый каким-то внутренним беспокойством, я искал душевного приюта, жаждал утешений, нигде их не находил и был в положении человека, потерявшего путь и бродящего ощупью в темноте леса».

В 1834 г. ему исполнилось 39 лет. Позади была учеба в Университетском благородном пансионе, откуда, не кончив курса, но, сдав экзамены по военным наукам, он вышел юнкером в артиллерию. В 1812 г. гвардейский прапорщик А. С. Норов, командовавший полубатареей из двух пушек, был тяжело ранен и ему ампутировали по колено правую ногу (впоследствии арабы прозвуют его «отцом деревяшки»). Одна ко, несмотря на инвалидность, он не оставляет военной службы и только в 1823 г., уже полковником, определяется к статским делам.

Все свободное время Норов продолжает отдавать литературе и истории, влечение к которым, по собственному признанию, испытывал с самого детства. Еще в 1816 г. публикуются его первые переводы из Вергилия и Горация, затем наступает очередь переводов с подлинников из Анакреона и из классической итальянской поэзии: Ф. Петрарка, Л. Ариосто, Т. Тассо. С особым чувством Норов переводит Данте, ставшего одним из любимых поэтов. Неслучайно, «Путешествию по Святой Земле в 1835 году» предпосланы в качестве эпиграфа начальные строки из «Божественной комедии» Тосканского Омира, как нельзя лучше отвечающие тогдашнему душевному состоянию автора: «Земную жизнь пройдя до половины...» и т. д. (пер. М. Лозинского). Их парафраз, по определению самого автора, и открывает «Путешествие по Святой земле». К слову сказать, Норов владел классическими и древнееврейскими языками, а также английским, французским, немецким, итальянским (знал до тонкостей, включая, например, сицилийский диалект), испанским и некоторыми славянскими (чешским и лужицким).

По литературным пристрастиям Норов был скорее «классиком», чем «романтиком», предпочитавшим «французский театр» (Корнеля, Расина и др.) драматургии Шиллера и Гете. Однако вслед за Лагарпом он одним из первых начинает переводить и Андре Шенье, и эти переводы многими современниками признаются образцовыми. Столь же высокую оценку получают и некоторые оригинальные сочинения Норова, например, отрывки из обширной дидактической поэмы «Об астрономии», печатавшиеся еще в 1818–1823 г. в «Благонамеренном», «Вестнике Европы» и «Сыне Отечества». В это время он становится действительным членом Вольного общества любителей словесности, наук и художеств и Вольного общества любителей российской словесности. Впоследствии Норов будет избран действительным членом Российской Академии наук по Отделению русского языка и словесности, Председателем Археографической комиссии, членом Русского географического и многих других отечественных и зарубежных научных собраний и обществ.

Тогда же Норов предался библиофильской страсти и с годами его книжное и рукописное собрание стало одним из лучших в России (16 тысяч экземпляров). Оно включает памятники XV–XIX вв., в том числе 155 инкунабул: редчайшее роскошное издание «Естественной истории» Плиния, первое иллюстрированное издание «Божественной комедии», представительную подборку первых и прижизненных изданий Дж. Бруно и Т. Кампаннеллы и множество других раритетов. В составе библиотеки книги по археологии, философии, русской, всеобщей и церковной истории, лингвистике, математике, астрономии, греческие, византийские рукописи, автографы выдающихся русских и иностранных ученых, а также государственных деятелей. После путешествия по Святой Земле в 1835 г. он стал собирать все, что было написано о Востоке. «Одно собрание сочинений, относящихся вообще к Востоку и, в особенности к Египту и Палестине, – писал биограф Норова, – составляет отдельную, единственную в своем роде по полноте своей и редкости изданий библиотеку, с которой, по свидетельству специалистов, едва ли может равняться какая-либо из публичных европейских библиотек».^[217] (Коллекция А. С. Норова ныне хранится в РГБ).

Свое собрание Норов активно пополняет во время заграничных путешествий. Первое он совершил в 1821–1822 гг., посетив Германию,

Францию, Италию и Сицилию. О путевых впечатлениях молодой литератор рассказал в ряде очерков и стихотворений («Поездка в Оверню», «Литературный вечер в Риме», «Остров Нордерней. Послание к Д. П. Глебову» и др.), печатавшихся в различных русских периодических изданиях. Его первой книгой стало «Путешествие по Сицилии в 1822 году» (ч.1–2., СПб., 1828). В 1827 г. чиновника особых поручений при Министерстве внутренних дел А. С. Норова прикомандировали к адмиралу Д. Н. Сенявину, с которым он совершил два заграничных плавания, в частности, участвовал в проведении русских судов до Портсмута и обратно. В результате в «Литературной газете» Дельвига-Пушкина в 1830 г. появился норовский очерк «Прогулка в окрестностях Лондона» с указанием: «Виндзор августа 20 1827».

Норов вхож в литературные салоны обеих русских столиц, не принадлежа ни к какой литературной партии, он печатался в журналах и альманахах противоборствующих направлений, дружен с ведущими литераторами: В. А. Жуковским, О. М. Сомовым, И. И. Дмитриевым, П. А. Вяземским, О. И. Сенковским, близок с будущим славянофилом А. И. Кошелевым (с которым по матери состоял в родстве) и др. Пушкин, пользовавшийся его библиотекой для исторических изысканий, явно расположен к нему и обращается в письмах на «ты» – словом, «любезный полковник», «ученейший собеседник», «честный человек, отличающийся благородством и душевной теплотой», как будто всем пришелся по сердцу. Можно добавить, что современники едва ли не единодушно отмечали его внешнюю привлекательность и неизменный успех у представительниц слабого пола.

И, несмотря на все это, на вполне успешное восхождение по служебной лестнице в начале 30-х гг. XIX в. А. С. Норова явно настигает душевный кризис. Выход из него, судя по всему, он ищет в полном соответствии с девизом на гербе старинных дворян Норовых (известны с сер. XV в.): «*Omnia si perdas animum servare memento*», что можно перевести как: «Даже все потеряв, помни о спасении души». Глубокая, если можно так выразиться, фамильная религиозность совпала здесь с любознательностью или даже исследовательской пытливостью, обращенной к окружающему миру.

Однако продолжим прерванную цитату из авторского предисловия к «Путешествию по Святой земле в 1835 году»: «Мысль о путешествии

в Святую Землю давно таилась во мне; я не чужд был любопытства видеть блестящий Восток; но Иерусалим утвердил мою решимость: утешение лобызать следы Спасителя мира на самых тех местах, где Он совершил тайну искупления человечества, заставило меня превозмочь многие препятствия».

8 августа 1834 г. действительный статский советник (с 1832 г.) А. С. Норов увольняется в отпуск «для поклонения Гробу Господню». В тексте официального документа следует и дополнительное указание: «При проезде через Александрию войти в непосредственное сношение с генеральным консулом полковником Дюгамелем о способах к выгоднейшему приобретению и доставлению из тех мест в Россию некоторых аптечных материалов и сделать по этому предмету подробный доклад» (с выдачей на расходы 3 тыс. рублей). Это весьма любопытная деталь, свидетельствующая о существовании, по крайней мере, двухвековой репутации Египта как страны, изобилующей лекарственными травами и растениями. Дело в том, что паломник XVII в. Арсений Суханов также сообщал в своем «Проскинитарии» о покупке в Египте в «государеву аптеку» 130 золотников т. е. больше полукилограмма таинственного «андрагрыза» («мужского корня?»).

Но характерно и другое. Почти каждому русскому паломнику, занимающему определенное социальное положение, вне зависимости от личных побудительных причин его паломничества, давалось, в том или ином виде, и некое официальное (государственное, церковно-государственное и т. д.), более или менее значительное задание. И даже если таковых поручений у него не имелось – все равно на Ближнем Востоке к нему относились, прежде всего, как к представителю русского государства.

А. С. Норов. 1830-е гг.

Так было и с предшественниками Авраама Норова, начиная, пожалуй, с самого первого русского литературного паломника – игумена Даниила, совершившего путешествие на Святую Землю в 1107 г. Ведь ничем другим нельзя объяснить тот прием, как сейчас бы сказали, на высшем государственном уровне, который оказал ему король Иерусалимский Болдуин I. Можно спорить о том, какого рода миссия была возложена на русского игумена (шла ли речь о возможном союзе с крестоносцами или именно здесь у Гроба Господня предполагалось разрешить внутривосточные проблемы Руси, внести высший порядок в междукняжеские отношения и т. д.), но суть дела от этого не меняется. Точно так же знаменитый русский паломник XVI в.

Трифон Коробейников входил в состав специального посольства, направленного царем Иоанном Васильевичем в 1583–1584 гг. в Иерусалим, Египет и на Афон для раздачи милостыни на помин души убиенного царевича Ивана. В 1593 г. Трифон Коробейников возглавил делегацию, отправленную теперь уже царем Феодором Иоанновичем в Царьград, Иерусалим и Антиохию с прямо противоположной целью: раздачей милостыни во здравие только родившейся царевны Феодосии. Арсений Суханов направлялся в 1649 г. по указу царя Алексея Михайловича и благословению патриарха Иосифа в Иерусалим «для описания святых мест и греческих церковных чинов». Во время паломничества он «выспрашивал» патриарха Александрийского и других греческих иерархов о «некоих недоуметельных вещах», касающихся богослужебной практики, составил «чиновник или тактикон» «Како греки церковный чин и пение содержат», трактат «Прение с греками о вере» (изложение церковной дискуссии с Иерусалимским патриархом Паисием, в частности, о перстосложении). Такое задание объяснялось готовящейся церковной реформой в России. В «Проскинитарии» Арсения Суханова просматривается и не столь очевидное: основная часть маршрута его путешествия пролегла по турецким владениям, и паломник подробнейшим образом описал многочисленные турецкие крепости и укрепления с точки зрения их фортификационных преимуществ и недостатков, словом, исполнил роль военного разведчика.

С похожей миссией в 1820 г. отправляется в Палестину и Грецию 2-й советник при русском посольстве в Константинополе Дмитрий Васильевич Дашков. Накануне греческого восстания 1821 г. ему было поручено собрать «обстоятельные сведения» о политической, военной, церковной ситуации в этих странах и в первую очередь в Иерусалиме, где предполагалось открыть русское консульство, а также как можно более подробно описать Храм Гроба Господня. Для более наглядного выполнения последнего задания дипломату был придан в сопровождение художник, академик живописи М. Н. Воробьев, в обязанность которого «вменялось» «снять под величайшим секретом план храма Воскресения». Литературным итогом поездки стали очерки «Афонская гора. Отрывок из путешествия по Греции в 1820 году» и «Русские поклонники в Иерусалиме. Отрывок из путешествия по

Греции и Палестине в 1820 г.», напечатанные в популярном альманахе «Северные цветы» (соответственно, на 1825 и 1826 гг.).

Между Д. В. Дашковым – первым русским литературным «поклонником» XIX в. и А. С. Норовым немало общего, хотя, конечно, Дашков был почти на семь лет старше. Как и Норов, он учился в Благородном пансионе при Императорском Московском университете, правда, курс закончил десятью годами ранее, к тому же с отличием. Оба счастливо соединяли успешную служебную деятельность (Дашков отличался преимущественно на юридическом и дипломатическом поприщах, став в 1832 г. министром юстиции) с литературными занятиями. Хотя, конечно, Дашков, особенно в литературе 1810–1820 гг., был гораздо более заметной фигурой, чем Норов. Дашков – один из основателей знаменитого общества «Арзамас», куда входили В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, К. Н. Батюшков, П. А. Вяземский и др. сторонники литературных и языковых карамзинских реформ. Он – известный критик, переводчик (его переводы из Палатинской антологии, свода древнегреческих и византийских эпиграмм, по сию пору многие считают непревзойденными), блестящий полемист, прославившийся памфлетами, направленными против консервативных литераторов, объединившихся в «Беседе любителей русского слова» (А. С. Шишков, Г. Р. Державин, А. А. Шаховской и др.). К тому же он, как и Норов, принадлежал к числу ценителей античных и христианских древностей. И хотя поиски рукописей, осуществлявшиеся как в Константинополе, так на Афоне и в Палестине, не всегда были результативными, очерки им посвященные (например, «Известия о греческих и латинских рукописях в Серальской библиотеке» и «Еще несколько слов о Серальской библиотеке») и напечатанные в тех же «Северных цветах», неизменно привлекали внимание просвещенных читателей.

«Русские поклонники в Иерусалиме» – превосходный образец путевого очерка, написанного европейски образованным путешественником или, как сейчас бы сказали, интеллектуалом-энциклопедистом, свободно и к месту цитирующим по ходу дела на языке оригинала или в собственном переводе Вергилия и Мильтона, Петрарку и Шатобриана, Иосифа Флавия и Гиббона. При необходимости Дашков обращался к древнегреческому языку или латыни, к древнейшим итинерариям (например, к «Бордосскому

путнику» 333 г.) и проскинитариям (например, к греческому Проскинитарию VI в., напечатанному в Вене в 1787 г.) или к новейшей географической литературе (от Ж. Б. Данвиля и К. Риттера до Г. Маундреля и доктора Аврамиотти). При этом он не забывал и об отечественной истории: цитировал ответ царя Иоанна Васильевича иезуиту Поссевино, ссылался на русских паломников-богомольцев нового времени, выделяя среди них В. Г. Григоровича-Барского. Небольшой очерк Дашкова насыщен разнообразной (исторической, географической и т. д.) информацией, его текст испещрен многочисленными разноязычными ссылками на первоисточники и специальные исследования. Просвещенный поклонник свободно ориентировался в политической обстановке на Ближнем Востоке, во многосложных взаимоотношениях представителей различных христианских исповеданий в Иерусалиме, трезво оценивал «мнимую терпимость» турецких властей, столкновения с которыми он не избежал и сам во время кровавой расправы турок над греками в 1821 г. в Константинополе (в числе прочих казнили патриарха Григория) – только вмешательство русского дипломата спасло тогда от гибели десятки греческих семейств.

Вот характерный пассаж из путевого очерка Д. В. Дашкова, вполне демонстрирующий и литературный стиль, и авторское отношение к «*lousa sancta*»: «Около полудня, утомленные зноем, мы поднялись на высоту и увидели перед собою ряд зубчатых стен и башен, не окруженных ни предместьями, ни разбросанными хижинами и как бы подвигнутых среди пустыни. При первом взгляде на сии древние стены – город Давида, Ирода и Готфреда – тысячи воспоминаний, одно другого живее, одно другого священнее, теснятся в душу. Пусть холодные умы смеются над восторгами поклонников! Здесь, у подошвы Сиона, всяк христианин, всяк верующий, кто только сохранил жар в сердце и любовь к великому!».

«Русские поклонники» Д. В. Дашкова стали своеобразной точкой отсчета для «Путешествия ко Святым местам в 1830 году» А. Н. Муравьева. Неслучайно Пушкин сразу же вспомнил, не называя его по имени, «другого русского путешественника», т. е. Дашкова (и процитировал последнее предложение из приведенного нами фрагмента) в своей начатой, но так и не законченной рецензии на эту книгу. Муравьев молод (в 1830 г. ему 24 года), но уже хорошо известен

в московских литературных кругах, особенно в салоне З. А. Волконской. Здесь во второй половине 1820-х гг., по воспоминаниям современников, сложилось даже нечто вроде культа юного таланта, которому покровительствовала сама хозяйка салона (его дальняя родственница). И здесь же этот молодой человек «исполинского роста и приятной наружности», к тому же склонный к позерству, стал объектом града едких эпиграмм, начиная с эпиграмм Пушкина («Лук звенит, стрела трепещет») и Боратынского («Убог умом, но не убог задором»). Ко всему прочему Боратынский напечатал вежливую по форме, но убийственную по содержанию рецензию на стихотворный сборник Муравьева «Таврида» (М., 1827), так и оставшийся у него единственным.

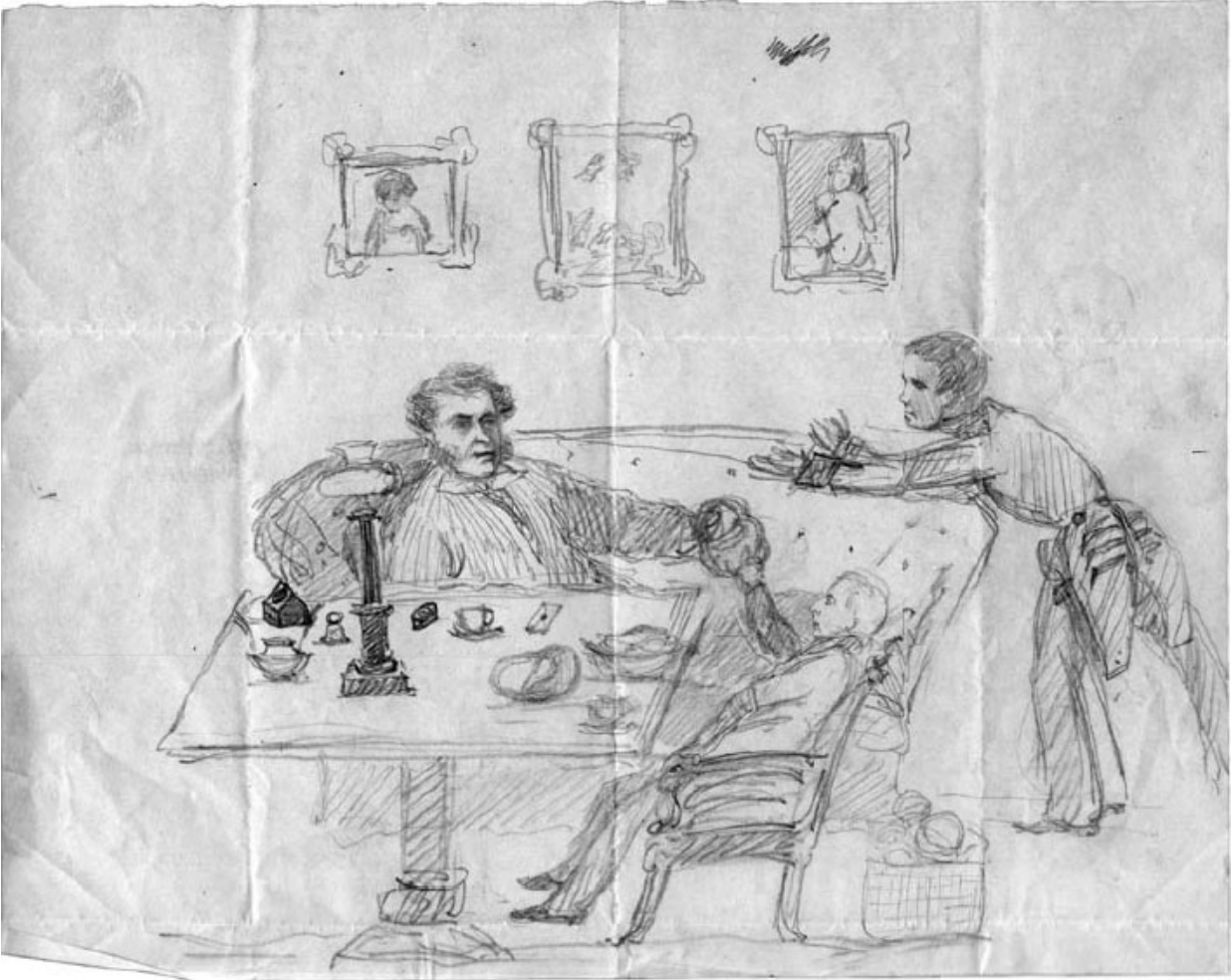
Неудача на поэтическом поприще не обескуражила честолюбивого юношу, который отправляется к театру военных действий (в 1828–1829 гг. шла русско-турецкая война) в качестве сотрудника дипломатической канцелярии штаба русской армии. По окончании войны, «во время переговоров, среди торжествующего нашего стана, в виду смятенного Константинополя... молодой поэт думал о ключах Св. Храма, о Иерусалиме, ныне забытых христианскою Европою... Ему представилась возможность исполнить давнее желание сердца, любимую мечту отрочества» (Пушкин). У Муравьева состоялся разговор на эту тему с главнокомандующим армии победителей И. И. Дибичем. В результате через того (Пушкин в рецензии почему-то называет его генералом, Муравьев в пересказе разговора в «Путешествии» графом и фельдмаршалом) было получено высочайшее соизволение и средства на путешествие, в которое Муравьев и отправился в декабре 1829 г. через Константинополь, Александрию, Каир и т. д.

По точному замечанию современного исследователя, именно «на Востоке Муравьев обрел подлинное свое призвание, нашел для себя благодатную творческую нишу – рыцарь и певец Святой Земли»^[218]. Следует заметить, что это был преимущественно Восток, по-прежнему находившийся под властью Высокой Порты. Но «никогда дотоле имя наше не было в такой силе и славе на Востоке», – подчеркивает Муравьев и добавляет, что даже «Царьград в 1830 году имел вид только южной столицы России»: «казалось... во дворце посольства русского решались судьбы империи Оттоманской».

К этому же ощущению, не без вполне понятного удовлетворения Муравьев постоянно возвращается и на Святой Земле, в Иерусалиме: «Странные и нелепые слухи разнеслись в городе о моем прибытии. Говорили, что я начальник сильного отряда, посланного для завоевания Святого Града и что 10000 русских придут вслед за мной из Эрзрума или пристанут на кораблях у Акры... Главным источником сих толков был искони распространенный на Востоке страх имени русского, умноженный теперь славой наших побед над Портой. Мнение, что мы завоюем некогда Иерусалим... сильно вкоренено в народе...» Русскому паломнику, безусловно, приятно осознавать себя представителем столь могущественной державы, и он с удовольствием рассказывает о своих взаимоотношениях с турецкими властями. Так, по приезде в Иерусалим Муравьев отправляет переводчика к градоначальнику с поручением «непрерывно вызвать его для свидания со мной». И хотя дело происходило вечером и «мусселим» «уже удалился в свой гарем», но благочестивый паломник предполагал следующий день «исключительно посвятить на поклонение Святым местам» и не собирался ждать. «Мусселим принял меня во всем блеске своего двора», – торжественно заключает он. И тут же выговаривает сопровождавшему его греческому старцу-архимандриту «за рабское его обращение с мусселимом». В ответ тот извиняется «обычаем и бременем ига» и замечает: «Придите оградить нас правами... и мы облобызаем милующую десницу вашу!»

«Я не искатель древностей и не с такой целью предпринял странствие... – замечает автор «Путешествия ко Святым местам» и добавляет, – но я не умолчу о тех впечатлениях, которые произвели на мое сердце знаменитые развалины...». Далее следует уместное обобщение: «У каждого свои чувства, свой образ мыслей, и потому может встретиться что-нибудь новое и занимательное в их излиянии при зрелище памятников великих, от времени до времени посещаемых любопытными разного племени и века».

А. С. Норов и его почитатели. Дружеский шарж

И его книга действительно является в первую очередь путевыми впечатлениями человека со своими стереотипами восприятия (прежде всего романтического), критериями и оценками происходящего, которые он готов навязывать окружающим, порой не считаясь с реальным положением дел и т. п. «Излияния» возвышенных чувств занимают в «Путешествии» Муравьева весьма заметное место и часто за усложненными перифразами, риторическими восклицаниями, расхожей романтической образностью современному читателю трудно увидеть искреннюю религиозность – а она здесь, безусловно, присутствует, но сильно «затуманенная» литературными претензиями молодого автора. У него свои, вполне сформировавшиеся вкусы и пристрастия, касающиеся сферы изящного, и путешественник говорит о «тяжком зодчестве» византийцев, а в связи со Святой Софией вспоминает и «мрак наших древних, тяжелых соборов». И тут же не

может удержаться от восклицания: «Неужели зодчество византийцев... не могло ничего воздвигнуть для жилища вельмож, кроме безобразных домов, которыми наполнен Константинополь, когда в то же время Запад славился своими замками и дворцами?» Так же он судит о напевах в греческой церкви, которые составляют «один из чувствительных ее недостатков», и досадует, что «жители Востока совершенно не постигают гармонии нашей, по образованию ли своего уха, или по невежеству». Достается от него и самим священнослужителям, привыкшим «более видеть в церкви дом свой, нежели храм» и т. д. и т. п.

Нередко паломника охватывает разочарование: высокие, поэтические представления о том или ином знаменитом месте вблизи разбиваются о суровую действительность. Так было в Галате, Царьграде: «Хотите еще более разочарования? – на быстром челноке переплывите в самый Царьград, о котором столько гласит молва, и что же первое вам представится? – смрадные неправильные переулки...» и т. д. Так было и в Иерусалиме (интересно, что именно на этом месте обрывается пересказ «Путешествия ко Святым местам» в незаконченной рецензии Пушкина: «Он не останавливается, он спешит... наконец с высоты вдруг видит Иерусалим...»). Но обратимся к описанию Иерусалима самого Муравьева – одному из самых точных и выразительных во всей книге: «Он вдруг, как бы из-под земли, является смятенным глазам на скате той самой горы, по площади коей пролегла трудная стезя; весь и внезапно восстает он в полной красе... так, как он всегда рисуется воображению, со всеми своими бойницами и вратами. Гора Елеонская в ярких лучах вечера и пустыня Мертвого моря в туманах ограничивали за ним священный горизонт, и я стоял в безмолвном восторге, теряясь в ужасе воспоминаний!.. Я въехал в город, взглянул окрест себя, и очарование исчезло. Так достиг я Иерусалима...»

И вольно было Пушкину в рецензии представлять автора «Путешествия» «смирненным христианином... простодушным крестоносцем, жаждущим повергнуться во прах пред гробом Христа Спасителя». Именно у Гроба Господня в Великую пятницу Муравьев, не задумываясь, зовет турецкую стражу, чтобы водворить спокойствие в толпе «шумных поклонников веры православной, но состоявших большею частью из полудиких арабов». Раздраженный Муравьев

добавляет: «Но сия великая утренняя, поражающая погребальным торжеством в православной родине, не произвела в душе моей желанного впечатления на первобытном своем поприще... Величественные ее обряды искажены были нестройными хорами и бесчувственностью грубой толпы». На следующий день в Великую субботу «смиранный христианин» схватил одного из своих единоверцев-арабов и «хотел повлечь на суд мусселима; стражи, увидя меня посреди буйной толпы, поспешили ко мне на помощь и снова водворили порядок». Но было поздно: русский паломник «решился в самый великий день Страстной недели оставить Храм, ибо не мог быть равнодушным»: очередной раз «разочарованный в самых сладких и высоких впечатлениях души», он «с разбитым сердцем исторгся из воскресного Храма Христова, где уже не было более места для христианина».

«Путешествие ко Святым местам в 1830 году» (СПб., 1832) А. Н. Муравьева имело оглушительный успех и было сразу же переиздано в 1833 и 1835 гг., а затем в 1840 и 1848 гг.^[219] Критика восторженно приветствовала появление «русского Шатобриана» (автора знаменитого «Путешествия из Парижа в Иерусалим... и обратно из Иерусалима в Париж», 1811). Некоторые отзывы замечательны по тем представлениям о литературе, посвященной религиозной проблематике, которые сложились в русском (светском) обществе. Например, критику «Отечественных записок» язык «Путешествия» «мог бы показаться изысканным и напыщенным, если бы он выражал собой предмет обыкновенный, житейский или выходящий из сферы религиозной». А вот у Муравьева «язык в высшей степени приличный своему предмету».

Сам Муравьев, все более осознавая значительность такого успеха, не только для себя как современного автора, но и для будущих путей развития отечественной словесности, торопится «закрепить» свое произведение в определенной литературной и культурной традиции. Так в третьем издании «Путешествия» в качестве вступительной статьи появляется обстоятельный «Обзор русских путешествий в Святую Землю». Он включает рассмотрение полутора десятков памятников русской паломнической литературы (XII–XIX вв.), от «Хождения» игумена Даниила до «Русских поклонников» Д. В. Дашкова. Кстати сказать, первым, кто опубликовал «Хождение» игумена Даниила, был,

судя по всему, Н. М. Карамзин. В примечаниях к т. II, главе VI «Истории Государства Российского» он его отчасти пересказал, отчасти привел обширные выдержки: о короле «Балдвине», о чуде сошествия Св. Огня в Великую субботу и др. Древнерусские хождения Муравьев также цитирует и пересказывает либо по немногочисленным в то время публикациям, либо по рукописям. Это, так сказать, православная опора «Путешествия». В приложении к этому же изданию книги, автор которой, как известно, и сам был посвящен в рыцарей Св. Гроба, помещаются две статьи: «Орден рыцарей Святого Гроба» и «О обрядах, с какими посвящают рыцаря Святого Гроба, когда он лично присутствует». Это соответственно католическая подпорка «простодушного крестоносца».

Но как бы то ни было, правда состоит в том, что «Путешествие» действительно «есть одна из тех книг, которые делают переворот в литературе и начинают собою ее новую, живую эпоху». Муравьев на склоне лет, уже будучи автором огромного количества книг «церковного содержания», так определил свои творческие заслуги: «Я, можно сказать, создал церковную литературу нашу, потому что первый облек в доступные для светских людей формы все самые щекотливые предметы богословские...» Или, по более емкой характеристике А. С. Стурдзы, призвание Муравьева заключалось в том, «чтобы сблизить и сроднить на Руси изящную словесность с духовною»^[220]. Но, оставляя в стороне споры, что принесло русской литературе и православной церкви муравьевское «церковно-беллетристическое» (Н. А. Хохлова) направление, вспомним о трагических неудачах на, казалось бы, том же самом пути, постигшие писателей, гораздо более значительных, чем автор «Путешествия ко Святым местам», например, Гоголя с его «Выбранными местами из переписки с друзьями».

* * *

Между «путешествиями» трех русских поклонников или паломников первой половины XIX в. много общего. Это, естественно, объясняется тем, что все трое были современниками, принадлежали, в сущности, одной эпохе (при всей разнице в возрасте), были европейски образованными людьми, знавшими немало языков и читавшими одни и

те же книги. К тому же наши путешественники нередко ссылались в своих произведениях на одних и тех же популярных в их время авторов (например, того же Шатобриана). Были они и сами в большей или меньшей степени писателями и государственными деятелями, оставившими свой след в истории России и русской литературы.

Но, конечно же, главным объединяющим началом их «путешествий» являлось еще и то, что все трое побывали в одном и том же уголке земли, называемом Святая Земля, с общей разницей всего в пятнадцать лет. В это время русская литература пытается восстановить связь времен, вернуть утраченные маршруты: основная дорога русских путешественников, начиная с петровского времени, как известно, пролегла на Запад. Литература не могла не последовать за ними и «Письма русского путешественника» Карамзина с блеском закрепили в ней это направление в полном объеме (хотя, конечно, и Карамзин опирался на достаточно развитую литературную традицию, начиная с «Хождения на Ферраро-Флорентийский Собор»). Европа становится для России по позднейшей стихотворной формуле А. С. Хомякова «страной святых чудес»: сюда едут поклониться достижениям культуры и цивилизации, встретиться с знаменитыми писателями, учеными, политическими и общественными деятелями.

Но и Карамзин, в конце концов, обратился к отечественной истории, а Пушкин, оценивая его заслуги, совсем неслучайно прибегнул к «географической» параллели: «Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка Колумбом». И хотя традиция описания паломничеств на Святую Землю не прерывалась в России не в петровское время, не позже, она все более вытеснялась на периферию литературного процесса. Но постепенно менялось и самосознание русского общества, оно пыталось вновь развернуться во времени и пространстве: споры о роли России в мировом историческом процессе и о будущих путях ее развития («Философические письма» П. Я. Чаадаева и др.) становятся все более актуальными именно в эту эпоху. Наступало время вспомнить (в политике, литературе и т. д.) и о традиционном паломническом маршруте на Ближний Восток. Во всех европейских кабинетах обсуждались слова, сказанные вскоре после восшествия на престол Николаем I чрезвычайному французскому послу графу Э. Сен-При: «Брат мой завещал мне крайне важные дела, и самое важное из всех: восточное дело...»^[221] Неслучайно государь

подчеркнул преемственность своей восточной политики по отношению к Александру I, по указу которого отправился в 1820 г. на Святую Землю Д. В. Дашков. Неслучайно и сам Николай I оказал заочную (но, впрочем, и финансовую) поддержку А. Н. Муравьеву в его намерении посетить Палестину, а 22 апреля 1830 г. дал аудиенцию другому паломнику, «именовавшемуся прежде пострижения Стефаном», и полностью одобрил его «смирненное желание» «быть в местах освященных»^[222].

А. Норовъ

АВРААМЪ СЕРГѢВИЧЪ НОРОВЪ.

А. С. Норов. 1860-е гг.

Дашков, Муравьев и Норов видели одни и те же горы, пустыни, храмы, порой встречали одних и тех же людей. Так, все трое сталкивались в Иудейских горах с «грозою поклонников», легендарным палестинским разбойником шейхом Абу Гошем и рассказали об этих встречах в своих произведениях (впрочем, Абу Гоша описывали и последующие русские путешественники: К. М. Базили, Н. В. Адлерберг и др.). Муравьев и Норов были приняты знаменитым правителем Египта Мегметом Али, так как маршруты их путешествий частично совпадали: оба по пути в Святую Землю побывали в Египте и т. д.

Но еще в большей степени эти «путешествия» первой половины XIX в. отличаются друг от друга, также как отличались и их авторы. Если Д. В. Дашков представляется нам, в первую очередь, дипломатом и писателем-эрудитом, А. Н. Муравьев (вопреки мнению Пушкина), прежде всего поэтом-романтиком, а уже потом паломником, то А. С. Норов – это ученый паломник, для которого главное – найти на Святой Земле ответы на вопросы, волнующие его как исследователя и православного человека. Характерно в этом смысле, что Дашков, вообще, ни разу не цитирует Священного Писания, Муравьев чаще всего цитирует в собственном «поэтическом» переложении, Норов – только по-церковнославянски.

В предисловии к своему путешествию, рассказав о его маршруте (Вена, Триест, Египет) и об изменениях в нем, вызванных свирепствовавшей тогда в Египте чумой, Норов указал: «Я должен был спуститься по Нилу в Дамьят – единственный город Египта, бывший тогда свободным от чумы». И добавил слова, по сию пору поражающие своей искренностью и сдержанной болью: «Отсюда начинается мое путешествие по Святой Земле, которое я издаю особенно потому, что оно было моею целью и что это утешает мое сердце».

«Бесспорно лучшее описание Святой земли, которое существует в русской литературе», – так оценил «Путешествие на Святую Землю в 1835 году» А. С. Норова В. Н. Хитрово^[223].

Научную цель, которую Норов преследовал в своей книге, он определил уже на ее первых страницах: «География и топография Палестины в сравнительном отношении к тексту Священного Писания, доселе еще мало объяснены очевидцами». Древнерусские паломники,

говоря о себе, употребляли, наверное, более выразительное слово: «самовидцы» и уточняли, как игумен Даниил: «Исписах все, еже видех очима своима грешныма». Норов не забыл упомянуть об этих своих предшественниках: «Большое число древних путешественников имели в предмете описание одних святынь». Иначе говоря, русский ученый путешественник очень точно охарактеризовал тот этап развития паломнической литературы, который в современной науке о христианских древностях называют «периодом поклонения, или донаучным периодом, когда стимулом для изучения древностей являлось отношение к ним как к реликвиям»^[224]. «Каталог реликвий», «инвентарь достопримечательностей» – эти термины сегодня постоянно употребляются применительно к древнерусским хождениям (К.-Д. Зеeman, И. А. Шалина и т. д.).

Сам Норов принадлежал уже к следующему этапу становления церковной археологии, «на знамени которого... – по словам Л. А. Беляева, – могли бы написать одно слово, идентификация». По определению современного историка, свою главную задачу исследователи Святой Земли конца XVIII – первой половины XIX вв. «видят в отождествлении мест событий, описанных в Библии (городов и селений, рек, гор и урочищ) – с реальными местностями Востока». Ученый находит в «этом много общего с тем подходом, который позже приложит Шлиман к поэмам Гомера, – но речь о необходимости подтверждения Библии как исторического источника пока не идет, поскольку принятие Священной истории как достоверной оставалось всеобщим»^[225].

С последним утверждением полностью согласился бы и Норов. Более того, перечислив все источники, которые он использовал в работе над своим паломничеством (а это труды крупнейших западных историков и географов, а также записки «очевидцев», побывавших в Палестине, включая и «Путешествие» А. Н. Муравьева) он заметил: «Я тогда только пользовался указаниями путешественников, когда находил на месте их показания сходными с текстом Библии». И заключил: «Библия есть вернейший путеводитель по Святой Земле, и я считаю себя счастливым, что по большей части имел при себе во время пути только одну Библию».

И буквально с первых страниц «Путешествия» Норова читатель погружается в атмосферу напряженного и увлекательного диалога

ученого автора с текстами Священного Писания. В этот диалог постепенно втягиваются античные историки и географы (Геродот, Страбон и др.), другие путешественники и исследователи, современность с ее цивилизаторской деятельностью (преобразования Мегмета Али), а также море, острова, пустыня, меняющиеся русла рек и берегов озер, небо, горы, развалины «преждебывших» городов и селений и даже спутники путешественника, его проводники и охрана. Вот два старшины бедуинов, приданных в сопровождение русского путешественника местным пашою. «Колоссальный рост моих проводников, – отмечает Норов, – потомков Енаковых, обращал невольно мое внимание; теперь, как и в древности, физическая сила присваивает себе власть посреди диких племен жителей пустыни». Это пока только скрытая отсылка к библейскому тексту, вероятно, в силу его общеизвестности. Но мы вспомним по книге Чисел (13, 18–33) рассказ о том, как Моисей послал «мужей» «соглядать землю Ханаанску» и, вернувшись, те испуганно сообщили, что в земле той живут «исполины, сыны Енаковы, и бехом пред ними яко пружи (саранча. – В. Г.)...». В числе потомков этих «мужей превысоциих» называют библейского Голиафа и т. д.

А вот и прямое обращение к проклятиям ветхозаветных пророков. Описывая озеро Мензале, затопившее когда-то «плодоносную равнину, где процветали» упоминающиеся в Библии египетские города, Норов указывает: «Наводнение этой страны объясняли разными предположениями, но никто, кажется, не заметил страшного пророчества Иезекииля». И далее следует пространная цитата из Книги этого пророка (30, 13–19), в самом деле, удивительно соответствующая той картине разрушения, которая предстала перед глазами путешественника: «Сия, глаголет Адонаи Господь: погублю кумиры и испражню вельможи... и старейшины от земли Египетския и не будут к тому!..» и т. д. Совпадения касаются даже деталей ландшафта. Иезекииль предрекал: «И в Диасполе будет расселина и разлиются воды». Море действительно «ворвалось в землю Египетскую противу Диосполиса», – комментирует слова пророка Норов и приводит последующее название этого «разрыва»: «устье Мендезийское».

Норова поражает картина лежащих между холмов «великолепных развалин» египетского Цоана: «Там царственный женский колосс из черного гранита, с челом, исполненным думы, повержен среди

прекрасных колонн; далее три великолепные гранитные обелиска разметаны в разные стороны; один из них, более уцелевший и самый огромный, переломлен как меч! Здесь был форум...». Путешественник продолжает: «Развернем книги Пророков посреди поверженных кумиров, над обломками этих обелисков, одетых мистическими иероглифами. Вот глаголы Исаии...». Следует цитата из Исаии.

Мощная образность ветхозаветных пророков словно на глазах путешественника сметала с лица земли когда-то процветающие города и селения и заставляла прийти к неизбежному выводу: «Не одна история являет нам полное исполнение пророчеств; сама природа свидетельствует вечную истину. Пройденный нами путь показывает море, поглотившее землю порабощения Израиля; многие рукава Нила исчезли, а другие смешались с горькими хлябями моря...» И тут опять цитируется Исаия (19, 5): «Египтяне испиют воду яже при море, а река оскудеет». Затем автор вновь возвращается к бедственному состоянию окружающей природы: «Вся окрестность Цоана и других древних городов нижнего Египта... превратилась в бесплодную пустыню; трава иссохла от серных и соляных частиц моря, а остальная часть земли обратилась в болото... Исчез самый папирус, который передавал векам мудрость египетскую, и последние предания жрецов Изиды и Озириса поглощены пламенем Омара в Александрии».

Тема сбывшихся апокалиптических пророчеств (пожар Александрийской библиотеки и т. д.) и, вообще, мировых катастроф, катаклизмов станет одной из основных не только в «Путешествии по Святой Земле в 1835 году», но и во всем творчестве Норова. К ней он обратится, например, в книге «Путешествие к семи церквям, упоминаемым в Апокалипсисе» (СПб., 1847) и в «Исследовании об Атлантиде», опубликованном в 1854 г. Подобный интерес явно не был случайным и во многом определялся биографией писателя и его эпохой. А ее, без всякого сомнения, можно назвать апокалиптической. Революция 1789 г., смена христианского календаря, террор, реки крови, поднимающаяся из безвестности фигура «серого капрала», словно по мановению волшебной палочки превращающегося в «императора Вселенной», несущего на себе отпечаток «звериного числа», – вот ее некоторые составляющие. А еще были непрерывные войны, когда многотысячные армии пересекали европейский континент в разных направлениях и устремлялись в пустыни Египта и снега России,

оставляя после себя горы трупов и разрушенные города, пожар Москвы, Священный союз и многое другое. Казалось, начинают сбываться ветхозаветные пророчества и «Откровение апостола Иоанна Богослова» претворяется в жизнь. Святейший Синод в 1806 г. объявляет Наполеона предтечей антихриста, но «ангел Александр» вместе с «князем Михаилом» сокрушают его чудовищные планы, после чего следует договор о Священном союзе, названный современниками «Апокалипсисом дипломатии» и т. п. Эсхатологическая тема в том или ином виде заявит о себе и в русской литературе у Пушкина, Гоголя и др.^[226] И, конечно, для непосредственного участника этих событий она приобретет особый смысл, все более раскрывающийся перед ним, по мере того как ученый все глубже погружался в историю, а путешественник буквально на каждом шагу встречал подтверждение древних предостережений.

Но цель его странствия еще не достигнута. «Поднимаясь с горы на гору, я был в беспрестанном ожидании открыть Иерусалим, но горы все вставали передо мною, переменяв прежнюю окраску свою на красноватую. «Горы окрест его», – сказал Давид, говоря о Иерусалиме. Я начал приходить в уныние, что не увижу Святого города при свете дня; далеко опередил я своих спутников; в самое это время встретился мне прохожий араб – и, конечно, пораженный написанным на лице моем грустным нетерпением, поравнявшись со мною, закричал мне: «бедри! бедри!» (скоро! скоро!). Такое предведение поразило меня удивлением: я ему сказал все, что я знал по-арабски нежного, за радостное известие. Я поднимался на высоту, – вдруг предстал Иерусалим! Я кинул поводья лошади и бросился на землю...»

Святая Земля в книге Норова – это величественный Храм Гроба Господня и «первая молитва за давших мне жизнь и за близких сердцу моему», подробное описание каждой пяди Святого града, всех его священных реликвий и памятных мест, тщательно сверяемое по текстам Священного Писания и другим древним и новым источникам. Это скорбь оттого, что «Святотелица Господа» находятся под властью неверных, но и понимание (в отличие от А. Н. Муравьева) провиденциального смысла происшедшего. «Но христиане не должны смущаться, что такие великие святые находятся в унижении языческом. Спаситель мира, повергнув Себя на земле всем страданиям

человеческим, оставил и святыни Свои под теми же законами природы, которым подвергалось Его Божественное тело».

Это «пастушеский Вифлеем, забытый в горных ущельях Назарет, разбросанные груды городов израильских», Иордан, сидя на берегу которого «под навесом густых ив и тамаринов и глядя то на ясное небо, то на бег Иордана», путешественник читал «первую главу Евангелия от Св. Марка и подобную ей главу Св. Иоанна», и т. д. и т. п.

Затем будет возвращение на родину, издание новых книг, в частности, дополняющих, а по времени и своему маршруту предваряющих «Путешествие по Святой Земле» «Путешествий по Египту и Нубии в 1834–1835 гг.» (СПб., 1840), участие в полемике вокруг знаменитого Синайского кодекса IV в. («Защита Синайской рукописи Библии от нападений о. архимандрита Порфирия Успенского», СПб., 1863), статья по поводу «Войны и мира» Л. Н. Толстого («Война и мир (1805–1812). С исторической точки зрения и по воспоминаниям современника», 1868). Будет и продолжение служебной карьеры: в 1854 г. Норов станет министром народного просвещения, а затем членом Государственного Совета. Будет женитьба на Варваре Егоровне Паниной, рождение и ранняя смерть троих детей.

Он вернется на Святую Землю в 1861 г. В предисловии к книге «Иерусалим и Синай. Записки второго путешествия на Восток» (СПб., 1879), вышедшей под редакцией В. Н. Хитрово, Норов написал: «Читатель не узнает уже во мне того самого путешественника, который предавал ему все впечатления пути своего, связывая их с памятью былого. Все изменилось в глазах моих...». Эта книга увидела свет уже после смерти автора.

Авраам Сергеевич Норов умер 23 января 1869 г. и похоронен в Голицынской церкви по имя архистратига Михаила Сергиевой пустыни в Санкт-Петербурге.

Покидая Святую Землю, путешественник чувствовал «то же, что чувствовали Апостолы, когда Иисус вознесся при их глазах на небо, – когда светлое облако взяло Его из виду их! Как бы слышится голос Ангела: «Мужи Галилейские, что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус вознесшийся на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо»! Сладостен этот голос небесного жителя: – да утешит он грусть каждого христианина покидающего землю, где

совершилось его искупление, – землю, в которой он видит свою родину не по плоти, а по духу!»

---

notes

Примечания

Strabonis Geographica / Ed. A. Meineke. 3 vol. Lpz., 1877.z, 1969r
(рус. пер.: *Страбон. География*, в 17 кн. М., 1964, 1994р).

2

Кошелек составляет 500 пиастров или 125 рублей.

Epiphanius Scr. Eccl. De prophetarum vita et obitu (recensio prior) [Sp.], ed. T. Schermann, Prophetarum vitae fabulosae. Leipzig: Teubner, 1907: Vita Ierem.

Epiphanius Scr. Eccl. De prophetarum vita et obitu (recensio prior) [Sp.], ed. T. Schermann, *Prophetarum vitae fabulosae*. Leipzig: Teubner, 1907: Vita Ierem.; *Joannis Moschi Pratum Spirituale*. 27 // PG. 87; *Alonso Tostado Abulensis*. Spanish commentary on the chronicles of Eusebius and other minor works, commentaries on the historical books of the Old Testament as far as II Par., and on the gospel of St. Mathew. 13 Vol. Venice, 1507, 1547. Quaest. 91.

Josephus Flavius. De bello Iudaico, I–VII // Flavii Iosephi. Opera / Ed. V. Niese. В., 1895, 1955г. Т. 6 (рус. пер.: Иосиф Флавий. Иудейская война / Пер. М. Финкельберг, А. Вдовиченко. М.; Иерусалим, 1992). V. 14.

6

Т. е. пещеры.

St. Grégoire de Nazianze. Epistulae / Ed. P. Gallay. Lettres en 2 vol. Vol. 1: Epist. 1–100. P., 1964; Vol. 2: Epist. 103–201, 203–249. P., 1967; Epistolae, 1–244 // PG. 37. Col. 21– 388 (рус. пер.: Письма 1–238 // Григорий Богослов, свт. Собр. творений. Минск, 2000. Т. 1. С. 499–672). In Epist. 46.

Epiphanius Scr. Eccl. De prophetarum vita et obitu (recensio prior) [Sp.], ed. T. Schermann, Prophetarum vitae fabulosae. Leipzig: Teubner, 1907.

В жизнеописании М.Антония. См.: Plutarchos. Vitae parallelae / Rec. C. Sintenis. Lpz., 1873 (рус. пер.: Плутарх. Избранные жизнеописания. М., 1987. В 2 т).

Т. е. озеро Балдуиново.

S. Epiphanii Panarion = *κατα αιρεσεων* / Ed. W. Dindorf. Bonn, 1852–1862. T. 1–5; PG. 41–43. Anastasiae Sinaitae Opera / Ed. K.-H. Uthemann // Turnhout, 1985. (CCSG; 12). In *Questionibus; Chronicon Paschale* / Rec. L. Dindorf. Bonnae, 1832. Bd. 1; *Ibid.* // PG. 92. Col. 69–1028. 66. 83.

Strabonis. Geographica / Ed. A. Meineke. 3 vol. Lpz., 1877. Graz, 1969 г (рус. пер.: *Страбон. География*, в 17 кн. М., 1964, 1994г). XVI.

Поклонники.

Нав 15: 53; *Eusebius Casariensis. Onomasticon* / Hrsg. E. Klostermann
// Werke. Lpz., 1904. Bd. 3. Tl.i. S. 2–176. (GCS; 11.1).

Herodoti. Historiae. Oxonii, 1912. Vol. 1–2 (рус. пер.: *Геродот. История: В 9 кн.* / Пер. Г. А. Стратановского. Л., 1972. (Памятники ист. мысли)). № 30 III. 5.

Hieronymus Stridonensis. Vita sancti Hilarionis / Ed. A. A. R. Bastiaensen // *Vite dei santi* / Ed. C. Mohrmann. Mil., 1975. Vol. 3 (рус. пер.: *Иероним Стридонский, блж. Жизнь св. Илариона* // *Творения*. 1903. Ч. 4. С. 12–44); *Sozomen. Historia ecclesiastica* // PG. 67. Col. 843–1630 (рус. пер.: *Созомен. Церковная история*. СПб., 1851). III. 14.

Renaldi Hadriani. Palaestina ex monumentis veteribus illustrata. L. P.
2 tom. Tajeeti Batavorum, 1714. 793.

Sozomenus. Historia ecclesiastica // PG. 67. Col. 843–1630 (рус. пер.: Созомен. Церковная история. СПб., 1851). 5. 15. Ее не должно смешивать с Вефилем.

Renaldi Hadriani Palaestina ex monumentis veteribus illustrata. L. P.
2 tom. Tajeeti Batavorum, 1714. 590.

20

Пужула видел этого дервиша; ему 102 года.

Georgius Syncellus. *Ecloga chronographica* / Hrsg. A. A. Mosshammer. Lpz., 1984; Potocki Jan, Count. *Principes de Chronologie, pour les temps antérieurs aux Olympiades*. St. Petersburg, 1810; Многие принимают Герар за Аскалон: Renaldi Hadriani. *Palaestina ex monumentis veteribus illustrata*. L. P. 2 tom. Tajeeti Batavorum, 1714. 805.

См. Michaud Joseph Francois. Correspondance d'Orient 1830–1831.
Par M. Michaud et M. Poujoulat. 7 tom. Paris, 1833–1835. T. V. P. 386.

Ibid. 387. Он справедливо опровергнул Вольнея, который говорит, будто море день ото дня отступает от берега Аскалона, и полагает, что Вольней не видал этого берега.

Пужула выводит это название от арабского слова «голубь» и напоминает басню о Семирамиде, вскормленной голубями.

Lucian of Samosata. The Syrian Goddess. Being a translation of Lucian's «De Dea Syria» with a Life of Lucian by Prof. H. A. Strong. Notes and Introduction by J. Garstang. London, 1913.

Diodori Siculi Bibliotheca historica / Hrsg. F. Vogel, K. T. Fischer. Stuttg., 1964г. 5 vol. (рус. пер.: *Диодор Сицилийский. Историческая библиотека* / Пер. И. Алексеева. СПб., 1774–1775. В 5 ч). 1. с. 4.

Michaud Joseph Francois. Correspondance d'Orient 1830–1831. Par M. Michaud et M. Poujoulat. 7 tom. Paris, 1833–1835. P. 375.

Renaldi Hadriani. Palaestina ex monumentis veteribus illustrata. L. P.
2 tom. Tajeeti Batavorum, 1714. P. 626–627.

Renaldi Hadriani. Palaestina ex monumentis veteribus illustrata. L. P.
2 tom. Tajeeti Batavorum, 1714.

Слово: scheith. Herbelot Barthélemy d'. Bibliothèque Orientale, ou Dictionnaire Universele contenant généralement tout ce qui regarde la connoissance de peuples de l'Orient, etc. Preface A. Galland. Paris, 1697. Repr. Meistricht, 1776, La Haye, 1777, Paris, 1781.

Herodoti. Historiae. Oxonii, 1912. Vol. 1–2 (рус. пер.: Геродот. История: В 9 кн. / Пер. Г. А. Стратановского. Л., 1972. (Памятники ист. мысли)). IX. 159.

Reland Adrian. Antiquitates sacrae veterum Hebraeorum breviter delimitatae. Tajeati Batavorum, 1708. Repr. 1717, 1744, 1769.

Chateaubriand René de. Itinéraire de Paris à Jérusalem: précédé de Notes sur la Grèce: et suivi des Voyages en Italie et en France. Paris, 1854. Repr. Paris, 1859, 1968. 1. 249.

Renaldi Hadriani. Palaestina ex monumentis veteribus illustrata. L. P.
2 tom. Tajeeti Batavorum, 1714. P. 857.

Quaresmius, Franciscus. Historica Theologica et Moralis Terrae Sanctae Elucidatio: in qua pleraque ad veterem et praesentem ejusdem Ferrae statum spectentia... 2 tom. Antverpiae, 1639. II. 299; *Renaldi Hadriani.* Palaestina ex monumentis veteribus illustrata. L. P. 2 tom. Tajeeti Batavorum, 1714. P. 338.

Salmeron Alphonsus. A. Salmeronis .... Commentarii in Evangelicam Historiam et in Acta Apostolorum. 16 tom. Coloniae Agrippinae, 1602. X. Tract. 19; *Quaresmius, Franciscus*. Historica Theologica et Moralis Terrae Sanctae Elucidatio: in qua pleraque ad veterem et praesentem ejusdem Ferrae statum spectentia... 2 tom. Antverpiae, 1639. II. 171.

Некоторые путешественники ошибочно поместили здесь жилище нынешнего муселима иерусалимского.

На этом месте стоит теперь дом иерусалимского муселима.

Наш известный художник, г-н Воробьев, изобразил чрезвычайно верно церковь Святой Голгофы.

Ambrosius Mediolanensis. *Expositio Evangelii secundum Lucam*. Sources chretiennes. Paris. N 52 // Ed. G. Tissot, 1956, 1958. 23; *Hieronymus Stridoniensis*. *Commentarii in iv epistulas Paulinas* // PL. T. XXVI. Col. 305–618. In *Ephes. V. 14; The Letter of Paula and Eustochium to Marcella about the Holy Places, 386 A.D.* Translated by Aubrey Stewart... and annotated by Col. Sir C. W. Wilson. London, 1897

См. стр. 51–52.

Flavii Iosephi. A ntiquitates Iud aicae // Flavii Iosephi. Opera / Ed. В. Niese. В., 1887, 1885, 1892, 1890. 4 т. 1955г) (рус. пер.: Иосиф Флавий. Иудейские древности / Пер. Г. Г. Генкель. М., 1996. В 2 т.). XVI. с. II.

Morehead Robert. The Tour of the Holy Land; in a series of conversations: with an appendix containing extracts from a MS. journal of travels in Syria. Edinburgh, 1831.

Epiphanius *Scr. Eccl. De mensuris et ponderibus*, ed. E. Moutsoulas, 44 (1973) 157–198. apud. *Quaresm.* II. 122.

Bibliotheca veterum patrum antiquorumque scriptorum
ecclesiasticorum. T. I–XIII / Ed. A. Galland. Venetii, 1765–1779. T. 1.

Reland Adrian. Antiquitates sacrae veterum Hebraeorum breviter delimitatae. Tajeati Batavorum, 1708. Repr. 1717, 1744, 1769. P. 6.

4000 по показанию Жерамба (*Gerambe Ferdinand, von. A Peligrimage to Palestine, Egypt, and Syria (trans. from the French) 2 vol. London, 1840*).

См.: Champollion Jean François. Lettres écrites d’Egypte et de Nubie, en 1828 et 1829... Collection complète, accompagnée de trois mémoires inédits et de la planches. Paris, 1833.

Ioannes Damascenus. Orat de Nativit. MG. 96. Col. 661–680; Expositio fi dei orthodoxa // PG. 94. Col. 781–1228 (рус. пер.: Иоанн Дамаскин, прп. Точное изложение православной веры. СПб., 1894. М.; Р./Д., 1992р). Lib. IV. C. XV.

Reland Adrian. Antiquitates sacrae veterum Hebraeorum breviter delimitatae. Tajeati Batavorum, 1708. Repr. 1717, 1744, 1769. P. 7.

Али Бей эль Абасс и, испанский отступник. *Badia y Leblich, Domingo. Voyage d'Ali Bey en Asie et en Afrique (1814). Badia, Domingo y Leblich. Travels of Ali Bey in Morocco, Tripoli, Cyprus, Egypt, Arabia, Syria and Turkey. Longman, London, 1816.*

Церковь вифлеемская имеет подобное построение.

Corpus Areopagiticum. De Divinis nominibus / Ed. B. R. Suchla // Corpus Dionysiacum, I. В.; N. Y., 1990. (PTS; 33) (рус. пер.: *Дионисий Ареопагит*. О Божественных именах. О мистическом богословии / Изд. подгот. Г. М. Прохоров. СПб., 1994. (Основания христ. культуры)). I. с. 3.

Nicephori Gregorae. Byzantina Historia / Ed. L. Schopen. Bonn, 1829–1830. 2 vol. II. c. 22.

Nicephori Gregorae. Byzantina Historia / Ed. L. Schopen. Bonn, 1829–1830. 2 vol. Ibid.

Bonifatius Stephanus Ragusinus. Liber de perenni cultu Terrae Sanctae et de fructuoso eius peregrinatione. Venetiis, 1573. 1. II.

С этой площадки снят вид источника Смоковничного или Пре Святой Девы Марии, который изображен на заглавном листе этого тома.

В Латинской библии: «ante fontem Draconis».

Biblia cum postillis ac moralitatibus Nicolai de Lyra. Всег о в XV в. эта работа выдержала одиннадцать переизданий на латинском языке и дважды печаталась на нижненемецком. См.: Gesamtkatalog der Wiegendrucke herausgegeben von der Kommission für den Gesamtkatalog der Wiegendrucke. Band 4. Lpz., 1930.

Epiphanius Scr. Eccl. De prophetarum vita et obitu (recensio prior) [Sp.], ed. T. Schermann, *Prophetarum vitae fabulosae*. Leipzig: Teubner, 1907: Vita Ierem. C. 7.

The Letter of Paula and Eustochium to Marcella about the Holy Places, 386 A.D. Translated by Aubrey Stewart... and annotated by Col. Sir C. W. Wilson. London, 1897.

См. стр. 98.

В Латинской Библии: in valle Save. Еврейское произношение, как мы видим из Каена (Cahen): Шаве.

Reland Adrian. Antiquitates sacrae veterum Hebraeorum breviter delimitatae. Tajaecti Batavorum, 1708. Repr. 1717, 1744, 1769. P. 6.

Гостиница Благого Самаритянина, на пути от Вифании в Иерихон.
См. Часть II. Гл. II.

Кварезмий упоминает о них слегка.

Atque in fovea Jeremiae mirifica construxit [i. e. St. Helena] opera.
Nicephori Gregorae Byzantina Historia / Ed. L. Schopen. Bonn, 1829–1830.
2 vol.

Tertullianos. Adversus Iudaeos, libri I–IX // PL. 2. Col. 595–642 (рус. пер.: Тертуллиан. Против Иудеев / / Творения / Пер. Е. Карнеев. СПб., 1850. Ч. 4. С. 29–65).

Eusebius Caesariensis. De vita Constantini, libri I–V // PG. 20. Col. 905–1316 (рус. пер.: Евсевий Памфил. Жизнь блаженного василевса Константина. М., 1992). III. 40.

Колонны имеют 18 ф. в высоту и 2 ½ ф. в поперечнике.

См. Ч. II. Гл. VIII.

См. заглавный лист второй части.

Itinerarium Burdigalense // Palaestinae descriptiones ex saeculo IV, V et VI / Hrsg. T. Tobler. St. Gallen, 1869 (рус. пер.: Бордосский путник 333 г. // ППС. 1882. Т. 1, вып. 2. (Вып. 2)).

См. Ч. I, с. 282–283.

Иосиф Флавий означает *Гаваю* в 30 стадиях от Иерусалима (около 2 1/2 верст), что согласуется с нашим мнением.

См. также о Махмасе: Прор. Ис. X. 28; Кн. Ездры II. 27; Неем. XI. 31; Кн. Маккав. 1. IX. 73.

Hieronymus Stridonensis. Commentarium in Prophetas minores // PL. 25. Col. 815–1086 (рус. пер.: *Иероним Стридонский*, блж. [Толкования на книги младших Пророков: Осии, Иоила; Амоса, Авдия, Ионы, Наума; Аввакума, Софонии; Захарии, Малахии] // Творения. К., 1913(2). Ч. 12. С. 135–268, 333–395; Ч. 13. С. 2–162, 163–192, 193–243, 244–307; 1898. Ч. 14. С. 13–235, 236–360; 1900. Ч. 15: С. 1–195, 196–252).

В цитатах из Книги Бытия мы пользуемся переводом этой Священной Книги на русское наречие из превосходного творения: Записки, руководствующие к основательному разумению Книги Бытия, заключающие в себе и перевод сей книги на русское наречие. Часть 1–3. СПб., 1835.

Прокеш ошибся в определении Вифсагии (*Prokesch-Osten Anton Franz, Count. Reise ins heilige Land. Wien, 1831*).

Epiphanius Constantiensis in Cypro episcopus. Adversus haereses // PG. 41. Col. 173–1199; 42. Col. 9–774; *Panarion = κατά αιρέσεων* / Ed. W. Dindorf. Bonn, 1852–1862. 5 t. (рус. пер.: *Епифаний Кипрский, свт. На 80 ересей Панарий, или Ковчег* // Творения. М., 1863–1885. Ч. I. С. 21–384; продолж.: *Об ересях* // Там же. Ч. 2–5). i. 42.

См. Ч. 1, с. 52.

Epiphanius Constantiensis in Cypro episcopus. Adversus haereses // PG. 41. Col. 173–1199; 42. Col. 9–774; *Panarion = κατά αἱρέσεων* / Ed. W. Dindorf. Bonn, 1852–1862. 5 t. (рус. пер.: *Епифаний Кипрский, свт. На 80 ересей Панарий, или Ковчег* // Творения. М., 1863–1885. Ч. I. С. 21–384; продолж.: *Об ересях* // Там же. Ч. 2–5). II.

Это *Elacagnus angustifolius* Линнея.

Raumer Carl von, Palästina... mit einem Plan von Jerusalem etc.
Leipzig, 1835. 79.

Anastatica Hierochuntica. Это растение находится также в Африке.

Quaresmius, Franciscus. Historica Theologica et Moralis Terrae Sanctae Elucidatio: in qua pleraque ad veterem et praesentem ejusdem Ferrae statum spectentia... 2 tom. Antverpiae, 1639. II. 752, II. 744–745.

Strabonis Geographica / Ed. A. Meineke. 3 vol. Lpz., 1877. Graz, 1969r (рус. пер.: *Страбон. География*, в 17 кн. М., 1964, 1994р) XVI; *Libri qui supersunt* / Ed. E. Koestermann. Lipsiae, 1961. Т. 2. Fasc. 1 (рус. пер.: *Корнелий Тацит. Соч.: В 2 т. Т. 2: История* / Пер. Г. С. Кнабе. М., 1969). V. Sol. 36.

Raumer Carl von, Palästina... mit einem Plan von Jerusalem etc.
Leipzig, 1835. 53.

О них говорит натуралист Газелькюист.

См.: Журнал Министерства народного просвещения... СПб., 1856 г. Кн. IX и XII.

Acta Sanctorum quotquot toto in orbi coluntur, vel a catholicis scriptoribus celebrantur / Ex Latinis et Graecis aliarumque gentium antiquis monumentis collegit, digessit, notis illustr. Ioannes Bollandus etc. T. III. Maii. Antverpiae, 1675.

Hieronymus Stridoniensis. Liber Quaestionum hebraicorum in Genesim
// PL. 23. Col. 935–983. 35.

В Вулгате: «trans turrem gregis» за башнею стад (Быт 35: 21). То же в переводе Книги Бытия на русское наречие.

Dionis Cassii Historia Romana / Curavit L. Dindorf. Lipsiae, 1890–1894. 67. 4; Incipit historia rerum in partibus transmarinis gestarum a tempore successorum mahumeth usque ad annum domini NCLXXXIV edita a venerabili Guillelmo Tyrensi Archiepiscopo // PL. T. 201.Col. 209–891. 8. 24.

См. также: Записки, руководствующие к основательному разумению Книги Бытия, заключающие в себе и перевод сей книги на русское наречие. Часть 1–3. СПб., 1835. Ч. III. С. 91.

Сиор был также за Хевроном.

Acta Sanctorum quotquot toto in orbi coluntur, vel a catholicis scriptoribus celebrantur / Ex Latinis et Graecis aliarumque gentium antiquis monumentis collegit, digessit, notis illustr. Ioannes Bollandus etc. Maii. Antverpiae, 1675. T. 1–3; 1685. T. 4–5; 1688. T. 6–7. P., 18643 II. 306.

Это место не определено.

Eusebius Caesariensis. Onomasticon / Hrsg. E. Klostermann // *Werke*.
Lpz., 1904. Bd. 3. Tl.1. S. 2–176. (GCS; 11.1). Ad vocem. Api.

См. в Библии. Саһен. Примеч. на 23. ст. XIII. Гл. *Числ.*

См.: Записки, руководствующие к основательному разумению Книги Бытия, заключающие в себе и перевод сей книги на русское наречие. Часть 1–3. СПб., 1835.

Записки, руководствующие к основательному разумению Книги Бытия, заключающие в себе и перевод сей книги на русское наречие. Часть 1–3. СПб., 1835.

«Adam maximus ibi inter Enacim situs est». См. также об этом предмете в: *Bochart Samuel. Samuelis Bocharti Animadversionenienis ad Hannonis Periplum, ex parte altera Geographiae sacrae.* 1674. P. 339–340 и 363.

Josephus Flavius. De bello Iudaico, I–VII // Flavii Iosephi Opera / Ed. V. Niese. В., 1895, 1955г. Т. 6 (рус. пер.: Иосиф Флавий. Иудейская война / Пер. М. Финкельберг, А. Вдовиченко. М.; Иерусалим, 19992). IV. 9. 7.

2 Цар. 4: 12

См.: Записки, руководствующие к основательному разумению Книги Бытия, заключающие в себе и перевод сей книги на русское наречие. Часть 1–3. СПб., 1835. См. Ч. 1. С. 34 и Ч. 2. С. 59.

Josephus Flavius. De bello Iudaico, I–VII // Flavii Iosephi Opera / Ed. V. Niese. В., 1895, 1955г. Т. 6 (рус. пер.: Иосиф Флавий. Иудейская война / Пер. М. Финкельберг, А. Вдовиченко. М.; Иерусалим, 1992). V. 7.

Baronius Caesar. Abrégé des Annales ecclésiastiques de Caesar Baronius Composé en latin, par le R. P. Aurele Perusin ... et traduit ... par Me Charles Chaulmer 8 tom. Paris, 1673. T. III. sub. A. 326.

Не должно смешивать, как то сделал Созомен, евангельский Эммаус с Никополисом.

Plinius Secundus der Aeltere. Naturalis historia / Hrsg. R. Koenig. Munch., 1973–1996. 37 Bde (рус. пер.: *Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве* / Пер. с лат., предисл. и примеч. Г. А. Тароняна. М., 1994). V. 14. *Sozomen. Historia ecclesiastica* // PG. 67. Col. 843–1630 (рус. пер.: *Созомен. Церковная история*. СПб., 1851). С. 20.

Josephus Flavius. De bello Iudaico, I–VII // Flavii Iosephi Opera / Ed. V. Niese. В., 1895, 1955г. Т. 6 (рус. пер.: Иосиф Флавий. Иудейская война / Пер. М. Финкельберг, А. Вдовиченко. М.; Иерусалим, 19992).
11. 40.

Ieronimus Stridoniensis. Commentaria in Danielelem // PL. 25. Col. 491–584 (рус. пер.: *Иероним Стридонский, блж. Одна книга толкований на прор. Даниила* // Творения. К., 1913. Ч. 12. С. 1–135). X II.

Иазир, о котором говорится в Книге Маккавеев (I. V. 8), принадлежал колену Гадову, находившемуся по ту сторону Иордана (Кн. Числ XXI. 32)

Eusebius Casariensis. Onomasticon / Hrsg. E. Klostermann // Werke.
Lpz., 1904. Bd. 3. Tl.1. S. 2–176. (GCS; 11.1).

Renaldi Hadriani Palaestina ex monumentis veteribus illustrata. L. P.
2 tom. Tajeeti Batavorum, 1714. 866.

Hieronymus Stridonensis. Epitaphium Paulae matris; ep. 108 (CSEL 55, 306–351); *Hieronymus Stridonensis*. Commentarium in Prophetas minores // PL. 25. Col. 815–1086 (рус. пер.: *Иероним Стридонский*, блж. [Толкования на книги младших Пророков: Осии, Иоиля; Амоса, Авдия, Ионы, Наума; Аввакума, Софонии; Захарии, Малахии] // Творения. К., 1913(2). Ч. 12. С. 135–268, 333–395; Ч. 13. С. 2–162, 163–192, 193–243, 244–307; 1898. Ч. 14. С. 13–235; 236–360; 1900. Ч. 15: С. 1–195, 196–252).

Hieronymus Stridonensis. Epitaphium Paulae matris; ep. 108 (CSEL 55, 306–351).

Flavii Iosephi Antiquitates Iudaicae // Flavii Iosephi Opera / Ed. В. Niese. В., 1887, 1885, 1892, 1890. 4 т. 1955г) (рус. пер.: Иосиф Флавий. Иудейские древности / Пер. Г. Г. Генкель. М., 1996. В 2 т.). IV. 7.

Плиний (*Plinius Secundus derAeltere. Naturalis historia* / Hrsg. R. Koenig. Munch., 1973–1996. 37 Bde (рус. пер.: *Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве* / Пер. с лат., предисл. и примеч. Г. А. Тароняна. М., 1994). V. 13) говорит, что Сихем назывался прежде: *Маморфа* или *Максвота*. Иосиф Флавий также называет Неаполис по простонародью *Маворта* (*Josephus Flavius. De bello Iudaico, I–VII // Flavii Iosephi Opera* / Ed. V. Niese. B., 1895, 1955r. T. 6 (рус. пер.: *Иосиф Флавий. Иудейская война* / Пер. М. Финкельберг, А. Вдовиченко. М.; Иерусалим, 1992). IV. 1).

Ее арабское название *Шех-Ганем*, т. е. «овечья», вероятно происходит от жертвоприношений.

Epiphanius Constantiensis in Cypro episcopus. Adversus haereses // PG. 41. Col. 173–1199; 42. Col. 9–774; *Panarion = κατά αιρέσεων* / Ed. W. Dindorf. Bonn, 1852–1862. 5 t. (рус. пер.: *Епифаний Кипрский, свт. На 80 ересей Панарий, или Ковчег* // Творения. М., 1863–1885. Ч. I. С. 21–384; продолж.: *Об ересях* // Там же. Ч. 2–5).

Itinerarium Benjamini Tudelensis ex versione Benedicti Ariae Montani
Subjectae sunt descriptiones Mechae et Medinae-Alnabi ex itinerariis
Ludovici Vartomanni et Iohannis Wildii. Helmestadii, 1636.

Это по греческому переводу, а в латинском эта гора названа *Армон* или *Эрмон* – но нельзя полагать, чтоб тут говорилось об Эрмоне Ливанском.

См. Планы.

Ado Viennensis. Martyrologium // PL. 123.

Theodoretus Cyrrhensis. Historia ecclesiastica // Ed. L. Parmentier, F. Scheidweiler. P., 19542. (GCS 44 [19]); *idem.* // PG. 82. Col. 881–1220. 11. Junii. pag. 784.

Flavii Iosephi. Antiquitates Iudaicae // Flavii Iosephi. Opera / Ed. В. Niese. В., 1887, 1885, 1892, 1890. 4 т. 1955г) (рус. пер.: Иосиф Флавий. Иудейские древности / Пер. Г. Г. Генкель. М., 1996. В 2 т.). XVIII. 7.

Josephus Flavius. De bello Iudaico, I–VII // Flavii Iosephi. Opera / Ed. В. Niese. В., 1895, 1955г. Т. 6 (рус. пер.: *Иосиф Флавий. Иудейская война* / Пер. М. Финкельберг, А. Вдовиченко. М.; Иерусалим, 19992); I. 21; *Flavii Iosephi. Antiquitates Iudaicae // Flavii Iosephi. Opera* / Ed. В. Niese. В., 1887, 1885, 1892, 1890. 4 т. 1955г) (рус. пер.: *Иосиф Флавий. Иудейские древности* / Пер. Г. Г. Генкель. М., 1996. В 2 т.). XV. 11.

Julian, the Apostate, Emperor of Rome [Flavius Claudius Iulianus Augustus]. *Les Césars. Le Misopogon. Lettres choisies. Fable allégorique.* [The last extracted from the speech addressed to the Cynic Heraclius. Translated, with commentaries, by the Abbé de La Bleéterie / La Bleéterie (J. P. R. de) *Histoire de l'empereur Jovien et traductions de quelques ouvrages de l'empereur Julien.* 1748.

В Вулгате: «Juxta palatium Achab regis Samariae». (3 Цар. 21: 1).

Epiphanius Scr. Eccl. De prophetarum vita et obitu (recensio prior) [Sp.], ed. T. Schermann, Prophetarum vitae fabulosae. Lpz.: Teubner, 1907: Vita Ierem.

Eusebius Caesariensis. Onomasticon / Hrsg. E. Klostermann // Werke.
Lpz., 1904. Bd. 3. Tl.1. S. 2–176. (GCS; 11.1). Ad. voc. Hivena.

Josephus Flavius. De bello Iudaico, I–VII // Flavii Iosephi. Opera / Ed. V. Niese. В., 1895, 1955 г. Т. 6 (рус. пер.: *Иосиф Флавий. Иудейская война* / Пер. М. Финкельберг, А. Вдовиченко. М.; Иерусалим, 19992). III. 4.

По переводу: *Счастье веры.*

Phocas, Joannes. Compendiaria Descriptio Castrorum et Urbium ab urbe Antiochio usque Hierosolymam nec non sacrorum locorum Syriae, Phoeniciae, et in Palaestina / Bollandius (J) and Henschenius (G) Acta Sanctorum, etc. Maii tom. 2. [1863, etc.]; *Renaldi Hadriani.* Palaestina ex monumentis veteribus illustrata. L. P. 2 tom. Tajeeti Batavorum, 1714. P. 904.

Quaresmius, Franciscus. Historica Theologica et Moralis Terrae Sanctae Elucidatio: in qua pleraque ad veterem et praesentem ejusdem Ferrae statum spectentia... 2 tom. Antverpiae, 1639. II. 830.

См. собственный рассказ его: *Quaresmius, Franciscus*. *Historica Theologica et Moralis Terrae Sanctae Elucidatio: in qua pleraque ad veterem et praesentem ejusdem Ferrae statum spectentia...* 2 tom. Antverpiae, 1639. II. 837–839.

Tradictio (sic) continua est, et nunquam interrupta apud omnes nationes Orientales, hanc petram dictam Mensa Christi, illam ipsam esse, supra quam Dominus noster Jesu Christus cum suis comedit discipulis ante et post suam Resurrectionem a mortuis». Этого бы достаточно; но вот что прибавлено: «Et S-ta Romana Ecclesia indulgentiam concessit VII annorum et totidem quadragenorum omnibus Christi fi delium, hunc sanctum locum visitantibus, recitanto saltern ibi unum Pater et Ave, dummodo sit in statu gratiae. (И святая Римская церковь дала индульгенцию на семь лет и столько же четырехдесятниц всем верным христианам, посещающим это святое место, с чтением там лишь одного Отче наш и Аве Мария, пока человек находится в состоянии благодати)».

Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio / Ed. I. D. Mansi.
Florentiae; Venetiae, 1759–1769. Graz, 1960 τ. 31 τ. *Ραλλης Γ., Ποτλης Μ.*
Συνταγμα των Θεϊων και ιερων κανονων 'Αθηναι, 1852–1854 (6 τ.). IV
Constant. Synod. Can. 83.

Monumenta Germaniae Historica inde ab.a.c.500 usque ad a.1500: Indices v.o.Holder-Egger u. K. Zeumer/ Ed. Soc. aperiendis font. rerum Germ. Medii aevi. Hannover; B., 1826-. Epist. Bd. 3.; *Quaresmius, Franciscus*. Historica Theologica et Moralis Terrae Sanctae Elucidatio: in qua pleraque ad veterem et praesentem ejusdem Ferrae statum spectentia... 2 torn. Antverpiae, 1639. II. 232; Expositio fi dei orthodoxa // PG. 94. Col. 781–1228 (рус. пер.: *Иоанн Дамаскин*, прп. Точное изложение православной веры. СПб., 1894. М.; Р./Д., 1992р); *Nicephori Gregorae*. Byzantina Historia / Ed. L. Schopen. Bonn, 1829–1830. 2 vol. 1.2. с 7. Архидиакон Pamelius (Apologeticus adversus gentes // PL. 1. Col. 257–536 (рус. пер.: *Тертуллиан*. Апология, или защищение христиан против язычников // Творения / Пер. Е. Карнеева. СПб., 1847. Ч. 1. С. 1–105). Сар. 12;) говорит, что в Ватиканской библиотеке существует рассказ о нерукотворном образе Спасителя, присланном в Рим в царствование Тиверия. Он сам читал эту историю: *graviter conscripta et antiquissimis characteribus*.

Euseb. *ibid.*

Adamnan, Saint, Abbot of Hy. Adamnani de locis sanctis libri tres.
Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum 39. 1850.1. II.

Επιφανίου Παναρίων = *κατα αρεσεων* / Ed. W. Dindorf. Bonn, 1852–1862. T. 1–5; PG. 41–43. 1.

Hodoeporicon S. Willibaldi oder S. Willibalds Pilgerreise, geschrieben von der Heidenheimer Nonne. Uebersetzt und erläutert von J. Bruckl. Programm, etc. Lat. & Germ. Eichstätt, 1880.

Hodoeporicon S. Willibaldi oder S. Willibalds Pilgerreise, geschrieben von der Heidenheimer Nonne. Uebersetzt und erläutert von J. Bruckl. Programm, etc. Lat. & Germ. Eichstätt, 1880.

Мы означаем подробно все расстояния, потому что топография этих мест мало исследована.

Renaldi Hadriani. Palaestina ex monumentis veteribus illustrata. L. P.
2 tom. Tajeeti Batavorum, 1714. 653.

Weiland, Carl Ferdinand; Ackermann, Constantin. Bibel-Atlas.
Weimar, 1832. № 83.

Renaldi Hadriani Palaestina ex monumentis veteribus illustrata. L. P.
2 tom. Tajeeti Bata vorum, 1714. 161.

Eusebius Caesariensis. Praeparatio evangelica // PG. 21. Col. 21–1408.
IX. 25, 2.

Renaldi Hadriani Palaestina ex monumentis veteribus illustrata. L. P. 2 tom. Tajeſti Batavorum, 1714; P. 266; Incipit historia rerum in partibus transmarinuis gearum a tempore ſuſſorum mahumeth uſque ad annum domini NCLXXXIV edita a venerabili Guillelmo Tyrenſi Archiepiſcopo // PL. T. 201. Col. 209–891. XXII. 25 и 20.

Renaldi Hadriani. Palaestina ex monumentis veteribus illustrata. L. P.
2 tom. Tajeeti Batavorum, 1714. 683.

Johannis Buxtorfi i. Thesaurus grammaticus linguae sanctae hebraicae... Adjecta Poeseos hebraicae accurata tractatio; lectionis rabbinicae solida instructio, lectionis hebraeo-germanicae usus et exercitatio. Impensis L. Regis: Basilea, 1620. 16.

Свидетельство Флавия есть самое достоверное. Я читаю с *Эгезипом*: 140, а не 100 стад., как некоторые читают; по моему предположению, этот счет вернее.

Sozomen. Historia ecclesiastica // PG. 67. Col. 843–1630 (рус. пер.: Созомен. Церковная история. СПб., 1851). V. 20; *Cassiodori Chronica: (Historia tripartita)* / Hrsg. T. Mommsen. B., 1894. S. 120–161. (MGH AA; 11). 6. 41; *Nicephori Gregorae Byzantina Historia* / Ed. L. Schopen. Bonn, 1829–1830. 2 vol. X. 30.

Flavii Iosephi. Antiquitates Iudaicae // Flavii Iosephi Opera / Ed. В. Niese. В., 1887, 1885, 1892, 1890. 4 т. 1955г) (рус. пер.: Иосиф Флавий. Иудейские древности / Пер. Г. Г. Генкель. М., 1996. 2 т.). XVIII.

Renaldi Hadriani. Palaestina ex monumentis veteribus illustrata. L. P.
2 tom. Tajeeti Batavorum, 1714. 722.

Плиний распределяет следующим образом Декаполию: «Дамаск (?), Филадельфия (Рабба-Амман), Рафана, Скифополь, Гадара, Гиппон, Дион, Пелла. Хераза и Канафа», все, кроме Скифополя, по ту сторону Иордана.

Flavii Iosephi. Antiquitates Iudaicae // Flavii Iosephi. Opera / Ed. В. Niese. В., 1887, 1885, 1892, 1890. 4 т. 1955г) (рус. пер.: Иосиф Флавий. Иудейские древности / Пер. Г. Г. Генкель. М., 1996. 2 т.). XVIII.

Renaldi Hadriani. Palaestina ex monumentis veteribus illustrata. L. P. 2 tom. Tajecti Batavorum, 1714. 1037;, но в Талмуде сказано, что Тивериада существовала со дней Иисуса Навина, что она называлась тогда *Раккет* или *Рекав* (Иис. Нав. XIX. 55) и была ограждена стенами. – *Johannis Buxtorfii Thesaurus grammaticus linguae sanctae hebraicae... Adjecta Poeseos hebraicae accurata tractatio; lectionis rabbinicae solida instructio, lectionis hebraeo-germanicae usus et exercitatio. Impensis L. Regis: Basilea, 1620. 21–22.*

Nicephori Gregorae Byzantina Historia / Ed. L. Schopen. Bonn, 1829–1830. 2 vol. VIII. 50.

Bonifatius Stephanus Ragusinus: Liber de perenni cultu Terrae Sanctae et de fructuoso eius peregrinatione. Venetiis, 1573. S. II.

Procopii Caesariensis de Justiniani Imp. aedificiis libri sex. Parisiis,
1537. 1. V. 9.

Johannis Buxtorfi i Thesaurus grammaticus linguae sanctae hebraicae... Adjecta Poeseos hebraicae accurata tractatio; lectionis rabbinicae solida instructio, lectionis hebraeogermanicae usus et exercitatio. Impensis L. Regis: Basilea, 1620. P. 6.

Johannis Buxtorfi i Thesaurus grammaticus linguae sanctae hebraicae... Adjecta Poeseos hebraicae accurata tractatio; lectionis rabbinicae solida instructio, lectionis hebraeo-germanicae usus et exercitatio. Impensis L. Regis: Basilea, 1620. P. 8–9.

Scaliger, Joseph Juste. De Aethiopibus nonnulla ex J. Scaligeri lib. VII. de emendatione temporum. Boemus (J) Aubanus. Mores, leges et ritus omnium gentium, etc. 1604.

S. Eriphanii Panarion = κατα αρεσεων / Ed. W. Dindorf. Bonn, 1852–1862. T. 1–5; PG. 41–43. 1.

Josephus Flavius. De bello Iudaico, I–VII // Flavii Iosephi. Opera / Ed. V. Niese. В., 1895, 1955г. Т. 6 (рус. пер.: *Иосиф Флавий. Иудейская война* / Пер. М. Финкельберг, А. Вдовиченко. М.; Иерусалим, 19992). III. 10. 9.

Фока, монах XII века, говорит о *Кане* между *Сефориєю* и *Назаретом*. Хотя действительно есть на этой дороге деревня сего имени, но это *Кана*, о которой говорит Ис. Нав. (XIX. 28); та, о которой мы теперь говорим, утверждена всеми преданиями за *Кану* Евангельскую. В различие от первой, она называется арабами *Кефер-Кана*.

Quaresmius, Franciscus. Historica Theologica et Moralis Terrae Sanctae Elucidatio: in qua pleraque ad veterem et praesentem ejusdem Ferrae statum spectentia... 2 tom. Antverpiae, 1639. II. 854.

Josephus vita // *Flavii Josephi Opera* / Hrsg. B. Niese. B., 1890, 1955 (repr). Bd. 4. S. 321–389. 45.

Itinerarium Burdigalense // Palaestinae descriptiones ex saeculo IV, V et VI / Hrsg. T. Tobler. St. Gallen, 1869 (рус. пер.: Бордосский путник 333 г. // ППС. 1882. Т. 1, вып. 2. (Вып. 2)). X.

Jerusalem, et suburbia eius, sicut tempore Christi floruit, cum locis, in quibus Christ' passus est: quae religiose Christianis observata, etiam nunc venerationi habentur, descripta per C. Adrichom Delphum. 1584. Coloniae Agrippinae Publisher: in Officina Birckmannica, sumptibus Arnoldi Mylij, 1593. 339.

Iamblichi de Vita Pythagorica liber. Ad fidem Codicis Florentini recensuit. Petropoli, 1884.

P. Cornelii Tacit i. Libri qui supersunt / Ed. E. Koestermann. Lipsiae, 1961. T. 2. Fasc. 1 (рус. пер.: *Корнелий Тацит. Соч.: В 2 т. Т. 2: История* / Пер. Г. С. Кнабе. М., 1969). II. 78.

S. Suetonius Tranquillus. Vespasianus // *S. Suetoni Tranquilli Opera* / Ed. M. Ihm. Lipsiae, 1907. Vol. 1: *De vita Caesarum. Lib. VII* (рус. пер.: *Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей* / Пер. М. Л. Гаспарова. М., 1966. С. 195–204). V; *Cornelii Taciti. Libri qui supersunt* / Ed. E. Koestermann. Lipsiae, 1961. Т. 2. Fasc. 1 (рус. пер.: *Корнелий Тацит. Соч.: В 2 т. Т. 2: История* / Пер. Г. С. Кнабе. М., 1969). Ibid.

Myller A. M. Peregrinus in Jerusalem. Wienn and Nürnberg, 1735. P. 98.

Michaud Joseph François. Correspondance d'Orient 1830–1831. Par M. Michaud et M. Poujoulat. 7 tom. Paris, 1833–1835.

Renaldi Hadriani Palaestina ex monumentis veteribus illustrata. L. P. 2 tom. Tajeſti Batavorum, 1714. 327; *Bochart Samuel*. Samuelis Bocharti Animadverſionenis ad Hannonis Periplum, ex parte altera Geographiae ſacrae. 1674.

Jac. de Vituiaco Hist. Hiero (отождествить не удалось. – *Примеч. ред.*).

Iacobi Brocardi libri duo: alter ad Christianos de prophetia, quae nunc compleatur in his, quae sunt secundi aduentus Domini: alter ad Hebraeos de primo, et secundo eiusdem aduentu, etc. Lugduni Batauorum, 1581; *Iacobi Brocardi* Mystica et prophetica libri Geneseos interpretatio... emendatior, et. auctior, etc. Bremae, 1585 (на какое из двух произведений ссылка, отождествить не удалось). 6; Aus Bernhard von Breydenbachs Reisebuch Sanctae Peregrinationes, gedruckt in Mainz 1486. 178.

Chronologie d'Herodote, conforme à son texte. Supplément à l'Herodote de Larcher, etc. Paris, 1808. III. 64 и 108.

Scholastica historia Magistri Petri comestoris sacre scripture seriem breuem nimis et exposita exponentis. M. Wensler: Basilee, 1486. c. XXVIII.

См. также: *Plinius Secundus derAeltere. Naturalis historia* / Hrsg. R. Koenig. Munch., 1973–1996. 37 Bde (рус. пер.: *Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве* / Пер. с лат., предисл. и примеч. Г. А. Тароняна. М., 1994). XXXVI. 26; *P. Cornelii Taciti. Libri qui supersunt* / Ed. E. Koestermann. Lipsiae, 1961. T. 2. Fasc. 1 (рус. пер.: *Корнелий Тацит. Соч.: В 2 т. Т. 2: История* / Пер. Г. С. Кнабе. М., 1969). V.

Josephus Flavius. De bello Iudaico, I–VII // Flavii Iosephi Opera / Ed. V. Niese. В., 1895, 1955г. Т. 6 (рус. пер.: Иосиф Флавий. Иудейская война / Пер. М. Финкельберг, А. Вдовиченко. М.; Иерусалим, 1992). II. 9.

Renaldi Hadriani Palaestina ex monumentis veteribus illustrata. L. P.
2 tom. Tajeeti Batavorum, 1714. 537.

Suidas Lexicon / Hrsg. A.Adler. Lpz., 1928–1938. 5 t.

Quaresmius, Franciscus. Historica Theologica et Moralis Terrae Sanctae Elucidatio: in qua pleraque ad veterem et praesentem ejusdem Ferrae statum spectentia... 2 tom. Antverpiae, 1639. II. 897.

Renaldi Hadriani Palaestina ex monumentis veteribus illustrata. L. P.
2 tom. Tajeeti Batavorum, 1714. 1021.

Реланд называет его: *Urbs Palestinae primae Episcopatu insignis* (р. 1021).

Renaldi Hadriani Palaestina ex monumentis veteribus illustrata. L. P.
2 tom. Tajeeti Batavorum, 1714. 1063.

Plutarchos. Vitae parallelae / Rec. C. Sintenis. Lpz., 1873 (рус. пер.: *Плутарх. Избранные жизнеописания*. М., 1987. 2 т). In Alex. 32; *Renaldi Hadriani Palaestina ex monumentis veteribus illustrata*. L. P. 2 tom. Tajeeti Batavorum, 1714. 918. Мы будем иметь случай говорить об этом месте ниже.

Там же сказано, что эта гора называлась иногда Сионом (IV. 48).

См. ученое толкование на этот стих в записках на Кн. Быт; также: Tractatus super Psalmos, etc. // Corpus scriptorum ecclesiasticorum. Vol. 22. S. Hilarii Pictavensis Opera. 1891. in Psalm 133; *Renaldi Hadriani Palaestina ex monumentis veteribus illustrata*. L. P. 2 tom. Tajeeti Batavorum, 1714. 323.

Сур, Тир.

Пергам? Троя.

Между Алепом и Дамаском.

Strabonis Geographica / Ed. A. Meineke. 3 vol. Lpz., 1877. Graz, 1969r (рус. пер.: *Страбон. География*, в 17 кн. М., 1964, 1994р). XVI.

Strabonis Geographica / Ed. A. Meineke. 3 vol. Lpz., 1877. Graz, 1969r (рус. пер.: *Страбон. География*, в 17 кн. М., 1964, 1994р). VIII. 2.

См. в: *Flavii Iosephi Antiquitates Iudaicae // Flavii Iosephi Opera* / Ed. В. Niese. В., 1887, 1885, 1892, 1890. 4 т. 1955г) (рус. пер.: *Иосиф Флавий. Иудейские древности* / Пер. Г. Г. Генкель. М., 1996. 2 т).

Tyrus tota insula est. XVI.

Plinius Secundus der Aeltere. Naturalis historia / Hrsg. R. Koenig. Munch., 1973–1996. 37 Bde (рус. пер.: *Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве* / Пер. с лат., предисл. и примеч. Г. А. Тароняна. М., 1994. V. 19.

Bochart Samuel. Samuelis Bocharti Animadversionenis ad Hannonis Periplum, ex parte altera Geographiae sacrae. 1674. I. 40.

Strabonis Geographica / Ed. A. Meineke. 3 vol. Lpz., 1877. Graz, 1969r (рус. пер.: *Страбон. География*, в 17 кн. М., 1964, 1994р). III.

Bochart Samuel. Samuelis Bocharti Animadversionenis ad Hannonis Periplum, ex parte altera Geographiae sacrae. 1674. Замечательно, что финикийское слово *гезират* (остров) имеет то же значение по-арабски.

Renaldi Hadriani Palaestina ex monumentis veteribus illustrata. L. P.
2 tom. Tajeeti Batavorum, 1714. P. 290, 985.

Strabonis Geographica / Ed. A. Meineke. 3 vol. Lpz., 1877. Graz, 1969r (рус. пер.: *Страбон. География*, в 17 кн. М., 1964, 1994р). XVI.

Strabonis Geographica / Ed. A. Meineke. 3 vol. Lpz., 1877. Graz, 1969r (рус. пер.: *Страбон. География*, в 17 кн. М., 1964, 1994р).

Periplus Scylacis Caryandensis, cum tralatione, et castigationibus I. Vossii. Accedit Anonymi Periplus Ponti Euxini e Bibliotheca C. Salmasii. Cum ejusdem I. Vossii versione ac notis. Gr. et Lat. Amsterdam, 1639. IV.

Нар Пгеия у Покока. На карте Арровсмита: Нар-Эль-Захрани. У Пужула: Нар Носей?

М. Юний Юстин. Эпитома: Соч. Помпея Трога «Historiae philippicae» / Пер. А. А. Девонский, М. И. Рижский // ВДИ. 1954. № 2–4; 1955. № 1. (Изд.: *M. Iuniani Iustini Epitoma Historiarum Philippicarum Pompei Trogi* / Ed F. Rühl, O. Seel. Lipsiae, 1935). XVIII. 3.

Bochart Samuel. Samuelis Bocharti Animadversionenis ad Hannonis Periplum, ex parte altera Geographiae sacrae. 1674. P. 797. edit. in. 40.

Bochart Samuel. Samuelis Bocharti Animadversionenis ad Hannonis Periplum, ex parte altera Geographiae sacrae. 1674.

Strabonis Geographica / Ed. A. Meineke. 3 vol. Lpz., 1877. Graz, 1969r (рус. пер.: *Страбон. География*, в 17 кн. М., 1964, 1994р). XVI.

Guilelmus, Archbishop of Tyre; Herold, Johann; Braun, Konrad. Historia Belli Sacri. De Bello sacro continuatae Historiae libri VI commentariis rerum Syriacarum Guilhelmi Tyrensis... ad nostra us[que] tempora. [bound with] Basel: Nicolaus Brylinger, 1564. IV. 8.

Bochart Samuel. Samuelis Bocharti Animadversionenis ad Hannonis Periplum, ex parte altera Geographiae sacrae. 1674. 343.

А. С. Норов. Биографический очерк, читанный в торжественном собрании Академии наук 29 декабря ординарным академиком А. В. Никитенко // Санкт-Петербургские ведомости. № 22 от 22 января 1870 г.

Лисовой Н. Н. А. Н. Муравьев и его книга «Путешествие ко святым местам в 1830 году» // Муравьев Андрей Николаевич. Путешествие ко святым местам в 1830 году. М., 2007. С.10.

Впрочем, следующее переиздание вышло только в 2006 г. в «Индрике» в серии «Восточнохристианский мир». До этого в 1995 г. «Школа Пресс» издала существенно сокращенный текст муравьевского «Путешествия» в сб. «Святые места вблизи и вдали. Путевые заметки русских писателей. 1 половина XIX века».

Стурдза А. С. Беседа любителей русского слова и Арзамас в царствование Александра I. И мои воспоминания // Арзамас. Сб. В 2 кн. Кн. 1. М., 1994. С. 58.

Татищев С. С. Внешняя политика императора Николая I. СПб., 1887. С. 137.

«Путешествие во Святый град Иерусалим Патриаршего Иерусалимского монастыря монаха Серапиона, именовавшегося прежде пострижения Стефаном» недавно опубликовано Е. Л. Румановской в «Индрике». См.: Румановская Е. Л. Два путешествия в Иерусалим в 1830–1831 и 1861 гг. М., 2006.

Хитрово В. Н. Египет и Синай. Библиографический указатель русских книг и статей о святых местах Востока, преимущественно палестинских и синайских. СПб., 1876. С. 46–47.

Беляев Л. А. «Религиозная археология» в русской и зарубежной исторической науке // Православный палестинский сборник. Вып. 100. М., 2003. С. 11.

225

Там же.

См. об этом, напр.: Гуминский В. М. Гоголь, Александр I и Наполеон // Наполеон. Легенда и реальность: Материалы научных конференций и наполеоновских чтений. 1996–1998. М., 2003.